СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора), В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов, И. Г. Ямпольский

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Вступительная статья Д. С. Лихачева

Составление и подготовка текстов
Л. А. Дмитриева *и* Д. С. Лихачева

Примечания
О. В. Творогова *и* Л. А. Дмитриева

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1967

Р 1
С 48

«Слово о полку Игореве» — величайший памятник русской литературы XII века — неизменно пользуется большой любовью читателей. Новое издание «Слова» ставит своей задачей дать исчерпывающее представление о последних достижениях в его изучении. В книге публикуется древнерусский текст «Слова» и перевод его на современный русский язык, а также наиболее интересные в художественном отношении поэтические переводы «Слова» с конца XVIII века до наших дней и созданные по его мотивам самостоятельные поэтические произведения.

В книгу включены тексты «Слова о погибели Русской земли» и «Задонщины» — произведений XIII—XIV веков, созданных под непосредственным воздействием «Слова о полку Игореве», и их переводы на современный русский язык.

7-4-2
392-67

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА

О «Слове о полку Игореве» существует огромная литература. И тем не менее, приступая к статье о нем, всегда есть возможность сказать что-то иное — не то, что уже писалось. Этот памятник вечно свеж. Каждая эпоха находит в нем новое и свое. Это предназначение подлинных произведений искусства: они говорят новое новому, и они всегда современны.

1

Период феодальной раздробленности нес в себе трагедию личности, принужденной следовать губительной для Руси новой системе. Это была трагедия лучших представителей феодального класса — трагедия конфликта между их благими субъективными намерениями и печальными для народа последствиями, к которым эти намерения приводили.

Князья воевали друг с другом. В каждом отдельном случае им казалось, что они воюют за справедливость, за восстановление попранных прав — своих или близких им князей. Они воевали за соблюдение принципов, казавшихся им незыблемыми и законными. На деле же они разоряли страну, города, села, «несли ро́зно» Русскую землю. Они призывали себе на помощь половцев, которые были одновременно и постоянными союзниками и постоянными злейшими врагами Руси. Князьям казалось, что их благие цели оправдывают любые средства. На деле же оказывалось, что цель оставалась все равно недостигнутой, а «средства» приводили к наихудшим из возможных результатов. Призванные на Русь половцы не столько помогали восстановить справедливость, сколько грабили, разживались

добычей, забирали пленников и, скорые на призыв, медленно и нехотя, отягощенные захваченным добром, уходили к родным кочевьям.

Справедливость манила князей. Казалось, вот-вот она будет восстановлена, но братоубийственные войны за нее приводили к новым, еще худшим несправедливостям. И чем ближе иногда казалось ее достижение, тем дальше на самом деле она оказывалась в действительности.

В чем же состояли эти идеи справедливости, под знаком восстановления которых прошла одна из самых кровавых эпох русской истории — эпоха феодальной раздробленности?

Начавшееся еще в X веке феодальное дробление Руси было связано со стремлением каждой экономически развивающейся области Руси утвердить свою самостоятельность. Страна переживала быстрый экономический и политический рост своих княжеств при недостаточности их экономических и политических связей между собой. Князь и церковь пытались восполнить слабость экономических и политических связей созданием союзов, взаимными умиротворениями и крестоцелованиями, призывами к соблюдению единства, идейной и литературной пропагандой необходимости единения и твердой обороны Руси.

Конец XI и начало XII века отмечены полосой княжеских съездов. На съезде в Любече князья торжественно провозглашают основной принцип княжеского управления Русской землей: «кождо да держит отчину свою», то есть «пусть каждый владеет княжеством отцов». Во имя соблюдения этого принципа тотчас же началась волна новых кровавых преступлений князей и междоусобных войн. В эти войны был втянут и самый совестливый князь древней Руси — Владимир Мономах.

Мономах был деятельным сторонником того политического принципа феодальной раздробленности, во имя которого велись в это время все феодальные войны: «кождо да держит отчину свою». Пропаганде этого принципа он посвящает все свои сочинения, ради его утверждения он поддерживает культ братьев-мучеников Бориса и Глеба, погибших от руки своего старшего брата Святополка, ради него он поощряет летописание, литературную деятельность монастырей, стремится личным примером заставить князей не только воевать за него, но и великодушно отказываться от завоеванного.

В своеобразном собрании сочинений Мономаха, донесенном до нас Лаврентьевской летописью, включены его «Поучение» к братии, летопись его походов и охот, письмо Мономаха к его врагу Олегу Святославичу и сочиненная Мономахом молитва о целостности Русской земли. Из этих сочинений Мономаха особенно поразительно

письмо его к Олегу Святославичу — Гориславичу «Слова о полку Игореве». Мономах наголову разбил своего заклятого врага и убийцу своего любимого сына Изяслава, изгнал его за пределы Русской земли, и вот, вместо того чтобы торжествовать победу и насладиться местью, он пишет этому врагу и убийце письмо, от начала и до конца выдержанное в тоне примирения. Он не только прощает Олегу смерть любимого сына, — он предлагает ему вернуться в Русскую землю и принять в управление полагающуюся ему «отчину». Это письмо поразительно! Оно свидетельствует о высокой этической культуре не только Мономаха, но и его времени. Во имя верности вновь провозглашенному принципу справедливости («кождо да держит отчину свою») Мономах смиренно склоняется перед побежденным им врагом.

Совесть государственного деятеля, совесть князя, который воочию убеждается, что его деятельность приводит к результатам, противоположным тем, к которым он стремится, — это то самое, что бросило и героя «Слова о полку Игореве», князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Святославича в его безумно смелый поход. С небольшим русским войском Игорь пошел навстречу верному поражению во имя служения Русской земле, побуждаемый к тому своей проснувшейся совестью одного из самых беспокойных и задиристых князей своего времени. Трагичность этого похода и привлекла, очевидно, к нему внимание автора «Слова о полку Игореве».

Обстоятельства, побудившие Игоря Святославича выступить в поход, были следующие.

С 70-х годов XII века половцы усиливают нажим на южные и юго-восточные окраины Руси. Страх, который внушили половцам своими глубокими степными походами Владимир Мономах и его сын Мстислав Великий, прошел. Половцы снова тревожат Русь беспрерывными набегами. Начинается, по выражению летописца, «рать без перерыва».

Натиск половцев разбивается об ответные походы русских, однако после ряда поражений половцы объединяются под властью хана Кончака. Кончак пытается отомстить киевским князьям за поражения своего деда — Шарукана, разбитого Мономахом в 1107 году, и своего отца — хана Отрока, изгнанного Мономахом из Половецкой земли в «Обезы» (в Абхазию). Половецкие войска получают единую организацию и хорошее вооружение. В их армии появляются и «греческий огонь», которым стрелял какой-то «бесурманин» (магометанин), и огромные, передвигавшиеся «на возу высоком» луки-самострелы, тетиву которых едва натягивало более 50 человек.

Разъединенные раздорами русские княжества лицом к лицу столкнулись с сильным и, главное, единым войском кочевников. Под влиянием этой половецкой опасности (как впоследствии под влиянием опасности татарской) зреют идеи необходимости единения, находящие себе отчасти выражение и в реальной политической жизни, несмотря на почти полную утрату единства экономических интересов, поддерживавших когда-то — в XI веке — объединительную политику Киева. Идеи эти находят теперь деятельную поддержку в среде князей. Действительно, в 80-х годах XII века делается попытка примирения ольговичей и мономаховичей.

Сами ольговичи на время рвут со своей традиционной политикой союза со степью; порывает с ней и герой «Слова о полку Игореве» — «ольгович» Игорь Святославич Новгород-Северский. Вначале Игорь — типичный ольгович в своей политической деятельности. Он выступает и против половцев (как в 1174 году), и в союзе с половцами. Он принимает деятельное участие в феодальных усобицах и, казалось, мало заботится о защите Русской земли от ее исконных врагов. Еще в 1180 году половцы деятельно помогают Игорю Святославичу. Наголову разбитый Рюриком Ростиславичем Киевским у Долобска вместе с его союзниками-половцами, Игорь Святославич едва спасся в лодке вместе со своим будущим злейшим врагом, а пока что союзником, ханом Кончаком, успев уплыть от преследования киевского князя на Городец к Чернигову. Характерно, что поражение Игоря Святославича и всех ольговичей киевский летописец рассматривает как поражение половцев: «И тако поможе бог Руси, и возвратишася во свояси, и приемше от бога на поганыя победу» (Ипатьевская летопись под 1180 г.).

Рюрик Ростиславич был незаурядный политик; это был деятельный и умный князь, оказывавший покровительство летописанию и искусствам. Одержав победу над ольговичами, Рюрик своеобразно воспользовался ее плодами. По-видимому, он не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы удержать в своей власти Киев. Он оставил на великом княжении Киевском главу ольговичей — Святослава Всеволодовича, а себе взял все остальные города Киевской области. Благодаря этому он держал Святослава в подчинении, а через Святослава мог оказывать влияние и на всех остальных ольговичей, находившихся в вассальной зависимости от Святослава. Вместе с тем Киев был уступлен Рюриком Святославу на условиях, о которых мы можем догадываться: по-видимому, Святослав обязался отказаться от союза с половцами и условился действовать против них в согласии со всеми русскими князьями. Во всяком случае в ближайшие годы Рюрику и Святославу удается широко организо-

вать союзные отношения русских князей в отпор усилившемуся нажиму степи.

Политика главы ольговичей Святослава сказалась и на политике Игоря Святославича. Прямодушный и честный Игорь решительно рвет со своими прежними союзниками. Он становится их яростным противником.

Несмотря на то, что политика ольговичей претерпела резкие изменения еще с самого начала 80-х годов, Игорю Святославичу не сразу пришлось участвовать в походе против своего бывшего союзника — Кончака. В 1184 году объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича половцы были разбиты. Захвачены были военные машины, отбиты пленные, попал в плен сам хан Кобяк и «бесурменин», стрелявший «живым огнем». Половцы были устрашены, и опасность, казалось бы, надолго устранена от Русской земли. Однако Игорь Святославич не смог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной, и гололедица помешала конному войску Игоря Святославича подоспеть вовремя. Когда Игорь, несмотря ни на что, хотел все же идти на соединение с Святославом Всеволодовичем, дружина сказала ему: «Княже! потьскы (по-птичьи) не можешь перелетети; се приехал к тобе мужь от Святослава в четверг, а сам идеть в неделю (в воскресенье) ис Кыева, то како можеши, княже, постигнути?»

По-видимому, Игорь Святославич тяжело переживал эту неудачу: ему не удалось участвовать в победе, ему не удалось доказать своей преданности союзу русских князей против половцев. Больше того: его могли подозревать в умышленном уклонении от участия в походе против своего бывшего союзника Кончака. Вот почему в следующем, 1185 году Игорь, очертя голову, «не сдержав юности», бросается в поход против половцев.

Окрыленный предшествующими победами Святослава, он ставит себе безумно смелую задачу — с немногими собственными силами «поискать» старую черниговскую Тмуторокань, когда-то подвластную его деду Олегу Святославичу (Гориславичу); он решается дойти до берегов Черного моря, почти сто лет закрытого уже для Руси половцами. Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой — общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам — свидетелям его позора, муки страдающего самолюбия — все это двигало им в походе. В этой сложной подоплеке — черты особого трагизма несчастного похода Игоря Святославича, — трагизма, приковавшего к нему внимание не только автора «Слова», но и летописцев, составивших о нем в разных концах Русской земли свои повести — самые обширные и, может

быть, самые живые из всех повестей о степных походах русских князей.

Представим себе обстановку этого похода. Огромная, бескрайняя, поросшая буйной весенней травой дикая степь. Бесконечные отлогие спуски к далеким рекам. Скрытые от глаз кустарники и рощи по оврагам. Со всех сторон опасность: степь принадлежит тем, кто в ней кочует, кто идет весной с юга от зимовий на богатые северные пастбища и на села и города русских, чтобы захватить детей, женщин, мужчин, поживиться золотом, мехами, тканями, оружием. Степняки объединены, сплочены, у них быстрые кони. Воюя, они движутся всем народом: их жены и дети в походных войлочных домах на телегах. Это страшный враг, ужас и проклятие Руси.

Медленно движется в этой «незнаемой стране», в «диком поле» небольшое войско новгород-северского князя Игоря Святославича и его немногих союзников. Они идут уже давно, идут навстречу врагу. Это небольшой движущийся островок Русской земли [1]. Со всех сторон — с фронта, с флангов и с тыла — войско окружено таинственной и враждебной неизвестностью. Высылаемая вперед разведка не может принести надежных вестей о передвижениях быстрого степного врага. Каждый день пути увеличивает опасность.

Воины помнят о грозном предзнаменовании — солнечном затмении 1 мая, застигшем их в самом начале похода у берегов Оскола. Увидев затмение и тьму, прикрывшую его воинов, Игорь Святославич сказал тогда боярам своим и дружине: «Видите ли, что есть знамение се?» Те опустили головы и сказали: «Княже! се есть не добро знамение се». Игорь ответил: «Братья и дружино! Тайны божия никто же не весть, а знамению творець бог и всему миру своему. А нам что створить бог, — или на добро, или на наше зло, — а то же нам видити». Иными словами: мы сами увидим нашу судьбу, и нечего о ней думать раньше времени.

Войско идет, сопровождаемое зловещим вниманием хищников, следующих по пятам за войском и ждущих добычи на полях будущих сражений. Люди и звери, ожидающие их гибели, идут вместе всё дальше на юг. Во время ночевок многим не спится. Короткие переходы от дня к ночи и от ночи к утру кажутся томительно длинными. Долго догорают зори. Долго стихает ночной щекот соловьев, за ним просыпается утренний говор галок. В темноте и опасности слух обостряется до крайности. Кажется, слышен скрип половецких телег, двигающихся навстречу русским.

---

[1] Русской землей в те времена называли не только Русскую страну, но и русский народ, русское войско.

Когда высланная вперед разведка донесла, что захватить половцев врасплох не удалось, что половцы вооружены и готовы к бою, Игорь не поворотил коней и не стал уверять своих воинов в близкой победе. Он сказал: «Оже ны будеть не бившися возворотитися, то сором ны будеть пуще и смерти, — но како ны бог дасть». Перед первой битвой Игорь снова обратился к своим войскам с кратким словом: «Братья, сего есмы искале, а потягнемь». Поразительно, что Игорь ничего не сулит своим воинам и не ободряет их призраком победы. Он только обращается к их чувству чести, к их чувству долга и мужеству. Когда после первой легкой победы над передовыми отрядами половцев небольшое русское войско вскоре увидело, что оно собрало против себя «всю Половецкую землю», что оно окружено, что половецкие полки наступают со всех сторон «ак борове» (подобно лесу), и русские князья не знали — кому куда выступать со своими полками, Игорь снова ободрил своих: «Се ведаюче собрахом на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобица, и Колобича, и Етебича, и Терьтробича». Иными словами: мы знали, что делали, выступая в поход.

Чувство чести диктует и тактику боя. В войске Игоря были не только профессиональные воины-дружинники, но и крестьянское ополчение — «черные люди». Первые были на конях, вторые — пешие. Игорь приказал дружине спешиться, чтобы сражаться всем вместе, не опережая друг друга. Речь Игоря напоминает речи Владимира Мономаха своею заботой о черных людях. Он сказал: «Оже погибнемь, утечемь сами, а черные люди оставим, то от бога ны будеть грех, сих выдавше. Поидем, но или умремь, или живи будемь на единомь месте».

Наконец, в последнем акте развернувшейся трагедии, когда русские потерпели страшное поражение и раненный в руку Игорь был схвачен и связан, он мужественно принял вину на себя и в тяжелом раздумье о судьбах своего народа каялся в преступлениях, совершенных им против простых крестьян во время междоусобных войн. Летописец дважды вкладывает в уста Игоря Святославича покаянный счет своих княжеских преступлений. Его покаянные речи к самому себе ужасны. Он вспоминает, сколько убийств сотворил он в своих междоусобных войнах с другими русскими князьями, сколько пролил крови невинных, когда взял приступом Переяславль у князя Глеба Святославича, сколько тогда горя приняли люди, как дети были разлучены с отцами, брат с братом, друг с другом, дочери с матерями, подруги с подругами. «Помянух аз грехы своя пред господем богом моим, яко много убийство, кровопролитье створих в земле крестьянстей, яко же бо аз не пощадех хрестьян, но взях на

щит (т. е. приступом) город Глебов у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии хрестьани, отлучаеми отець от рожений (т. е. детей) своих, брат от брата, друг от друга своего, и жены от подружий своих, и дщери от материй своих, и подруга от подругы своея, и все смятено пленом и скорбью тогда бывшюю, живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святеи огнемь от жизни сея искушение приемши, старци поревахуться, уноты (юноши) же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресекаеми и разсекаеми бывають, жены же оскверняеми; и та вся сотворив аз, рече Игорь: недостойно ми бяшеть жити; и се ныне вижю отместье от Господа Бога моего». Ставя в непосредственную связь нынешнее свое поражение с междоусобицами прошлого, Игорь так вспоминал потери в битве: «Где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо рожения моего? где бояре думающеи, где мужи храборьствующеи, где ряд полъчный? где кони и оружья многоценьная?» Вторично кается Игорь, находясь в плену у своего бывшего союзника — хана Кончака.

Игорь был глубоко прав, объясняя свое поражение от половцев своими предшествующими междоусобными войнами с другими русскими князьями. Русским князьям не хватало единства в борьбе с врагом, они выступали против степи с немногими разрозненными силами. Враждовавшие между собой князья не могли сопротивляться страшному врагу Руси, объединившемуся тогда под властью хана Кончака.

Если бы была написана история совести, то покаяние Игоря нашло бы в ней свое большое место — наряду с покаянным письмом Мономаха своему врагу Олегу Святославичу.

Пленение Игоря было началом еще бóльших мук совести. Поражение Игоря возвратило его к прежнему союзнику — хану Кончаку и к прежним отношениям с половцами. Кончак поручился за Игоря тут же — на поле битвы. Игоря в плену окружают почести. Вокруг него — не то стража, не то слуги. К нему приставили пятнадцать сыновей лучших половецких людей и пять «господичичев». С ним было пять или шесть русских слуг, они ездили с ним на ястребиную охоту. Сторожа слушали Игоря и воздавали ему честь. Из Руси пригласили и попа «со святою службою». Сын Игоря женился на дочери Кончака. Враг стал сватом...

Только бегство из плена, «неславный путь» мог избавить Игоря от этого позорного почета. Об этом бегстве молит окружающую природу и его жена — Ярославна. Ярославна в «Слове о полку Игореве» — воплощение семьи, мира, языческого слияния с природой. Игорь бежит из плена, он возвращается не к войне, хотя она и не

заказана ему, а к миру, к Ярославне, к «странам» и «городам», радующимся его возвращению. Вслед за ним через некоторое время возвращается на родину и его сын Владимир с женой и прижитым в плену ребенком.

Есть в жизни Игоря еще одна неясная фигура, которая мелькает и в летописи, и в «Слове», но и тут и там остается загадочной, — это Овлур, или Лавор, как его еще называют: половец, помогший Игорю бежать из плена и сам вместе с ним ушедший из родных мест на Русь. Хочется поразмыслить над тем, что заставило его совершить этот поступок. Будем думать, что причиной тому была не корысть. О нем с уважением говорит и летопись, и «Слово». Не часто простой человек упоминается на страницах летописи, а простой половец — это едва ли не единственный случай. А если не корысть, то что же? Овлур не был ро́вней Игорю. Дружба с Овлуром не была поэтому для Игоря изменой, такой изменой, какой явилась его дружба с ханом Кончаком. И здесь необходимо еще вспомнить об изменившемся у Игоря отношении к простым людям. Мы помним, что во время сражения с половцами, когда последние окружили войско Игоря и Игорь должен был выбирать между спасением прорывом и общей гибелью вместе, Игорь избрал последнее: он приказал спешиться своей дружине, чтобы не покинуть пешее ополчение из смердов. Благородство не позволило ему бросить смердов в сражении. Схваченный, он кается в своих грехах и снова думает о простых жителях города Глебова, которым он причинил зло. Не эта ли переоценка своего отношения к простым людям привлекла к нему и Овлура?

Если Игорь был так же страстен в своем новом отношении к простым людям, как и в желании искупить свою вину перед родиной, то мы можем понять, почему Овлур так привязался к нему, что решил даже спасти его из плена и уйти с ним вместе на Русь.

Овлур и Игорь вместе скрывались в зарослях, вместе охотились. Князь и простой человек, русский и половец, один — бегущий на родину и другой — убегающий на чужбину! Одиночество всего войска в степи сменилось слиянием и единением с природой двух действительно одиноких людей, бегущих вместе. Победила идея. Поражение Игоря обернулось победой новой идеи...

2

Есть что-то общее в этом мужественном, прямом взгляде Игоря на свою прошлую деятельность и на действительность, о котором мы узнаем из летописей, с мужественностью и прямотой лучшего древ-

нерусского произведения, созданного об этом походе, — «Слова о полку Игореве».

В самом деле, величайшая патриотическая поэма древней Руси посвящена не одной из побед, которых немало знало русское оружие, а страшному поражению, в котором впервые за всю русскую историю князь оказался плененным, а войско почти совсем уничтоженным! Автор «Слова» смотрит в глаза опасности, смотрит в лицо суровой действительности, видит перед собой всю Русь, страдающую от вековых усобиц князей и опустошительных набегов половцев. Внутренне осуждает он и своего любимого героя Игоря Святославича.

Не случайно поводом для призыва князей к единению взято в «Слове» *поражение* русских князей. Тема поражения органически связана с темой призыва исправиться и постоять за Русскую землю. Вспомним церковные поучения XI—XIII веков. Они произносились в связи с общественными несчастиями — нашествиями иноплеменников, землетрясениями, недородами. Начиная от «Поучения о казнях божиих», помещенного в летописи под 1067 годом, и кончая поучениями Серапиона Владимирского — все призывы церковных проповедников строились на материале общественных несчастий. Не только церковные проповедники, но и летописцы стремились высказать хотя бы несколько слов поучения по поводу того или иного поражения русских войск, разорения городов и сел половцами, а впоследствии татарами, голода, недорода, пожара и т. д. Типична самая форма этих поучений: если они коротки — это восклицания, напоминающие авторские отступления в «Слове о полку Игореве» («О, горе и тоска!», «тоска и туга!»; «О, велика скорбь бяше в людех!» и т. д.); если они пространны — это лирические призывы к современникам исправиться, стать на путь покаяния, активно сопротивляться злу. Общественные несчастия становились нравоучительной основой и для житийной литературы. Убийство Бориса и Глеба, убийство Игоря Ольговича служили исходной темой для проповеди братолюбия, княжеского единения и княжеского послушания старшему.

Характерно, что не только церковная, но и чисто светская литература, светское нравоучение, политическая агитация находили себе повод в политических несчастиях. Поражение обычно служило в древней Руси стимулом для подъема общественного самосознания, для начала новых действий, реформ, введения новых установлений. Это была до известной степени реакция здорового, полного сил общественного организма, признак его жизнеспособности и уверенности в своем будущем. Вспомним всю реформаторскую деятельность Вла-

димира Мономаха. Он стремился использовать уроки неурядиц и поражений для новых и новых обращений к русским князьям. Замечательно при этом, что проповедь политического единения, призывы к исправлению нравов или к новым военным действиям против врагов опирались на события только что совершившиеся, которые еще живо ощущались, не остыли, были перед глазами у всех, были полны эмоциональной силы. Этим во много раз увеличивалась действенность проповеди. В древней литературе XI—XIII веков почти нет случая, чтобы основной нравоучительный толчок давался событием далекого прошлого. Нравоучение могло широко использовать воспоминания о прошлом (особенно, когда нужно было сравнить печальное настоящее с цветущим прошлым, как например в «Слове о погибели Русской земли»), но тем не менее поводом для написания нравоучения прошлое не служило. Литературная тенденция была остро современна.

Почти все произведения древней русской литературы, посвященные историческим событиям, избирают эти события из живой современности, описывают события только что случившиеся. События далекого прошлого служат основанием только для новых компиляций, для новых редакций старых произведений, для сводов — летописных и хронографических. Вот почему самые события, изображенные в «Слове», служат до известной степени основанием для датировки «Слова», тем более для произведения столь агитационного, как «Слово». Тема поражения как основа для поучения, для призыва к единению может быть избрана только в произведении, составленном тотчас же после этого поражения.

«Слово» посвящено теме защиты родины, оно лирично, исполнено тоски и скорби, гневного возмущения и страстного призыва. Оно эпично и лирично одновременно. Автор постоянно вмешивается в ход событий, о которых рассказывает. Он прерывает самого себя восклицаниями тоски и горя, как бы хочет остановить тревожный ход событий, сравнивает прошлое с настоящим, призывает князей-современников к активным действиям против врагов родины.

Совершенно прав И. П. Еремин, когда пишет, что автор «Слова» «действительно заполняет собою все произведение от начала до конца. Голос его отчетливо слышен везде: в каждом эпизоде, едва ли не в каждой фразе. Именно он, «автор», вносит в «Слово» и ту лирическую стихию, и тот горячий общественно-политический пафос, которые так характерны для этого произведения» [1]. Те же черты мы

[1] И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — «Слово о полку Игореве». Сб. исследований и статей. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, с. 111.

найдем во всех исторических повестях древней Руси, но особенно характерны они для XII и XIII веков — для «Слова о погибели Русской земли», для «Повести о разорении Рязани Батыем», для повестей о битве на Калке, о взятии Владимира татарами, и многих других.

И. П. Еремин справедливо отмечает в «Слове о полку Игореве» многие приемы ораторского искусства. Это еще не служит, как мне кажется, доказательством принадлежности «Слова» к жанру ораторских произведений, но это ярко свидетельствует о пронизывающей «Слово» стихии устной речи. Эта стихия устной речи вообще характерна для древнерусской литературы, как бы еще не освободившейся от традиций устных художественных произведений, от традиций речевых выступлений[1] и церковной проповеди, но вместе с тем теснейшим образом связана с той лирической стихией, о которой говорилось выше. Через ораторские обращения и ораторские восклицания передавалось авторское отношение к событиям, изображаемым в рассказе. Перед нами в «Слове», как и во многих других произведениях древней Руси, — рассказ, в котором автор чаще ощущает себя говорящим, чем пишущим; тех, к кому он обращается, — слушателями, а не читателями; свою тему — темой поучения, а не рассказа.

Автор «Слова» обращается к своим князьям-современникам и в целом и по отдельности. По именам он обращается к двенадцати князьям, но в число его воображаемых слушателей входят все русские князья и больше того — все его современники вообще. Это лирический призыв, широкая эпическая тема, разрешаемая лирически. Образ автора-наставника, образ читателей-слушателей, тема произведения, средства убеждения — все это как нельзя более характерно для древней русской литературы в целом. Автор «Слова» обращается ко всем русским князьям поочередно, как бы призывая их к ответу и требовательно напоминая им об их долге перед родиной. Он зовет их защитить Русскую землю, «загородить полю ворота» своими острыми стрелами. И поэтому, хотя автор и пишет о поражении, в «Слове» нет и тени уныния. «Слово» так же лаконично и немногословно, как обращения Игоря к своей дружине. Это зов перед боем. Вся поэма как бы обращена к будущему, пронизана заботой об этом будущем. Поэма о победе была бы поэмой торжества и радости. Победа — это конец сражения, поражение же для автора «Слова» — это только начало битвы. Битва со степным

---

[1] См.: Д. С. Лихачев. Устные истоки поэтической системы «Слова о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве». Сб. исследований и статей. М.—Л., 1950.

врагом еще не кончилась. Поражение должно объединить русских. Не к пиру торжества зовет автор «Слова», а к пиру-битве.

Написать такой призыв имело смысл только вскоре после событий, под непосредственным впечатлением поражения. Есть многие признаки, указывающие на то, что «Слово» написано участником похода, очевидцем пленения Игоря и его бегства. Действительно, есть большое различие в том, как описывает автор те события, участником и свидетелем которых он мог быть, и те, которые сохранились только в исторической памяти или отделены от автора большим расстоянием. Первые описываются динамично, эмоционально, с сильными художественными деталями. Вторые запечатлены по законам средневекового изобразительного искусства — в статических, выразительных положениях — как бы на клеймах некоего большого изображения. Каждый из князей, к которому обращается автор «Слова» с призывом выступить за Русскую землю, изображен в зрительно четком образе, в церемониальном положении, совершающим великие дела.

Ярослав Осмомысл Галицкий высоко сидит на своем златокованом престоле, подпирая Угорские горы своими железными полками и меча тяжести через облака.

Всеволод Большое Гнездо так могуч, что может Волгу веслами раскропить, а Дон шлемами вылить. Он стреляет по суше живыми шереширами — удалыми сынами Владимира Глебовича.

Роман и Мстислав парят соколами, готовые одолеть врагов.

В образе шестокрыльцев-соколов предстают перед читателем и Ингварь с Всеволодом и все три Мстиславичи.

Всеслав Полоцкий представлен в виде «лютого зверя» — быстрого волка, перебегающего за одну ночь огромные пространства Руси.

Боян изображен играющим на струнном инструменте, напускающим свои персты на живые струны, как десять соколов на стаю лебедей.

Далекие времена Олега Гориславича представлены в образе опустелой пашни, на которой редко пахари покрикивали и только вороны каркали, деля между собой трупы.

Даже горе, испытанное Русской землей в результате поражения, предстает в легко воспринимаемом, зрительно простом образе Девы Обиды, плещущей на море лебедиными крылами.

Искусство создания лаконичных зрительных образов изумительно. Его можно сравнить разве только со столь же лаконичным искусством иконописи XII века. Каждому историческому лицу, каждому событию прошлого дана характеристика — краткая и простая, как геральдический знак. Эти характеристики как бы выхвачены из

премени, из длительности, они застыли в статической выразительности.

Совсем иначе рассказан в «Слове» сам поход Игоря Святославича, битва, бегство Игоря из плена. Здесь события длительны до томительности и сопряжены с тяжелыми душевными переживаниями действующих лиц и самого автора. Автор «Слова» говорит о внутреннем состоянии Игоря, передает его слова, его обращения к воинам. Автор страдает за судьбу русского войска. Поход Игоря получает у него отклик в степной природе, и это делает его еще более драматичным и эмоциональным. Автор предается тяжелым думам, описывая и первые успехи и последующее поражение русских. Судьбе русских сочувствует вся природа. Автор как бы забегает вперед, предчувствует будущее, обращается к истории, он размышляет, волнуется. Для его стиля характерны восклицания, как бы вырвавшиеся невольно, лирическая непоследовательность, незавершенность некоторых описаний. Он то спешит со своим рассказом, не останавливаясь на отдельных событиях, то привлекает внимание к деталям, которые делают всю нарисованную картину особенно выразительной. Характерно в этом отношении описание бегства Игоря из плена. Игорь и Овлур здесь одни, наедине с природой. Мы слышим и ночной свист Овлура за рекой, подающего знак к бегству, и топот коней, и шум степной травы. Дон лелеет Игоря на своих волнах, постилает ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевает его теплыми туманами ночью, стережет его от врагов чуткими к приближению человека чайками на струях, чернядьми на ветрах. Когда Гзак с Кончаком погнались за Игорем, сороки не троскотали, вороны не граяли и галки молчали, чтобы не выдать Игоря, только змеи ползали в тишине. А дятлы тектом своим указывали Игорю путь к глубоким зарослям у реки, где он мог укрыться от погони.

Авторы древнерусских литературных произведений обычно не скрывают своих намерений. Они ведут свое повествование для определенной цели, которую прямо сообщают читателю. Авторская тенденция по большей части явна и только в редких случаях скрыта за авторским изложением (в некоторых случаях так скрывалась, например в летописи, политическая тенденция). Это стремление открыто проводить определенную идею в своих произведениях отразилось, в частности, в описаниях природы.

Древняя русская литература чаще рассказывает, чем описывает. Она чаще изображает события, чем состояния. Она не отвлекает явления от их отношения к главной цели повествования, не интересуется явлениями самими по себе, независимо от их отношения к человеку. Она антропоцентрична. Поэтому древняя русская лите-

ратура знает очень мало описаний того, что находится в статическом состоянии, — того, что не связано непосредственно с событиями или нуждами человека.

Так, например, древняя русская литература редко описывает памятники архитектуры, а если и делает это, то только для того, чтобы прославить князя-строителя или пожалеть об утраченной красоте погибшего памятника. Так же точно и в описаниях природы. По существу, объективного, самоустраненного описания природы, статического литературного пейзажа, статической картины природы древняя русская литература не знает. В этом одно из коренных отличий отношения к природе древней русской литературы от новой.

В отличие от большинства древнерусских литературных произведений, природа в «Слове о полку Игореве» занимает исключительно большое место, но если мы присмотримся к системе ее изображения, то заметим ее безусловную связь со своей эпохой. Природа в «Слове» описывается только в ее изменениях, в ее отношениях к человеку, она включена в самый ход событий, в «Слове» нет статического литературного пейзажа, типичного для литературы нового времени. Природа участвует в событиях, то замедляя, то ускоряя их ход. Она активно воздействует на людей, и описания ее явлений окрашены сильным лирическим чувством. Она выступает с предзнаменованиями. Кроме предзнаменования «астрономического» — солнечного затмения, в «Слове» представлены предзнаменования по поведению зверей и птиц, в существовании которых в древней Руси нет основания сомневаться (вспомним, как по вою волков в «Сказании о Мамаевом побоище» Дмитрий Волынец гадает о русской победе и слышит ночью «гуси и лебеди крылми плещуще»).

Выступает природа и в поэтических параллелях к событиям человеческой жизни. Параллель битва — гроза, которая имеется в «Повести временных лет» под 1024 годом в описании Лиственской битвы, развернута в «Слове» с особенной подробностью. Нельзя думать, что в описании Лиственской битвы гроза — исторический факт, а в «Слове» — поэтическая параллель к битве. Факт и поэтическая параллель не обязательно должны были противостоять друг другу. Во время Лиственской битвы гроза несомненно была, но ее упоминание было бы совершенно необязательно в летописи, если бы летописцу она не показалась художественно примечательной для описания битвы. Так же точно, если бы гроза и на самом деле была во время первой битвы с половцами Игоря Святославича, это не умалило бы поэтичности параллели. Так же и сравнение людей с птицами и зверями — типичная черта средневековой литературы.

Таким образом, природа в «Слове о полку Игореве» изображается так, как это было принято в средневековой литературе. Она действует или «аккомпанирует» действию людей, она динамична, «события» природы параллельны событиям людской жизни. Статического литературного пейзажа, типичного для нового времени, «Слово» не знает.

3

Художественная система «Слова» вся построена на контрастах. Один из самых острых контрастов, пронизывающих все «Слово», — это контраст книжных элементов стиля с народно-поэтическими. Элементы книжные и устные, переплетаясь, создают своеобразие и разнообразие стиля этого небольшого, но исключительно богатого по форме и содержанию произведения.

В «Слове» можно заметить многочисленные связи с одновременными ему произведениями переводной и оригинальной книжности домонгольского времени. Отдельные образы «Слова» близки к образам летописи, «Слова о погибели Русской земли», проповедей Кирилла Туровского, переводных Хроник Манассии и Георгия Амартола, к «Повести о разорении Иерусалима» и к «Девгениеву Деянию». Так, например, начальные размышления автора «Слова» о том, какой избрать стиль для описания событий, и самое обращение к певцу — своему предшественнику — имеют многочисленные аналогии в оригинальной русской и в переводной литературе.

Во вступительной части «Слова на Фомину неделю» Кирилл Туровский, прежде чем приступить к теме своего повествования, выражает свои колебания, как и автор «Слова о полку Игореве»: «Велика учителя и мудра сказателя требуеть церкви на украшение праздника. Мы же нищи есмы словом и мутни умом, не имуще огня святаго духа на слажение душеполезных словес; обаче любьве деля сущая со мною братья мало нечто скажем о поновьленьи въскресения Христова»[1]. Замечательно, что перед нами в этих колебаниях не простое проявление авторской скромности, но и мысль о том, каким должен быть подлинный «сказатель», который бы украсил своею речью праздник — тему «слова» Кирилла.

Во вступительной части слова Кирилла «О слепце и о зависти» Кирилл подчеркивает, что он «творит» свою «повесть» словами Иоанна Богослова: «Нъ не от своего сердца сия изношю словеса —

---

[1] См.: И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. 13, М.—Л., 1957, с. 415.

в души бо грешьне ни дело добро, ни слово польզьно ражаеться, — нъ творим повесть, възёмлюще от святаго Еваньгелия, почтенаго нам ныня от Иоана Феолога, самовидьця Христовых чюдес»[1]. Во вступительной части «Слова на собор 318 отец» Кирилл выбирает задачу повествования, указывая, что его задача сходна с той, которую себе ставят летописцы и песнотворцы: «Яко же историци и ветия, рекше летописьци и песнотворци, прикланяють своя слухи к бывшая межю цесари рати и въпълчения, да украсять словесы и възвеличать мужьствовавъшая крепко по своемь цесари и не давъших в брани плещю врагом, и тех славяще похвалами венчають, колми паче нам лепо есть и хвалу к хвале приложити храбром и великым воеводам божиям»[2]. Замечательно, что в этом вступлении есть даже лексические совпадения со вступлением к «Слову»: «песнотворци», «лепо» и др.

Наиболее странной особенностью вступления к «Слову о полку Игореве» всегда представляется обращение автора к своему предшественнику — Бояну. Но в «Слове на вознесение» у Кирилла есть и такое именно обращение к предшественнику. Кирилл, прося пророка Захарию прийти к нему на помощь и дать «начаток слову», обращает внимание на его немногосказательную, но прямую речь: «Приди ныня духомь, священый пророче Захария, начаток слову дая нам от своих прорицаний о възнесении на небеса господа бога и спаса нашего Исуса Христа! Не бо притчею, нъ яве показал еси нам, глаголя: „Се бог нашь грядеть в славе, от брани опълчения своего, и вси святии его с нимь, и станета нозе его на горе Елеоньстей, пряму Иерусалиму на въсток. Хощем бо и прочее от тебе уведати“»[3].

Из приведенных примеров, взятых только из одного автора XII века — Кирилла Туровского, видно, что все основные элементы введения к «Слову о полку Игореве» не составляют новшества: колебания в выборе стиля, обращение к предшественнику, противопоставление «притчей» («по замышлению») — рассказу, «яве» показывающему (т. е. «по былинам сего времени»), и пр. Единственно чем введение к «Слову» выделяется среди всех приведенных введений, это своим светским характером. Соответственно этому свои нюансы имеют и авторские колебания, и самый выбор предшественника, к которому обращено введение, — не библейский пророк Захарий, а светский певец Боян.

---

[1] И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. 15, М.—Л., 1958, с. 336.

[2] Там же, с. 344.

[3] Там же, с. 340.

Отмечено было также сходство между вступлением к «Слову» и вступлением к Хронике Манассии и к той ее части, которая описывает Троянскую войну[1]. В предисловии к Хронике автор ее говорит, что он будет вести свое повествование «древняя словеса». В предисловии к Троянской войне автор пишет: «Сия аз въсхотев брань с'писати якоже писавшими прежде пишет ся». Он просит прощения («прощениа прося»), что будет говорить другими словами, чем Гомер («глаголати не якоже Омир с'писует»), и т. д.

Книжного происхождения выражение «старые словесы» или образ «мысленного древа», выражения «истягнуть ум крепостию своею» и «поострить сердце свое мужеством», «свивать славу оба полы сего времени» и «летать умом под облаками».

Типичной для средневековой русской литературы следует признать также особого рода конкретизацию абстрактных понятий в метафорических выражениях: «уже бо *беды* его пасет птиць по дубию», «*слава* на суд приведе», «уже пустыни *силу* прикрыла», «Игорь и Всеволод уже *лжу* убудиста», «уже снесеся *хула* на *хвалу*», «уже тресну *нужда* на *волю*», «*веселие* пониче», «*тоска* разлияся по Руской земли, *печаль* жирна тече средь земли Рускыи», «въстала *обида* в силах Дажьбожа внука», а также «истягну умь *крепостию* своею и поостри сердца своего *мужеством*», «*жалость* ему знамение заступи», «скача, славию, по *мыслену* древу, летая *умом* под облакы, свивая *славы* оба полы сего времени» и др.

Такую же своеобразную конкретизацию мы найдем в житийной и учительной литературе, в посланиях и у Даниила Заточника: «огнь искушаеть злато и сребро, а человек *умом лъжу* отсекаеть от истины» («Житие Константина Философа»); «вострубим, братие, яко во златокованныя трубы, в *разум ума* своего» («Моление Даниила Заточника»); «веде, яко не разумееши, яко по божии благодати *ум* твой быстро летаеть» («Послание Никыфора, митр. киевского, к великому князю Володимиру, сыну Всеволожю, сына Ярославля», в списке XVI века Московской Синодальной библиотеки); «аще кто слеп есть *разумомь,* ли хром *невериемь,* ли сух мнозех безаконий *отчаяниемь,* ли расслаблен еретичьскымь учениемь — всех вода крещения съдравы творить» (Кирилл Туровский, «Слово о расслабленном»); «богохульная *словеса* акы стрелы к камени пущающе съламахуся» (Кирилл Туровский, «Слово о расслабленном»); «окованы

---

[1] См.: R. Jakobson. L'authenticité du Slovo. — La Geste du Prince Igor. New York, 1948, pp. 292—293; R. Jakobson. The puzzles of the Igor' Tale. — Sheculum, vol. XXVII. Cambridge Massachusetts, 1952, January, pp. 62—63.

нищетою и железомь» (Кирилл Туровский, «Слово на вознесение»); «възмем крест свой претерпением всякоя обиды; распьнемъся браньми к греху» (Кирилл Туровский, «Слово в неделю цветную») и т. д.

Метафорическую конкретизацию абстрактных понятий мы встречаем в самых различных жанрах: в летописи в описании взятия татарами Судомира говорится об одном из жителей его — простом поляке, что он «защитився *отчаянием* акы твердым щитом», совершил подвиг, достойный памяти (Ипат. лет. под 1259 г.); в учительной проповеди в «Слове о ленивых» говорится о ленивом, что ленивого «*беда* по голеням биет, а *долг* взашеи пихает; *недостатки* у него в дому сидят, а *раны* ему по плечам лежат; *уныние* у него на главе, а *посмех* на браде; *помысл* на устех, а *скорбя* на зубех; *горесть* на языце, *печаль* в гортани» и т. д.

Если мы обратимся к конкретизации абстрактных понятий в литературе нового времени и, в частности, в литературе второй половины XVIII века, то там мы встретимся с конкретизацией совсем другого характера. Там авторы по большей части создают аллегории. Здесь же конкретизация носит весьма специфический и, я бы сказал, однообразный характер. Она по большей части лишена описательности. Абстрактное понятие попросту вводится в конкретное действие. Оно чаще всего «материализуется» с помощью глагола, означающего какие-либо действия: «вострубим в разум ума», «окованы нищетою», «тоска разлияся» и т. д. Иногда оно конкретизируется с помощью эпитета. Близко к этой конкретизации стоит одушевление неодушевленных предметов и придание им абстрактных значений: «живые камни» (ср. в «Слове» — «живыми шереширы стреляти»), «умная гора» (ср. в «Слове» — «скача, славию, по мыслену древу»).

Меньше всего в «Слове» той христианской символики, которая столь типична для церковно-учительной литературы. Здесь, конечно, сказался светский характер памятника. Эту церковную символику можно усматривать только в образе «мысленного древа», по которому растекалась мысль Бояна.

Широко представлена в «Слове» и феодальная символика. В военно-дружинной среде определенное символическое значение имели меч (символ войны), стяг, копье, стремя. Выражение «вступить в стремя» означало выступить в поход, «понизить стяг» означало признать себя побежденным, «испить шлемом воды» из какой-либо реки значило покорить земли на ее берегах, и мн. др.

Но больше всего в «Слове» образов народно-поэтических. Народны в «Слове» образы дерева, приклоняющегося до земли от горя, никнущей от жалости травы, сравнения битвы с пиром, с жат-

ной. Близок к народному плачу плач Ярославны. В народных плачах постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в плаче Ярославны. Сон Святослава полон народных поэтических символов. Описание бегства Игоря из плена содержит сказочные мотивы: в сказках нередко герой, спасающийся от преследующего его колдуна, так же обращается в животных. Подобно Игорю, обернувшемуся соколом и бившему гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину, — в былине о Волхе Всеславьевиче последний, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для своей дружины. Воспитание курских дружинников напоминает воспитание того же Волха Всеславьевича. Народен и образ «Девы Обиды», встречающийся в устной поэзии. Народного богатыря напоминает Всеволод Буй Тур, когда он прыщет на врагов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод Буй Тур сражается с врагами и куда поскачет, там лежат поганые головы половецкие.

Народная стихия в «Слове» выражается в излюбленных народной поэзией отрицательных метафорах («Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ»), в фольклорных эпитетах (чистое поле, острые мечи, каленые стрелы, синее море, черный ворон, красные девы), в некоторых гиперболах, сравнениях и т. д.

Соединение письменной, литературной традиции и народной, устной делает «Слово» особенно богатым, сложным, многогранным.

4

Стихия народной поэзии органически связана в «Слове о полку Игореве» с пережитками в нем древнерусского язычества.

Языческие элементы в «Слове о полку Игореве» выступают, как известно, очень сильно. Это обстоятельство всегда привлекало внимание исследователей. Большинство исследователей объясняли это фольклорностью «Слова», другие в последнее время видели в этом характерное явление общеевропейского возрождения язычества в XII веке [1].

---

[1] Аналогичное древнерусскому возрождение язычества в XII в. в Западной Европе отмечает ряд исследователей (J. Seznec. La survivance des dieux antiques. London, 1940; J. de Vries. De Skaldenkenningen met mythologischen Inhould. Haarlem, 1934). Р. О. Якобсон отмечает общее условие этого «возрождения»: язычество перестало быть опасным для христианства (The Puzzles of the Igor' Tale on the 150th anniversary of its first edition. — Speculum, vol. XXVII, Cambridge Massachusetts, 1952, January, p. 57).

Действительно, «Слово о полку Игореве» выделяется среди других памятников древней русской литературы не только тем, что языческие боги упоминаются в нем относительно часто, но и отсутствием обычной для памятников древнерусской литературы враждебности к язычеству.

Тем не менее язычество «Слова» не только не противоречит нашим современным представлениям об истории русской религиозности и об отношении к язычеству в древней Руси в XII веке, но в известной мере подтверждает их. Особенное значение имеют в изучении этого вопроса две работы: Е. В. Аничкова «Язычество и древняя Русь»[1] и В. Л. Комаровича «Культ Рода и Земли в княжеской среде XII в.»[2].

Обратим внимание на то обстоятельство, что в «Слове» очень часто говорится о «внуках» языческих богов: Боян — «Велесов внуче», ветры — «Стрибожи вънуци», «жизнь Даждьбожя вънука», «в силах Дажъбожя вънука». А. Мазон[3] считает, что перед нами в данном случае типичное псевдоклассическое клише: Боян называется внуком Велеса, подобно тому как поэты XVIII века назывались сыновьями Аполлона. Однако «сын» и «внук» — это совсем не одно и то же. «Внук» в данном случае несомненно имеет значение «потомка» (ср.: «Хамови вънуци» — Изб. 1073 г.; «внуки святаго великаго князя Владимира князя Святослава Ольговича Черниговского» — «Повесть о разорении Рязани Батыем», и др.).

В «Слове» перед нами несомненные пережитки религии еще родового строя. Боги — это родоначальники. В. Л. Комаровичу удалось вполне убедительно показать, что культ Рода глубоко проник в сознание людей домонгольской Руси и в пережиточной форме сохранялся даже в политических представлениях и политической действительности XII—XIII веков. Культ родоначальника сказался, в частности, в элементах религиозного отношения к Олегу Вещему, воспринимавшемуся одно время как родоначальник русских князей, даже в политической системе «лествичного восхождения» князей и во многом другом.

В «Слове о полку Игореве» эти пережитки культа Рода могут быть отмечены не только в том, что люди и явления признаются потомством богов, но и в самой системе художественного обобще-

---

[1] Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914 (главы «Два взгляда на язычество у древнерусских книжников» и «Боги в «Слове о полку Игореве» и новый взгляд древних книжников на язычество»).

[2] См.: ТОДРЛ, т. 16, М.—Л., 1959, с. 84—104.

[3] A. Mazon. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, с. 62.

ния. В самом деле, для чего в «Слове» даны большие отступления об Олеге Гориславиче (Святославиче) и Всеславе Полоцком? Многим из исследователей эти отступления казались совершенно непонятными: в них видели то вставки, то проявления неуместной придворной лести, разрывающей художественное единство произведения [1]. На самом деле, как это можно заключить из материалов исследования В. Л. Комаровича, эти отступления закономерны: князья Ольговичи характеризуются по их родоначальнику Олегу, Всеславичи — по их родоначальнику Всеславу Полоцкому [2]. Перед нами единое представление о взаимоотношении предков и потомков, в котором элементы культа перекрещиваются с элементами политических воззрений, быта и, как мне представляется, художественного мышления.

Как показывает Е. В. Аничков, в древней Руси существовало два взгляда на происхождение языческих богов. Согласно первому взгляду, языческие боги — это бесы. Взгляд этот опирался на Библию, высказывания апостолов и отцов церкви. Языческие боги названы бесами во Второзаконии (32_{6-17}), в Псалмах (105_{37}), у апостола Павла (1-е Послание Коринфянам, 10_{20}). Взгляд этот усвоен был нашей древнейшей летописью в рассказе о варягах-мучениках и о крещении Руси, в рассказе летописи под 1607 годом и т. д. Этот взгляд требовал умолчания имен богов, упоминание которых считалось греховным. Е. В. Аничков обращает внимание на учение Иисуса Навина — «не вспоминайте имени богов их» (Иисус Навин, 23_7) — и на слова псалма «не упомяну имен их устами моими» (15_4), которые объясняют нежелание древнерусских книжников называть имена древнерусских богов и даже особую формулу древнерусских поучений, отмечающих, вслед за рано переведенной в славянской письменности проповедью Ефрема Сирина против вновь впадающих в язычество, что о последнем «срам» говорить [3].

Этот древнейший взгляд на язычество, как отмечает Е. В. Аничков, по мере успехов борьбы с язычеством сменяется более спокойным к нему отношением. Развивается второй взгляд на язычество: языческие боги не заключают в себе ничего сверхъестественного.

---

[1] А. В. Соловьев считает (Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — Исторические записки, М., 1948, № 25), что часть, посвященная в «Слове» Всеславу Полоцкому, внесена автором «Слова», придворным певцом Святослава Киевского, женатым на Марии Васильевне Полоцкой — правнучке Всеслава.

[2] См. подробнее: Д. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М., 1958, с. 130—131.

[3] См.: Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, с. 107—109.

Боги — это простые люди, которых потом обоготворило потомство. Еще в «Речи философа» в «Повести временных лет» сказано, что люди творили кумиры «во имяна мертвых человек, овем бывшим царем, другом храбрым и волъхвом, и женам прелюбодейцам».

Интересное рассуждение записано в «Повести временных лет» под 1114 годом. Там сказано, что Сварог и Дажьбог сотворены кумирами во имя «бывшего царя», Феост-Гефест — родоначальника целого поколения богов-царей. Причем характерно, что отношение к этим богам-царям вовсе не отрицательное: они одобряются за то, что установили единобрачие. Взгляд на богов как на предков отражен в «Хождении богородицы по мукам». В этом произведении говорится, в частности, о том, что нечестивцы «богы назваша» «человеческа имена» — Трояна, Хърса, Велеса, Перуна[1]. По-видимому, основанием к такому взгляду на языческих богов служили не только произведения переводной литературы, но и самый характер древнерусского язычества, в котором действительно были элементы культа предков, как это блестяще показано исследованием В. Л. Комаровича и как это ясно из самого «Слова о полку Игореве» и его художественных обобщений.

Если это так и «Слово» действительно придерживалось взгляда на языческих богов не как на бесов, а как на родоначальников, то понятно его спокойное отношение к языческим богам, отсутствие боязни называть языческих богов и их своеобразное поэтическое переосмысление.

5

Поразительно, что столь небольшое произведение так богато и даже роскошно по языку. Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения. Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синии молнии не просто блестят — они «трепещут»; трава не просто полегла — она «никнет» («ничить»). Солнце «меркнет», багряные снопы лучей и вечерние зори «гаснут», месяц «поволакивается тьмою», наступающая ночь «прикрывает свет тьмою» и т. д. Ветер не просто помогает плыть кораблям — он их «лелеет на синем море», и Ярославна просит ветер, чтобы он «возлелеял» к ней ее милого мужа, то есть «лелеючи» помог ему доплыть до Русской земли. Это выражение очень уместно в устах любящей

---

[1] И. И. Срезневский. Древние памятники письма и языка. — ИпоРЯС, т. 10, СПб., 1861—1864, с. 553.

Ярославны, оно как бы исходит из ее тоскующего сердца. Персты не просто кладут на струны — их «воскладают». Славу можно «расшибить» и «притрепать». Тоска «разливается». Печаль «течет» посреди Русской земли. Веселье «развеивается по ковылю».

Автор «Слова» скуп на эпитеты, но зато употребленные им — метки. Сравните, например, такие эпитеты: «жемчужная» душа, «теплые» туманы («мглы»), «живые» струны. Первый эпитет связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь, в одиночестве на поле битвы умирая от ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (то есть через расшитый золотом ворот своей княжеской одежды). Перед нами очень сложный образ, в котором эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) наблюдательно передает существенную деталь в бегстве Игоря из плена: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время ночлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его. Струны Бояна «живые» — этим подчеркивается искусство игры Бояна. Эпитет этот согласуется с тем, что о них говорится дальше: они «сами» рокочут славу. Искусная игра всегда производит впечатление полной непосредственности: инструмент как бы оживает в руках мастера.

Богато и разнообразно слуховое восприятие автора «Слова». Струны у него «рокочут». Голоса девиц на Дунае не просто доносятся до Киева — они «вьются». Телеги у него не скрипят, а «кричат» как лебеди. Кликом можно даже «перегородить» поля. Слава «звенит», и в славу «звонят». Разнообразны звериные и птичьи звуки: соловьи «щекочут», их песни «веселые», орлы «клекчут», лисицы «брешут», волки «въсрожать», галки «говорят», кони «ржут», див «кличет», вороны «грают», туры «рыкают», сороки «втроскоташа», дятлы «тектом» поведают путь Игорю, ночью встает звериный «свист» (свист степных сусликов) и т. д.

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор «Слова» обладал повышенным чувством цвета, типичным для эпохи высокого развития древнерусской живописи, наступившей в XII веке. Трава у него — «зеленая паполома». На «черленые» щиты у него «брешут» лисицы: их раздражает красный цвет. Золотой шлем Всеволода «посвечивает» в битве. Отдельные сцены автор «Слова» видит в красках. Среди добычи — всякого половецкого «узорочья»: золота, паволок, драгих оксамитов, япончиц и кожухов — Игорю достались «чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь», «чрьлена чолка, сребрено стружие». Надвигающаяся гроза перед битвой описана не менее яркими красками: «Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя

съ моря идутъ... а въ нихъ трепещуть синии млънии». Зрительно эффектны образы плавающих в красной крови золотых шлемов, зеленой травы на серебряных берегах Донца, черной земли, политой красной кровью.

Характерна очень богатая оружейная терминология «Слова», типичная для средневековой любви к оружию. Сабли в «Слове» «гремлют» о шлемы, ими можно «поскепать» оварские шлемы и «потручать» о шлемы. Сабли «припешивают» крылья соколам. Сабли «каленые» и «изостренные». Мечи «цвелят» Половецкую землю, ими «гремят» и «позванивают» о шлемы, «притрепывают» врагов. Копья «трещат» и «приламываются», «поют» в полете. Стружием (древком) можно «доткнутися» до престола. Стрелы бывают «каленые», «острые» и «золоченые». Они «летят», ими «прыщут» и их «сеют» по земле. Ветры «веют» и «мычат» стрелами. Автор «Слова» обращает внимание на то, где сделано оружие. Мечи у него литовские, сулицы (короткие копья) ляцкие, шлемы литовские и оварские, стрелы «хиновские». Он обращает особое внимание на закалку мечей, сабель и наконечников стрел («каленые», «харалужные»). Скупой на сравнения, автор «Слова» часто, тем не менее, прибегает к сравнениям с оружием: дождь идет «стрелами», «стрелами» же рассеялись по полю русские. Сердца воинов скованы и закалены, крамола куется.

Можно было бы еще много писать — об охотничьих образах «Слова», об удивительном знании его автором природы, о связях «Слова» с народной поэзией, о своеобразном характере художественного обобщения в «Слове» и т. д.

Для ритмического строя «Слова» характерно сочетание прозы с ритмически организованными строками.

Бодрый и энергичный ритм мчащихся воинов чувствуется в описании черниговских кметей:

подъ трубами повити,
подъ шеломы възлелѣяны,
конець копия въскръмлени,
пути имь вѣдоми,
яругы имъ знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени.

Иной ритм — ритм большого, свободного дыхания народного плача ощущается в обращениях Ярославны к солнцу, к ветру, к Днепру:

О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до плъку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему
слезъ на море рано.

Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз: «ту», «уже» и пр. Достигается ритмичность и сочетаниями однотипно построенных предложений, составляющих единое целое:

притопта хлъми и яругы,
взмути рѣкы и озеры,
иссуши потокы и болота.

Ритм речи создают и излюбленные в «Слове» парные сочетания: «чти и живота», «свычая и обычая», «туга и тоска», «отъ Дона и отъ моря», «въ ты рати и въ ты полкы» и т. д.

Ритм «Слова» часто меняется, близко следует смыслу, содержанию произведения. В точном соответствии ритмической формы и идейного содержания «Слова» — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

6

К какому жанру древнерусской литературы принадлежит «Слово»? Вопрос этот вызывает жаркие споры исследователей. Гипотезы сменяются гипотезами. Но ни одна из гипотез, как бы она ни казалась убедительной, не привела полных аналогий жанру и стилю «Слова». Если «Слово» — светское ораторское произведение XII века, то других светских ораторских произведений XII века пока еще не обнаружено. Если «Слово» — былина XII века, то и былин от этого времени до нас не дошло. Если это «воинская повесть», то такого рода воинских повестей мы также не знаем.

Так же сложно обстоит дело и со стилем «Слова». К какому стилю из существовавших в древнерусской литературе относится «Слово»? И здесь оно одиноко в своей необычной близости к народной поэзии. Отдельные элементы стилистического строя «Слова» могут быть обнаружены в различных памятниках древней русской литературы и русской народной поэзии, но в целом с таким преобладанием элементов народно-поэтических второго произведения такого же рода от XII—XIII веков до нас не дошло.

Итак, прямых аналогий «Слову» в жанре и в стиле мы не находим. В этом нет ничего удивительного. Русскую литературу домонгольского периода мы знаем не целиком, выборочно. В этом виноваты и специальный отбор рукописей в монастырских библиотеках, куда не попадали светские произведения, и татаро-монгольское иго, уничтожившее неисчислимые книжные богатства древней Руси. Одинокое положение «Слова» в отношении своего жанра и стиля не исключение в истории древнерусской литературы. Мы не можем найти прямых аналогий «Поучению» Владимира Мономаха, летописи его походов, его письму к Олегу Святославичу. Нет аналогий «Молению Даниила Заточника». Все эти произведения стоят не менее обособленно, чем «Слово». И эта обособленность понятна. Возможно, что очень много произведений тех же жанров просто до нас не дошло. Возможно же и другое — жанровые признаки оригинальных русских произведений еще не успели достаточно созреть.

Для «Слова о полку Игореве» несомненно имеет значение и то и другое. Но главное, может быть, даже и не в этом. «Слово» — книжное, письменное произведение, очень сильно зависящее от устной поэзии. И в литературе, и в устном творчестве существуют свои собственные жанровые системы, отнюдь не похожие друг на друга. Поскольку в «Слове» письменное произведение вступило в связь с устной поэзией и таким образом произошло столкновение жанровых систем, жанровая природа «Слова» оказалась неопределенной. В «Слове о полку Игореве», как и в «Слове о погибели Русской земли», как и в «Похвале роду рязанских князей», как и в «Похвале Роману Галицкому», мы имеем еще не сложившийся окончательно, новый для русской литературы жанр, — жанр нарождающийся, близкий к ораторским произведениям, с одной стороны, и к «плачам» и «славам» народной поэзии — с другой.

К сожалению, систематического изучения жанров древнерусской литературы, их зарождения и истории еще не проведено. Этим крайне затрудняются жанровые определения в древней русской литературе вообще. Невольно мы можем модернизировать жанровые категории, открыть в древней русской литературе такие жанры, которых в ней не существовало, упростить жанровую систему древней русской литературы и т. д.

Попытаемся все же проанализировать своеобразную «гибридность» «Слова» и прежде всего его жанровые связи с народной поэзией.

Связь «Слова» с произведениями устной народной поэзии яснее

всего ощущается в пределах двух жанров, чаще всего упоминаемых в «Слове»: «плачей» и песенных прославлений — «слав», хотя далеко не ограничивается ими. Плачи и славы автор «Слова» буквально приводит в своем произведении, им же он больше всего следует в своем изложении. Их эмоциональная противоположность дает ему тот обширный диапазон чувств и смен настроений, который так характерен для «Слова» и который сам по себе отделяет его от произведений устной народной словесности, где каждое произведение подчинено в основном одному жанру и одному настроению.

Плачи автор «Слова» упоминает не менее пяти раз: плач Ярославны, плач жен русских воинов, павших в походе Игоря, плач матери Ростислава. Плачи же имеет в виду автор «Слова» тогда, когда говорит о стонах Киева и Чернигова и всей Русской земли после похода Игоря. Дважды приводит автор «Слова» и самые плачи: плач Ярославны и плач русских жен. Многократно он отвлекается от повествования, прибегая к лирическим восклицаниям, столь характерным для плачей: «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!»; «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!»; «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?»; «А Игорева храбраго плъку не кресити!».

Близко к плачам и «золотое слово» Святослава, если принимать за «золотое слово» только тот текст «Слова», который заключается упоминанием Владимира Глебовича: «Туга и тоска сыну Глебову». «Золотое слово» «съ слезами смешано», и Святослав говорит его, обращаясь, как и Ярославна, к отсутствующим — к Игорю и Всеволоду Святославичам. Автор «Слова» как бы следует мысленно за полком Игоря и мысленно его оплакивает, прерывая свое повествование близкими к плачам лирическими отступлениями: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине!»

Близость «Слова» к плачам особенно сильна в так называемом плаче Ярославны. Автор «Слова» как бы «цитирует» плач Ярославны — приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать.

Плач русских жен по воинам Игоря автор «Слова» передает не только как лирическое излияние, но старается воспроизвести перед воображением читателя и сопровождающее его языческое действо: «За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ».

Не менее активно, чем плачи, участвуют в «Слове» стоящие в нем на противоположном конце сложной шкалы поэтических настроений песенные славы. С упоминания о славах, которые пел Боян, «Слово» начинается. Славой Игорю, Всеволоду, Владимиру и дружине «Слово» заключается. Ее поют Святославу немцы и венедици, греки и морава. Слава звенит в Киеве, ее поют девицы на Дунае. Она вьется через море, пробегает пространство от Дуная до Киева. Отдельные отрывки из слав как бы звучат в «Слове»: и там, где автор его говорит о Бояне, и там, где он слагает примерную песнь в честь похода Игоря, и в конце «Слова», где он провозглашает здравицу князьям и дружине. Слова славы то тут, то там слышатся в обращениях автора «Слова» к русским князьям, в диалоге Игоря с Донцом («Княже Игорю, не мало ти величия. . .»; «О Донче! не мало ти величия. . .»). Наконец, они прямо приводятся в его заключительной части: «Солнце свѣтится на небесѣ, — Игорь князь въ Руской земли».

Итак, «Слово» очень близко к народным плачам и славам (песенным прославлениям). И плачи и славы часто упоминаются в летописях XII—XIII веков. «Слово» близко к ним и по своей форме, и по своему содержанию, но в целом это, конечно, не плач и не слава. Народная поэзия не допускает смешения жанров. Это произведение книжное, но близкое к этим жанрам народной поэзии.

Было ли «Слово» единственным произведением, столь близким к народной поэзии, в частности к двум ее видам: к плачам и славам? Этот вопрос очень существен для решения вопроса о том, противоречит ли «Слово» своей эпохе по своему стилю и жанровым особенностям.

От времени, предшествующего «Слову», до нас не дошло ни одного произведения, которое хотя бы отчасти напоминало «Слово» по своей близости народной поэзии. Мы можем найти отдельные аналогии «Слову» в деталях, но не в целом. Только после «Слова» мы найдем в древней русской литературе несколько произведений, в которых встретимся с тем же сочетанием плача и славы, с тем же дружинным духом, с тем же воинским характером, которые позволяют объединить их со «Словом» по жанровым признакам.

Мы имеем в виду следующие три произведения: «Похвалу Роману Мстиславичу Галицкому», читающуюся в Ипатьевской летописи под 1201 годом, «Слово о погибели Русской земли» и «Похвалу роду рязанских князей», дошедшую до нас в составе повестей о Николе Заразском. Все эти три произведения обращены к прошлому,

что составляет в них основу для сочетания плача и похвалы. Каждое из них соединяет книжное начало с духом народной поэзии плачей и слав. Каждое из них тесно связано с дружинной средой и дружинным духом воинской чести.

«Похвала Роману Мстиславичу» — это прославление его и плач по нем. Это одновременно плач по былому могуществу Русской земли и слава ей. В текст этой «жалости и похвалы» введен краткий рассказ о траве евшан и половецком хане Отроке. Она посвящена Роману и одновременно Владимиру Мономаху. Ощущение жанровой близости «Слова о полку Игореве» и «Похвалы Роману Мстиславичу» было настолько велико, что оно позволяло даже некоторым исследователям видеть в «Похвале Роману» отрывок, отделившийся от «Слова». Но «Похвала» и «Слово» имеют и существенные различия. Эти различия не жанрового характера. Они касаются лишь самой авторской манеры. Так, например, автор «Похвалы Роману» сравнивает его со львом и с крокодилом («Устремил бо ся бяше на поганыя, яко и лев, сердит же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе, яко и тур»). Автор «Слова о полку Игореве» постоянно прибегает к образам животного мира, но никогда не вводит в свое произведение иноземных зверей. Он реально представляет себе все то, о чем рассказывает и с чем сравнивает. Он прибегает только к образам русской природы, избегает всяких сравнений, не прочувствованных им самим и неясных для читателя.

«Слово о погибели Русской земли» — также «плач и слава», «жалость и похвала». Оно полно патриотического и одновременно поэтического раздумья над былой славой и могуществом Русской земли. В сущности, и в «Похвале Роману» тема былого могущества Русской земли — центральная. Здесь, в «Слове о погибели», эта тема не заслонена никакой другой. Как и «Похвала Роману», она насыщена воздухом широких просторов родины. В «Похвале Роману» — это описание широких границ Русской земли, подвластной Мономаху. Здесь, в «Слове о погибели», — это также еще более детальное описание границ Руси, подчиненной тому же Мономаху. «Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до немець, от немець до корелы, от корелы до Устьюга, где тамо бяху тоимицы погании, и за Дышючим морем, от моря до болгар, от болгарь до буртас, от буртас до чермис, от чермис до моръдви, то все покорено было богом християньскому языку поганьскыя страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевьскому, деду его Володимеру и Манамаху, которым то половьцы дети своя полошаху в колыбели, а литва из болота на

свет не выникываху, а угры твердяху каменыи горы железными вороты, абы на них великый Володимер тамо не възехал, а немци радовахуся, далече будуче за синим морем».

Не только поэтическая манера сливать похвалу и плач, не только характер темы сближают «Похвалу Роману» со «Словом о погибели», но и само политическое мировоззрение, одинаковая оценка прошлого Русской земли. В «Слове о погибели» нет только того элемента рассказа, который есть в «Похвале Роману» и который сближает ее со «Словом о полку Игореве» [1].

Наконец, тем же грустным воспоминанием о былом могуществе родины, тою же «похвалою и жалостью» овеяно и третье произведение этого вида — «Похвала роду рязанских князей». Эта последняя восхваляет славные качества рода рязанских князей, их княжеские добродетели, но за этой похвалой старым рязанским князьям ощутимо стоит образ былого могущества Русской земли. О Русской земле, о ее чести и могуществе думает автор «Похвалы», когда говорит о том, что рязанские князья были «к приезжим приветливы», «к посолником величавы», «ратным во бранях страшныи являшеся, многие враги востающи на них побежаше, и во всех странах славно имя имяше». В этих и во многих других местах «Похвалы» рязанские князья рассматриваются как представители Русской земли. И именно ее чести, славе, силе и независимости и воздает похвалу автор. Настроение скорби о былой независимости родины пронизывает собою всю «Похвалу роду рязанских князей». Таким образом, и здесь мы вновь встречаем то же сочетание славы и плача, которое мы отметили в «Слове о полку Игореве». Это четвертое (включая и «Слово о полку Игореве») сочетание плача и славы окончательно убеждает нас в том, что оно отнюдь не случайно и в «Слове о полку Игореве». Ведь и «Задонщина» в конце XIV века подхватила в «Слове» то же сочетание «похвалы и жалости», создав и самое это выражение «похвала и жалость», которым мы пользовались выше.

Следовательно, «Слово о полку Игореве» не одиноко в своем сочетании плача и славы. Оно во всяком случае имеет своих преемников, если не предшественников. И вместе с тем на фоне «Похвалы Роману», «Похвалы роду рязанских князей» и «Слова о по-

---

[1] Близость «Слова о полку Игореве» и «Слова о погибели» была отмечена во многих работах. Обстоятельнее всего вопрос о принадлежности обоих произведений к «одной поэтической школе» освещен в работе А. В. Соловьева «New traces of the Igor tale in old Russian literature» (Harvard slavic studies, v. I, Cambridge Mass., 1953).

гибели Русской земли» «Слово о полку Игореве» глубоко оригинально. Оно выделяется среди них силой своего художественного воздействия. Оно шире по кругу охватываемых событий. В еще большей мере, чем остальные произведения, оно сочетает в своей стилистической системе книжные элементы с народными. Но факт тот, что «Слово» не абсолютно одиноко в русской литературе XII—XIII веков, что в нем могут быть определены черты жанровой и стилистической близости с тремя произведениями XIII века, каждое из которых стало известно в науке после открытия и опубликования «Слова о полку Игореве».

7

Небольшой памятник, посвященный горестному поражению русских в походе против половцев 1185 года, оказался одной из самых больших и радостных побед русского слова.

«Слово» не было забыто. Когда в 1307 году скромный писец Пантелеймонова монастыря в Пскове переписывал «Апостол» и захотел в приписке выразить свое возмущение усобицами князей, своих современников — Михаила Тверского и Георгия Даниловича Московского, — он сделал это словами «Слова о полку Игореве»: «При сихъ князехъ... сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князѣхъ которы и вѣци скоротишася человѣкомъ!» Впечатления от Куликовской битвы выразил иерей Сафоний в произведении, подражающем «Слову», — «Задонщине». Отдельные образы и выражения «Слова» отразились и в «Сказании о Мамаевом побоище».

«Слово» дошло до нас в единственном списке XVI века, найденном в начале 90-х годов XVIII века. С него была снята дошедшая до нас копия для Екатерины II. В 1800 году этот список был издан его владельцем — А. И. Мусиным-Пушкиным. В 1812 году этот единственный список сгорел вместе со всеми другими ценнейшими рукописями собрания А. И. Мусина-Пушкина в большом московском пожаре.

Показательна судьба изучения «Слова о полку Игореве». Первые издатели «Слова» и современники его открытия ощутили в нем дыхание гениальности. «Слово» сразу же вошло в русскую поэзию и в русскую прозу. Ему подражали, ему следовали, цитаты из него инкрустировали в свои произведения, как инкрустируют нечто очень драгоценное. «Слово» отразилось у Радищева, Державина, Жуковского, а впоследствии и у Пушкина, и у Гоголя.

Однако, и это очень важно, в конце XVIII и в самом начале XIX века «Слово» все-таки не было понято. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть его перевод, напечатанный в первом издании «Слова». В этом издании принимали участие лучшие ученые своего времени! И все ж таки... В своем исследовании «Екатерининский список и первое издание „Слова"» А. В. Соловьев приводит 55 частных случаев непонимания переводчиками абсолютно ясных для нас сейчас мест «Слова». Они не понимали иной раз простые глагольные формы, не знали форм двойственного числа, не знали правил русского полногласия, не понимали таких слов как «шеломя», «боронь», «лада», «кметь». Они не могли правильно определить многих упомянутых в «Слове» князей. Первые комментаторы не сумели сказать, о каком «сыне Глебовом» идет речь в «Слове». «Великого князя Всеволода» Суздальского (Юрьевича — сына Юрия Долгорукого) первые комментаторы отождествили с Всеволодом Ольговичем — отцом Святослава Киевского. Не сумели первые комментаторы определить и того, кто такие «удалые сыны Глебовы». Не определили они и Романа и Мстислава, Ингваря, Всеволода и «всех трех Мстиславичей», Изяслава Васильковича. Совсем запутались они в вопросе о том, кто такой был Борис Вячеславич. Они превратили бога Хорса, известного сейчас по многим источникам, в город Херсон, перевели «до кур» (то есть «до петухов» — рано утром) — «до Курска». Особенно нелепо передано и переведено место: «сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы; нъ розьно ся имь хоботы пашутъ» (то есть: «но врозь развеваются полотнища их знамен»). «Нъ розьно ся» разбито на слова так: «нъ рози нося», а перевод в первом издании дан такой: «Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другие Давыду; их носят на рогах, вспахивая землю»!

Лучшие ученые своего времени не только не понимали смысла отдельных мест «Слова», — они не понимали его художественной структуры, они оставались совершенно равнодушными к его идейному содержанию и, как это ни странно, решительно не замечали родства «Слова» и народной поэзии. Впрочем, что ж тут удивительного! Спустя тридцать четыре года после опубликования «Слова» Пушкин писал об отношении русского общества к народной поэзии: «В общем презрении ко всему старому, народному, включена и народная поэзия, столь живо проявившаяся в грустных песнях, в сказках... и в летописях» (Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. 7, изд. 2, М., АН СССР, 1958, с. 642 — ранние наброски к статье «О ничтожестве литературы русской»).

«Слово» писалось для современников, которые могли понять его автора с полуслова, а потому многое в нем требует сейчас разъяснений. Изучение «Слова» подвигалось вместе с изучением всей культуры Киевской Руси. Когда-то в статье «О ничтожестве литературы русской» Пушкин называл «Слово» «уединенным памятником» (там же, стр. 307). Теперь уже этого сказать нельзя. Его младшим современником выступает опубликованное в 1892 году близкое ему по жанру «Слово о погибели Русской земли». В 1852 году открыт неизвестный Пушкину отдаленный «потомок» «Слова о полку Игореве» — «Задонщина». Рядом со «Словом» мы знаем теперь замечательные иконы XII века, фрески, мозаики. Со стендов Третьяковской галереи смотрит на нас выразительное изображение известного всем по «Слову» Всеволода Большое Гнездо — в образе Дмитрия Солунского (святого патрона этого князя). Отраженный в водах реки Нерли, стоит, как бы упоенный собственной красотой, храм Покрова 1165 года, а во Владимире на горе возвышается красивейший Дмитровский собор 1193 года.

Но «Слово о полку Игореве» оказалось не только окруженным тесным строем памятников искусства, литературы, общественной мысли, — оно было охвачено исследованиями XIX века и особенно нашего времени — исследованиями исторических событий того времени, литературы и, что очень важно, языка. Современники открытия «Слова» не различали древнерусский язык и церковно-славянский, не имели представлений об изменениях языка, лексики. Они думали, что современный им церковно-славянский язык не отличается от языка, на котором писали в XII веке. Именно поэтому они не понимали многого в тексте «Слова». Даже в конце XIX века, когда составлялся знаменитый Словарь древнерусского языка И. И. Срезневского, можно было еще думать, что в «Слове о полку Игореве» более 150 гапаксов, то есть слов, которые не могут быть найдены в других памятниках того же времени. Сейчас это количество сокращено до двух десятков. Мы можем сказать, что в «Слове» не больше гапаксов, чем в «Поучении» Владимира Мономаха, несмотря на все своеобразие содержания «Слова», естественно отражающееся на своеобразии его словаря. Отдельные фразеологические сочетания найдены в памятниках, в конце XVIII века еще неизвестных. Особенно много этих фразеологических параллелей к «Слову» в древнерусском переводе «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, в Хрониках Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Манассии, в «Слове о погибели Русской земли», в Ипатьевской летописи (особенно в рассказе о событиях конца XII и XIII веков).

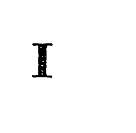
Исследователи «Слова» сумели разъяснить намеки, связать отдельные места текста с историческими событиями, с характерными чертами русской природы, особенно степной. Но самое важное — исследователи объяснили художественную структуру произведения, строй его художественных средств и образов. Они показали удивительную многозначность его метафор, их способность вызывать стройный хор различных эстетических ассоциаций.

Напрасно думают, что художественное произведение может раскрыться читателю в одно мгновение — в мгновение его чтения, что для художественного познания старого произведения излишни комментарии и исследования. Акт восприятия художественного произведения — это целый процесс, иногда развивающийся по этапам. Надо не только многократно читать «Слово», но и изучать его. И вот замечательно, что эта удивительная художественная глубина «Слова» создала ему исследователей среди читателей. Ни одно произведение русской литературы не знает такого количества непрофессиональных исследователей, как «Слово о полку Игореве». О «Слове» пишут живописцы, актеры, педагоги, писатели, зоологи, инженеры. И их работы внесли очень много ценного. Наука о «Слове» стала народной. Она давно ведется «на общественных началах». Чем больше мы изучаем «Слово», тем бо́льшим оно нам представляется, тем больше мы познаем отраженный в нем мир русской действительности XII века.

Один из исследователей древнерусских миниатюр назвал их «окнами в исчезнувший мир». «Слово о полку Игореве» — это тоже окно, через которое исследователь видит большой мир древней Руси. Несмотря на свои небольшие размеры, «Слово» — памятник необычайной художественной емкости. Чем пристальнее мы в него вглядываемся, тем больше мы в нем открываем.

«Слово» — это мир большого и сложного искусства, — искусства, тесно связанного с нуждами и волнениями своего времени, а потому и вечного.

Д. С. Лихачев

I

СЛОВО О ПЪЛКУ[I], [1] ИГОРЕВѢ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА*

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти [2] старыми словесы трудныхъ [3] повѣстии о пълку [4] Игоревѣ, Игоря Святъславлича [5]? Начати же ся тъи [6] пѣсни по былинамь [7] сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь [8] творити, то растѣкашется [9] мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ [10] по земли, шизымъ [11] орломъ подъ облакы. Помняшеть [12] бо, рече [13], първыхъ [14] временъ усобицѣ. Тогда пущашеть [15]

---

* За основу текста взят архетипный вид первого издания «Слова о полку Игореве» (П). Буквы і и й, система расстановки которых принадлежит первым издателям, заменены буквой и. На этом же основании не сговаривается иное, чем в первом издании и в остальных материалах по древнерусскому тексту «Слова», деление текста на слова (в древнерусской рукописи «Слова» текст был написан в сплошную строку), иная расстановка знаков препинания и иная система написания слов с прописной и строчной букв. Буквенные обозначения чисел заменены цифровыми, что в подстрочных примечаниях отмечается. В подстрочном аппарате к основному тексту приводятся разночтения с этим текстом, возникшие в результате внесения в текст первого издания конъектур и исправлений, а также разночтения с ним Екатерининского списка «Слова о полку Игореве» (Е), выписок из «Слова» в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (К), выписок из «Слова» в бумагах А. Ф. Малиновского (М) и заново перепечатанных восьмушек первого издания ($П_2$).

I, [1] *$П_2$* — плъку; *ЕМ* — полку. [2] *Е* — начати. [3] *М* — трудны[х]. [4] *ЕМ* — полку. [5] *Е* — Святъславича. [6] *Е* — тъ. [7] *Е* — былинамъ. [8] *Е* — пѣснѣ. [9] *Е* — растекашется. [10] *ЕМ* — волкомъ. [11] *М* — шизы[м]. [12] *ЕМ* — помняшетъ. [13] *Испр.; П* — речь; *ЕМ* — рѣчь. [14] *ЕМ* — первыхъ. [15] *М* — пуща-

10[16] соколовь[17] на стадо лебедѣи[18], которыи дотечаше, та преди пѣснь[19] пояше старому Ярославу[20], храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы[21], Касожьскыми[22], красному Романови[23] Святъславличю[24]. Боянъ же, братие, не 10[25] соколовь[26] на стадо лебедѣи[27] пущаше, нъ своя вѣщиа[28] пръсты на живая струны въскладаше[29], они же сами князем̑ъ[30] славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь[31] крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився[32] ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы[33] на землю Половѣцькую[34] за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своеи: «Братие и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзыя[35] комони да позримъ синего Дону». Спала князю умь[36] похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго[37], съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

О Бояне, соловию стараго[38] времени! А бы ты сиа плъкы[39] ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ[40] подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣснь[41] Игореви, того[42] внуку: «Не буря соколы занесе чресъ[43] поля широкая — галици[44] стады бѣжать[45] къ Дону Великому». Чи ли въспѣти[46] было, вѣщеи[47] Бояне, Велесовь[48] внуче: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ. Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ». Игорь ждетъ мила бра-

---

шетъ. [16] *П* — і; *ЕМ* — 10^{ть}. [17] *ЕМ* — соколовъ. [18] *ЕМ* — лебедеи. [19] *Испр.; П* — пѣсь; *Е* — пѣснѣ; *М* — пѣсни. [20] *Так в ЕМ; П* — Ярослову. [21] *ЕМ* — полкы. [22] *Е* — Косожьскыми; *М* — Косожскыми. [23] *М* — Роману. [24] *М* — Святославичу. [25] *П* — і; *Е* — 10^{ть}; *М* — 10ʾ. [26] *ЕМ* — соколовъ. [27] *ЕМ* — лебедеи. [28] *М* — вѣщия. [29] *М* — вскладаше. [30] *М* — князе^{м}, [31] *Е* — умъ. [32] *Е* — наполнився. [33] *Е* — полкы. [34] *Е* — Половецькую. [35] *Е* — бързыя. [36] *Е* — умъ. [37] *Е* — Половецкого. [38] *Е* — старого. [39] *Е* — полкы. [40] *Е* — умо^{м}. [41] *Испр.; П* — пѣсь; *Е* — пѣснѣ; *М* — пѣсни. [42] *П* — того (Олга); *Е* — того (Ольга); *по сведениям Н. М. Карамзина, слова* Олга (Ольга) *в рукописи не было.* [43] *$П_2$ЕМ* — чрезъ. [44] *М* — галицы. [45] *М* — бѣжатъ. [46] *М* — вспѣти. [47] *М* — вещеи. [48] *ЕМ* — Велесовъ.

Слово о полку Игоревѣ Игоря сына Святъславля внука Ольгова.

Нелѣпо ли ны бяшетъ братіе. начати
старыми словесы трудныхъ повѣстій
о полку Игоревѣ, Игоря Святъславича?
Начати жеся тъ пѣсни по былинамъ
сего времени, а не по замышленію Бо-
яню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хо-
тяше пѣснь творити, то расте-
кашется мыслію по древу, сѣрымъ
волкомъ по земли, шизымъ орломъ
подъ облакы. Помняшетъ бо рѣчь
первыхъ временъ усобицѣ. Тогда
пущашетъ 10-ть соколовъ на стадо
лебедей. Который дотечаше та
преди пѣснь пояше, старому Яро-
славу, храброму Мстиславу, иже
зарѣза Редедю предъ полкы Косожь-
скими, красному Романови Святъ-
славличю. Боянъ же братіе не 10-ть
соколовъ на стадо лебедей пущаше;
нъ своя вѣщіа пръсты на живая
струны въскладаше; они же сами
Княземъ славу рокотаху. По-
чнемъ же братіе повѣсть сію отъ
стараго Владимира до нынѣшняго
Игоря. Иже истягну умъ крѣпостію
своею, и поостри сердца своего:

та Всеволода. И рече[49] ему Буи Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ[50] свѣтъ свѣтлыи — ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! сѣдлаи, брате, свои бръзыи[II, 1] комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти[2] Куряни[3] свѣдоми къмети:[4] подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны[5], конець копия въскръмлени[6], пути имь[7] вѣдоми, яругы имъ[8] знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени[9], сами скачють[10], акы[11] сѣрыи влъци[12] въ полѣ, ищучи себе[13] чти, а князю славѣ».

Тогда въступи[14] Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою[15] путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь убуди, [16]свистъ звѣринъ [17]въста, збися[18] Дивъ, кличетъ[19] връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутораканьскыи[20] блъванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому. Крычатъ тѣлѣгы[21] полунощы[22], рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ[23] птиць [24]по дубию, [25]влъци[26] грозу въсрожатъ[27] по яругамъ[28], орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя[29] щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ[30] еси!

Длъго[31] ночь мрькнетъ[32]. Заря свѣтъ запала, мъгла[33] поля покрыла, щекотъ славии успе, говоръ галичь убудися[34]. Русичи великая поля чрьлеными[35] щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ[36] зарания въ пятъкъ[37] потопташа поганыя плъкы[38] Половецкыя и, рассушясь[39] стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и

---

[49] *Е* — речь. [50] *Е* — одиⁿ.

[II, 1] *Е* — бързыи. [2] *Нет в К.* [3] *К* — Куряне. [4] *М* — къ мѣти. [5] *Е* — възлѣлѣяни; *М* — взлелѣяни. [6] *М* — вскръмлени. [7] *ЕМ* — имъ. [8] *Е* — имь. [9] *Е* — изострени; *М* — изострѣни. [10] *ЕМ* — скачютъ. [11] *М* — аки. [12] *ЕМ* — вълци. [13] *ЕМ* — себѣ. [14] *Е* — вступи. [15] *Е* — тмою. [16–18] *Нет в Е.* [17–18] *Испр.; П* — въ стазби. [19] *Е* — кличеть. [20] *Е* — Тъмуторокань-скыи. [21] *Е* — телѣгы. [22] *Е* — полунощи. [23] *ЕМ* — пасеть. [24–25] *Испр.; ПЕ* — подобию. [26] *Е* — волци. [27] *Е* — въсрожать. [28] *Е* — яругамь. [29] *Е* — чрленыя. [30] *Е* — Шоломянемъ. [31] *Е* — долго. [32] *Так в Е; П* — мркнетъ. [33] *Е* — мьгла. [34] *Испр.; ПЕ* — убуди. [35] *Е* — чрълеными. [36] *Е* — с'. [37] *Испр.; П* — пяткъ; *Е* — пякъ. [38] *Е* — полкы. [39] *Е* — рассушась; *М* — рассоушя[с].

паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами[40] и япончицами, и кожухы начашя[41] мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми[42]. Чрьленъ[43] стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена[44] чолка, сребрено стружие[45] — храброму Святьславличю[46]!

Дремлетъ[47] въ полѣ Ольгово[48] хороброе гнѣздо. Далече залетѣло[49]! Не было онъ[50] обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи[III, 1] воронъ, поганыи Половчине! Гзакъ бѣжитъ[2] сѣрымъ влъкомъ[3], Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ[4], чръныя[5] тучя[6] съ моря идутъ[7], хотятъ[8] прикрыти 4[9] солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии[10]. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго[11]! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти[12] о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго[13].

О Руская землѣ[14]! Уже за[15] шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами[16] на храбрыя[17] плъкы[18] Игоревы. Земля тутнетъ[19], рѣкы мутно текуть[20], пороси поля прикрываютъ[21], стязи глаголютъ: Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя плъкы[22] оступиша[23]. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными[24] щиты.

Яръ Туре Всеволодѣ[25]! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами[26], гремлеши о шеломы мечи харалужными[27]. Камо, Туръ, поскочяше[28], своимъ златымъ[29] шеломомъ[30] посвѣчивая, — тамо лежатъ[31] поганыя головы Половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы

---

[40] *Е* — орътмами; *М* — оръть-мами. [41] *Е* — начаша. [42] *Е* — Половецкыми. [43] *Е* — чрълень. [44] *Е* — чръвлена. [45] *М* — строужие. [46] *Е* — Святъславличю. [47] *Е* — дремлеть. [48] *Е* — Олгово. [49] *Е* — залѣтѣло. [50] *Испр.; ПЕ* — нъ.

[III, 1] *Е* — черныи. [2] *Е* — бѣжить. [3] *Е* — волкомъ. [4] *Е* — повѣдаю[т]. [5] *Е* — черныя. [6] *Е* — туча. [7] *Е* — идуть. [8] *Е* — хотять. [9] *Так в Е; П* — д.

[10] *Е* — молнии. [11] *Е* — великого. [12] *Е* — потручати. [13] *Е* — великого. [14] *Е* — земле. [15] *Испр.; ПЕ* — не. [16] *Е* — стрелами. [17] *Нет в К.* [18] *Е* — полки; *К* — полкы. [19] *М* — тоутнетъ. [20] *Е* — текутъ. [21] *Е* — прикрывають. [22] *Е* — полки. [23] *Испр.; ПЕ* — отступиша. [24] *Е* — чръвлеными. [25] *Е* — Всеволоде. [26] *Е* — стрелами. [27] *М* — харалоужными. [28] *Е* — поскочаше. [29] *Е* — златымь. [30] *Е* — шеломо[м]. [31] *Е* — лежать.

Оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая раны, дорога братие, забывъ[32] чти и живота, и града Чрънигова[33] отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

Были вѣчи[34] Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци[35] Олговы, Ольга[36] Святьславличя[37]. Тъи[38] бо Олегъ мечемъ[39] крамолу коваше и стрѣлы[40] по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ[41], [42]тои же[43] звонъ слыша давныи великыи Ярославь, [44]а сынъ Всеволожь Владимиръ[45] по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину[46] зелену паполому[47] постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплъкь[48] полелѣя[49] отца своего междю Угорьскими[50] иноходьцы[IV, 1] ко святѣи[2] Софии къ Киеву[3]. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть[4] усобицами, погибашеть[5] жизнь Даждь-Божа[6] внука, въ княжихъ[7] крамолахъ вѣци человѣкомь[8] скратишась. Тогда по Рускои земли[9] рѣтко[10] ратаевѣ[11] кикахуть[12], нъ часто врани граяхуть[13], трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть[14]: хотять[15] полетѣти[16] на уедие[17]. То было въ ты рати, и въ ты плъкы[18], а сицеи рати не слышано! Съ зарания до вечера, съ вечера до свѣта летятъ[19] стрѣлы[20] каленыя, гримлютъ[21] сабли о шеломы, трещатъ копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна[22] земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Рускои земли!

Что ми шумить, что ми звенить далече[23] рано предъ зорями? Игорь плъкы[24] заворочаетъ[25]: жаль бо ему мила

---

[32] *Е* — забывь. [33] *Е* — Чернигова. [34] *К* — сѣчи. [35] *Е* — полци. [36] *Е* — Олга. [37] *Е* — Святъславлича. [38] *ЕМ* — тои. [39] *Е* — мечемь. [40] *Е* — стрелы. [41] *Е* — Тмутороканѣ. [42–43] *Испр.; ПЕ* — тоже. [44–45] *Испр.; П* — сынъ Всеволожь: а Владимиръ; *Е* — сынъ Всеволожъ: а Владимиръ. [46] *М* — Казанину. [47] *М* — па-поломоу. [48] *Е* — Святополкъ; *К* — Святоплкъ. [49] *Испр.; ПЕ* — повелѣя. [50] *К* — Угоръскими.

[IV, 1] *Е* — иноходцы. [2] *К* — св. [3] *К* — Кыеву. [4] *М* — растяшетъ. [5] *Е* — погыбашеть; *М* — погыбашетъ. [6] *М* — Даждъ-Божа. [7] *М* — княжи[х]. [8] *Е* — человѣкомъ; *М* — человѣко[м]. [9] *М* — землѣ. [10] *М* — рѣдко. [11] *М* — ратаеве. [12] *М* — кикахоуть. [13] *М* — грояхуть. [14] *М* — говоря, хуты. [15] *М* — хотятъ. [16] *Е* — полѣтѣти. [17] *М* — оуедие. [18] *Е* — полкы. [19] *Е* — летять. [20] *Е* — стрелы. [21] *Е* — гримлють. [22] *Е* — черна. [23] *Испр.; П* — давечя; *Е* — давеча. [24] *Е* — полкы. [25] *Е* — заворочаеть.

пища · и побѣжени быша половци · и бѣша гадовѣжъ.
и множество полона взяша и жены и дѣтей · и стояша
на вежахъ · три дни · веселящеся :

ркоуще братья наша ходили · со стославо великимъ кнзе

и стрѣляша с ними стрѣлци · а копьи не снимаше · а дроу
ны отъжыдающе · к водѣ не дадучи · и итти :

притиснаша к ним дроужина вся · много множство · наши видѣ
вше не оужасоша · и не далини своего отпаша · не вѣдающе

брата Всеволода. Бишася день, бишася[26] другыи, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы; ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с[27] тугою къ земли преклонилось[28].

Уже бо, братие, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила[29] дѣвою[30] на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы[31] на синѣмъ[32] море[33] [34]у Дону[35], плещучи[36], убуди жирня времена. Усобица княземъ[37] на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же». И начяша[38] князи про малое «се великое» млъвити[39], а сами на себѣ[40] крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече заиде соколъ, птиць бья, — къ морю. А Игорева храбраго[41] плъку[42] не крѣсити[43]. За нимъ[44] кликну Карна, и Жля поскочи по Рускои земли, смагу людемъ[45] мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Руския[46] въсплакашась[47], а ркучи: «Уже намъ[48] своихъ[49] милыхъ[50] ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима[V, 1] съглядати[2], а злата и сребра ни мало того потрепати!» А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ[3] напастьми. Тоска разлияся по Рускои земли, печаль жирна тече[4] средь[5] земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича[6], Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста[7], которую то бяше успилъ отецъ[8] ихъ Святъславь грозныи[9] великыи[10] Киевскыи[11]

---

[26] *Е* — бишась. [27] *М* — съ. [28] *М* — приклонилось. [29] *Испр.; ПЕ* — вступилъ; *М* — въстоупилъ. [30] *М* — двою. [31] *Е* — крилы. [32] *Е* — синемъ. [33] *Е* — морѣ. [34–35] *М* — оудоноу. [36] *М* — плещоучи. [37] *Е* — княземь. [38] *Е* — начаша. [39] *Е* — молвити. [40] *Е* — себе. [41] *Е* — храброго. [42] *Е* — полку. [43] *Е* — кресити. [44] *Е* — нимь. [45] *Так в Е; в П — нет.* [46] *ЕМ* — рускыя. [47] *М* — всплакашась. [48] *Е* — намь; *М* — на^м. [49] *М* — свои^х. [50] *М* — милы^х.

[V, 1] *Е* — о очима. [2] *М* — зглядати. [3] *Е* — Черниговь. [4] *Е* — утече. [5] *Е* — средѣ. [6] *Е* — Святъславличя. [7] *Испр.; ПЕ* — убуди. [8] *Е* — отець. [9] *Е* — гроздныи. [10] *Е* — выликыи. [11] *Е* — киевьскыи.

грозою, бяшеть притрепалъ[12] своими сильными[13] плъкы[14] и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути[15] рѣки[16] и озеры, иссуши потоки[17] и болота. А поганаго[18] Кобяка [19]изъ луку[20] моря, отъ желѣзныхъ[21] великихъ[22] плъковъ[23] Половецкихъ[24], яко вихръ, выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ[25] князя[26] Игоря, иже погрузи[27] жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкия[28], Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ[29] изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

А Святъславь[30] мутенъ сонъ[31] видѣ[32] въ Киевѣ на горахъ. «Си ночь съ вечера одѣвахуть[33] мя, — рече, — чръною[34] паполомою на кроваты[35] тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомь[36] смѣшено, сыпахуть ми тъщими тулы[37] поганыхъ тльковинъ[38] великыи женчюгь на лоно, и нѣгуютъ[39] мя. Уже дьскы[40] безъ кнѣса в[41] моемъ теремѣ златовръсѣмъ[42]. Всю нощь съ вечера бусови[43] врани възграяху у Плѣсньска[44] на болони бѣша дебрь Кисаню и несошася[45] къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слѣтѣста[46] съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя[47], а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца[48] припѣшали поганыхъ саблями, а самою[49] опуташа[50] въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 [VI, 1] день: два солнца помѣркоста[2], оба багряная стлъпа погасоста,[3] и въ морѣ погрузиста[4],

---

[12] *Испр; ПЕ* — притрепеталъ. [13] *Е* — силными. [14] *Е* — полкы. [15] *Е* — в҅змути. [16] *Е* — рѣкы. [17] *Е* — потокы. [18] *Е* — поганого. [19–20] *М* — излоуку. [21] *Е* — желѣзны^х. [22] *Е* — великыхъ. [23] *Е* — полковъ. [24] *Е* — Половецкыхъ. [25] *Е* — каютъ. [26] *М* — кн:. [27] *М* — погроуѕи. [28] *Е* — Половецкыя. [29] *Е* — высѣде. [30] *Е* — Святъславъ. [31] *Е* — со^н. [32] *Е* — виде. [33] *Испр.; ПЕ* — одѣвахъте. [34] *Е* — черною. [35] *Е* — кровати. [36] *Е* — трудо^м. [37] *М* — тоулы. [38] *ЕМ* — тлъковинъ. [39] *Е* — нѣгують. [40] *Е* — дъскы. [41] *Е* — въ. [42] *Е* — златовръсемъ. [43] *Испр.; П* — босуви; *Е* — бо-суви. [44] *Е* — Плѣньска. [45] *Испр.; ПЕ* — не сошлю. [46] *Е* — слетѣста. [47] *Е* — Тмутороканя. [48] *Е* — крилца. [49] *Испр.; П* — самаю; *Е* — самого. [50] *Так в Е; П* — опустоша.

VI, [1] *П* — г; *Е* — 3^и. [2] *Е* — померкоста. [3–4] *Переставлено сюда; в ПЕ — после слов* «пардуже гнѣздо».

и съ нима[5] молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою[6] ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Рускои земли прострошася Половци, аки[7] пардуже гнѣздо[8], и великое буиство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса Дивь[9] на землю. Се бо Готския[10] красныя дѣвы въспѣша[11] на брезѣ [12]синему морю[13], звоня Рускымъ златомъ, поютъ[14] время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия[15]».

Тогда великии[16] Святъславъ[17] изрони злато слово слезами смѣшено и рече: «О, моя сыновчя[18], Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте[19]. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ[20] харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моеи сребренеи сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава, съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры[21], и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы[22]. Тии бо бес[23] щитовь[24] съ засапожникы кликомъ плъкы[25] побѣждаютъ[26], звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитимъ[27], а заднюю ся сами подѣлимъ[28]». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ[29] бываетъ[30], высоко птицъ[31] възбиваетъ[32], не дастъ[33] гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло — княже ми не пособие: наниче ся годины обратиша. Се у Римъ[34] кричатъ[35] подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ[36] подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великыи княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити[37], а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощеи по ре-

---

[5] *Испр.; ПЕ* — нимъ. [6] *Е* — тмою. [7] *Е* — акы. [8] *В ПЕ далее следует:* «и въ морѣ погрузиста». [9] *Е* — Дивъ. [10] *Е* — Готьскыя. [11] *К* — вспѣша. [12–13] *К* — синяго моря. [14] *Е* — поють. [15] *Е* — веселиа. [16] *Е* — великыи. [17] *Так в Е; П* — Святславъ; *К* — Святославъ. [18] *Е* — сыновча. [19] *Е* — прольясте. [20] *Е* — жестоцѣмъ. [21] *Е* — Шелъбиры. [22] *Е* — Олбѣры. [23] *Е* — бесъ. [24] *Е* — щитовъ. [25] *Е* — полкы. [26] *Е* — побѣждають. [27] *Е* — похытимь. [28] *Е* — подѣлимь. [29] *Е* — мытѣхъ. [30] *Е* — бываеть. [31] *Е* — птиць. [32] *Е* — възбиваеть. [33] *Е* — дасть. [34] *Е* — рим. [35] *К* — кричать. [36] *К* — Володимеръ. [37] *Е* — роскропити.

занѣ[38]. Ты бо можеши посуху живыми[39] шереширы стрѣляти[40], удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буи Рюриче, и Давыде! Не ваю ли вои[41] злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ[42] акы[43] тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина[44], въ злата[45] стремень за обиду сего времени, за[46] землю Русскую[47], за раны Игоревы, буего Святславлича[48]!

Галичкы Осмомыслѣ[49] Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ[50] столѣ, подперъ горы Угорскыи [VII, 1] своими желѣзными плъки[2], заступивъ королеви путь, затворивъ[3] Дунаю ворота, меча бремены[4] чрезъ облаки[5], суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ[6], отворяеши[7] Киеву[8] врата, стрѣляеши[9] съ отня злата стола салтани[10] за землями. Стрѣляи[11], господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича[12]!

А ты, буи Романе, и Мстиславе! Храбрая мысльноситъ[13] ваю[14] умъ[15] на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ[16] ширяяся, хотя птицю въ буиствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи[17] паворзи[18] подъ шеломы Латинскими[19]. Тѣми тресну земля, и многи[20] страны — Хинова[21], Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулици своя повръгоша[22], а главы своя подклониша[23] подъ тыи мечи харалужныи[24]. Нъ уже, княже, Игорю утръпѣ[25] солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по[26] Роси и[27] по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку[28] не крѣсити[29]! Донъ ти, княже, кличетъ[30] и зоветь[31] князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань...

---

[38] *К* — рѣзани. [39] *Нет в Е.* [40] *Е* — стреляти. [41] *Добав.; в ПЕ — нет.* [42] *Е* — рыкаютъ. [43] *Е* — аки. [44] *Е* — гна. [45] *К* — златыи. [46] *Е* — зане. [47] *Е* — Рускую. [48] *Е* — Святьславлича. [49] *ЕК* — Осмомысле. [50] *Е* — златокованнемъ.

VII, [1] *Е* — Угорьскыи. [2] *Е* — полки; *К* — плъкы. [3] *К* — затвори къ. [4] *Так в К; ПЕ* — времены. [5] *Е* — облакы. [6] *ЕК* — текуть. [7] *Так в ЕК; П* — оттворяеши. [8] *К* — Кыеву. [9] *Е* — стреляеши. [10] *Е* — Салътани. [11] *Е* — стреляи. [12] *Е* — Святъславича. [13] *Е* — носить. [14] *Испр.; ПЕ* — васъ. [15] *Е* — умь. [16] *Е* — вѣтрѣхъ. [17] *Е* — желѣзнии. [18] *Испр.; ПЕК* — папорзи. [19] *Е* — Латиньскыми. [20] *Е* — многы. [21] *Нет в К.* [22] *Так в ЕК; П* — повръгоща. [23] *Испр.; ПЕК* — поклониша. [24] *К* — харулужныи. [25] *Так в Е; П* — утрпѣ. [26–27] *Испр.; П* — Рсии; *Е* — Роси. [28] *Е* — полку. [29] *Е* — кресити. [30] *Е* — кличеть. [31] *Е* — зоветъ.

Инъгварь[32] и[33] Всеволодъ и вси три Мстиславичи[34] не худа гнѣзда шестокрилци[35]! Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкии[36] и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами[37] за землю Русскую[38], за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ[39] сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ[40] онымъ грознымъ Полочаномъ[41] подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовския[42], притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И с хотию на кровать, и рекъ: «Дружину [43]твою, княже[44], птиць крилы приодѣ[45], а звѣри[46] кровь полизаша[47]». Не бысть[48] ту брата Брячяслава[49], ни другаго — Всеволода, единъ же изрони жемчюжну[50] душу изъ храбра тѣла чресъ VIII.[1]
злато ожерелие. Унылы[2] голоси, пониче веселие, трубы трубятъ Городеньскии.

Ярославе и вси внуце Всеславли! Уже понизите[3] стязи свои, вонзите[4] свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣднеи славѣ. Вы бо своими крамолами начясте[5] наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которою[6] бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ[7] вѣцѣ Трояни[8] връже Всеславъ жребии о дѣвицю себѣ любу. Тъи[9] клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго[10]. Скочи [11]отъ нихъ[12] лютымъ звѣремъ[13] въ плъночи[14] изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ[15] мьглѣ, утръже вазни[16] с три кусы: отвори[17] врата Нову-граду, разшибе[18] славу Ярославу, скочи влъкомъ[19] до Немиги съ Дудутокъ.

---

[32] *ЕК* — Ингварь. [33] *Нет в К.* [34] *Е* — Мстиславличи; *К* — Мстиславича. [35] *Е* — шестокрильци. [36] *Е* — ляцкыи. [37] *Е* — стрелами. [38] *Е* — Рускую. [39] *Е* — течеть. [40] *К* — течеть. [41] *Е* — Полочяномъ. [42] *Е* — Литовьскыя. [43–44] *М* — княжую. [45] *М* — приоде. [46] *ЕМ* — звери. [47] *М* — полизаше. [48] *Испр.; П* — бысь; *Е* — бы. [49] *Е* — Брячаслава. [50] *Е* — жемчужну.

VIII, [1] *Е* — чрезъ. [2] *Е* — уныли. [3] *Испр.; ПЕ* — понизить. [4] *Испр.; ПЕ* — вонзить. [5] *Е* — начасте. [6] *Испр.; ПЕ* — которое. [7] *Е* — седмомъ. [8] *Е* — Зояни. [9] *Е* — тъ. [10] *Е* — Киевьскаго. [11–12] *Е* — отныхъ. [13] *Е* — зверем. [14] *Е* — полночи. [15] *Е* — сине. [16] *Так в Е; П* — воззни. [17] *Так в Е; П* — оттвори. [18] *Е* — разшибѣ. [19] *Е* — волкомъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными[20], на тоцѣ животъ кладутъ[21], вѣютъ душу отъ[22] тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть[23] посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ[24] сыновъ[25].

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше[26], а самъ въ ночь влъкомъ[27] рыскаше: изъ[28] Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ[29] путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ[30] позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа[31] въ дръзѣ[32] тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и пръвое[33] припѣвку[34], смысленыи[35], рече: «Ни хытру[36], ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!»

О, стонати Рускои земли, помянувше пръвую[37] годину и пръвыхъ[38] князеи! Того стараго Владимира нельзѣ[39] бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ[40]; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы[41], нъ [42] розно ся[43] имъ хоботы пашутъ[44]. Копиа поютъ!

На Дунаи Ярославнынъ[45] гласъ слышитъ[46], зегзицею незнаемь рано кычеть. «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ[47] въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «О вѣтрѣ[48], вѣтрило! Чему, господине[49], насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ[50] горѣ[IX, 1] подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на бороролѣ, а ркучи: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку[2] Кобякова.

---

[20] *ЕМ* — халужными. [21] *Е* — кладуть. [22] *М* — о^т^. [23] *М* — бяхутъ. [24] *М* — руски^х^. [25] *Е* — сыновь. [26] *Е* — радяше. [27] *Е* — волкомь. [28] *Е* — исъ. [29] *Е* — волкомь. [30] *Е* — Полотьскѣ. [31–32] *Испр.; П* — въ друзѣ; *Е* — в'друзѣ. [33] *Е* — первое; *М* — перъвое. [34] *М* — притовку. [35] *М* — смысленныи. [36] *М* — хитру. [37] *Е* — первую. [38] *Е* — первыхъ. [39] *Е* — нелзѣ. [40] *Е* — Киевьскымъ. [41] *Е* — Давидови. [42–43] *Испр.; ПЕ* — рози нося. [44] *Е* — пашуть. [45] *Е* — Ярославнымъ. [46] *Е* — слышить. [47] *Е* — плачеть. [48] *Е* — вѣтре. [49] *Е* — гне. [50] *Е* — бяшеть.

[IX, 1] *Испр.; ПЕ* — горъ. [2] *Е* — полку.

Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море[3] рано».

Ярославна рано[4] плачетъ[5] въ[6] Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце[7]! Всѣмъ[8] тепло и красно еси, чему, господине[9], простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче».

Прысну море полунощи; идутъ[10] сморци мьглами. Игореви князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкои на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ[11], Игорь бдитъ[12], Игорь мыслию поля мѣритъ[13] отъ великаго[14] Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою — велить князю разумѣти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи[15] горнастаемъ[16] къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, възвръжеся[17] на бръзъ[18] комонь и скочи съ него босымъ[19] влъкомъ[20], и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами[21], избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ[22] полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ[23] потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая[24] комоня.

Донецъ[25] рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Рускои земли веселиа!» Игорь рече: «О, Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънахъ[26], стлавшу ему зелѣну[27] траву на своихъ[28] сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами[29] подъ сѣнию зелену древу. Стрежаше ѐ гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ[30]». Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к усту, уношу князю Ростиславу затвори [31]днѣ при[32] темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля[33] по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонилось[34].

---

[3] *Е* — морѣ. [4] *Е* — на морѣ. [5] *Е* — плачеть. [6] *Испр.; ПЕ* — къ. [7] *Е* — солнце. [8] *Е* — всемъ. [9] *Е* — гне. [10] *Е* — идуть. [11] *Е* — спить. [12] *Е* — бдить. [13] *Е* — мѣрить. [14] *Е* — великого. [15] *Е* — поскачи. [16] *Е* — горностаемъ. [17] *Е* — въвержеся. [18] *Е* — борзъ. [19] *Е* — босым. [20] *Е* — волкомъ. [21] *Е* — мглами. [22] *Е* — соколом. [23] *Е* — волкомъ. [24] *Е* — борзая. [25] *Е* — Донець. [26] *Е* — волнахъ. [27] *Е* — зелену. [28] *Е* — свои^х^. [29] *Е* — мглами. [30] *Е* — вѣтрѣхъ. [31–32] *Испр.; ПЕ* — Днѣпрь. [33] *Так в Е; П* — Ростиславя. [34] *Испр.; П* — прѣклонило; *Е* — преклонило.

А не сорокы втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ[35] Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша[36], сорокы не троскоташа, полозие[37] ползоша[38] только[39]. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ[40], соловии веселыми пѣсньми[41] свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ[42] Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ[43], — соколича ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами[44]». Рече[45] Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ[46], а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею[47]». И рече[48] Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына Святъславля, пѣснотворца[49] стараго времени Ярославля: «Ольгова коганя хоти! Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы», — Рускои земли безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ[50] — Игорь князь въ Рускои земли. Дѣвици поютъ на Дунаи — вьются голоси чрезъ[51] море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощеи. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ[52], а потомъ — молодымъ[53] пѣти! Слава Игорю Святъславличю[54], Буи Туру Всеволоду[55], Владимиру Игоревичу[56]! Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны[57] на поганыя плъки[58]! Княземъ слава а дружинѣ.

Аминь.

---

[35] *Е* — ѣздить. [36] *Е* — помолкоша. [37] *Испр.; П* — полозию; *Е* — по лозию. [38] *Е* — ползаша. [39] *Е* — толко. [40] *Е* — кажуть. [41] *Так в Е; П* — пѣсьми. [42] *Е* — молвить. [43] *Е* — летит. [44] *Е* — стрелами. [45] *Е* — речь. [46] *Е* — летить. [47] *Е* — дѣвицею. [48] *Е* — рекъ. [49] *Так в Е; П* — пѣстворца. [50] *Е* — небесе. [51] *Е* — чресъ. [52] *Е* — княземь. [53] *Е* — молодым. [54] *Испр.; П* — Святъславлича; *Е* — Святъславличь. [55] *Испр.; П* — Всеволодѣ; *Е* — Всеволоде. [56] *Е* — Игоревичь. [57] *Е* — христьаны. [58] *Е* — полки.

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же эта песнь по былям нашего времени, а не по замышлению Бояна!

Ведь Боян вещий, если хотел кому песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. То Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны воскладал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который скрепил ум волею своею и поострил сердце мужеством, преисполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что прикрыло оно его воинов тьмою. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на борзых коней и посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание отведать Дону Великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копье преломить на

границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу обоих половин этого времени, рыща по тропе Трояна через поля на горы.

Так бы пелась тогда песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону Великому». Или так бы запел ты, вещий Боян, внук Велеса: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Новегороде, стоят стяги в Путивле». Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы уже, оседланы у Курска. А мои куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли навострены, сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стонами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону Великому. Кричат телеги в полуночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже бéды его подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по яругам, орлы клектом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный затих, галичий говор пробудился. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Покрывалами, и плащами, и

одеждами стали мосты мостить по болотам и топям, и дорогими нарядами половецкими. Червленый стяг, белое знамя, червленый бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след прокладывает к Дону Великому.

На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям побиться о шеломы половецкие, на реке на Каяле, у Дона Великого.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр Тур Всеволод! Бьешься ты в первых рядах, прыщешь на воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами харалужными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат проклятые головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калеными, Яр Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, кто забыл о чести и богатстве, и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!

Были века Трояна, минули годы Ярослава, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступает в золотое стремя в городе Тмуторокани, звон же тот слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. А Бориса Вячеславича слава на смерть привела, и на Канине зеленую паполому постлала за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче засевалась

и прорастала усобицами, погибала жизнь Дажь-Божьего внука, в княжеских крамолах жизни людские сокращались. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили: хотят полететь на поживу. То было в те рати и в те походы, а такой рати не слышано! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле неведомом среди земли Половецкой. Черна земля под копытами, костьми была посеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле!

Что шумит, что звенит вдалеке рано перед зорями? Игорь полки заворачивает: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина недостало, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с тоской к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась обида над войском Дажь-Божьего внука, вступила девой на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеская, растревожила времена обилия. Борьба князей с погаными кончилась, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю. А Игорева храброго полка не воскресить! По нем завопила Карна, и Жля понеслась по Русской земле, размыкивая огонь людям в пламенном роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра и пуще того в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, поганые же сами, с победами нарыскивая на Русскую землю, брали дань по белке от двора.

Так и те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже зло пробудили, которое перед тем усыпил было отец их, Святослав грозный великий киевский, грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; пришел на землю Половецкую, притоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем вырвал, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, который утопил богатство на дне Каялы, реки половецкой, русского золота насыпал. Тут Игорь-князь пересел из золотого седла в седло половецкое. Уныли городские стены, и веселье поникло.

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черной паполомой на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, осыпа́ли меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых толковин и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, были в дебри Кисановой и понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, тоска ум полонила. Вот слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмуторокани или хотя бы испить шлемом Дона. Уже соколам крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно ведь было на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла: по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок гепардов, и великое ликование пробудили в хинове. Уже низверглась хула на хвалу; уже ударило насилие по свободе; уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы воспели на берегу синего моря, звоня русским золотом, воспевают время Бусово, лелеют месть за Шарукана. А мы уже, дружина, невеселы».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкой земле мечами досаждать, а себе славы искать. Но не по чести одолели,

не по чести кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

А уже не вижу власти сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Они ведь без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прошлую славу сами поддержим, а будущую сами поделим». А разве удивительно, братья, старику помолодеть? Если сокол в мытех бывает, то высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло — князья мне не подмога: худо времена обернулись. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами. Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не думаешь ли ты прилететь издалека, отцовский золотой престол поберечь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а половец по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, храбрый Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, на поле неведомом? Вступите же, господа, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола салтанов за землями. Стреляй же, господин, Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

А ты, храбрый Роман, и Мстислав! Храбрые замыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу в

смелости одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие народы — хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы — копья свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не добром листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князи, уже поспели на брань...

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда соколы! Не по праву побед расхитили себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копья польские и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под криком поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен. ...и сказал: «Дружину твою, князь, крылья птиц приодели, а звери кровь полизали». Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода, так один он изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелие. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеслава! Уже склоните вы стяги свои, вложите в ножны мечи свои поврежденные, ибо утратили уже дедовскую славу. Своими крамолами начали вы наводить поганых на землю Русскую, на жизнь Всеслава. Из-за усобиц ведь пошло насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью оперся на коней и скакнул к городу Киеву, и коснулся стружием золотого престола киевского. Отскочил от них лютым зверем в полночь из Белгорода, повиснув на синем облаке, урвал удачу в три попытки: отворил ворота Новгороду, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны костьми русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до петухов дорыскивал Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перебегал. Ему в Полоцке позвонили к заутрени рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку молвил, смысленый: «Ни хитрому, ни удачливому, ни птице ловкой суда божьего не миновать!»

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне встали стяги Рюрика, а другие — Давыда, но врозь их полотнища развеваются. Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано кукует. «Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мечешь хиновские стрелки на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе было под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет на забрале города Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе ладьи Святославовы до войска Кобяка. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я рано к нему слез на море».

Ярославна рано плачет в Путивле на стене, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, почему же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки расслабило, горем им колчаны заткнуло».

Прыснуло море в полуночи, идут тучи вихрями. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой

на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит и не спит: Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь скакнул горностаем в тростники, белым гоголем — на воду, вспрыгнул на борзого коня, соскочил с него босым волком, и помчался по лугу Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, отряхая студеную росу: загнали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь сказал: «О Донец! Разве не мало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, расстилавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями в воздухе». Не такая, говорят, река Стугна: злую струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, а дерево в тоске к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит — расстреляем соколенка своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и будут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: «О жена когана Олега! Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы», — так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом — молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, заступая христиан от поганых полков! Князьям слава и дружине!

Аминь.

II

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Созданное в конце XII века «Слово о полку Игореве», как всякое замечательное творение человеческого гения, велико не только само по себе, но и тем влиянием, которое оно оказывало на русскую литературу во всем ее дальнейшем развитии. «Слово» имеет свою литературную судьбу и в древнем периоде русской литературы и в новом.

1

До нас дошло вместе с «Житием Александра Невского» произведение первой половины XIII века, носящее близкое к «Слову о полку Игореве» заглавие: «Слово о погибели Рускыя земли». К сожалению, это лишь отрывок, самое начало некогда более обширного произведения.

Вопрос о непосредственной зависимости «Слова о погибели Русской земли» от «Слова о полку Игореве» нельзя считать разрешенным: слишком мало по своему объему «Слово о погибели Русской земли»[1]. Однако очень многое сближает оба памятника. Для «Слова о погибели», в такой же мере как и для «Слова о полку», характерен высокий патриотизм, яркая публицистичность. Оба произведения пронизаны сознанием необходимости единства Русской земли. Сходно в обоих памятниках лирическое восприятие природы, близка их ритмическая структура. Академик А. С. Орлов писал, что «Слово о погибели Русской земли», «даже при неполноте

[1] См.: Н. К. Гудзий. О «Слове о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. 12, М.—Л., 1956, с. 527—545; А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. 15, М.—Л., 1958, с. 78—115.

дошедшего текста, является одним из перлов старинной литературы. Широкий горизонт, картинность изображения и горячая любовь к родине, некогда счастливой, теперь страдающей, но всегда прекрасной, роднят это произведение со „Словом о полку Игореве“»[1]. Оба памятника близки и тем, что и там и здесь перед нами сочетание плача и похвалы. В обоих текстах имеются совпадающие стилистические формулы, грамматические обороты, некоторые выражения. Слова, которыми обрывается «Слово о погибели», напоминают фразу, с которой начинается в «Слове о полку Игореве» переход от вступления к собственно повествовательной части произведения: «А в ты дни болезнь крестияном от великого Ярослава и до Володимера, и до нынешняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя володимерьскаго» — «Почнем же, братие, повесть сию от стараго Владимера до нынешняго Игоря. . .»

Все сказанное дает основание считать «Слово о погибели Русской земли» первым произведением русской литературы, поэтически родственным «Слову о полку Игореве».

В самом начале XIV столетия (в 1307 году) писец псковского Пантелеймонова монастыря Домид, желая выразить обуревавшие его чувства в связи с княжескими междоусобицами, вспомнил «Слово о полку Игореве». Заканчивая переписку церковной книги «Апостол», он написал: «В лето 6315. . . сии же Апостол книгы вда святому Пантелеймону Изосим, игумен сего же манастыря. Сего же лета бысть бой на Русьской земли: Михаил с Юрьем о княженье новгородьское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князех которы, и веци скоротишася человеком». Писец «Апостола» по-своему передал фразу «Слова»: «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась». Эта запись на книге 1307 года замечательна не только тем, что она документально подтверждает древность и подлинность «Слова о полку Игореве», но и тем, что она свидетельствует о прекрасном понимании людьми средневековой Руси основного идейного содержания «Слова» — его призыва к единению русских князей. Писцу начала XIV века была близка озабоченность автора «Слова» княжескими междоусобицами, ослаблявшими Русь и приносившими горе русскому народу. Запись 1307 года — пощаженный веками непосредственный отклик на «Слово о полку Игореве».

---

[1] А. С. Орлов. Героические темы древней русской литературы. М.—Л., 1945, с. 57.

«Слово о погибели Русской земли» было написано под впечатлением татаро-монгольского нашествия на северо-восточную Русь в 1237—1238 годах. Тревога автора за судьбы родины и напоминание о былом величии и могуществе Русской земли оказались поэтически близки созданному за полвека до этого «Слову о полку Игореве», которое призывало русских князей «загородить Полю ворота острыми стрелами». Интересно и не случайно, что поэтический отклик на события Куликовской битвы 1380 года, когда татары потерпели первый решительный разгром от русских войск, — «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче», — также был тесно связан со «Словом о полку Игореве». «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче...», или, как оно чаще называется по одному из дошедших до нас списков, «Задонщина», — целиком восходит к «Слову о полку Игореве». «Задонщина», как предполагает большинство исследователей, была написана в ближайшие годы после Куликовской битвы — в 80-х годах XIV столетия. Автором «Задонщины» был рязанец, иерей Софония. Как каждое подражание, сочинение Софонии в художественном отношении значительно слабее своего оригинала. В «Задонщине» много повторений, поэтические части памятника тесно переплетаются с частями, носящими ярко выраженный прозаический, иногда даже деловой характер [1]. И тем не менее Софония хорошо почувствовал основной идейный смысл «Слова о полку Игореве» — призыв к единению русских князей перед опасностью со стороны внешнего врага. Взяв за образец для своего произведения «Слово о полку Игореве», он тем самым сопоставлял воспеваемое им событие с событием, описанным в «Слове о полку Игореве». Читатель, знавший «Слово», при чтении «Задонщины» невольно мог сопоставить оба памятника и сравнить описываемые в них события, и тогда ему яснее становилась их основная идея: если у князей «врозь развеваются знамена» («розно ся имъ хоботы пашутъ»), как было во времена, воспетые в «Слове», то страна будет терпеть поражения от врагов, а вот если все они объединятся под знаменем одного князя, тогда враг будет побежден.

«Задонщина» была широко использована в одном из самых популярных в древнерусской литературе произведений, также посвященном Куликовской битве, — в «Сказании о Мамаевом побоище». «Сказание» широко распространялось в списках вплоть до XIX века,

---

[1] См.: Д. С. Лихачев. Черты подражательности «Задонщины» (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве»). — «Русская литература», 1964, № 3, с. 84—107.

и во вставках из «Задонщины» в «Сказании» «Слово о полку Игореве» в отраженном виде продолжало свою литературную жизнь до находки рукописи «Слова о полку Игореве» А. И. Мусиным-Пушкиным в конце XVIII века. С этого времени начинается второй период поэтической жизни «Слова о полку Игореве».

2

А. И. Мусин-Пушкин не сразу опубликовал «Слово о полку Игореве». Однако памятник этот привлек его внимание вскоре после приобретения им сборника с текстом «Слова». Во всяком случае еще при жизни Екатерины II, то есть до конца 1796 года, А. И. Мусин-Пушкин сделал для императрицы копию с древнерусского текста памятника и сопроводил этот текст переводом на современный русский язык. Этот Мусин-Пушкинский перевод является первым переводом «Слова о полку Игореве» с древнерусского языка на современный русский язык. Но не только императрица была удостоена чести познакомиться с замечательным памятником до его публикации. Находка А. И. Мусина-Пушкина и его первоначальный перевод «Слова» были известны и более широкому кругу лиц. До нас дошел в трех списках XVIII века перевод «Слова», в основе которого лежит первоначальный, Мусин-Пушкинский, перевод. Судя по предисловию к этому переводу, его автор сличал первоначальный перевод с древнерусским текстом «Слова» и вносил в него свои изменения и поправки. Наличие трех списков перевода XVIII века свидетельствует об интересе к «Слову о полку Игореве» уже до выхода в свет первого издания памятника. Об этом же говорят и сообщения о «Слове», появившиеся в печати до 1800 года. В начале 1797 года поэт М. М. Херасков во втором издании своей поэмы «Владимир» упомянул «Слово о полку Игореве» и в самом тексте поэмы посвятил Бояну «Слова о полку Игореве» лирическое отступление. Это первая поэтическая реминисценция из «Слова о полку Игореве» в русской литературе:

О древних лет певец, полночный Оссиян!
В развалинах веков погребшийся Баян!
Тебя нам возвестил незнаемый Писатель,
Когда он был твоих напевов подражатель.
Так Игорева песнь изображает нам,
Что душу подавал Гомер твоим стихам;
В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
Отважный львиный ход, парения орлины.

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ
О
ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ
УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО
ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

писанная

старинным русским языкомъ

въ исходѣ XII столѣтія

съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА
ВЪ Сенатской Типографіи,
1800.

Ты, может быть, Баян тому свидетель был,
Когда Владимир в Тавр закон приять ходил,
Твой дух еще когда витает в здешнем мире,
Води моим пером, учи играть на лире.

В том же 1797 году сообщение о находке рукописи «Слова о полку Игореве», с упоминанием имени Бояна, появилось в гамбургском журнале «Spectateur du Nord». Сообщение это было послано в журнал Н. М. Карамзиным.

В 1800 году вышло в свет первое издание «Слова о полку Игореве». Теперь широкий круг читателей мог познакомиться не только с переложением «Слова» на современный русский язык, но и с оригинальным текстом произведения: в книге параллельно были напечатаны и древнерусский текст и его перевод. В основу и этого перевода лег перевод А. И. Мусина-Пушкина, переработанный для издания А. Ф. Малиновским.

Все первые переводы «Слова» прозаические. Однако характерно, что во всех трех переводах подчеркивается поэтический характер произведения, говорится, что это поэма. В бумагах Екатерины II мы читаем: «В сем слове на подобие ироической поэмы описывается...» [1]. Перевод «Слова» в трех списках XVIII века назван «песней» и в предисловии сказано: «Сия поэма писана в исходе XII века» [2]. Наконец, на титуле первого издания напечатано: «Ироическая песнь о походе на половцов...», а в предисловии «Слово» названо поэмой.

Первый стихотворный перевод «Слова» появился в печати вскоре после выхода в свет первого издания — в 1803 году. Этот стихотворный перевод, автором которого был И. Серяков, открывает собой многочисленный ряд стихотворных переводов «Слова». Во всей дальнейшей истории «Слова о полку Игореве» сосуществуют прозаические и стихотворные переводы, что совершенно закономерно, ибо, как невозможно с точностью определить жанровую природу «Слова», так невозможно и решить вопрос о его ритмической структуре.

Вопрос о ритмике «Слова» давно волнует исследователей. Решения предлагались самые различные и подчас диаметрально противоположные. И уже само разнообразие гипотез и предположений красноречиво свидетельствует о справедливости замечания по это-

---

[1] Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960, с. 325.
[2] Там же, с. 335.

му вопросу, высказанного еще в начале XIX века А. Востоковым. А. Востоков говорил, что нельзя отрицать возможности какого-то определенного стихотворного размера в построении «Слова о полку Игореве», но, продолжал он, даже если этот размер «и сохранился до нас через столько веков в настоящем своем виде (что уже весьма сомнительно)», то и в этом случае «мы при всем том не только судить об нем, ни даже примерить его теперь не могли бы, за его древностью, ибо через 600 лет, верно, сколько-нибудь переменилась и прозодия языка русского. И потому Слово о полку Игореве не может иметь никакого отношения к позднейшему русскому стихотворству и размеру» [1].

Вслед за переводом И. Серякова появились стихотворные переложения «Слова» А. Палицына (1808), Н. Язвицкого (1812), И. Левитского (1813). Однако в отношении поэтических достоинств прозаический перевод-пересказ «Слова о полку Игореве», сделанный Н. М. Карамзиным и помещенный им в разделе «Поэзия» в 3-м томе «Истории государства Российского» (вышел в свет в 1816 году), стоит значительно выше всех названных стихотворных переложений «Слова». Большой интерес и в историческом развитии переводов «Слова» и в отношении литературных достоинств представляет прозаический перевод «Слова о полку Игореве» В. В. Капниста, осуществленный автором «Ябеды» в 1809—1813 годах, но оставшийся в рукописи и опубликованный лишь в 1950 году.

Еще больший интерес, чем ранние переводы «Слова о полку Игореве», представляет то влияние, которое оказало «Слово» в первую четверть XIX века на оригинальную русскую литературу. Первый исследователь литературной истории «Слова о полку Игореве» после 1800 года В. В. Сиповский писал даже, что влияние «Слова» на русскую литературу начала XIX века было так велико, что «чуть было не создало целой школы, вытесненной только в 20-х годах мощным влиянием Вальтер Скотта, под воздействием которого интерес к древней Руси сменился интересом к Руси московской и петровской» [2].

Восприятие «Слова о полку Игореве» в самом начале XIX столетия отражало предромантические вкусы литературной среды этого времени. Характерно в этом отношении, что наибольшее внимание было обращено на Бояна — «барда» древней Руси. Имя

---

[1] А. Востоков. Опыт российского стихосложения, изд. 2-е. СПб., 1817, с. 160.

[2] В. В. Сиповский. Следы влияния «Слова о полку Игореве» на русскую повествовательную литературу первой половины XIX в. — ИпоРЯС, т. 3, кн. 1. Л., 1930, с. 240.

Бояна, сравниваемое с именами Гомера и Оссиана, употреблялось и как имя личное первого «барда» древней Руси, и как нарицательное наименование древнерусских поэтов вообще. Это ярко сказалось уже в первом отклике на «Слово» М. М. Хераскова. Херасков в своей «Бахариане», напечатанной в 1803 году, вновь возвращается к образу Бояна и вместе с тем обращает внимание и на Ярославну, образ которой займет, как увидим ниже, весьма заметное место в русской литературе:

Мне бы слогом петь всегда одним,
Как певали Барды Русские,
Барды Русские, старинные,
Как Боян пел, древний соловей;
Он воскрес недавно в наши дни
К чести отдаленнейших веков,
В песни, петой как-то Игорю
Песнопевцем, неизвестным нам;
Но достоин он бессмертия!
Живо в песне всё рисовано,
Живо, важно и чувствительно;
Плачет, плачет Ярославовна,
Будто Горлица стенящая,
По любезном Святославиче,
Плачет, заставляя плакать нас;
Где орлом парит в бою певец,
Тамо слышен рокот, шум и гром;
Вот для нас достойный образец,
Как дела героев воспевать;
Важный в нем Гомер и Оссиян
С Ломоносовым сливаются;
А Боян еще важнее был,
Песнопевцем прославляемый,
Соколам уподобляемый.

В начатых в 1800 году, но опубликованных посмертно в 1807 году «Песнях, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам», обращается к образу Бояна А. Н. Радищев. И у него в общем проявляется традиционное для той эпохи восприятие певца русской древности, но Радищев сильнее подчеркивает героическую сторону Бояновых песен: «Певец лет древних славных, певец времени Владимира, коего в громе парящая слава быстро пронеслась до Геллеспонта, Боян, певец сладчайший, коего глас, соловьиному

подобный, столь нежно щекотал слухи твоих современников; возложи, Боян, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны; ниспошли ко мне песнь твою из горних чертогов света, где ты в беседе Омира и Оссиана торжество поешь ироев древних или славу богов; ниспошли, и да звук ее раздается во всех краях, населяемых потомками колен славянских»[1]. Радищевскому восприятию Бояна будет родственна трактовка его в преддекабристской и декабристской поэзии.

В 1801 году Н. М. Карамзин в «Пантеоне Российских авторов» поместил первым «портрет» Бояна с краткой характеристикой этого поэта русской древности: «Мы не знаем, — говорится здесь, — когда жил Боян и что было содержанием его сладких гимнов, но желание сохранить имя и память древнейшего русского поэта заставило нас изобразить его в начале сего издания. Он слушает поющего соловья и старается подражать ему на лире...»

Такое «оссиановское» восприятие «Слова» характерно для всех произведений начала XIX века, в которых авторы обращаются к мотивам «Слова»[2].

Во время Отечественной войны 1812 года усиливается патриотическое восприятие «Слова», Боян характеризуется теперь главным образом как певец, воспевавший героические воинские деяния далекого прошлого. В этот период многое в «Слове» звучит как намек на современные события. Это дало себя знать в переводах «Слова о полку Игореве» Палицына, Язвицкого, Левитского и отразилось в поэтических реминисценциях из «Слова».

В. А. Жуковский в «Певце во стане русских воинов», написанном, как отмечает сам автор, «после отдачи Москвы, перед сражением при Тарутине, находясь в Московском ополчении», для изображения деяний героев 1812 года пользуется образами «Слова». Обращаясь к Платову, Жуковский восклицает:

> Хвала, наш вихорь-атаман,
> Вождь невредимых, Платов!
> Твой очарованный аркан —
> Гроза для супостатов.

---

[1] А. Н. Радищев. Стихотворения. «Библиотека поэта». Малая серия. Л., 1953, с. 165.

[2] См.: С. Ф. Елеонский. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII — начала XIX вв. — «Слово о полку Игореве». Сб. статей под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., 1947, с. 95—123.

Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь.
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы.

Вспоминает Жуковский и Бояна; Боян у него — певец ратных деяний, помогающий своей лирой ратным делам:

Певцы — сотрудники вождям;
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам!
О радость древних лет, Боян!
Ты, арфой ополченный,
Летал пред строями славян
И гимн гремел священный.

В первом большом произведении А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» Боян выступает в традиционном толковании его как сладкого певца далеких, «давно минувших дней»:

...Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Бояна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелем свитый им венец.

В творчестве поэтов декабристского круга, обращавшихся к «Слову», превалируют темы патриотизма, воинских подвигов, и к традиционному восприятию Бояна прибавляется характеристика его как певца-гражданина, патриота.

Ф. Глинка уделял большое внимание «Слову» как произведению, имеющему значение для воспитания патриотизма, героики. В «Письмах к другу» он говорит, что писатели и историки должны рассказать о былой славе русских «словами старых повестей по былинам тех времен». И, как своего рода образец такого повествования, передает некоторые события, описанные «Словом». Это свое-

образное переложение «Слова о полку Игореве»: «Я воображаю, что, например, в 1185 году, около мая месяца приезжает он (описатель деяний тех времен. — *Л. Д.*) в Новгород-Северский и что́ находит там? Все княжество в движении; везде брящает оружие и блещут доспехи; готовятся к делу великому: навести полки на землю Половецкую за обиду Русской земли. Уже готово к бранному пиру; «уже ржут кони за Сулою, звенит слава в Киеве; трубят трубы в Новгороде; веют знамена в Путивле; ждет Игорь милого брата Всеволода» — и Всеволод Трубчевский, Святослав князь Рыльский и Владимир Путивльский спешат соединить войски свои с Игоревым и поискать счастья за синим Доном»[1]. В свой пересказ-изложение «Слова» Ф. Глинка включает стихотворный перевод отрывков из «Плача Ярославны». Отголоски «Плача Ярославны» (в изображении современных автору событий) наблюдаются в стихотворении Глинки «Сетование русской девы».

К. Ф. Рылеев посвящает Бояну одну из своих «дум» — «Боян». Боян у него — сладостный певец героических подвигов далекого прошлого. Отзвуки «Слова о полку Игореве» заметны и в других «думах» Рылеева: в «Рогнеде», «Владимире Святом», «Мстиславе Удалом». Об интересе Рылеева к героической стороне «Слова о полку Игореве» свидетельствует и его перевод отрывка из «Слова», в котором описываются воины-куряне:

Они под звуком труб повиты,
Концем копья воскормлены, —
Луки натянуты — колчаны их открыты,
Путь сведом ко врагам, мечи наточены,
Как волки серые, они по полю рыщут
И чести для себя, для князя славы ищут,
Ничто им ужасы войны!

Большое место образ Бояна — певца свободы и ратных подвигов занимает в некоторых поэтических произведениях Н. М. Языкова: «Баян к русскому воину при Димитрии Донском», «Песнь Барда во время владычества татар», «Песнь Баяна при начатии войны», «Услад».

Отдельные образы, речевые обороты, восходящие к «Слову о полку Игореве», встречаются и во многих прозаических произведениях первой четверти XIX века: в «Славянских вечерах» Т. Нареж-

---

[1] Ф. Глинка. Письма к другу. — Сб. «Декабристы», М.—Л., 1951, с. 325.

ного, в «Повести о Мстиславе I Владимировиче» Львова, в повести неизвестного автора «Рогнеда, или разорение Полоцка», в трагедии М. Крюковского «Елизавета, дочь Ярослава», в повестях А. Ф. Вельтмана «Святославич, вражий питомец» и «Кощей бессмертный», в «Аскольдовой могиле» М. Загоскина и в ряде других произведений.

К первой четверти XIX века относится один из лучших поэтических переводов «Слова о полку Игореве»: в 1817—1818 годах работает над «Словом» В. А. Жуковский. Однако поэт оставляет свой труд в рукописи. Перевод Жуковского стал известным лишь в конце столетия: в 1882 году он был издан известным исследователем «Слова» Е. В. Барсовым. Е. В. Барсов считал, что это был труд А. С. Пушкина. Если Е. В. Барсов ошибся в авторстве, то в высокой оценке поэтических достоинств этого перевода, в оценке его значения для дальнейших переводов «Слова» он оказался совершенно прав. До сих пор переложение В. А. Жуковского признается одним из лучших, многие советские переводчики «Слова» обращаются в своей работе к переводу Жуковского как к образцу, достойному подражания.

Ошибка Е. В. Барсова, приписавшего труд В. А. Жуковского А. С. Пушкину, не была случайной. Перевод Жуковского был обнаружен исследователем среди бумаг А. С. Пушкина. Это является лишь одним из свидетельств неизменного интереса Пушкина к «Слову о полку Игореве». Несмотря на то что большого специального исследования «Слова» Пушкин не оставил, до нас дошли некоторые его замечания по «Слову» — «Песнь о полку Игореве» (1836), его высказывания о «Слове» в «Набросках статьи о русской литературе» (1830), в статье «О ничтожестве литературы русской» (1834), сведения современников о его отношении к «Слову», о его высказываниях о «Слове». Все эти материалы свидетельствуют прежде всего о высокой оценке Пушкиным «Слова» как памятника древнерусской литературы, о его абсолютной убежденности в подлинности «Слова». В заметках «Песнь о полку Игореве» он писал: «Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока... Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? Но Карамзин не поэт. Державин? Но Державин не знал и русского языка, не только языка Песни о полку Игореве. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны,

ніами. возноимвто зѣ. и поступиша акбо нвидѣвше

ратнии оустремиша на ни. притиснοша ако водѣ нбиша

симин крѣпко. бысть зла бѣлми. дроузии скони и сѣдо

кони оба хоборони ими изнемогани и побѣени быша латнеобен:

сті

поме. и не обрѣтоша лего. яко он глоулъ горнии да и дано бъ

избавни. та и сѣ избави бъ издвоукопоганы: –

и всидержими бахоу. твердо и стрегоми. и потверка

в описании битвы и бегства»[1]. Пушкин живо интересовался и переводами «Слова» и исследованиями памятника. Переложение Жуковского Пушкин, видимо, получил от автора в самом конце 1833 года[2], а в начале этого года ему прислал свой перевод «Слова» А. Ф. Вельтман с большим посланием, в котором говорил о том, что решился взяться за работу над «Словом о полку Игореве» из-за отсутствия хоть сколько-нибудь удовлетворительных переводов «чудного памятника нашей древней словесности»[3]. Как установил Н. К. Гудзий, Пушкин, читая и делая пометки на переводах «Слова» Вельтмана и Жуковского, одновременно сам работал над статьей о «Слове о полку Игореве»[4]. Поэта не удовлетворяли все имевшиеся в его время переводы «Слова» и, главным образом, предлагаемые толкования древнерусского текста памятника: «Первые издатели приложили к ней («Песне о полку Игореве. — *Л. Д.*) перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны... первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными»[5].

Помимо полных переводов «Слова о полку Игореве», помимо реминисценций из него в различных литературных произведениях на темы древности, довольно часто переводился только плач Ярославны из «Слова», особую поэтичность которого, как мы видели, отмечал и Пушкин. Переводы эти носили в большинстве своем характер слащавой сентиментальности, представляя собой не столько перевод или переложение плача Ярославны, сколько романсы на тему плача. Характерно, что одна из вариаций на этот сюжет так и названа «романс» («Ярославна — романс». В. Загорский). Из всех вариаций XIX века на плач Ярославны отличается поэтичностью и глубоким проникновением в сущность оригинала «Плач Ярославны» И. И. Козлова, опубликованный в 1825 году в «Дамском журнале».

В 1839 году в Одессе вышел перевод «Слова», сделанный поэтом М. Д. Деларю. Для перевода он избрал размер «русского гекзамет-

---

[1] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 7. М.—Л., изд. АН СССР, 1951, с. 503.

[2] См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., Academia, 1955, с. 146.

[3] И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903, с. 174.

[4] Н. К. Гудзий. Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. Сборник статей под ред. Еголина. М., 1941, с. 268.

[5] А. С. Пушкин, т. 7, с. 502.

ра». Обосновывая принципы своего перевода, Деларю писал в предисловии к нему: «Песнь Игорю можно передать с точностью не тоническим размером наших народных песен и еще менее ямбом, как сделали то некоторые писатели, а поэтической мерной прозою, или нашим гекзаметром — мерою столь свойственною строению и духу языка русского». Перевод этот от всех предшествовавших ему отличался точностью воспроизведения подлинника и долгое время считался одним из лучших. Весьма высокую оценку дал переводу Деларю В. Г. Белинский: «Г. Де Ла Рю переложил «Песнь об ополчении Игоря» звучными прекрасными гекзаметрами, которые чрезвычайно хорошо подходят к характеру этой „Песни“»[1].

Середина XIX века ознаменовалась выходом в свет трех весьма популярных у читателей того времени переводов «Слова». Это переводы Д. Минаева (1846), Льва Мея (1850) и Н. Гербеля (1854).

Перевод Д. Минаева отличается вольным обращением с текстом оригинала, грубыми ошибками. У него, например, плач Ярославны, ставшей под пером переводчика дочерью киевского князя Святослава, «Святославу слышится». Переводчик не только по-своему передает оригинал, но «украшает» его собственными домыслами и обширными вставками. Так, например, фраза «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале» передается такой тирадой:

Ярославна поет в тишине
И идет, всё идет по стене.
И стоны и звуки несутся к нему,
И хочется песню всё слушать ему!

Перевод Н. Гербеля, выдержавший семь изданий, представляет собой что-то вроде коллекции различных стихотворных размеров. Переводчик разбил все «Слово» на двенадцать песен и для каждой, как пишет он сам в предисловии, «старался подобрать соответствующий ей стихотворный размер, чтобы тем удобнее подделаться под тон его («Слова о полку Игореве». — *Л. Д.*) сладко звучащей речи». Деление на песни носило произвольный характер, выбор стихотворных размеров для каждой песни также весьма субъективен. Вот как, например, начинается в его переводе «Слово»:

Не начать ли нам, ребята,
Складом пóвестей невзгод
Про поход на супостата,
Князя Игоря поход?

---

[1] «Литературное наследство», т. 56. Белинский, II. М., 1950, с. 23.

И начать нам без обмана
Эту песню про князей
По былинам наших дней —
Не по замыслам Бояна?
Если был певец-Боян
Вещим духом обоян...

Перевод Л. А. Мея был сделан автором в стиле народных песен. Убежденный, по его собственным словам, «в близком сродстве его («Слова». — *Л. Д.*) с нашими народными сказками и песнями», Мей попытался «уложить «Слово» в народный сказочный размер». Эта попытка, как и другие попытки в дальнейшем, придать «Слову» фольклорный колорит не может быть признана удачной. Если у Минаева «Слово о полку Игореве» по существу искажено и опошлено, если у Гербеля оно отличается несвойственной «Слову» легковесностью и пестротой, то под пером Мея, несмотря на бесспорно бо́льшую поэтичность и близость к оригиналу его перевода, памятник приобрел псевдонародный характер, весьма далекий от действительной народности «Слова»:

Аль затягивать, ребята, на старинный лад
Песню слезную о полку князя Игоря,
Князя Игоря Святславича!

Как Редедю могутной наш князь зарезывал
Перед теми ли дружинами Косожскими

Ох ты гой еси, гремучий соловей Боян!
Кабы ты теперь, соловушка,
Нам защелкал про дружины князя Игоря.

Бесспорно, однако, что все перечисленные переводы сыграли свою роль в раскрытии поэтической сущности «Слова», в развитии переводов «Слова». Как бы в конечном счете ни оценивали эти переводы мы, нельзя забывать и того, что в свое время они являлись важным фактом современной поэзии, который не может игнорироваться историком литературы. По выходе в свет перевода Минаева в печати появились весьма лестные о нем отзывы. Много хвалебных откликов вызвал и перевод Гербеля, в том числе и со стороны специалистов по «Слову» и знатоков древнерусской литературы (М. А. Максимовича, И. И. Срезневского, К. Д. Ушинского и других).

Удачным и для своего времени и в истории поэтических переложений «Слова» вообще должен быть признан перевод, сделанный А. Н. Майковым, над которым он работал в течение четырех лет и

выпустил в свет в № 1 журнала «Заря» за 1870 год. До этого, в 1868 году, поэтом в № 8 журнала «Модный магазин» был напечатан отрывок из перевода — «Игорь в плену» (Плач Ярославны). Перевод Майкова сделан белыми стихами, одним размером. Помимо своих высоких поэтических достоинств он отличается подлинной научностью. Майков проводит ряд самостоятельных изысканий по тексту памятника, консультируется с такими специалистами по «Слову» и истории древней Руси вообще, как И. И. Срезневский, М. А. Максимович, М. В. Прахов. Из предисловия Майкова к своему труду и из авторских примечаний видно, что переводчик был осведомлен не только в литературе по «Слову», к 70-м годам XIX века уже достаточно обширной, но и в исследованиях по древнерусской истории, искусству, литературе, фольклору. После издания 1870 года перевод Майкова неоднократно переиздавался в собраниях его сочинений.

Работа Майкова является последним действительно значительным переводом, сделанным большим поэтом в дореволюционное время. С. К. Шамбинаго, которому принадлежит один из лучших обзоров поэтических переводов «Слова» с года выхода в свет первого издания по 1934 год, так заканчивает характеристику перевода Майкова: «Вслед за Майковым в 70-х годах появляется сразу несколько переложений «Слова». Майковская работа была предельной высотой стихотворной поэтизации памятника. Позднейшие перелагатели, хотя и следуют за учеными комментаторами, хотя и стремятся, чтобы «переводы» их «отличались буквальностью», но ничего оригинального придумать не могут» [1].

Очень удачно поэтические образы «Слова» были использованы А. Н. Островским в «Снегурочке» в «Песни гусляров» (1873). В небольшом по объему тексте А. Н. Островский сумел передать наиболее яркие поэтические образы почти всего «Слова» — здесь и вещие рокочущие струны гуслей, и картины битвы, и образ плачущих по убитым жен, и удачное переосмысление яркого противопоставления в «Слове» битвы — мирному труду ратаев. Противопоставляя картины кровавых битв мирной жизни страны берендеев, А. Н. Островский тонко выявляет одну из основных сторон идейного содержания «Слова»: думы автора «Слова» о горе, которое приносят простому люду княжеские междоусобицы и набеги половцев, когда на мирных полях «рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче»:

---

[1] С. Шамбинаго. Художественные переложения «Слова». — В кн.: «Слово о полку Игореве». М.—Л., «Academia», 1934, с. 219.

Лижут
Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,
Тугой поникли деревья и травы.

Веселы грады в стране берендеев,
Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.
Слава
В роды и роды блюстителю мира!
Струны боянов греметь не престанут
Славу златому столу Берендея.

Поэтому весьма странно звучит характеристика «Песни гусляров» Островского, данная одним из исследователей поэтической жизни «Слова» в русской литературе: «В «Снегурочке», кладя в основу песни гусляров-берендеев «Слово о полку Игореве», он (А. Н. Островский. — *Л. Д.*), так же как и А. Толстой, не замечает внутренней силы «Слова», его героики: он видит только красочность языка, его узорную прелесть и пользуется им как орнаментом, внешне воспроизводящим эпоху»[1]. «Песнь гусляров» Островского без преувеличения может быть названа одним из самых замечательных поэтических переосмыслений «Слова о полку Игореве» в новой русской литературе.

3

Самый конец XIX — начало XX века в поэтическом восприятии «Слова» характеризуются вниманием к трагической стороне памятника — гибели Игоревой дружины в бескрайней дикой степи. Вместе с тем «Слово» осмысляется как явление русского поэтического гения, прошедшее через века и события и оставшееся таким же неизменно прекрасным, как и при своем создании.

Отдельные реминисценции из «Слова» встречаются в прозе И. А. Бунина. В рассказе 1895 года «На Донце», с эпиграфом из «Слова о полку Игореве», писатель, передавая свои собственные впечатления и переживания от поездки по степи, от разлившегося Донца, все время обращается к поэтическим образам «Слова». Позже, в

---

[1] Ю. В. Панышева. «Слово о полку Игореве» в русской и украинской поэзии XIX—XX веков. — Ученые записки Лен. гос. университета. Серия филологических наук, вып. 4. Л., 1939, с. 311.

30-е годы XX века, «Слово» найдет отражение в «Жизни Арсеньева». Но основным, большим поэтическим откликом на «Слово» в творчестве Бунина является его стихотворение «Ковыль» 1894 года. Ковыльная степь напоминает поэту далекое прошлое русской истории, поход Игоря на половцев. Поэтические образы стихотворения перекликаются с поэтикой «Слова», И. А. Бунин использует некоторые стилистические обороты «Слова», отдельные его выражения. Эпиграфом к стихотворению взята фраза «Слова»: «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями?»

В 1898 году К. К. Случевский в стихотворении «Ты не гонись за рифмой своенравной...» обращается к поэтическому образу плачущей Ярославны, раздумывая о непреходящей ценности поэзии. В том же году на это стихотворение Случевского откликается Владимир Соловьев и пишет «Ответ на „Плач Ярославны"», в котором говорит о вечности поэтических творений:

...Пускай Пергам давно во прахе,
Пусть мирно дремлет тихий Дон:
Всё тот же ропот Андромахи,
И над Путивлем тот же стон.

О силе поэтического образа Ярославны, созданного поэтом в «стародавние» времена, но вечно живого, воплощающего в себе образ русской женщины, пишет в своем стихотворении «Певцу Слова» Валерий Брюсов в 1912 году:

...Стародавней Ярославне тихий ропот струн.
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.
Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто Слово спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?
Или русских женщин лики все в тебе слиты?
Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна ты!

Непосредственных заимствований из «Слова» или откликов на «Слово о полку Игореве» у А. Блока нет. Но отдельные поэтические места в его произведениях, по-видимому, восходят к поэтике «Слова». Вероятно, «Дева Обида» «Слова», «плещущая лебедиными крыльями» и прогоняющая счастливые времена, навеяла поэту такую строфу в «Скифах»:

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

Отдельные обороты в цикле стихов Блока «На поле Куликовом» и в стихотворении «Новая Америка», которые входят в книгу стихов «Родина», возникли у поэта вероятно не без влияния поэтики «Слова о полку Игореве». Это картины ковыльной степи, кричащих лебедей, образы воинской символики:

Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

Опять с вековою тоскою
Пригнулись к земле ковыли,
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

(«На поле Куликовом»)

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...
Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

(«Новая Америка»)

С. Есенин обращается к «Слову о полку Игореве» в своей статье «Ключи Марии». Для него «Слово» — гениальный памятник древнерусской литературы, у которого нужно учиться поэтическому мастерству. По свидетельству многих современников, Есенин знал все «Слово» наизусть, восторгался его поэтическим совершенством [1].

Характерно восприятие «Слова о полку Игореве» в поэзии и прозе первых революционных лет. Молодая советская литература нашла в «Слове» богатый материал для картин героической борьбы за советскую власть.

Повесть Б. Лавренева «Кровный узел» (1919) во многих местах представляет собой, по существу, своеобразную поэтическую переработку «Слова о полку Игореве», обращенную автором в современ-

---

[1] См.: «Воспоминания о Сергее Есенине». Сборник, под общей редакцией Ю. Л. Прокушева. М., 1965, с. 208—209, 233, 246, 249, 380—381.

ность. Мотивы «Слова» видны и в описании природы, и в описании батальных сцен, и в символике художественных образов. Белогвардейская конница рисуется как половецкие орды, а зловещий Див «Слова» трансформируется в двуглавого орла: «Яростными половецкими чамбулами летели отчаянные конники от Дона, от моря Тмутараканского к живой сердцевине страны. О славе веков, о силе, о хищной мощи владык лепетали белые шелка знамен, увитых черно-оранжевыми лентами, увенчанных крестами... И над конными ордами, не видимая никем, ширяла черноперыми острыми крыльями когтящая Див-птица с двумя коронованными головами». Ярко и удачно переосмысляются автором такие поэтические пассажи «Слова», как «черна земля под копыты», как описание доблести воинов-курян, как призыв «Слова» «загородить полю ворота» и многие другие.

Нашла отражение и образная система «Слова» и вся поэтика памятника в «Падении Даира» А. Малышкина (1921). Как и у Лавренева, у Малышкина использована героико-патриотическая сторона «Слова о полку Игореве».

Есть ряд реминисценций из «Слова» в книге Н. Никитина «Бунт» (1923) [1].

Яркие картины природы, слитой с судьбой людей, с происходящими событиями, характерные для поэзии «Слова», батальные сцены «Слова» были удачно использованы Эд. Багрицким в «Думе про Опанаса». Затмение солнца предвещает беду — смерть Когана:

Смотрите, солнце встает, ребята,
Такое туманное, как в пыли.

Имеется в поэме такой отрывок, непосредственно связанный с образной системой «Слова»:

Прыщут стрелами зарницы,
Мгла ползет в ухабы.
Брешут рыжие лисицы
На чумацкий табор.
За широким ревом бычьим
Смутно изголовье.
Див сулит полночным кликом
Гибель Приднестровью.

---

[1] См. подробнее об отражении «Слова о полку Игореве» в прозе этого времени: Л. Ф. Ершов. Русский советский роман. Национальные традиции и новаторство. Л., 1967.

4

Первые советские переводы «Слова о полку Игореве» увидели свет в 1934 году. Это были переводы Г. Шторма и С. Шервинского, напечатанные в книге, подготовленной к изданию известными исследователями древнерусской литературы С. К. Шамбинаго и В. Ф. Ржигой в издании «Academia». Оба перевода получили высокую оценку и специалистов и читателей.

До 1938 года, когда отмечалось 750-летие со времени создания «Слова» и когда вышел ряд новых переложений «Слова», перевод Шторма выдержал несколько изданий. В 1961 году для издания в Гослитиздате автор значительно переработал его. Для этого же издания переделывал заново свой перевод и С. Шервинский.

В юбилейный 1938 год вышло несколько переводов «Слова», в том числе и в ряде областных изданий. Часть из них была включена в сборник «Слово о плъку Игоревѣ», подготовленный к изданию Н. К. Гудзием и П. Скосыревым, в котором были собраны наиболее интересные переводы «Слова» XIX и XX веков. Впервые в этом сборнике были напечатаны переводы И. Новикова, С. Басова-Верхоянцева и М. Тарловского.

В 1939 году в Иванове был напечатан перевод «Слова» Д. Н. Семеновского.

Новиков ставил своей задачей дать современному читателю «перевод поэтический, точный и понятный». Увлеченный «Словом», он много работал над древнерусским текстом памятника, высказал ряд соображений о возможном авторе произведения, изучал вопрос о влиянии «Слова» на творчество А. С. Пушкина. Увлеченность эта подчас приводила И. А. Новикова к преувеличению роли «Слова» в творчестве писателей нового времени, к недостаточно обоснованным выводам и предположениям по древней истории «Слова». Все это, однако, не умаляет той большой роли, которую сыграл И. А. Новиков в популяризации «Слова» среди широких читательских масс. Признавая, что «великая древнерусская поэма открывается далеко не сразу, а потому переводчиком, непрестанно продолжающим свою работу, вносятся порою все новые и новые изменения текста», Новиков в каждом новом издании своего перевода делал поправки, изменения, добавления, учитывая как новые достижения науки в области изучения «Слова», так и свои собственные изыскания по «Слову».

Перевод М. Тарловского, который следовало бы скорее назвать вольной поэтической вариацией на темы «Слова о полку Игореве»,

встретил весьма нелестные отзывы критики. Характеризуя принципы своего переложения «Слова», М. Тарловский писал: «Если мы хотим, чтобы современный читатель получил представление о том впечатлении, которое «Слово» производило в свое время, мы должны завуалированную семисотпятидесятилетней давностью языковую эмоциональность «Слова» отразить на эмоциональном экране нашей эпохи, тем более что «Слово» нам так созвучно по духу». В переводе Тарловского много неоправданных модернизмов и переосмыслений «Слова», наряду с языковыми архаизмами обильны искусственные словообразования автора. Однако перевод Тарловского интересен как образец особого рода переложений «Слова», не лишенный поэтического своеобразия.

В 1938—39 годах начинает работу над переводом «Слова о полку Игореве» В. И. Стеллецкий. Для перевода Стеллецкого характерно стремление передать средствами современного языка ритмический строй оригинала, каким он представляется переводчику.

С 1929 года, как сообщает сам автор, работал над переводом «Слова» А. К. Югов. Перевод Югова представляет бесспорный интерес и занимает видное место среди поэтических переложений «Слова», хотя многие из его оригинальных толкований и осмыслений древнерусского текста памятника вызвали справедливую критику.

В печати перевод Стеллецкого впервые появился в 1944 году, а Югова — в 1945-м. И это не случайно. Патриотический подъем в годы Великой Отечественной войны обострил интерес к героическому прошлому страны и, в частности, к замечательному памятнику об этом героическом прошлом — «Слову о полку Игореве».

В это же время, в 1945 году, Н. А. Заболоцкий выступает с чтением своего перевода «Слова», а в 1946 году выходит первое издание этого перевода. Как и в предшествующей истории переводов «Слова о полку Игореве», обращение к «Слову» большого поэта оказалось весьма благотворным. В заметке «От переводчика», помещенной в первой, журнальной, публикации перевода «Слова», Н. А. Заболоцкий писал, что «это — свободное воспроизведение древнего памятника средствами современной поэтической речи». Здесь же он отмечал, что его перевод «не претендует на научную точность строгого перевода и не является результатом новых текстологических изысканий». Однако поэтическая сила переложения «Слова о полку Игореве» Заболоцкого делает этот перевод одним из лучших поэтических переводов «Слова» вообще, который дает современному читателю

наиболее яркое представление о «Слове» как о произведении древнерусской поэзии.

Интерес к «Слову о полку Игореве» не угас на трех названных переводах 1944—46 годов. Появился еще целый ряд переводов, лучшими из которых могут быть признаны переводы С. Ботвинника (1957) и Н. Рыленкова (1962).

Не ослабевает и вторая сторона поэтической жизни «Слова»: по-прежнему вдохновляет оно поэтов на создание оригинальных произведений по мотивам «Слова о полку Игореве».

В юбилейный 1938 год и в ближайшие к нему годы выходят две повести и одна пьеса, созданные по мотивам «Слова о полку Игореве». В 1938 году И. Новиков издает повесть «Сын тысяцкого», в которой пытается воссоздать образ автора «Слова» — участника Игорева похода. В 1939 году вышла в свет повесть о походе Игоря «Иду на вы» Г. Троицкого, в которой широко использованы образы «Слова о полку Игореве». В 1941 году появляется пьеса Е. Пермяка «Шумите, ратные знамена», посвященная событиям, воспетым в «Слове о полку Игореве».

В 1937, 1938 и 1939 годах пишет три стихотворения на мотивы «Слова» А. Прокофьев. Два из них посвящены «Плачу Ярославны».

В 1938 году переводит «Плач Ярославны» С. Городецкий.

К образу Ярославны обращаются многие поэты, как русские, так и украинские и белорусские, в военные и первые послевоенные годы. Здесь должен быть назван цикл стихов П. Антокольского «Ярославна» (1944), в котором автор вообще широко пользуется поэтическими образами «Слова», стихотворения «Ярославна» Л. Татьяничевой (1943) и М. Павловой (1945). Во всех этих произведениях Ярославна олицетворяет собой образ русской женщины, выступает как символ женской верности, терпеливости.

В 1962 году большой стихотворный цикл по мотивам «Слова о полку Игореве» пишет В. Соснора. Своей поэтической интерпретацией «Слова» поэт подчеркивает, что за высокой поэзией «Слова» стоит реальная, земная жизнь. Такое свежее и оригинальное восприятие «Слова о полку Игореве», не снижая поэтического величия памятника древности, подчеркивает его героизм, воинский дух, его жизненную силу.

Тот факт, что памятник XII столетия «Слово о полку Игореве» живет столь полнокровной поэтической жизнью в русской литературе XIX и XX веков и в наши дни, с наибольшим красноречием свидетельствует о необычайной художественной действенности «Слова».

Разнообразие же переводов «Слова о полку Игореве» и поэтических вариаций на его темы, по удачному определению одного из переводчиков «Слова» И. А. Новикова, характеризует собой «прежде всего триумф оригинала гениальной поэмы. Всякий славит ее на языке своей поэтики. А это уже дело активного читателя самому разобраться в том, что из всего этого наиболее полно, богато открывает ему сокровища нашего памятника» [1].

Л. Дмитриев

---

[1] Ив. Новиков. «Слово о полку Игореве» в наши дни. — «Литературное творчество», М., 1946, № 1, с. 87.

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Неизвестный автор

1. ПЕРЕВОД «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» XVIII ВЕКА

ПЕСНЬ ПОЛКУ ИГОРЕВУ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Сия поэма писана в исходе XII века на славенорусском языке; но столько встречается в ней малороссийских названий, что не знающему польского языка трудно и понимать. В переводе ж сем не сохранено ни оригинальности древнего, ни ясности нынешнего диалекта; то в рассуждении сего и хотелось мне очистить его от всех пустяков, сделать приятным для чтения и в примечаниях объяснить обстоятельства исторические, но оригинал затерялся у Николая Михайловича, а у меня также был список перевода несколько уже выправленный; не помню кому-то я дал его прочесть, и назад не получил. — Прошу не погневаться на некоторые непонятности, которые при чтении окажутся.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СЕЙ ПОЭМЫ

Удельный князь Новагорода-Северского Игорь Святославич в 1185-м году решился отмстить половцам за разорение подвластных ему владений и, присовокупив к

войскам своим войска меньшего брата своего Всеволода и других князей, которые с ним дружно жили, выступил с ними в поход. Когда пришел он 1-го майя на Донец и располагал там лагерь свой для ночлегу по берегу, то случилось такое необыкновенное затмение солнца, что днем звезды оказались. Суеверы весьма отговаривали Игорю идти далее; но он не послушал их и отвечал на сие, что трусы только боятся чрезвычайностей, что он назад никак не возвратится и что стыд ему тягчее смерти. Пошли вперед; но воины Игоревы, лишенные бодрости духа от несчастного предзнаменования, едва только увидели неприятелей, то все приуныли. Игорь уговаривал их и даже приказывал, кто не хочет биться за него, чтоб те назад пошли; однако ж никто не пожелал покинуть его. Сражение началось сперва очень удачно для россиян; но молодые князья Святослав Ольгович и Владимир Игоревич, подстрекаемые неопытною храбростию и удальством своим, без совета старейших перешли реку Суугли. Половцы воспользовались раздроблением российских полков, обскакали со всех сторон Игоря, возобновили бой, на котором сей князь сперва был ранен, а потом и в плен взят. Русские долго и после того бились; но принуждены были уступить превосходной силе, отдались половцам в плен более 5000 человек и со всеми князьями. Игорь достался в добычу князю Кончаку, который требовал за него выкупа 2000 гривен серебра. Сумма сия так велика была по тогдашнему времени, что супруга Игорева Ефросинья Ярославовна, как ни любила его, не в состоянии была выкупить. Он принужден был спастись бегством от половцев. Как от поражения Игоря распространилась по всей Русской земле печаль великая, так, напротив того, все обрадовались избавлению его, потому что за постоянство и тихость общественно его любили. Следующая за сим песнь писана уже по возвращении его в Новгород-Северский.

ПЕСНЬ ПОЛКУ ИГОРЕВУ

Коль мило будет нам, братцы! начать древним слогом жалобную повесть о сражении Игоря, Игоря Святославича? Начнем же оную по течению деяний того вре-

Пѣснь полку Игоревѣ,
Игоря сына Святославля,
внука Ольгова.

Сія поэма писана въ исходѣ XII вѣка на Славенорусскомъ языкѣ; но столько встрѣчается въ ней Малороссійскихъ названій, что незнающему Польскаго языка трудно и понимать. Въ переводѣ семъ не сохранено ни оригинальности древняго, ни ясности нынѣшняго діалекта; то въ разсужденіи сего и хотѣлось мнѣ очистить его отъ всѣхъ пустяковъ, здѣлать пріятнымъ для чтенія, и въ примѣчаніяхъ объяснить обстоятельствы историческія; но оригиналъ затерялся у Николая Михайловича, а у меня также былъ списокъ перевода нѣсколько уже выправленной; не помню кому-то я далъ его прочесть, и назадъ не получилъ. — Прошу не погнѣваться на нѣкоторыя непонятности, которыя при чтеніи окажутся.

Историческое содержаніе сей поэмы.

Удѣльный Князь Новагорода-Сѣверскаго Игорь Святославичь въ 1185-мъ году рѣшился отмстить Половцамъ за разореніе подвластныхъ ему владѣній, и присовокупивъ къ войскамъ своимъ войска меньшаго брата своего Всеволода и другихъ Князей, которые съ нимъ дружно жили, выступилъ съ ними въ походъ. Когда пришелъ онъ 1-го Мая на Донецъ и располагалъ тамъ лагерь свой для ночлегу по берегу, то случилось такое

мени, а не по вымыслу Боянову. Боян[1] бо вития, желая составить кому-либо песнь, расстилался[2] мыслию по дереву, серым волком по земли, сизым орлом под облаками. Мы помним, что в старые времена поведающие о сражениях изображали оное пусканием десяти соколов[3] на стадо лебедей; и кто из них скорее долетал, тот прежде и начинал песнь или старому Ярославу, или храброму Мстиславу, убившему Редедю пред полками косожскими, или красному Роману Святославичу. Боян же, братцы! не десять соколов на стадо лебедей пускал, но своими витийственными перстами по живым бряцал струнам, а сии уже сами князей славу воспевали.

Начнем же, братцы, повесть сию от старого Владимира до нынешнего Игоря. Сей, напрягая ум своею крепостию, поощряя свое сердце мужеством, исполнен духа ратного, ввел своих храбрых воев в землю Половецкую, (отмщевая) за землю Русскую. Тогда Игорь, воззрев на

---

[1] Итак, древнейший российский стихотворец назывался Бояном. Он был внук славенского бога Велеса, скотов покровительствовавшего... Не подшутите над генеалогиею стихотворцев наших... я, как любитель отечественных древностей, готов доказать, что это еще к славе их служит; Бояна потому и назвали Велесовым внуком, что он мог ездить, когда хотел, на Пегасе, который был, верно, первым конем в конюшне дедушки его. Из сего также следует заключить, что крылатый конь в нашем царстве за несколько сот лет уже известен. Потом долго, долго! не было на Руси об нем ни слуху ни духу; но в начале нынешнего столетия появился он на Холмогорских лугах, Северною Двиною орошаемых. Там на берегу один рыбак часто расстилал свои сети; между тем как они просушивались, внимательно рассматривал он красоту природы, приходил в восторг от размышления о всезиждителе и, чувствуя сердечное услаждение прославлять его величие, бряцал самоучкою на грубой своей лире псалмы боговдохновенного Давида. Хотя тогда и однозвучно было пение сие, но Пегас, послышав седока своего, вдруг встрепенулся, приподнял голову, распустил свои крылья и с ощетинившеюся гривою предстал пред него. Юный песнопевец быстро помчался...

И громогласно в том полете
Всевышнему воспел хвалу.
За кротость в честь Елизавете,
За храбрость в честь Великому Петру,
На лире стройной, златострунной
Провозвестил их имена в подлунной.

[2] Носился.

[3] Уподоблялись пущенным десяти соколам.

солнце светлое и увидев мраком от него все свое войско покровенное, рек дружине своей: «Братцы и други! лучше нам убитым, нежели быть пленным. Сядем, братцы, на борзых своих коней и посмотрим на синий Дон». Пришло князю на мысль желание не скорбеть о затмении солнца, а изведать счастия на Дону великом. «Хочу, сказал он, с вами, россияне! переломить копье в конец поля Половецкого; хочу или голову свою положить, или шлемом из Дону воды купить». О Бояне! соловей древних лет! тебе подобало прославить сих воев подвиги, скача соловьем мысленно по дереву, возлетая умом под облака, соравняя славу древнюю с нынешним временем, мчась по следам Троянов чрез поля на горы, воспевая песнь Игорю, внуку Ольгову. «Не буря соколов занесла чрез поля широкие; галки стадом летят к Дону великому». Или петь было тебе, вития Бояне, Велесов внуче! «Ржут кони за Сулою, гремит слава в Киеве, трубят трубы в Новеграде, развевают знамена в Путивле, ждет Игорь милого брата Всеволода». Храбрый же Всеволод вещает к нему: «Ты один у меня брат, о Игорю! ты один у меня ясный свет, и мы оба Святославичи, ты седлай, брате, своих борзых коней, а мои для тебя готовы и прежде еще в Курске оседланы; курчане же мои в цель стрелять довольно знающи; под звуком труб они повиты, под шлемами возлелеяны, концом копья вскормлены; все пути им ведомы, все буераки знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены, они скачут в поле, как волки серые, себе славы, а князю чести ищучи».

Тогда Игорь-князь, ступив в золотой стремень, поскакал по полю чистому. Солнце преграждает ему путь своим затмением; ночь, устращающая его, грозою разбуждает птиц; кричит филин поверх дерева, распускает свой голос по земле незнаемой, по Ворскле, по Хоролю, по Суле, по Сурожу, и во Корсуни, и у тебя, тмутараканский идоле! Половцы же бегут путем неведомым к Дону великому. Скрыпят возы в полуночи; поют лебеди на полете; Игорь к Дону войско ведет; ему птицы предвещают беду; волки воем угрожают по буеракам; орлы криком созывают зверей к падалищу; лают лисицы на щиты червленые. О Русская земля! далеко уже ты, за Шеломою. Ночь мраком покрывается, зари светлой не видать

еще; мглою поля устилаются, соловьиный свист умолкает и щебетать галки перестали, преградили россияне червлеными щитами широкие поля, себе славы, а князю чести ищучи.

На заре в пяток потоптали они половецкие поганые полки, и, как стрелы по полю рассыпавшись, увезли красных девок половецких, а с ними все золото, и поволоки, и дорогие аксимиты. Охабнями, епанчами, шубами и всякими половецкими нарядами начали они мосты мостить по болотам и грязным местам; червлено знамя, бела хоругвь, червленая чёлка, серебрены древки достались храброму Святославичу. Дремлет в поле Ольгово храброе гнездо, далеко залетев. Не родилось оно обид сносить ни от сокола, ни от кречета, ни от тебя, черный ворон, поганый половчанине! Гзак[1] серым волком бежит, а вслед за ним Кончак к Дону великому.

На другой день весьма рано багряная заря открыла свет, идут с моря тучи черные, закрыть хотят четыре солнца; в них сверкает синяя молния; быть грому страшному; литься дождю стрелами с Дону великого. Тут будут копья ломатися, будут сабли притупатися от ударов в шлемы половецкие, на реце на Каяле, у Дону великого. О Русская земля! уже ты за Шеломою. Се ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы! Земля стонет, реки возмутилися, поля прахом покрылися, знамена заговорили, идут половцы от Дона, и от моря, и со всех сторон. Русское войско отступило. Бесовы дети свой стан криком, а храбрые россияне червлеными оградили щитами. О храбрый богатырь Всеволод! ты стоишь в ополчении, мещешь стрелы на врагов своих, гремишь мечем булатным о шлемы их. Где богатырь ни появится, блистая златым своим шлемом, там валятся поганые головы половецкие. Рассечены калеными саблями поганых шлемы от тебя, храбрый богатырь Всеволоде! К чему было, братцы, так рано ополчатися, забывая честь и жизнь, город Чернигов, отеческий золотой престол и нежные ласки прекрасной своей Глебовны. Бывали съезды Трояновы, протекли годы Ярославовы, миновались ополчения Олеговы, Олега Святославича. Сей-то Олег мечем крамолу ковал и стрелы по земли

[1] Гзак и Кончак — князья половецкие.

сеял. Он ступает в золотые стремена в городе Тмутаракани. Таковой же звук слышал старый великий Ярослав, сын Всеволодов; но Владимир от оного затыкал свои уши по всякое утро во Чернигове; Бориса же Вячеславича слава на суд привела; он положен на зеленую лошадиную попону за обиду Олега, молодого князя храброго. С той же Каялы вел Святополк войска отца своего, между угорскою конницею к Святой Софии к Киеву. Во дни Олега Гориславича сеялись междоусобия и возрастали. Даждьбожева внука жизнь пресеклася; людские веки в княжих ссорах прекращалися. Тогда редко по земле Русской земледельцы веселилися, но часто вороны каркали, разделяя между себя трупы; галки же вели речь свою, созывая на место своей покормки. Таково-то было во время прежних браней, а такого сражения еще не слыхано, что с утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят мечи и шлемы, трещат копия булатные в поле незнаемом среди земли Половецкой; черна земля под копытами костьми была посеяна, а кровию полита, разливалась печаль по всей Русской земле.

Что за шум? что за звук так рано пред зарею? Игорь полки назад ведет: жаль ему милого брата Всеволода. Билися день, билися другой, а на третий день пред полуднем пали знамена Игоревы. Здесь два брата разлучилися, на берегу быстрой Каялы. Недостало тут вина кровавого; тут храбрые россияне пир кончили; напоивши сватов, сами пили за землю Русскую.

Увяла трава от жалости, наклонилось к земли дерево от печали. Уже, братцы, час невеселый наступил; пала уже в пустыне сила; осталась же победа в силах Даждьбожева внука; вступила Дева на землю Трояню, всплескали лебедиными крылами на синем море, у Дону плещучи; возвратились к нам времена богатые; перестали князи на поганых воевати. Сказав бо брат брату: се мое, и то мое ж, начинали князья за малое будто бы за великое ссориться и сами на себя враждовати; тем временем поганые со всех сторон приходили с победою на землю Русскую. О! далеко залетел сокол, бия птиц у моря, а Игорева храброго войска уже не воскресити. Вслед за ним кликнул карни и жля, скачет по Русской земле, сеча и рубя людей. Русские жены рыдая рекли:

«Уже нам милых своих ни мыслию взмыслити, ни думою вздумати, ни очима узрети, а злата и сребра отнюдь не возвратити». Восстонал, братцы! Киев от печали, а Чернигов от напасти. Разлилася тоска по всей Русской земле, протекла сильна печаль среди русских людей. Князи вели войну междоусобную; а поганые, рыская по Русской земле, брали дань по белке со двора. Сии же два храбрые Святославичи Игорь и Всеволод паки ссору подняли, которую укротил было отец их грозный Святослав, великий князь Киевский. Он был страшен всем. Трепетали все от сильных его воев и булатных мечей. Наступил он на землю Половецкую, притоптал холмы и буераки, помутил воду в реках и буераках; иссушил источники и болота, а поганого Кобяка изо дна моря, от железных великих половецких полков, яко вихрь, исторгнул; и пал Кобяк в граде Киеве в дворце Святославовом. Тогда немцы и венециане, тогда греки и моравцы воспевали славу Святославлю, проклинали князя Игоря, погрузившего силу во дне Каялы, реки половецкой, со всем русским золотом. Тогда Игорь-князь из своего золотого седла пересел в седло Кощеево. Уныли тогда во градах забрала, померкло веселие. Святослав же смутный сон видел в Киеве. Рек он боярам: «На горах, в сию ночь, с вечера, одевали вы меня черным покрывалом на тесовой кровати; поднесли мне синее вино, с ядом смешанное; сыпали пустыми тулами из поганых раковин крупный жемчуг на лоно мое, и меня нежили. Уже доски без матицы на моем златоверхом тереме; во всю ночь с вечера до света вороны каркали; у Пленска на выгоне уселись они на Кисановой дебри, и к синему не пошли морю». Бояре князю отвечали: «Уже, о княже! ум печалью поражен стал. Се бо два сокола с золотого отеческого престола полетели искать города Тмутаракани или шлемом с Дону напиться воды. Уже соколам крылья неприятельскими саблями пресечены, и самих их опутали в железные путы».

Тьма наступила, в третий день два солнца померкли, два багряные столпа погасли, а с ними молодые месяцы Олег и Святослав мраком покрылись. На реке Каяле свет померк; по земле Русской рассыпались половцы подобно из Пардова гнезда; они, погрузив (русских) в море, хану подали отвагу великую. Уже хула превзошла

хвалу; уже насилие восстало на вольность; уже слетел филин на землю. Се бо готские красные девы воспели на берегах моря синего, русским звеня золотом; поют времена Бусовы; прославляют мщение Шараканово; а мы уже, братцы, без веселия.

Тогда великий Святослав изрек золотое слово, со слезами смешанное: «О! мои, сказал он, чада Игорь и Всеволод! рано вы начали пленять землю Половецкую, а себе искати славы. Нечестно ваше одоление; неправедно пролита кровь неприятельская. Ваши храбрые сердца из крепкого булата скованы и в буйстве закалены. Сего ли ожидала от вас сребристая седина моя? Я уже не вижу власти сильного и богатого и милого моего брата Ярослава с черниговскими боярами, с богатырями и с татрянами, с шелбирами и с топчанами, с ревугами и с олберами. Они бо без щитов, с кинжалами, одним криком полки побеждают, гремя славою праденею. Не говорят они, мы-де прежде сами похитим у неприятеля славу, а после оную другим уделим». Мудрено, братцы, старому помолодеть? Когда сокола на охоте спускают, он высоко птиц загоняет, не даст гнезда своего в обиду: но то беда, что я князю не пособие, пришла на нас злая година. Се Урим кричит под саблями половецкими, а Володимер под ранами. Скорбь и печаль сыну Глебову. Великий князь Всеволоде! ни мыслию тебе не перелететь из далека для защищения отеческого золотого престола. Ты можешь скорее Волгу веслами раскропити и Дон шлемами вычерпати. Когда бы ты был, была бы Чага по ногате, а Кощей по резани. Ты бо можешь по земли Шереширы стреляти удалыми детьми Глебовыми. Вы, храбрые Рюриче и Давиде! не ваши ли позлащенные шлемы в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как тигры, изранены саблями булатными на поле незнаемом? Вступите, государи, во златые стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича. Ты, Галицкий Гостомысле Ярославе! высоко сидишь на своем златокованом престоле. Подпер ты горы своими угорскими железными полками; заградил ты королю путь; затворил ворота к Дунаю, бросая тяжести чрез облака, простирая суд и власть свою до Дуная; грозы твои по землям текут; отворяешь врата Киеву, стреляешь с отеческого златого

престола на солтанов во чужие земли. Стреляй, господине, в Кончака и в поганого Кощея за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича. А вы, доблии[1] Романе и Мстиславе! ваша храбрая мысль ведет вас на подвиги. Высоко возлетаете на подвиг с отвагою, подобно соколу на ветрех ширяся, хотя птицу на полету одолети. Есть у вас железные латы под шлемами латинскими. Потряслась от них земля, и многие страны ханские, Литва, Ятвяги, Деремила и половцы копья свои повергли, а главы подклонили под те мечи булатные. Но уже, о княже Игоре! скрылся свет солнечный, и не от добра с деревья опало листвие; по Росе и по Суле города в раздел пошли, а Игореву храброму полку не воскреснути. Дон тебя, княже, кличет, и князей на победу созывает. Ольговичи, князи храбрые, поспешили на брань. Ингварь и Всеволод и все трое Мстиславичи, не худого гнезда шестокрилицы, не победами счастливыми себе власть вы доставили, но своими златыми шлемами, и копиями, и щитами лядскими, заградите полю врата своими стрелами острыми за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича. Уже бо Сула не течет сребристыми струями ко граду Переяславлю; и Двина болотом течет оным грозным полочанам под шумом поганых. Один же Изяслав, сын Васильков, позвенев своими острыми мечами по шлемам литовским, затмил славу деда своего Всеслава, и сам под червлеными щитами на кровавой траве иссечен мечами литовскими. Сего положив на одр, рек: «Дружину твою, княже, птицы приодели крыльями, а звери кровь полизали». Не было тут брата Брячислава, ни друга его Всеволода, а у одного исторгнута жемчужная душа из храброго тела за золотое ожерелье. Уныли голоса; поникло веселие. Трубы трубят городенские. О Ярославе и все внуки Всеславли! приклоните уже свои знамена; вложите в ножны мечи свои поврежденные; далеко уже отстали вы от славы деда вашего. Вы бо своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую, на жизнь Всеславлю. Какое было насилие от земли Половецкой? На седьмом веке Трояновом метнул Всеслав жребий о милой для себя девице. Он, подпершись клюками о коней, поскакал к

---

[1] Могучие.

городу Киеву и прикоснулся стружием[1] до золотого престола Киевского. Побег от них лютым зверем в полночь и из Белагорода, покрыт мглою синею; по утру же, вонзив стрикусы, отворил врата Новугороду. Попрал славу Ярослава, скочил как волк до Немиги с Дудутом. На Немизе снопы стелют головами, цепьми молотят булатными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. У Немизи берега кровавые не бологом были засеяны, засеяны костьми русских сынов. Всеслав-князь людей судил, князьям города раздавал, а сам ночью волком рыскал; из Киева добегал до Курска и до Тмутараканя; путь к великому Херсоню по Волге пресекал. Для него в Полоцку рано позвонили к утрени в колокола у Святой Софии, а он в Киеве звон слышал. Хотя и веща была душа в добром теле, но он часто от бед страдал. Ему вещий Боян из начала разумный составил сей припев: «Ни хитрому, ни умному, ни птице умной суда божия не миновати». О! стонать (пришло) Русской земле, поминая первые времена и первых князей. Старого оного Владимира нельзя было приковать к горам Киевским. Се ныне! развевают знамена Рюриковы, а другие Давидовы...

Ярославнин голос слышится; она горлицею незнаемою рано кличет: «Полечу, говорит, горлицею по Дунаю; омочу бобровый рукав в реке Каяле; утру князю кровавы раны на изнуренном его теле». Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, говоря: «О ветер! ветерочек! к чему, господине, насильно веешь? К чему несешь ханских стрелков на легких своих крыльях противу малых моих воев? Разве мало для тебя было гор под облаками веять, нося корабли по синему морю? К чему, господине, развеял ты мое веселие по ковылию?» Ярославна рано плачет, к городу Путивлю на забрале приговаривая: «О славный Днепре! ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую; ты носил на себе Святославли насады до полку Кобякова; принеси ко мне, господине, моего милого, дабы не посылать мне к нему слез на море рано».

Ярославна на море плачет, к Путивлю на забрале приговаривая: «О светлое и пресветлое солнце! всем

[1] Древком.

тепло и красно еси; к чему, господине, простерло ты яркие свои лучи на милые вои? К чему в поле безводном при жажде опаляешь их своими лучами, и к горести закрепило их тулы[1]». Полил с полуночи сильный дождь; идут сморцы мглами; князю Игорю бог путь кажет из земли Половецкой в землю Русскую, к отеческому золотому престолу. Погорела вечерняя заря. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь приготовлен конь; Овлур свистнул за рекою; велит князю разумети. Князю Игорю не быть, сказал. Стукнула земля, зашумела трава; заставы половецкие подвизалися; а Игорь-князь горностаем поскакал к тростнику, и белым гоголем на воду. Он бросился на борзого коня и, скочив с него босым волком, побежал лугом к Донцу; он полетел соколом под облаками, побивая гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал по холодной росе; замучили своих борзых коней. Донец князю рек: «О Игоре! довлеет[2] для тебя славы, для Кончака неудовольствия, а для Русской земли веселия». Игорь же к Донцу вещает: «О Дон! немала для тебя слава, лелеяв князя на волнах, постилая ему зелену траву на своих серебреных берегах, одевая его теплыми мглами под сению зеленого дерева и охраняя его гоголем на воде, чайками на струях, чернядьми на ветрах. Но такова ли, сказал, река Стугна? Она худыми струями пожирает чужие ручьи и разбивает струи у кустов». Юноше! Князю Ростиславу затворил Днепр темные берега. Плачется мать Ростиславлева по юноше князе Ростиславле: увяли цветы от жалости, и деревья от печали к земли наклонились, и сороки не стрекочут. По следам Игоревым ездит Гзак с Кончаком. Вороны тогда не каркали, галки не щебетали, а ползали только по сучьям; дятлы тектом путь к реке кажут; соловьи веселым пением зарю предвещают. Молвит Гзак Кончаку: «Сокол к гнезду летит; а мы соколика его своими позолоченными расстреляем стрелами». Кончак Гзаку ответствовал: «Коли сокол к гнезду летит, мы опутаем его красною девицею». В ответ на сие Гзак Кончаку:

---

[1] Ослабило луки.
[2] Довольно.

«Когда его опутаем красною девицею[1], не станет у нас ни сокола, ни красной девицы; станут нас птицы бить в поле Половецком».

Рек Боян, песнотворец старого времени, и походам Святослава, Ярослава и Ольга конец положил: тяжело быть голове без плеч; худо быть телу без головы, а Русской земле без Игоря. Светит солнце на небе: Игорь-князь в Русской земле. Поют девицы на Дунае; раздаются голоса чрез море до Киева; Игорь едет по Боричеву к Святой Богородице Пирогощей. Страны обрадованы; грады веселы, что воспета была песнь старым князьям, а потом молодым. Пета слава Игорю Святославичу, витязю Всеволоду и Владимиру Игоревичу. Да здравствуют князи и дружина, поборая за христианы на поганые полки! Слава князьям и дружине! Аминь.

1790-е годы

---

[1] Слова сии касались до Игорева сына Владимира, который оставался еще в полону у них. И действительно, он влюбился там в дочь князя Кричака; когда ж половцы освободили его, то в России она крещена и названа Свободою.

В. В. Капнист

2. ПЕСНЬ О ОПОЛЧЕНИИ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВА, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не прилично ли будет нам,
братие! начать древним слогом
печальную повесть о ополчении
Игоря, сына Святославова? — Начать
же Песнь сию по событиям сего
времени, а не по вымыслам Бояновым.
Ибо когда вещий Боян хотел кому
воспевать,
то растекался по мысленну древу,
серым волком по земле, сизым орлом
под облаками. — Вам памятно предание
о состязании древних времен: тогда
пускали десять соколов на стадо лебедей;
чей прежде долетал, тот первый воспевал
песнь или древнему Ярославу, или Мстиславу
храброму, поразившему Редедю перед
косожскими
полками, или прекрасному Роману
Святославичу.
Боян же, братие! не десять соколов на стадо
лебедей пускал, но свои вещие персты налагал
на живые струны, и они сами князьям
славу возглашали.

Начнем же, братие! повесть сию от древнего Владимира до нынешнего Игоря, который, напрягши ум свой крепостью, поострил сердце свое мужеством и, исполнясь духа ратного, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь, воззрев на светлое солнце и видя от него тьмою все воинство свое прикрытое, вещал дружине своей: «Братие и дружина! уж лучше изрубленну быть, чем в плен попасть. Сядем, братие! на своих борзых коней и посмотрим на синий Дон».

Пламенное рвение поработило ум князя, и желание попытаться на великий Дон превозмогло в нем страх знамения.

«Хочу, вещал он, с вами, россияне! преломить копье на отдаленнейшем краю поля Половецкого, хочу свою голову положить или шлемом напиться из Дона».

О Боян! соловей древнего времени! Тебе бы воспеть ополчение сие, скача соловьем по мысленному древу, летая умом под облаками, соплетая хвалу обеим частям сего времени, рыща в стезю Траянову чрез поля на горы. Тебе бы воспеть было песнь Игорю, внуку Ольгову:

«Не буря соколы занесе чрез поля широкие;
не галок стада летят к Дону великому»[1]...

или же воспеть было, о вещий Боян, Велесов внук. — Кони ржут за Сулою; гремит слава в Киеве, трубят трубы в Новегороде, стоят знамена в Путивле; Игорь ждет милого брата Всеволода и вещает ему: «Буй тур Всеволод! один брат, один ты светлый свет Игорю. Оба мы сыновья Святославовы. Седлай, брат! борзых коней своих; а мои уже впереди готовы, оседланы у Курска. Мои куряне искусны в цель стрелять, под трубами повиты, под шлемами возлелеяны, концом копья вскормлены. Пути им сведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены, а сами они скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы».

Тогда Игорь-князь, вступя в златое стремя, поехал

[1] Я предполагаю, что сии два стиха точно взяты из какой-либо песни бояновской.

по чистому полю. Солнце заграждало тьмою путь ему. Ночь, стеня, грозою разбудила птиц; воют собравшиеся звери, чучело-филин кричит на вершине дерева, велит услышать голос свой земле пустынной, Волге и поморию, по Сулью и Суражу и Корсуню и тебе, тмутороканский истукан!

Половцы неготовыми дорогами утекают к Дону великому. Скрыпят возы в полунощи, как лебеди распущенные. Игорь к Дону воинство ведет. Но уже его бедствие пищу готовит птицам; волки по оврагам напастьми угрожают; орлы клекотом на кости зверей зовут; лисицы брешут на червленые щиты. О Русская земля! уже за Шеломенем ты далеко.

Поздно. Ночь меркнет. Свет зари темнел, мгла покрывает поля. Песнь соловья уснула; говор галок умалился. Россияне преградили червлеными щитами великие поля, ища себе чести, а князю славы.

Рано в пятницу потоптали они нечестивые полки половецкие и, рассыпавшись как стрелы по полю, увезли прекрасных половецких девиц, а с ними золото, богатые ткани и дорогие бархаты. Охабнями, епанчами, шубами и всякими нарядами половецкими начали мосты мостить по болотам и грязным местам. Червленое знамя, белая хоругвь, багряная чёлка и серебряное древко досталися храброму сыну Святославову.

Дремлет в поле храброе Ольгово гнездо; далеко залетело. Не было оно порождено к обиде ни от сокола, ни от кречета, ни от тебя, черный ворон, нечестивый половчанин. Гзак бежит серым волком; Кончак показывает ему след к Дону великому.

Другого дни, весьма рано, кровавые зори свет возвещают. Черные тучи с моря идут, хотят покрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого. Тут-то копьям поломаться, тут-то саблям притупиться об шлемы половецкие на реке Каяле и у Дона великого. О Русская земля! уже за Шеломянем ты!

Ветры, Стрибожи внуки, уже веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. Стон по земле раздается; реки мутно текут, пыль, поднявшись столбами, покрывает поля, знамена шумят; половцы идут от Дона и от моря и от всех сторон.

Русские полки отступили. Бусовы дети криком преградили поля, а храбрые русские багряными щитами. Яр тур Всеволод, отражая врага, ты прыщешь на врагов стрелами, гремишь об шлемы их мечами булатными. Куда тур поскачет, своим золотым шлемом посвечивая, там лежат нечестивые головы половецкие; шлемы оварские в щепы раздроблены твоими калеными мечами, яр тур Всеволод! Какими ранами подорожит, братие! забывший почести, веселую жизнь, город Чернигов, отеческой золотой престол, ласки и приветливость милой супруги своей, прекрасной дочери Глебовой.

Были съезды троянские, миновали лета Ярославовы, были ополчения Ольговы, Ольга Святославича. Сей-то Олег мечем крамолу ковал и стрелы сеял по земле. Он вступает в златое стремя во граде Тмуторокане. Такие ж отголоски слышал древний великий Ярослав, а Владимир, сын Всеволода, каждое утро уши затыкал в Чернигове. Бориса же Святославича слава на суд привела, и на конскую зеленую попону положили за обиду храброго и младого князя Олега.

С тоя же Каялы Святополк повел их после отца своего между венгерскою конницею ко святой Софии в Киев. Тогда при Ольге Святославиче сеялись и возрастали междоусобия. Погибало племя Даждь-Божия внука, в княжеских крамолах веки людей сокращалися. Тогда по Русской земле редко пахари веселились, но часто вороны каркали, трупы между себя разделяя. Галки перекликались, желая летать на покормку.

То бывало во время прежних браней и прежних ополчений, но таковой брани и не слыхано: с утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли об шлемы, трещат копья булатные в поле пустынном среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костьми была посеяна, а кровию полита; и горести возрастила по Русской земле.

Но что шумит, что звенит так рано пред зорями? Игорь возвращает полки; жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, в третий день пред полуднем пали знамена Игоревы. Тут братья разлучилися на берегу быстрой Каялы. Тут кровавого вина недостало, тут пир докончали храбрые русские, сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую.

Трава от жалости поникла, а древа от печали к земле приклонилися. Уже, братие, невеселая пора настала. Уже пустыня силу многую прикрыла. Обида восстала на силы Даждь-Божия внука, — вступила девою на землю Траянову, восплескала лебедиными крылами на синем море, у Дона; разбудила тяжкие времена. Прекратилось состязание друг перед другом князей на нечестивых. Брат брату говорил: «Сие мое, а то мое же». За малое князья начали великие распри, и сами на себя крамолу ковать; а нечестивые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, побивая птиц у моря; Игорева храброго войска уже не воскресить. По разбитии его воскликнули Карна и Жля, поскакали по Русской земле, разнося огонь в пламенометном роге. Восплакались жены русские, приговаривая: «Уже нам своих милых мужей ни мыслию вымыслить, ни думою вздумать, ни глазами увидеть, а золотом и серебром отнюдь не потешаться». Восстенал, братие! Киев от печали, а Чернигов от напасти. Тоска разлилась по Русской земле; печаль тяжкая потекла средь земли Русской. Князья сами на себя крамолу ковали; а нечестивые, с победами набегая на Русскую землю, брали дань по белке со двора. Ибо сии два храбрые сына Святославовы, Игорь и Всеволод, уже возбудили хулу, которую усыпил было державный Святослав, грозный великий князь киевский. Он был грозою врагам; в трепет привел их сильным своим воинством и булатными мечами; наступил на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, помутил реки и озера, иссушил потоки и болота, а нечестивого Кобяка из-за рукава моря, из железных полков половецких как вихрь исторг; и пал Кобяк в Киеве в чертоге Святослава. Тут немцы и венециане, тут греки и моравцы поют славу Святослава, охуждают князя Игоря, погрузившего тук на дно Каялы, реки половецкие, и засыпавшего ее русским золотом. Тут Игорь-князь пересел из седла златого в седло Кощиево. Унылы городские стены, и веселие поникло.

Святослав видел мутный сон: «В Киеве на горах, ночью с вечера, одевали вы меня, — рек он, — черным покрывалом на тесовой кровати. Черпали мне синее вино, с ядом смешанное; сыпали пустыми нечестивых

колчанами толковин крупный жемчуг на лоно мое, и меня утешали; уже доски были без кнеса на моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера бусовы вороны каркали у Пленска на выгоне, усевшись в дебри Кисановой, и не сошли к синему морю».

Бояре отвечали князю: «Уже печаль одолела умы наши. Два сокола слетели с отцовского золотого престола поискать города Тмуторокани или шлемом напиться из Дона. Уже соколам обрублены крылья саблями нечестивых, а сами они попались в опутины железные. Темно стало на третий день: два солнца померкли. Оба багряные столбы погасли; а с ними и молодые месяцы Владимир и Святослав тьмою застлались. На реке Каяле тьма свет покрыла. По Русской земле рассыпались половцы, как единологовищные леопарды, погрузили ее в море бед и придали хану великое буйство. Уже хула превзошла хвалу. Уже насилие поразило вольность. Уже филин низринулся на землю. Песни красных готфских дев раздаются на бреге синего моря. Звеня русским золотом, поют они времена Бусовы, славят мщение за Шарукана, а мы, дружина, уже чужды веселия».

Тогда великий Святослав изронил златое слово, со слезами смешанное.

«О кровные мои, вещал он, Игорь и Всеволод! рано вы начали мечами раздражать Половецкую землю, а себе искать славы. Без успеха победили вы, без успеха пролили кровь нечестивых. Ваши храбрые сердца в твердом булате кованы, а в буйстве закалены. Что сотворили вы серебряной седине моей? Уже не вижу я власти сильного, богатого и многовойного брата моего Ярослава с черниговскими старожилами, с могутами, с татранами, с шельбирами, с топчаками, с ревугами и с ольберами. Они без щитов, с ножами засапожными криком побеждают войска, обновляя славу предков своих».

Но вы сказали: «Имеем сами мужа: переднюю славу сами похитим и последнюю сами же разделим. Не чудно ли, братие! старому помолодеть? Когда сокол в мытех бывает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду». Но князья! Это мне зло, а не пособие. Времена все к упадку обратили. Урим, кричат под саблями

половецкими, а Володимир под ранами. Горе и печаль сыну Глебову.

О великий князь Всеволод! не мыслию одной можешь ты перелететь из далека для защиты отеческого золотого престола: ты можешь Волгу веслами разбрызгать, а Дон вычерпать шлемами. Если бы ты ополчился, то были бы Чага по ногате, а Кощей по рязани. Ты можешь по-суху стрелять живыми шераширами, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, буй Рюрик, и Давид! не ваши ли позлащенные шлемы в крови плавали? не ваша ли храбрая дружина как волки рыскает, изранены саблями калеными на поле пустынном? Вступите, государи! в златые стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны храброго Игоря сына Святославова.

Ты, осмомысл Ярослав Галицкий! высоко сидишь на своем златокованом престоле. Ты подпер горы венгерские своими полками железными, заградил королю путь, затворил ворота в Дунай; метая тягости чрез облака и простирая власть твою до Дуная. Грозы твои по землям текут. Ты отверзаешь Киеву ворота, стреляешь с отеческого золотого престола на султанов чрез земли далекие; стреляй, о государь, в Кончака, в нечестивого Кощея, за землю Русскую, за раны храброго Игоря сына Святославова.

А ты, буй Роман Мстиславич, храбрая мысль влечет твой ум на подвиги. Высоко паришь ты в отважных подвигах, подобно соколу, на ветрах ширящемуся, птицу мужественно одолеть хотящему. Есть у тебя латы железные под шлемами латинскими. Ими поражены земли и многие страны ханские. Литва, ятвы, деремела, половцы побросали свои копья и подклонили головы под твои мечи булатные.

Но уже, о князь! солнечный свет от Игоря сокрылся, и не каменьями отраженные листья дерево сронило. По Росе и по Суле города в раздел пошли; а Игореву храброму войску не воскреснути. Дон кличет тебя, о князь! и зовет князей на победу. Храбрые князья Ольговичи созрели уже к брани. Ингвар и Всеволод и все трое Мстиславичи, не худого гнезда шестокрылицы! Не победами жребий власти вы похитили. К чему вам золотые шлемы, ваши копья польские и щиты? Загородите в поле

врата своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны храброго Игоря сына Святославова.

Но Сула течет уже не серебряными струями к области Переяславской, и Двина болотом течет к тем грозным половчанам под кликом нечестивых. Один лишь Изяслав сын Васильков позвенел своими острыми мечами по шлемам литовским; обновил славу предка своего Всеслава, а сам под багряными щитами на окровавленной траве пал от мечей литовских. Он возжелал иметь ее ложем себе и вещал: «Дружину твою, князь! птицы приодели крыльями, и звери кровь полизали». Не было тут ни брата Брячислава, ни Всеволода. Один изронил из храброго тела жемчужную душу чрез златое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие. Трубы трубят городянские.

О Ярослав и все потомки Святославовы! понизьте уже знамена ваши; вложите во влагалища поврежденные ваши мечи. Уже вы отстали от славы предка вашего. Вы крамолами своими начали наводить нечестивых на землю Русскую, на племя Всеславово. Было ль какое насилие от земли Половецкой? На седьмом веке Трояновом Всеслав метнул жребий о милой ему девице. Бодцами подстрекнув коня, поскакал он к Киеву; коснулся древком копья до золотого престола киевского. Оттоль из Белграда бросился лютым зверем в полночь, когда спустилась синяя мгла, а поутру возовыми дорогами отворил ворота новгородские, попрал силу Ярослава. Поскакал волком до Немениги с Дудучей. На Немениге вместо снопов стелют головы, молотят цепами булатными, на токе жизнь кладут и веют душу от тела. Окровавленные немигские берега не каменьями были посеяны, они настланы костьми русских сынов. Князь Всеслав людей судил, князьям раздавал города, а сам по ночам рыскал как волк; из Киева дотекал до Курска и Тмутороканя; великому Херсону, как волк, путь перебегал. Для него в Полоцке рано позвонили в колокола к заутрени у святыя Софии, а он в Киеве звон слышал. Хотя и вещая душа была в соответственном ее силам теле, но он часто страдал от бед. О нем вещий Боян и первый искусный песнопевец сказал: «Ни хитрому, ни деятельному, ни быстрому, как птица, суда божия не миновать».

О, стонать тебе, Русская земля, воспоминая прежние

времена и прежних князей! Древнего Владимира нельзя было приковать к горам Киевским. Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другие Давиду. Но их на рогах нося, пашут землю. Копья свистят на Дунае.

Ярославнин голос слышится. Она, как пустынная горлица, рано воркует: «Полечу, вещает, горлицею по Дунаю; обмочу бобровой рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые раны на твердом его теле».

Ярославна поутру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: «О ветер, буйный ветер! почто ты так сильно веешь? К чему наносишь ханские стрелы своим неутомимым крылом на воинов милого моего супруга? Мало ли тебе гор возвевать под облаками, качая корабли на синем море? Почто развеял ты по ковылю мое веселие?»

Ярославна поутру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: «О славный Днепр! ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую, ты носил на себе Святославовы военные суда до стану Кобякова; принеси ко мне моего супруга, чтоб не посылать мне слез к нему на море».

Ярославна поутру плачет в Путивле на городской стене, приговаривая: «О светлое и пресветлое солнце! для всех ты тепло и красно; почто простерло ты горячий луч на воинов моего супруга? в поле безводном засушило луки их жаждою, и горестию колчаны их затворило?»

Взволновалось море в полуночи, во мгле идут смерчи. Князю Игорю бог путь кажет из земли Половецкой в землю Русскую, к золотому престолу отеческому. Погасли вечерние зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца. Готов конь о полуночи; Авлур свистнул за рекою; велит князю догадаться. Князю Игорю не быть в плену. От раздавшегося топота земля застонала. Зашумела трава. Слышно смятение в жилищах половецких. А Игорь-князь бросился горностаем к тростнику и белым гоголем на воду. Воссел на борзого коня, скочил с него босым волком и побежал к лугу донецкому; полетел соколом во мгле, избивая гуси и лебеди к завтраку, к обеду и к ужину. Когда Игорь летел соколом, тогда Авлур волком бежал, отряхивая собою холодную росу, ибо надорвали они борзых коней своих.

Донец вещал: «О князь Игорь! немало тебе славы, а Кончаку досады, Русской же земле веселия». Игорь ответствовал: «О Донец! немало тебе славы, носившему князя на волнах, постилавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми мглами под тенью дерева зеленого. Ты охранял его как гоголя на воде, как чайку на струях, как чернядь на ветрах. Не такова, примолвил он, Стугна-река, тоща собственною струею, чужие ручьи пожравши, она раздробила струги об кусты и юному князю Ростиславу затворила темные днепровские берега. Плачется мать Ростиславова по юном князе Ростиславе. Унылы цветы от жалости, и дерево от печали к земле приклонилось».

Не сороки застрекотали: по следам Игоревым ездит Гзак и Кончак. Тогда вороны не каркали, галки умолкли, сороки не стрекотали, двигались только по лозам; дятлы долблением путь к реке показывали, соловьи веселым пением свет возвещали. Гзак сказал Кончаку: «Если сокол к гнезду улетит, то мы соколика расстреляем своими позлащенными стрелами».

Кончак ответствовал: «Если сокол к гнезду летит, то мы опутаем соколика красною девицею».

Гзак возразил Кончаку: «Если опутаем его красною девицею, то не будет у нас ни соколика, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле половецком».

Боян, древнего времени Ярослава и князя Ольга жены песнопевец, сказал о походах Святослава: «Тяжко тебе, голова! без плеч; худо тебе, тело, без головы», — Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе; Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае; раздаются голоса чрез море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой богородице Пирогощей. Радуется народ, веселятся города, воспевая песнь старым князьям, а потом молодым. Петь славу Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу.

Да здравствуют князи и дружина их, побораяза христиан на воинство неверных. Слава князьям и дружине.

Конец.

1809—1813

Н. М. Карамзин

3. ПЕРЕСКАЗ-ПЕРЕВОД «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Игорь, князь Северский, желая воинской славы, убеждает дружину идти на половцев и говорит: «Хочу преломить копие свое на их дальнейших степях, положить там свою голову или *шлемом испить Дону!*» Многочисленная рать собирается: «Кони ржут за Сулою, гремит слава в Киеве, трубы трубят в Новегороде, знамена развеваются в Путивле: Игорь ждет милого брата, Всеволода». Всеволод изображает своих мужественных витязей: «Они метки в стрелянии, под звуком труб повиты, концем копья вскормлены; пути им сведомы, овраги знаемы; луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся в поле, как волки серые; ищут чести самим себе, а князю славы». Игорь, *вступив в златое стремя,* видит глубокую тьму пред собою; небо ужасает его грозою, звери ревут в пустынях, хищные птицы станицами парят над воинством, орлы *клектом* своим предвещают ему гибель, и лисицы лают на багряные щиты россиян. Битва начинается; полки варваров сломлены; их девицы красные взяты в плен, злато и ткани в добычу; одежды и наряды половецкие лежат на болотах, вместо мостов для россиян. Князь Игорь берет себе одно багряное знамя неприятельское с древком сребряным. Но идут с Юга черные тучи, или новые полки варваров: «Ветры, Стрибоговы внуки, веют от моря стрелами на воинов Игоревых». Всеволод впереди с своею дружиною: «Сып-

лет на врагов стрелы, гремит о шлемы их мечами булатными. Где сверкнет златый шишак его, там лежат головы половецкие». Игорь спешит на помощь к брату. Уже два дни пылает битва, неслыханная, страшная: «Земля облита кровию, усеяна костями. В третий день пали наши знамена: *кровавого вина* недостало; кончили пир свой храбрые россияне, напоили гостей и легли за отечество». Киев, Чернигов в ужасе: половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен, и девицы их «поют веселые песни на берегу синего моря, звеня русским золотом». Сочинитель молит всех князей соединиться для наказания половцев и говорит Всеволоду III: «Ты можешь Волгу *раскропить* веслами, а Дон вычерпать шлемами»; Рюрику и Давиду: «Ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровию; ваши мужественные витязи ярятся, как дикие волы, уязвленные саблями калеными»; Роману и Мстиславу Волынским: «Литва, ятвяги и половцы, бросая на землю свои копья, склоняют головы под ваши мечи булатные»; сыновьям Ярослава Луцкого, Ингварю, Всеволоду и третьему их брату: «О вы, славного гнезда *шестокрылцы!* заградите поле врагу стрелами острыми». Он называет Ярослава Галицкого *Осмомыслом,* прибавляя: «Сидя высоко на престоле златокованом, ты *подпираешь* горы Карпатские *железными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь к Киеву, пускаешь стрелы в земли отдаленные». В то ж время Сочинитель оплакивает гибель одного кривского князя, убитого литовцами: «Дружину твою, князь, птицы хищные приодели крыльями, а звери кровь ее полизали. Ты сам выронил *жемчужную* душу свою из мощного тела чрез златое ожерелье». В описании несчастного междоусобия владетелей российских и битвы Изяслава I с князем полоцким сказано: «На берегах Немена стелют они снопы головами, молотят цепами булатными, веют душу от тела... О времена бедственные! Для чего нельзя было *пригвоздить* старого Владимира к горам Киевским» (или сделать бессмертным)!.. Между тем супруга плененного Игоря льет слезы в Путивле, с городской стены смотря в чистое поле: «Для чего, о ветер сильный! легкими крылами своими навеял ты стрелы ханские на воинов моего друга? Разве мало тебе волновать синее море и *лелеять* корабли на зыбях его?

...О Днепр славный! ты пробил горы каменные, стремяся в землю Половецкую; ты нес на себе ладии Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мне друга милого, да не шлю к нему утренних слез моих в синее море!.. О солнце светлое! ты для всех тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воинов моего друга в пустыне безводной?..» Но Игорь уже свободен: обманув стражу, он летит на борзом коне к пределам отечества, стреляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомив коня, садится на ладию и плывет Донцем в Россию. Сочинитель, мысленно одушевляя сию реку, заставляет оную приветствовать князя: «Немало тебе, Иго́рь, величия, хану Кончаку досады, а Русской земле веселия». Князь ответствует: «Немало тебе, Донец, величия, когда ты лелеешь Игоря на волнах своих, стелешь мне траву мягкую на берегах *сребряных,* одеваешь меня теплыми мглами под сению древа зеленого, охраняешь гоголями на воде, чайками на струях, чернетьми на ветрах». Игорь, прибыв в Киев, едет благодарить Всевышнего в храм Пирогощей Богоматери, и Сочинитель, повторив слова Бояновы: «Худо голове без плеч, худо плечам без головы», восклицает: «Счастлива земля и весел народ, торжествуя спасение Игорево. Слава князьям и дружине!» Читатель видит, что сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотами языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов.

1816

В. А. Жуковский

4. ПЕРЕЛОЖЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земли,
Сизым орлом под облаками.

Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались 10 соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал — тот и первую песнь пел
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редедю перед полками Касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не 10 соколов на стадо лебедей пускал!
Он вещие персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.

Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.

Натянул он ум свой крепостию,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воев своих, тьмою от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем даться в полон.
Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона!»

Вспала князю на ум охота,
Знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу, — он рек, — преломить копье
Конец поля Половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или испить шеломом Дона».
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропою Трояновою через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, того Олега внуку!
Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут ко Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!

Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода!

И рек ему буй тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!

Седлай, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы перед Курском!
А куряне мои — бодрые кмети,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концем копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы!»

Тогда вступил князь Игорь в златое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозой шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных;
Див кличет на верху древа,
Велит прислушать земле незнаемой,
Волге, Поморию и Посулию,
И Сурожу и Корсуню,
И тебе, истукан тьмутараканский!
И половцы неготовыми дорогами побежали
к Дону великому:
Кричат в полночь телеги, словно распущенны
лебеди.
Игорь ратных к Дону ведет.
Уже беда его птиц скликает,
И волки угрозою воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червленые щиты...
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.

Русские поле великое червлеными щитами огородили,
Ища себе чести, а князю славы.

В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки
половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали красных дев
половецких,
А с ними и злато, и паволоки, и драгие оксамиты;
Ортмами, епончицами, и мехами, и разными узорочьями
половецки<ми>
По болотам и грязным местам начали мосты мостить.
А стяг червленый с белой хоругвию,
А чёлка червленая со древком серебряным —
Храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —
Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, черный ворон, неверный половчанин!

Гзак бежит серым волком,
А Кончак ему след прокладывает к Дону великому.

И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
Черные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Ту-то копьям поломаться,
Ту-то саблям притупиться
О шеломы половецкие
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
Уж ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.
Земля гремит,
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют;

Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех стран.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русичи щитами червлеными.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечем харалужным!
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие!
Порублены калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!
Какою раною подорожит он, братья,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чер<ни>гове, златом престоле родительском,
О красной Глебовне, милом своем желании, свычае и обычае?

Были сечи Трояновы,
Миновались лета Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.
Тот Олег мечем крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тьмотороакане.
Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын Всево<ло>дов;
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела
И на конскую зеленую попону положила
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи взял отца своего
Меж угорскою конницей ко святой Софии в Киев.
Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и вырастало междоусобием,
Погибала жизнь Дажь-божиих внуков,
В крамолах княжеских век человеческий сокращался.

Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто враны кричали,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили,
Сбираясь лететь на обед.

То было в тех ратях и тех походах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломы,
Трещат харалужные копья
В поле незнаемом
Среди земли Половецкие.
Черна земля под копытами
Костьми была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой.
Что мне шумит?
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает:
Жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы!
Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина недостало;
Тут пир докончали храбрые воины русские:
Сватов попоили,
А сами легли за Русскую землю.
Поникает трава от жалости,
А древо печалию
К земле преклонилось.
Уже не веселое время, братья, настало;
Уже пустыня силу прикрыла!

И встала обида в силах Дажь-божиих внуков,
Девой ступя на Троянову землю,

Встрепенула крыльями лебедиными,
На синем море у Дону плескаяся.
Прошли времена благоденствия,
Миновалися брани князей на неверных.
Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
И стали князи про малое спорить, как бы про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех стран набежали с победами на землю Русскую!..
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А бесстрашному полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге.
Жены русские всплакали, приговаривая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами сглядеть,
А злата-сребра много потратить!»
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов — напастию,
Тоска разлилася по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русской.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами врывались в землю Русскую,
Дань собира<я> по белке с двора.

Так-то сии два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод, пробудили коварство,
Едва усыпил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь киевский.
Гроза Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными ратями
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки-болота;
А Кобяка неверного из луки моря
От железных великих полков половецких

Вихрем исторгнул,
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гриднице Святославовой.
Немцы и Венеды,
Греки и Моравы
Славу поют Святославову,
Кают Игоря-князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкие,
Насыпав ее золотом русским.
Там Игорь-князь из златого седла пересел в седло Кощеево;
Уныли в градах забралы,
И веселие поникло.

И Святославу мутный сон привиделся:
«В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня, — рек он, — черным покровом на кровати тесовой;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великий в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.
А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на склон у Пленьска в дебри Кисановой...
Уж не послать ли мне к синему морю?»

И бояре князю в ответ рекли:
«Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского
Поискать города Тьмутараканя
Иль выпить шеломом из Дону.
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах».
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской земле

И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя ударила на волю,
Вергнулся Див на землю.
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают месть Шураканову.
А наши дружины гладны веселием.

Тогда изронил Святослав великий слово златое,
с слезами смешанное:
«О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честию вы победили,
С нечестием пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уже не вижу могущества моего сильного, богатого,
многовойного брата Ярослава,
С его Черниговскими племенами-поселенцами,
С Монгутами, Татринами и Шельбирами,
С Топчаками, Ревугами и Ольберами.
Они без щитов, с кинжалами засапожными
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: «Мы одни постоим за себя,
Славу передню сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!»
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего.
Но горе! горе! князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и Роман кричит под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!

Где ж ты, великий князь Всеволод?
Иль не помыслишь прилететь издалеча отцовский златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать!
Будь ты с ними, и была бы чага по ногате,
А кощей по резане.
Ты же посуху можешь с чадами Глеба удалыми
Стрелять живыми самострелами.
А вы, бесстрашные Рюрик с Давыдом,
Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены в поле незнаемом!
Вступите, вступите в стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом!
Подпер угорские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,
Затворил Дунаю вороты,
Бремена через облаки мечешь,
Рядишь суды до Дуная!
Гроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь ты Киеву,
Стреляешь в султанов с златого престола отцовска через далекие земли!
Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и смелый Роман!
Храбрая мысль носит ваш ум на подвиги,
Высоко взлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
Дрогну<ли> ими многие земли и области хановы,
Литва, Деремела, Ятвяги,
И Половцы, копья свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.

Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило,
И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу.
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингварь, и Всеволод, и все три
Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
Начто вам златые ваши шеломы,
Ваши польские копья, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого
Святославича!
Не течет уже Сула струею серебряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы
литовские,
Утишил он славу деда своего Всеслава,
А сам под червлеными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
«Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели.
И звери кровь полизали!»
Не было тут брата Брячислава, ни другого —
Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через златое ожерелие!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
Ты, Ярослав, и вы, внуки Всеславли,
Пришло преклонить вам стяги свои,
Пришло вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,

Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславову!
Бывало нам прежде какое насилие от земли Половецкия!
На седьмом веке Трояновом
Бросил жребий Всеслав о девице милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,
Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до златого престола Киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглою обвешенный,
Поутру же, стрикузы водрузивши, раздвинул врата Новугороду,
Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немиге.
На Немиге стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немиги не добром были посеяны —
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тьмутаракани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрени зазвонили
В колокола у святыя Софии,
А он в Киеве звон слышал.
Пу<с>ть и вещая душа была в крепком его теле,
Но часто страдал он от бед.
Ему и вещий Боян мудрым припевом предрек:
«Будь хитер, будь смышлен,
Будь по-птичью горазд,
А божьего суда не минуешь!»
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским!
Стяги его стали ныне Рюриковы,
А другие Давыдовы;

Нося на рогах их, волы ныне землю пашут.
А копья поют на Дунае».

Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой
чечёткою кличет:
«Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его».

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
приговаривая:
«О ветер ты ветер!
К чему же так сильно веешь?
Начто же наносишь ты стрелы ханские
Своими легковейными крыльями
На воинов лады моей?
Мало ль подоблачных гор твоему веянью?
Мало ль кораблей на синем море твоему лелеянью?
Начто ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие!»

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене,
припеваючи:
«О ты Днепр, ты Днепр, ты Слава-река!
Ты пробил горы каменны
Сквозь землю Половецкую;
Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати Кобяковой!
Прилелей же ко мне ты ладу мою,
Чтоб не слала к нему по утрам, по зарям, слез я
на море!»

Ярославна поутру плачет в Путивле на стене
городской, припеваючи:
«Ты светлое, ты тресветлое солнышко!
Ты для всех тепло, ты для всех красно!
Что ж так простерло ты свой горячий луч на воинов
лады моей,
Что в безводной степи луки им сжало жаждой
И заточило им тулы печалию?»

Прыснуло море ко полуночи;
Идут мглою туманы;

Игорю-князю бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю,
К златому престолу отцовскому.
Приугасла заря вечерняя.
Игорь-князь спит не спит,
Игорь мыслию поле меряет
От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи;
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвигнулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взвернулся князь на быстра коня,
Соскочил с него бесом-волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, и обеду,
и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,
Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней.

Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!
Немало тебе величия,
А Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ: «Ты, Донец-река!
И тебе славы немало,
Лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зелену траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого дерева,
Охранявшего его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернядьми на ветрах.

Не такова, — примолвил он, — Стугна-река:
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов раздирает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега темные.
Плачет мать Ростиславова
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобою,
А деревья печалию к земле преклонило».

Не сороки застрекотали —
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.

Молвил Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злачеными!»
Гзак в ответ Кончаку:
«Если сокол к гнезду долетит,
Соколенка опутаем красною девицей!»
И сказал опять Гзак Кончаку:
«Если опутаем красною девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красныя девицы,
И начнут нас бить птицы в поле Половецком!»

Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга
дщери когановой:
«Тяжко, — сказал он, — быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!»
Худо Русской земле без Игоря!
Солнце светит на небе —
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,

Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
К святой богородице Пирогощей.
Радуются земли,
Веселы грады!
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Побороая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!

1817—1819

М. Д. Деларю

5. ПЕСНЬ ОБ ОПОЛЧЕНИИ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Или начать нам, друзья, старым складом сказаний воинских
Песнь о походе Олегова внука, Игоря-князя?
Песнь же ту нам начать по событиям дней настоящих,
Но не по замыслам вещим Бояна, — Боян, замышляя
Витязя славу воспеть, соловьем растекался по древу,
Серым волком в полях, сизокрылым орлом в поднебесьи.
Вспомнив сказанья лет прежних о брани, пускал он, бывало,
Десять со́колов быстрых на стаю лебяжью: лишь только
Сокол на лебедь падет, лебедь песнь запоет — Ярославу ль,
Храброму ль князю Мстиславу, который пред ратью Касожской
Смял их вождя, Святослава ли красному сыну Роману.
Только Боян, о друзья! не десять со́колов быстрых
На лебединую стаю пускал, но на струны живые
Вещие персты взлагал — а те сами хвалу рокотали.
Други! начнем же сказанье свое Владимиром древним
До современного Игоря-князя, который, облекши
Крепостью ум и мужеством сердца его поощривши,
Ратного духа исполнился весь и за Русские грани
Храбрые рати свои навел на Половцев землю.
Тут князь Игорь на светлое солнце воззрел и, увидев
Все дружины свои от затменья прикрытые мглою:

«Братья, — сказал, — и дружина! под саблею смерть краше плена;
Сядем же, братья, на борзых коней да на Дон синий взглянем!»
Вспало князю на ум отведать великого Дону,
И желанье ему заступило весть неба. «Хочу я,
Молвил, копье притупить о конец Половецкого поля,
С вами, русины! хочу свою голову здесь положить я
Или шеломом моим испить великого Дону!»

О Боян, соловей старины! если б эти дружины
Ты нам воспел, скача соловьем по мысленну древу,
В небе летая умом, свивая славу времен двух,
Мчась по Трояна тропе через долы на горы! Воспеть бы
Было песнь Игорю, внуку Олега: «Не буря загнала
Со́колов стаю чрез степи широкие; галки стадами
К Дону несутся великому...», или начать было б песнь ту
Так, о Боян, соловей старины, внук Ве́лесов вещий:
Кони ржут за Сулой; гремит слава в Киеве-граде;
Трубы трубят в Новегороде; стяги взвевают в Путивле;
Игорь ждет милого брата... И вот Буй-Тур Всеволод молвит:
«Брат один, один свет светлый, Игорь родимый ты, оба
Мы сыновья Святослава! Седлай, брат, коней своих борзых;
Кони ж мои уж готовы, оседланы прежде под Курском.
А куряне мои — надежный народ; каждый ратник
По́вит под трубами, вско́рмлен копьем, взлелеян под шлемом;
Путь им известен, овраги знакомы; их луки исправны,
Тулы отворены, сабли нато́чены; сами как волки
По́ полю скачут, ища себе чести, князьям своим — славы».
Игорь в злат стремень вступил и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заслоняло; ночь, застонавши
Черной грозой, хищных птиц разбудила; в степи́ воют звери...
Див с верху древа кричит, велит слушать земле неизвестной,
Волге, Поморью, Суле́, Сурожу́ и Корсу́ню, а также,
Тьмутороканский болван, и тебе!.. А меж тем половчане

По непробитым путям побежали к великому Дону:
Скрып от телег их в ночи словно крик лебедей распущенных.
Игорь к Дону войско ведет: уже хищные птицы
Князя беду сторожат; волки бури ждут по оврагам;
Клект орлов созывает зверей на кровавые кости;
Лай лисиц на червленые русских щиты раздается...
О земля Русская, ты за холмами уж!.. Долго ночь меркнет,
Свет денницы запал, еще мгла поля покрывает;
Стих соловей, говор галок проснулся. Русины щитами
Степь преградили, ища себе чести, князьям своим — славы.
Утром в пяток потоптали они нечестивые рати
И, рассыпавшись стрелами пó полю, в стан свой помчали
Красных дев половецких, и злато, и ткани, и бархат;
А епанчами, а шубами, óртмами, всяким нарядом —
Стали мосты уж мостить по болотам и топким проходам.
Стяг же червленый, с хоруговью белой, червленая чёлка
И серебряный дрот — Святославича храброго доля...
Дремлет в поле Олега гнездо... далекó залетело!
Не на обиду оно рождено было соколу, кречту,
Не на обиду тебе, черный вран, половчанин поганый!
Гзак серым волком бежит; Кончак правит к великому Дону...
Вот, на другой день, денница кровавая свет возвещает;
Черные тучи от моря идут, собираясь четыре
Солнца собою прикрыть; а в них синие молньи трепещут.
Быть великому грому, идти дождю стрелами с Дону!
Копьям-то тут поломаться, саблям-то тут пощепаться
О половчан, на Каяле-реке, у великого Дону!
О земля Русская, ты за холмами!.. Вот Стрибога внуки,
Ветры, веют стрелами с моря на Игоря рати!
Стонет земля, реки мутно текут, пыль поля покрывает,
Стяги лепечут: половцы идут от Дона, от моря
И от всех стран... Отступили бесстрашные русские рати.
Криком — нечистая сила, щитами червлеными — наши
Степь преградили. Ты, Всеволод Яр-Тур, стоишь впереди всех,
Прыщешь стрелами, саблей булатной гремишь о шеломы!
Где только Тур проскакал, золотым своим шлемом блистая,

Там уж лежат половецкие головы; страшно избиты
Шлемы оварские, Яр-Тур, саблей каленой твоею!
Что́ ему раны, друзья, коль и по́честь и жизнь позабыл он,
И град Чернигов родной, и отцовский престол позлащенный,
И своей милой любви — красной Глебовны — нрав и обычай?
Были Трояна века, миновали лета́ Ярослава;
Были Олега полки́, Святославова сына Олега.
Тот мечом распри ковал и стрелы по́ полю сеял,
В стремя златое вступая во граде Тьмуторокани.
Звук той же славы великий любил Ярослав; а Владимир,
Сидя в Чернигове, слух от нее отклонял повседневно.
А Вячеславова храброго юного сына Бориса
Слава на суд привела и на злачное ложе повергла
Не за свою, за Олегову честь. И с той же Каялы
Князь Святополк повелел взять отца среди Угорских ко́ней
В Киев, к Софии святой. В этот век Горислава-Олега
Сеялось всё и росло средь крамол, и жизнь погибала
Даждь-Бога внука, и в распрях князей век людской сокращался.
В век тот на Русских полях оратаи редко взывали;
Но часто враны кричали, трупы деля меж собою;
Галки свой хор подымали, сбираясь лететь на покормку.
То было в те битвы, в тех ратях; битвы ж такой и не слышно.
С у́тра до вечера, с вечера до́ света стрелы летают;
Сабли о шлемы гремят; трещат булатные копья
В поле чужом, неизвестном, среди земли Половецкой.
Черную почву под конским копытом засеяли кости;
Кровь полила́ их: печалью взошли по земле они Русской...
Что зашумело, что зазвенело пред ранней зарею?
Игорь ворочает рать: ему жаль брата милого Тура!
Билися день они, бились другой; на третий к полудню
Пали знамена у Игоря. Тут, у быстрой Каялы,
Братья расстались. Вина кровавого тут недостало;
Тут пир докончили храбрые русы: сватов попоили,
Сами навек полегли за родимую Русскую землю!

Никнет от жалости злак; под печалию древо согнулось...
Тяжкое время настало, друзья! Степи силу прикрыли.
В силах Даждь-Богова внука восстала обида: вступивши
Девой на землю Трояна, всплескала крылом лебединым;
Плещучи нá море синем, у Дону, грозу пробудила.
Брань у князей на неверных исчезла; стал спорить брат
с братом:
То мое, и это мое! И начали князи
Важным ничтожное звать и крамолу ковать друг
на друга.
Враг же отвсюду вторгался с победою в Русскую землю.
О! далекó зашел сокол, преследуя птиц к синю морю;
Храбрым же Игоря ратям уже не воскреснуть! За ними
Крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
В пламенном роге пожар разнося. И русские жены
Всплакались, так вопия: «Уже нам друзей своих милых
Мыслью не взмыслить, думой не вздумать, очами
не взвидеть;
Златом же, сéребром тем и подавно уже не бренчать
нам!»
Как восстонал, братья, Киев с печали, Чернигов
с напасти!
Скорбь разлилася по Русской земле; течет средь отчизны
Морем печаль; а князья друг на друга крамолу ковали!
Враг, уже сам набегая с победой на Русскую землю,
Дань брал по белке с двора: Святославовы храбрые дети,
Игорь и Всеволод, зло разбудили, которое было
Усыплено отцом их вторым, грозой Святославом,
Киевским князем великим. Грозен тот был; погромил
всё
Воинством сильным своим и мечами булатными; ставши
На Половецкую землю, холмы притоптал и овраги;
Реки, озера взмутил; иссушил и потоки и блата;
А Кобяка, нечестивого князя, из лукоморья,
Из середины железных великих полков половецких,
Вихрю подобно исторг: и пал Кобяк в Киеве-граде,
В гриднице князя... Тут Немцы, Венедцы, тут Греки,
Моравцы
В честь Святослава поют, корят Игоря-князя, что благо
Наше в Каяле погрéб, засыпав дно золотом русским;
Тут Игорь-князь пересел из златого седла в седло
пленных!

Стены градские уныли, веселие долу поникло...
А Святослав смутный сон видел: «Снилося мне, — говорит он, —
Будто в ночь эту на киевских хо́лмах меня одевали
С вечера черным покровом на тисовом ложе, и будто
Черпали мне вино синее с горечью, сыпля из тощих
Недр мерзких раковин жемчуг великий на лоно и нежа.
Будто уж до́ски без князя в моем терему златоверхом.
Бесовы враны кричали всю ночь на болоньи у Пленска,
Были в Кисановой дебри и не сошли к синю морю».
— «Князь! — отвечали бояре: — то скорбь уж умом овладела.
То два сокола с отчих злаченых престолов слетели
Тъмутороканя искать или шлемом Дону напиться.
Со́колам тем уже крылья подсекли сабли поганых,
Их же самих опутали крепко железные путы.
Было темно в третий день: померкли два солнца; погасли
Оба багряных столпа; а с ними два месяца юных,
Князь Святослав со Владимиром-князем, подернулись мглою.
Тьма свет покрыла на бреге Каялы: по Руси простерлись
Половцы, словно пардов гнездо, и в бездну напастей
Ввергли ее и великую дерзость тем придали хану.
Уж нанеслася хула на хвалу; нужда встала на волю;
Див уж низвергся на землю! Вот готские красные девы
На берегу синя моря воспели; звеня русским златом,
Бусово время поют, лелеют месть Шарокана.
Мы же, о князь! мы, дружина твоя, уже чужды веселья!»
Князь Святослав изронил со слезами тут слово златое:
«О сыновья мои, Игорь и Всеволод! рано вы стали
Половцев землю мечами губить, а себе искать славы!
С честью ли вы одолели? с честью ль кровь вражью проли́ли?
Храбрые ваши сердца закалёны в огне и отваге.
Что вы соделали, дети, моей седине серебристой!
Власти не вижу уж я богатого, сильного брата;
Войск Ярослава не зрю из черниговских воев, Могутов,
Также Татранов, Шельбиров, Топчаков, Ревугов, Ольберов.

Те, без щитов и оружия, криком полки побеждают,
В славу предков звоня. Но вы гордо сказали друг другу:
«Сами мужаемся, сами грядущую славу похитим,
Сами поделимся прежней!» А диво ли, братья, и старцу
Вновь поюнеть? Когда сокол, понявшися, перья роняет,
То высокó птиц взбивает, не даст гнезда он в обиду.
Горе лишь то, что князья мне не в помочь: лета изменились».
Чу! у Ромна кричат под саблями половцев наши,
Стонет Владимир над ранами: скорбь и тоска сыну Глеба!
Всеволод-князь! не мыслью тебе прилететь издалеча
Отчий престол золотой поблюсти. Ты веслами можешь
Волгу всю раскропить, а шлемами вычерпать Дон весь.
Был бы ты здесь, была бы тогда раба по ногате,
Раб по рéзани б был. Стрелять и на суше живыми
Ты самострелами можешь — сынами удáлыми Глеба!
Вы, смелый Рюрик с Давидом! не ваши ли шлемы злаченые
Плавали в вражьей кровú? Не ваши ли храбрые рати
Турам подобно рыскают, пораненным саблей каленой
В поле чужом? Вступúте, князья, в стремена золотые
За оскорбление наших времен, за Русскую землю,
За Святославича смелого раны, за Игоря-князя!
Галицкий князь, Осмомысл-Ярослав! высокó восседаешь
Ты на престоле своем златокованом; подпер хребет ты
Угорских гор железною ратью своей, заступивши
Путь королю, затворивши ворóта Дунаю, метая
Тяжкие грузы чрез тучи, суды рядя до Дуная.
Грозы твои по зéмлям текут; ты врата отворяешь
Киеву-граду; с престола отцов золотого стреляешь
Ты салтанов далеких земель. Стреляй же, властитель!
Бей Кончака, нечестивца Кощея, за Русскую землю,
За Святославича смелого раны, за Игоря-князя!
Ты, князь смелый Роман, со Мстиславом! отважная дума
Носит на дело ваш ум. Высóко ты плаваешь в деле,
Словно сокол на ветрах ширяясь, когда тот стремится
Птицу в бою одолеть. У ваших под шлемом латинским
Брони железные есть: от них-то земля потряслася,
Многие хановы страны погибли. Литва, и Ятвяги,
И Деремела, и Половцы копья свои побросали,

Главы свои подклонили под ваши булатные сабли.
Но уж, князь Игорь! свет солнца убы́л; не добром уже древо
Листья сронило. По Ро́си, Суле́ города поделили;
Храбрым же Игоря ратям уже не воскреснуть! Дон кличет,
Князь правоверный, тебя и зовет всех князей на победу.
Храброе племя Олега уже подоспело на битву...
Всеволод, Ингварь и все три птенца из Мстиславова рода,
Все не худого гнезда шестокрыльцы! Не жребьем ли битвы
До́были власть вы себе? Начто ж ваши шлемы златые,
Ляшские копья, щиты вам начто?.. Заградите своими
Острыми стрелами полю ворота за Русскую землю,
За Святославича смелого раны, за Игоря-князя!..
Уж Сула́ серебром не струится к Переяславлю,
И Двина болотом течет, под криком поганых,
К грозным тем Полочанам... Один Изяслав Василькович
Острым мечом позвенел о шеломы Литвы, заглушивши
Славу деда Всеслава; а сам под щитами отчизны
Лег на кровавой траве, пораженный мечами литовцев.
Ложем избравши ее, он промолвил: «Твою, князь, дружину
Птицы крылами одели, а звери кровь полизали».
Не был тут брат Брячислав, ни Всеволод не был, — единый,
Душу жемчужную он изронил из храброго тела
Чрез ожерелье златое. Уныли победные гласы,
Ратей веселье поникло; трубят городенские трубы...
О Ярослав и все внуки Всеслава! склоните знамена,
Скройте мечи вы свои поврежденные! Вы уже чужды
Дедовской славы! Вы-то своими крамолами стали
Кликать на Русскую землю, на жизнь Всеслава, поганых..
Было ль какое насилье дотоль от земли Половецкой!
В век седьмой от Трояна Всеслав бросил жребий о деве,
Милой ему. О пределы подпершись клюками, скочил он
К Киеву-граду и добыл копьем там златого престола.
Лютым зверем оттоль поскакал из Бела́града в полночь,
Синею мглой обернувшись; а к утру отбил стенобоем

Новуграду врата, расшиб Ярославову славу,
Волком помчался к Немиге с Дудуток... Там,
на Немиге,
Стелют снопы головами, молотят цепами стальными,
Жизнь кладут на току, веют душу от тела. Немигский
Брег не добром был засеян — засеян костьми сынов
русских...
Князь Всеслав суды людям судил, князьям рядил грады,
Сам же волком рыскал в ночи; из Киева-града
До петухов он дорыскивал Тмутороканских владений;
Хорсу великому путь перерыскивал волком он серым.
В Полоцке был он, когда позвонили ему рано утром
В колокола у Софии, а он звон уж в Киеве слышал.
Хоть и веща душа в ином теле, да часто страдала.
Вещий Боян наш ему-то разумную молвил припевку,
Так говоря: «Ни хитру́, ни горазду, — летал хоть бы
птицей, —
Не миновать суда божия!» — О, стонать земле Русской,
Прежнее время и прежних князей поминая! Нельзя же
Было древнего князя Владимира к киевским высям
Нам навсегда приковать: ныне стяги его уже стали
Рюрика-князя одни, а князя Давида — другие.
Роги носящим хвосты чешут; копья поют на Дунае...
Слышен глас Ярославны; пустынной кукушкою с у́тра
Кличет она: «Полечу, говорит, по Дунаю кукушкой,
Мой бобровый рукав омочу в каяльские воды,
Раны кровавые князю на страждущем теле отру им!»
Плачет на ранней заре Ярославна в Путивле на стенах,
Так говоря: «О ветр, ветр могучий! к чему, властелин, ты
Веешь напротив? К чему на свободных крылах своих
мчишь ты
Ханские стрелы на воинов друга? Иль мало под небом
Гор тебе веять, лелея судов стаи на море синем?
Что́ же, могучий, веселье мое по ковы́лю развеял?»
Плачет на ранней заре Ярославна в Путивле на стенах,
Так говоря: «О Днепр пресловутый! ты каменны горы
Сквозь Половецкую землю пробил; ты суда Святослава
До Кобякова войска лелеял; взлелей же, могучий,
Друга ко мне, чтоб не слала я слез к нему на́ море
с у́тра!»
Плачет на ранней заре Ярославна в Путивле на стенах,
Так говоря: «Светлое солнце, тресветлое солнце!

Всем тепло́ и красно́ ты! К чему ж, властелин, ты
простерло
Луч свой горячий на воинов друга? в поле безводном
Жаждой им луки свело, печалью им тулы заткало?»
Прыснуло в по́лночи море; идут смерчи синею мглою;
Князю Игорю бог кажет путь из земли Половецкой
В Русскую землю, к престолу отцов золотому. Погасли
Зори вечерние. Игорь-князь спит... Игорь бдит, Игорь
мыслью
Мерит поля до мала Донца от великого Дона.
Конь о полу́ночи. Свистнул верный Овлур за рекою,
Князю велит разуметь... Князю Игорю боле не быть там!
Вскликнуло, стукнуло поле; трава зашумела; подвиглись
Половцев вежи... А Игорь в тростник поскакал
горностаем,
На́ воду гоголем белым; взлетел на коня удалого,
И, соскочивши проворно с него, босым волком помчался
К лугу Донца, и со́колом взвился под мглой, избивая
И лебедей и гусей на завтрак, обед и на ужин.
Ежели Игорь со́колом несся, Овлур мчался волком,
Труся студеную ро́су; коней же они надорвали...
Вот Донец говорит: «Немало тебе, князь, величья,
А Кончаку, нечестивцу, досады, а Ру́си веселья!»
Игорь в ответ: «И тебе, о Донец! немало величья!
Ты лелеял князя средь волн, расстилал ему зелень
На серебристых своих берегах, одевал его теплой
Мглою под сенью зеленого древа; стерег на воде ты
Гоголем князя, чайкой средь волн, чернетями на ветрах.
Не такова ль река Стугна? Своею недоброй волною
Чуждые воды она пожрала и струги разбила!
Днепр затворил Ростиславу младому темный свой берег:
Плачется мать Ростислава по юноше князе. Уныли
С грусти цветы, и древо с печалью к земле
приклонилось».
То не сороки стрекочут, а по следу Игоря ездит
Гзак с Кончаком. В то время уже не каркали враны,
Галки замолкли, сороки притихли; одни только дятлы,
Тихо ползя по ветвям, к реке своим стуком путь кажут.
Да соловьи веселыми песнями свет повещают.
Гзак говорит Кончаку: «Коли сокол к гнезду путь свой
держит,
Не расстрелять ли злачеными стрелами нам соколенка?»

Гзаку Кончак говорит: «Коли сокол к гнезду путь свой держит,
Мы соколенка опутаем лучше де́вицей красной».
Гзак же в ответ Кончаку: «Коль опутаем девицей красной,
То нам не будет ни соколенка, ни девицы красной
И станут птицы нас бить посреди Половецкого поля!»
Рек Боян, певец Ярослава, Олега, Когана,
На Святослава походы: «Тяжко без плеч голове быть;
Горе и телу без головы!» — Так без Игоря Руси.
Солнце светится на́ небе; Игорь-князь в милой отчизне.
Девы поют на Дунае; их песни до Киева вьются.
Игорь едет через Боричев к деве святой Пирогощей.
Стра́ны рады, грады веселы; пели князьям песнь:
Прежде старым, потом молодым. Слава Игорю-князю!
Слава Буй-Туру, слава Владимиру, Игоря сыну!
Здравье князьям и дружине, нечистую силу разящим
За христианство! Слава князьям, и дружине их слава!

1839

А. Н. Майков

6. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не начать ли нашу песнь, о братья,
Со сказаний о старинных бранях, —
Песнь о храброй Игоревой рати
И о нем, о сыне Святославле!
И воспеть их, как поется ныне,
Не гоняясь мыслью за Бояном!
Песнь слагая, он, бывало, вещий,
Быстрой векшей по лесу носился,
Серым волком в чистом поле рыскал,
Что орел ширял под облаками!
Как воспомнит брани стародавни,
Да на стаю лебедей и пустит
Десять быстрых соколов вдогонку;
И какую первую настигнет,
Для него и песню пой та лебедь, —
Песню пой о старом Ярославе ль,
О Мстиславе ль, что в бою зарезал,
Поборов, касожского Редедю,
Аль о славном о Романе Красном...
Но не десять соколов то было —
Десять он перстов пускал на струны,
И князьям, под вещими перстами,
Сами струны славу рокотали!..

Поведем же, братия, сказанье
От времен Владимировых древних,

Доведем до Игоревой брани,
Как он думу крепкую задумал,
Наострил отвагой храброй сердце,
Распалился славным ратным духом
И за землю Русскую дружину
В степь повел на ханов половецких.

У Донца был Игорь, только видит —
Словно тьмой полки его прикрыты,
И воззрел на светлое он Солнце —
Видит: Солнце — что двурогий месяц,
А в рогах был словно угль горящий;
В темном небе звезды просияли;
У людей в глазах позеленело.
«Не добра ждать», — говорят в дружине.
Старики поникли головами:
«Быть убитым нам или плененным!»
Князь же Игорь: «Братья и дружина,
Лучше быть убиту, чем плененну!
Но кому пророчится погибель —
Кто узнает, нам или поганым?
А посядем на коней на борзых
Да посмотрим синего-то Дону!»
Не послушал знаменья он Солнца,
Распалясь взглянуть на Дон великий!
«Преломить копье свое, — он кликнул, —
Вместе с вами, русичи, хочу я
На конце неведомого поля!
Или с вами голову сложити,
Иль испить златым шеломом Дону!»

О Боян, о вещий песнотворец,
Соловей времен давно минувших!
Ах, тебе б певцом быть этой рати!
Лишь скача по мысленному древу,
Возносясь орлом под сизы тучи,
С древней славой новую свивая,
В путь Троянов мчась чрез дол на горы,
Воспевать бы Игореву славу!

То не буря соколов помчала,
То не стаи галчьи побежали

Чрез поля-луга на Дон великий...
Ах, тебе бы петь, о внук Велесов!..

За Сулой-рекою да ржут кони,
Звон звенит во Киеве во стольном,
В Новеграде затрубили трубы;
Веют стяги красные в Путивле...
Поджидает Игорь мила брата;
А пришел и Всеволод, и молвит:
«Игорь, брат, един ты свет мой светлый!
Святославли мы сыны, два брата!
Ты седлай коней своих ретивых,
А мои оседланы уж в Курске!
И мои куряне ль не смышлены!
Повиты под бранною трубою,
Повзросли под шлемом и кольчугой,
Со конца копья оॅни вскормлёны!
Все пути им сведомы, овраги!
Луки туги, тулы отворёны,
Остры сабли крепко отточёны,
Сами скачут, словно волки в поле,
Алчут чести, а для князя славы!..»

И вступил князь Игорь во злат стремень,
И дружины двинулись за князем.
Солнце путь их тьмою заступало;
Ночь пришла — та взвыла, застонала
И грозою птиц поразбудила.
Свист звериный встал кругом по степи;
Высоко поднявшися по древу,
Черный Див закликал, подавая
Весть на всю незнаемую землю,
На Сулу, на Волгу и Поморье,
На Корсунь и Сурожское море,
И тебе, болван тмутороканский!
И бегут неезжими путями
К Дону тьмы поганых, и отвсюду
От телег их скрып пошел, — ты скажешь:
Лебедей испуганные крики.

Игорь путь на Дон великий держит,
А над ним беду уж чуют птицы

И несутся следом за полками;
Воют волки по крутым оврагам,
Ощетинясь, словно бурю кличут;
На красны́ щиты лисицы брешут,
А орлы своим зловещим клектом
По степям зверье зовут на кости...

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!

Ночь редеет. Бел рассвет проглянул,
По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,
Галчий говор по кустам проснулся...
В поле Русь, с багряными щитами,
Длинным строем изрядилась к бою,
Алча чести, а для князя славы.

И в пяток то было; спозаранья
Потоптали храбрые поганых!
По полю рассыпавшись что стрелы,
Красных дев помчали половецких,
Аксамиту, па́волок и злата,
А мешков и всяких узорочий,
Кожухов и юрт такую силу,
Что мосты в грязях мостили ими.
Всё дружине храброй отдал Игорь,
Красный стяг один себе оставил,
Красный стяг, серебряное древко,
С алой чёлкой, с белою хоругвью.

Дремлет храброе гнездо Олега.
Далеко, родное, залетело!
«Не родились, знай, мы на обиду
Ни тебе, быстр сокол, пестер кречет,
Ни тебе, зол ворон половчанин...»

А уж Гзак несется серым волком,
И Кончак за Гзаком им навстречу...

И в другой день полосой кровавой
Повещают день кровавый зори...

Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре солнца...
Синие в них молнии трепещут...
Грому быть, великому быть грому!
Лить дождю калеными стрелами!
Поломаться копьям о кольчуги,
Потупиться саблям о шеломы,
О шеломы половчан поганых!

А уж в степь зашла ты, Русь, далеко!
Перевал давно переступила!..

Чу! Стрибожьи чада понеслися,
Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки их Игоревы сыплют...
Помутились, пожелтели реки,
Загудело поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли уж знамена плещут...
Ото всех сторон враги подходят...
И от Дона и от синя моря,
Обступают наших отовсюду!
Отовсюду бесовы исчадья
Понеслися с гиканьем и криком.

Молча Русь, отпор кругом готовя,
Подняла щиты свои багряны.

Ярый тур ты, Всеволод! стоишь ты
Впереди с курянами своими!
Прыщешь стрелами на вражьих воев,
О шеломы их гремишь мечами!
Где ты, буй-тур, ни поскачешь в битве,
Золотым посвечивая шлемом, —
Там валятся головы поганых,
Там трещат аварские шеломы
Вкруг тебя от сабель молодецких!
Не считает ран уж он на теле!
Да ему о ранах ли тут помнить,
Коль забыл он и Чернигов славный,
Отчий стол, честны пиры княжие

И своей красавицы княгини,
Той ли светлой Глебовны, утехи,
Милый лик и ласковый обычай!

Были веки темного Трояна,
Ярослава годы миновали;
Были брани храброго Олега...
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Сеял стрелы по земле по Русской...
Затрубил он сбор в Тмуторокани:
Слышал трубы Всеволод Великий,
И с утра в Чернигове Владимир
Сам в стенах закладывал ворота...
А Бориса ополчила слава
И на смертный одр его сложила
На зеленом поле у Канина...
Пал млад князь, пал храбрый Вячеславич
За его ж, за Ольгову обиду!
И с того зеленого же поля,
На своих угорских иноходцах,
Ярополк увез и отче тело
Ко святой Софии в стольный Киев.
И тогда ж, в те злые дни Олега,
Сеялось крамолой и растилось
На Руси от внуков Гориславы;
Погибала жизнь Дажьбожьих внуков,
Сокращались веки человекам...
В дни те редко ратаи за плугом
На Руси покрикивали в поле;
Только враны каркали на трупах,
Галки речь вели между собою,
Далеко почуя мертвечину.

Так в те брани, так в те рати было,
Но такой, как Игорева битва,
На Руси не слыхано от века!

От зари до вечера, день целый,
С вечера до света реют стрелы,
Гремлют остры сабли о шеломы,
С треском копья ломятся булатны

Середи неведомого поля,
В самом сердце Половецкой степи!
Под копытом черное все поле
Было сплошь засеяно костями,
Было кровью алою полито,
И взошел посев по Руси — горем!..

Что шумит-звенит перед зарею?

Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж бьются!
Третий день к полудню уж подходит:
Тут и стяги Игоревы пали!
Стяги пали, тут и оба брата
На Каяле быстрой разлучились...
Уж у храбрых русичей не стало
Тут вина кровавого для пира,
Попоили сватов, да и сами
Полегли за отческую землю!
В поле травы с жалости поникли,
Дерева с печали приклонились...

Невеселый час настал, о братья!
Уж пустыня скрыла поле боя,
Где легла Дажьбожья внука сила, —
Но над ней стоит ее Обида...
Обернулась девою Обида
И ступила на́ землю Трояню,
Распустила крылья лебедины
И, крылами плещучи у Дона,
В синем море плеща, громким гласом
О годах счастливых поминала:

«От усобиц княжьих — гибель Руси!
Братья спорят: то́ мое и это!
Зол раздор из малых слов заводят,
На себя куют крамолу сами,
А на Русь с победами приходят
Отовсюду вороги лихие!

Залетел далече ясный сокол,
Загоняя птиц ко синю морю, —

А полка уж Игорева нету!
На всю Русь поднялся вой поминок,
Поскочила Скорбь от веси к веси
И, мужей зовя на тризну, мечет
Им смолой пылающие роги...
Жены плачут, слезно причитают:
«Уж ни мыслью милых нам не смыслить!
Уж ни думой лад своих не сдумать,
Ни очами нам на них не глянуть,
Златом, сребром нам уже не звякнуть!»

Стонет Киев, тужит град Чернигов,
Широко печаль течет по Руси;
А князья куют себе крамолу,
А враги с победой в селах рыщут,
Собирают дань по белке с дыму...
А всё храбрый Всеволод да Игорь!
То они зло лихо разбудили:
Усыпил было его могучий
Святослав, князь Киевский великий...
Был грозой для ханов половецких!
Наступил на землю их полками,
Притоптал их холмы и овраги,
Возмутил их реки и озера,
Иссушил потоки и болота!
А того поганого Кобяка
Из полков железных половецких,
Словно вихрь, исторг из лукоморья, —
И упал Кобяк во стольный Киев,
В золотую гридню к Святославу...
Немцы, греки, и венецияне,
И морава хвалят Святослава,
И корят все Игоря, смеются,
Что на дне Каялы половецкой
Погрузил он русскую рать-силу,
Реку русским золотом засыпал,
Да на ней же сам с седла златого
На седло кощея пересажен».

В городах затворены ворота.
Приумолкло на Руси веселье.
Смутен сон приснился Святославу.

«Снилось мне, — он сказывал боярам, —
Что меня на кипарисном ложе,
На горах, здесь в Киеве, ох, черным
Одевали с вечера покровом;
С синим мне вином мешали зелье;
Из поганых половецких тулов
Крупный жемчуг сыпали на лоно;
На меня, на мертвеца, не смотрят;
В терему ж золотоверхом словно
Из конька повыскочили доски;
И всю ночь прокаркали у Пленска,
Там, где прежде дебрь была Кисаня,
На подолье, стаи черных вранов,
Проносясь несметной тучей к морю...»

Отвечали княжие бояре:

«Ум твой, княже, полонило горе!
С злат-стола два сокола слетели,
Захотев испить шеломом Дону,
Поискать себе Тмуторокани.
И подсекли половцы им крылья,
А самих опутали в железа!
В третий день внезапу тьма настала!
Оба солнца красные померкли,
Два столба багряные погасли,
С ними оба тьмой поволоклися
И в небесных безднах погрузились,
На веселье ханам половецким,
Молодые месяцы, два света —
Володимир с храбрым Святославом!
На Каяле Тьма наш Свет покрыла,
И простерлись половцы по Руси,
Словно люты пардусовы гнезда!
Уж хула на славу нанеслася,
Зла нужда ударила на волю,
Черный Див повергнулся на землю,

Рад, что девы готские запели
По всему побрежью синя моря!
Золотом позванивают русским,
Прославляют Бусовы победы
И лелеют месть за Шарукана...
До веселья ль, княже, тут дружине!»

Изронил тогда, в ответ боярам,
Святослав из уст златое слово,
Горючьми слезами облитое:

«Детки, детки, Всеволод мой, Игорь!
Сыновцы мои вы дорогие!
Не́ в пору искать пошли вы славы
И громить мечами вражью землю!
Ни победой, ни пролитой кровью
Для себя не добыли вы чести!
Да сердца-то ваши удалые
На огне искованы на лютом,
Во отваге буйной закалёны!
Что теперь вы, дети, сотворили
С сединой серебряной моею?
Нет со мной уж брата Ярослава!
Он ли сильный, он ли многоратный,
Со своей черниговской дружиной!
А его Могуты и Татраны,
Топчаки, Ревуги и Ольберы,
Те с ножами, без щитов, лишь кликом,
Бранной славой прадедам ревнуя,
Побеждают полчища и рати...
Вы ж возмнили: сами одолеем!
Всю сорвем, что в будущем есть, славу,
Да и ту, что добыли уж деды!..

Старику б помолодеть не диво!
Вьет гнездо соко́л и птиц взбивает,
Своего гнезда не даст в обиду,
Да беда — в князьях мне нет помоги!
Времена тяжелые настали:
Крик в Ромнах под саблей половецкой!
Володимир ранами изъязвлен,
Стонет, тужит Глебович удалый...

Что ж ты, княже, Всеволод Великий!
И не в мысль тебе перелетети,
Издалёка поблюсти стол отчий?
Мог бы Волгу веслами разбрызгать,
Мог бы Дон шеломами расчерпать!
Будь ты здесь, да половцев толпою
Продавали б — девка по ногате,
Смерд-кощей по ре́зани пошел бы!
Ведь стрелять и посуху ты можешь:
У тебя живые самострелы —
Двое братьев, Глебовичей храбрых!

Ты, буй Рюрик, ты, Давид удалый!
Вы ль с дружиной по златые шлемы
Во крови не плавали во вражьей?
Ваши ль рати не рычат по степи,
Словно туры, раненные саблей!
Ой, вступите в золотое стремя,
Распалитесь гневом за обиду,
Вы за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!

Остромысл ты вещий, Ярославе...
Высоко на золотом престоле
Восседаешь в Галиче ты крепком!
Подпер ты своей железной ратью,
Что стеной, Карпатские угорья,
Заградив для короля дорогу,
Затворив ворота на Дунае,
Через тучи сыпля горы камней
И судя до самого Дуная!
И текут от твоего престола
По землям на супротивных грозы...
Отворяешь в Киеве ворота,
Мечешь стрелы за́ земли в салтанов!..
Ах, стреляй в поганого кощея,
Разгроми Кончака за обиду,
Встань за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Ты, Роман, с своим Мстиславом верным!
Смело мысль стремит ваш ум на подвиг!

Ты, могучий, в замыслах высоко
Возлетаешь, что сокóл ширяя
На ветрах, над верною добычей...
Грудь у вас из-под латинских шлемов
Вся покрыта кольчатою сеткой!
Перед вами трепетали земли,
Потрясались Хиновские страны,
Деремела ж, половцы с литвою
И ятвяги палицы бросали
И во прах кидались перед вами!
Свет, о князь, от Игоря уходит!
Не на благо лист спадает с древа!
По Росй, Сулé враг грады делит,
А полку уж Игорева нету!
Дон зовет, Роман, тебя на подвиг,
Всех князей сзывает на победу,
А одни лишь Ольговичи вняли
И на брань, на зов его, доспели...

Ингварь, Всеволод, и вы, три брата,
Вы, три сына храброго Мстислава,
Не худа гнезда птенцы крылаты!
Отчин вы мечом не добывали —
Где же ваши шлемы золотые?
Аль уж нет щитов и ляшских палиц?
Заградите острыми стрелами
Воротá на Русь с широкой степи!
Потрудитесь, князи, в поле ратном
Все за землю Русскую родную,
За живые Игоревы раны!..

Уж не той серебряной струею
Потекла Сула к Переяславлю,
И Двина пошла уже болотом,
Взмущена врагом, под грозный Полоцк!
Услыхал и Полоцк крик поганых!
Изяслав булатными мечами
Позвонил один о вражьи шлемы,
Да разбил лишь дедовскую славу,
Сам сражен литовскими мечами
И изрублен на траве кровавой,

Под щитами красными своими!
И на том одре на смертном лежа,
Сам сказал: «Вороньими крылами
Приодел ты, князь, свою дружину,
Полизать зверям ее дал крови!»
И один, без брата Брячислава,
Без другого — Всеволода-брата,
Изронил жемчужную он душу;
Изронил, один, из храбра тела,
Сквозь свое златое ожерелье!..
И поникло в отчине веселье,
В Городне трубят печально трубы...

Все вы, внуки грозного Всеслава,
Опустите ваши красны стяги
И в ножны мечи свои вложите:
Вы из дедней выскочили славы!
В ваших сварах первые вы стали
Наводить на отчий край поганых!
И от вас, не лучше половецких,
Таковы ж насилья были Руси!
Загадал о дедине любезной
Тот Всеслав, на Киев жребий бросил,
На коня вскочил он и помчался,
Да лишь древком копия добился
До его престола золотого!
В ночь бежал оттуда лютым зверем,
Синей мглой из Белграда поднялся,
Утром бил уж стены в Новеграде,
Ярослава славу порушая...
Проскочил оттуда серым волком,
От Дудуток на реку Немигу...
Не снопы то стелют на Немиге —
Человечьи головы кидают!
Не цепами молотят — мечами!
Жизнь на ток кладут и веют душу,
Веют душу храбрую от тела!
Ох, не житом сеяны — костями!
Берега кровавые Немиги,
Всё своими русскими костями!..
Днем Всеслав суды судил народу
И ряды рядил между князьями,

В ночь же волком побежит, бывало,
К петухам в Тмуторокань поспеет,
Хорсу путь его перебегая!
Да! ему заутреню, бывало,
Зазвонят у Полоцкой Софии,
Он же звон у Киевской уж слушал.
А хотя и с вещею душою
Был, великий, в богатырском теле,
Всё ж беды терпел-таки немало!
Про него и спел Боян припевку:
«Будь хитер-горазд, летай хоть птицей,
Всё суда ты божьего не минешь!»

Ох, стонать земле великой Русской,
Про князей воспоминая давних,
Вспоминая прежнее их время!
Да нельзя ж ведь было пригвоздити
Ко горам ко Киевским высоким
Старика Владимира навеки!
По рукам пошли его знамена
И уж розно машут бунчуками,
Розно копья петь пошли по рекам!»

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поутру
Раным-рано ласточкой щебечет:
«По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрян рукав в Каяле,
Оботру кровавы раны князю
На белом его могучем теле!..»

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ветр-ветрило! что ты, господине,
Что ты веешь, что на легких крыльях
Носишь стрелы в храбрых воев лады!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,

А то веешь, веешь — развеваешь
На ковыль-траву мое веселье. . .»

Там она, в Путивле, раным-рано
На стене стоит и причитает:

«Ты ли, Днепр мой, Днепр ты мой Славутич!
По земле прошел ты Половецкой,
Пробивал ты каменные горы!
Ты ладьи лелеял Святослава,
До земли Кобяковой носил их. . .
Прилелей ко мне мою ты ладу,
Чтоб мне слез не слать к нему с тобою
По сырым зорям на сине море! . .»

Рано-рано уж она в Путивле
На стене стоит и причитает:

«Светлое, трисветлое ты Солнце,
Ах, для всех красно, тепло ты, Солнце!
Что ж ты, Солнце, с неба устремило
Жаркий луч на лады храбрых воев!
Жаждой их томишь в безводном поле,
Сушишь-гнешь несмоченные луки,
Замыкаешь кожаные тулы. . .»

Сине море прыснуло к полночи.
Мглой встают, идут смерчи морские:
Кажет бог князь-Игорю дорогу
Из земли далекой Половецкой
К золотому отчему престолу.

Погасают сумерки сквозь тучи. . .
Игорь спит — не спит, крылатой мыслью
Мерит поле ко Донцу от Дона.
За рекой Овлур к полночи свищет,
По коня он свищет, повещает:
«Выходи, князь Игорь, из полона».

Ветер воет, проносясь по степи,
И шатает вежи половецки;

Шелестит-шуршит ковыль высокий,
И шумит-гудит земля сырая...
Горностаем скок в тростник князь Игорь,
Что бел гоголь по воде ныряет,
На быстра́ добра́ коня садится;
По лугам Донца что волк несется;
Что сокол летит в сырых туманах,
Лебедей, гусей себе стреляет
На обед, на завтрак и на ужин.

Что сокол летит князь светлый Игорь,
Что сер волк Овлур за ним несется,
Студену росу с травы стряхая.
Уж лихих коней давно загнали.

Вран не каркнет, галчий стихнул говор,
И сорочья стрекота не слышно.
Только дятлы ползают по ветвям,
Дятлы тёктом путь к реке казуют,
Соловьин свист зори повещает...

Говорит Донец: «Ох, князь ты Игорь!
Величанья ж ты себе да добыл,
А Кончаку всякого проклятья,
Русской всей земле светла́ веселья!»

Отвечал Донцу князь светлый Игорь:
«Донче, Донче, ты ли, тихоструйный!
И тебе да будет величанье,
Что меня ты на волнах лелеял,
Зелену траву мне стлал в постелю
На своем серебряном побрежьи,
Теплой мглою на меня ты веял
Под темно́й зеленою ракитой,
Серой уткой сторожил на русле,
На струях — чирком, на ветрах — чайкой...
Вот Стугна, о Донче, не такая!
Как пожрет-попьет ручьи чужие,
По кустам, по долам разольется...
Ростислава-юношу пожрала,
На Днепре ж, на темном побережьи,
Плачет мать по юноше, по князе;

Приуныли с жалости цветочки,
Дерева с печали приклонились. . .»

Не сороки — чу! — застрекотали:
Едут Гзак с Кончаком в злу погоню.

Молвит Гзак Кончаку на погоне:
«Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Уж мла́да соколика не пустим,
А поставим друга в чистом поле,
Расстреляем стрелами златыми».

И в ответ Кончак ко люту Гзаку:
«Коль сокол к гнезду летит, урвался,
Сокольца опутаем потуже
Крепкой цепью — красною девицей».

Гзак в ответ Кончаку слово молвит:
«Коль опутать красною девицей,
Не видать ни сокольца младого,
Не видать ни красной нам девицы;
А их детки бить почнут нас в поле,
Здесь же, в нашем поле Половецком».

Стародавних былей песнотворец,
Ярослава певший и Олега,
Так-то в песне пел про Святослава:
«Тяжело главе без плеч могучих,
Горе телу без главы разумной».
И земле так горько было Русской
Без уда́ла Игоря, без князя. . .
Ан на небе солнце засветило:
Игорь-князь в земле уж скачет Русской.
На Дунае девицы запели —
Через море песнь отдалась в Киев.
Игорь едет, на Боричев держит,
Ко святой иконе Пирогощей.
В селах радость, в городах веселье;
Все князей поют и величают,
Пе́рво — старших, а за ними — младших.

Воспоем и мы: свет-Игорь — слава!
Буй-тур свету-Всеволоду — слава!
Володимир Игоревич — слава!
Святославу Ольговичу — слава!
Вам на здравье, князи и дружина,
Христиан поборцы на поганых!

Слава князьям и дружине!
Аминь.

1870—1893

К. Д. Бальмонт

7. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Нам начать не благо ль, братья, песню старыми словами,
Песнь, как полк в поход повел он, славный Игорь
Святославич?
По былинам лет тех бывших, не по замыслу Баяна,
Эту песнь зачнем мы, братья. Он, Баян, певец тот вещий,
Коль кому восхочет песни, белкой он течет по древу,
По земле он серым волком и орлом под облак сизым.
Вспомнит быль времен тех первых, об усобицах
сказанья,
Соколов пускает десять к лебединой стае белой,
Чуть домчится первый сокол, лебедь первая закличет, —
И певучим словом песни Ярослав проходит старый,
И в певучем слове песни восстает Мстислав тот храбрый,
Он, зарезавший Редедю пред косожскими полками,
И Роман тот Святославич, в песне он красиволикий.
А Баян пускал не десять соколов проворных, братья,
К лебединой стае белой не летел поспешный сокол,
Нет, он вещие на струны возлагал персты, и звонко
Князю, избранному песней, струны славу рокотали.
Так начнем же, братья, повесть, от Владимира начало
И до Игоря, что ныне ум напряг свой, ум-твердыню,
Заострил свое он сердце, ратным мужеством наполнив,
И привел свои полки он до земли до Половецкой,
Да отмстит, и мщеньем правым, он за Русскую за землю.
Тут взглянул на солнце Игорь, солнце светлое на небе,
Видит он — от солнца черной тьмою воинство покрыто.

И сказал к своей дружине Игорь: «Братья и дружина,
Лучше быть мечом сраженным, чем в бою быть
полоненным.
На коней на борзых сядем, Дона синего посмотрим!»
Стали хотью мысли князя против злого предвещанья,
У великого он Дона захотел изведать счастья.
«Преломить хочу, — сказал он, — с вами, русские,
копье я,
Там, на поле Половецком, может, голову сложу я,
Или — любо будет шлемом мне воды испить из Дона!»
Соловей времен давнишних, о Баян! Тебе бы надо
Песню спеть о том походе, разливаться звонкой трелью,
Соловьем бы проскакал ты вдоль по мысленному древу,
Возлетя умом под облак, ты хвалой звенел бы в песне,
Славу прошлого свивая с этой славой дней текущих,
И полями, и горами по тропе Трояна мчался б.
Песню Игорю пропел бы, внуку Ольгову, ты складно:
«То не буря, мол, чрез поле соколов несет проворных,
То не галки стаей мчатся посмотреть на Дон великий», —
Ой, Баян, ой, внук Велесов, это всё ты нам пропел бы.
«Ржут, мол, кони за Сулою, слава в Киеве как звоны,
Трубы трубят в Новеграде, стяги вьются над
Путивлем», —
Брата Всеволода Игорь, мила брата ожидает.
Молвит Всеволод до брата, говорит Буй-Тур могучий:
«Свет один ты, светлый Игорь, Святославичи мы оба,
Брат один ты, светлый Игорь, так седлай коней ты
борзых,
А мои готовы кони, уж оседланы у Курска,
А мои куряне знают, как быть витязями в битве,
Все под трубами повиты, всяк взлелеян под шеломом
И концом копья воскормлен, свистом ветра был баюкан,
Все им ведомы дороги, все им знаемы яруги,
Уж натянуты их луки, много стрел, колчан отворен,
Уж наточены их сабли, сами скачут серым волком,
Ищут чести в поле бранном для себя, а князю — славы!»
Князь вступил в златое стремя, едет Игорь чистым полем,
Солнце путь заткало тьмою, ночь ему грозою стонет,
Будит ветер птиц кричащих, свист зверин в норах
звериных,
Кличет див в верхушке древа, чтоб его был слышен голос
По незнаемому краю, и по Волге, и по взморью,

По Суле, и по Суражу, и в далеком том Корсуне,
И тебе бы клич был слышен, истукан Тьмутороканский.
А уж половцы до Дона до великого помчались,
По дорогам неготовым бег бежит, кричат телеги,
Словно лебеди, скликаясь, в полночь кличут долгим
кликом.
Игорь к Дону рать уводит. О беде уж знают птицы,
По оврагам волки воют, и орлы к зверям клекочут,
Зов на труп, лисицы лают, ряд узрев щитов червленых.
Русь, о Русь! Уж ты далеко за грядой холмов сокрылась.
Меркнет ночь, заря запала, сумрак-мгла поля покрыла,
Дремлет посвист соловьиный, говор галичий забредил.
Русь червлеными щитами поле-даль прегородила,
Ищет чести в поле бранном для себя, а князю — славы.

Рано в пятницу разбили силу полчищ половецких
И, рассыпавшись стрелами вдоль по бранному простору,
Вот в полон они помчали красных девок половецких,
С ними золото и ткани, дорогие аксамиты,
Епанчами и плащами мост мостили по болотам
И стелили грязь и топи узорочьем половецким.
Стяг червлен с хоругвью белой, и червленой краски
чёлку,
И серебряное древко взял хоробрый Святославич.
Дремлет в поле стая храбрых, Ольгов выводок далече,
Не к обиде порожденный, — что тут сокол, что тут кречет,
Что тебе тут, черный ворон, ты, поганый половчанин!
Гзак несется серым волком, след Кончак направил
к Дону.

День другой, и раным-рано свет кровавых зорь поведан,
Тучи черные от моря мнят прикрыть четыре солнца,
В них дрожанье синих молний — будет гром, и гром
великий,
С Дону дождь пойдет стрелами, дождь готовит Дон
великий.
Тут-то копьям приломаться, тут-то саблям притупиться
По шеломам половецким, на реке на той Каяле,
Что при Доне при великом. Русь, о Русь! Уж ты далеко,
За грядой холмов сокрылась. Вот Стрибожьи внуки,
ветры,
Веют с моря, мечут стрелы на полки, где храбрый Игорь.

Земь гремит, и реки мутны, пыль поля запорошила,
Шум знамен: идет от Дона и от моря ворог сильный,
Половецкие дружины. Обступили силу русских.
Дети бесовы пресекли поле битвы зычным кликом,
И червлеными щитами Русь поля прегородила.
Тур, о Всеволод, о ярый, ты стоишь на поле брани,
Мечешь стрелы и о шлемы бьешь булатными мечами.
Где ни скочит Тур могучий, где шелом златой ни вспыхнет,
Там и головы увидишь половецкие на поле,
И оварские шеломы рассекает он булатом.
Он какою будет раной дорожиться в битве, братья,
Позабывши жизнь и почесть, свой забывши град Чернигов,
Золотой престол отцовский, свычай-хоть супруги милой?
Были древле дни Трояна, было время Ярослава,
Миновала брань Олега, что мечом ковал крамолу,
Тот Олег, тот Святославич, по земле он стрелы сеял.
Он ступает в злато стремя в городе Тьмуторокани,
Ярослав великий слышал звон стремян его, — Владимир
Чуть в Чернигове услышит, каждым утром слух замкнет он,
А Борис тот Вячеславич приведен хвальбой был к смерти
За обиду молодого князя храброго Олега,
На зеленую положен был на конскую попону.
Ярополк от той Каялы тело вез отца родного,
Меж угорских иноходцев, ко святой Софии, в Киев.
Как Олег был Гориславич, был посев междоусобий,
Внук Даждьбожий был в ущербе, век же в княжиих крамолах
Сокращался человекам. По земле тогда по Русской
Голос пахаря был редок, часто каркал черный ворон,
Ворон с вороном делили труп убитого, и галки
На кормежку сокликались, говоря своею речью.
Так бывало в прежних бранях, в тех полках и в тех походах,
Но такого не бывало и не слышано сраженья,
Чтоб до вечера от рани, чтобы с вечера до света
Били тучи стрел каленых и гремели сабли в шлемы,
Был бы треск булатных копий на незнаемом том поле,
На незнаемом том поле, средь земли той Половецкой.

Под копытами прибитой, там костьми земле посев был,
И она полита кровью, и взошел посев печалью,
Ах, тугой — тоской-бедою на земле взошел он Русской!

Что шумит там, что звенит там раным-рано, пред зарею?
Повернул дружины Игорь, брата милого жалеет.
Бьются Всеволод и Игорь. Бились день, другой день
бились,
А на третий день, к полудню, пали Игоревы стяги.
Тут-то братья разлучились на брегу Каялы быстрой,
Тут кровавого вина им, — было много, — недостало,
Пир докончен храбрых руссов, сватов крепко попоили,
Сами пили — недопили и за Русскую за землю
Полегли. Трава поникла, их жалея, а деревья
До земли с тоской склонились. Час уж, братья,
невеселый.
Силу русскую прикрыла неприязная пустыня,
И обида встала девой — там, над внуками Даждьбога,
Восплескала в край Трояна лебедиными крылами,
Плеск ее на синем море, — трудный час всплескал
у Дона.
Уж князья не на поганых мчат усобицу, — брат брату
Говорит: «Мое и это, да и то». На малость — малость,
Словно молвят о великом, и себе куют крамолу,
Нечестивые тем часом в Русь приходят отовсюду,
Землю Русскую терзая. Далеко заходит сокол,
К морю, птиц бия, далече. Войско Игоря не встанет.
Жля и Карна, кликнув алчно, по земле несутся Русской,
Мечут меч и мычут пламя, жены русские рыдают:
«Уж ни мыслию не мыслить милых лад своих нам
больше,
И ни думою не сдумать, ни очами поглядеть их,
А уж злата, серебра ли, — было, — больше не увидим!»
Восстонал тоскою Киев и напастями Чернигов,
Разлилась тоска-истома всею Русскою землею,
Как во рту горячем жажда, скорбь горит землею
Русской.
На себя князья ковали — наковали ту крамолу,
Допустили нечестивых, — по земле и рыщут Русской,
От двора беря по белке. Святославича два храбрых,
Игорь с Всеволодом, снова ту неправду пробудили,
Что заснуть сумел заставить Святослав, отец их грозный,

Князь тот киевский великий. Был грозой он непокорным,
Сильным воинством гремел он и булатными мечами,
Притоптал стопой тяжелой Половецкую он землю,
На холмы он наступивши, утоптал везде яруги,
Возмутил озера, реки, иссушил потоки, топи,
А поганого Кобяка из излучины приморской,
Из железных половецких он полков, как вихрь,
исторгнул,
В Киеве Кобяк низринут, в гриднице он Святослава.
Немцы там и венедийцы, греки там и там морава
Славят песней Святослава, князя Игоря же — кают,
Упрекают, что на дно он той Каялы половецкой
Рушил воинскую силу, злата русского насыпал.
Пременил в ту пору Игорь-князь седло свое златое
На Кощеево. Уныли в час тот стены городские,
И веселие поникло.

Святославу же приснился
Мутный сон. «Мне снился Киев на горах, — к боярам
рек он. —
С вечера в ту ночь меня вы кутали покровом черным,
А кровать была из тиса. Зачерпнувши, подавали
Синь-вина мне, вместе с ядом, и на лоно высыпали
Из пустых колчанов вражьих, улещая, крупный жемчуг.
Вижу в тереме, — так снилось, — в златоверхом все уж
доски
Без конька, без скрепы терем самой верхней, и до света
Будто вороны, закаркав и у Плесенска, близь вала,
Сев на выгон, ночь сидели, не летели к синю морю».
Говорят бояре князю: «Ум тоска заполонила, —
Вот два сокола слетели с златоотчего престола
Поискать Тьмуторокани, зачерпнуть шеломом Дона.
Соколам пообрубили крылья сабли нечестивых,
А самих их захватили, сокола́ в железных путах».
Тьмою третий день был схвачен, два померкли в свете
солнца,
Два столпа багряных темны, и Олег со Святославом,
Месяц с месяцем младые, черной тьмой заволоклися.
На реке Каяле быстрой тьма покрыла свет горючий,
Русью половцы, как барсы, скачут, логовище бросив,
Сила русская потопла, Хан не спит, взбодренный
буйством.

Где хвала, хула там стала, и неволит сила волю.
Вражий див слетел на землю. Девы готские запели,
Сев на бреге синя моря и позванивая златом,
Русским златом, песнь запели, восхваляя время Буса,
Месть лелея Шароканя. Нам, дружине, нет веселья.

Святослав Великий, в скорби, изронил златое слово:
«Игорь, Всеволод, родные, рано вздумали мечом вы
Половецкую сечь землю, ладить поиски за славой.
Вы бесславным одоленьем завлеклись неправосудно,
Кровь излили нечестивых. Ваши храбрые сердца вы
Сплошь булатом оковали, в яром буйстве закалили.
Вы того ли возжелали седине моей сребристой?
Уж не вижу власти сильной, власти брата Ярослава,
Что богат был, многовоен, с ним в Чернигове бояре,
С ним Могуты и Татраны, с ним Шельбиры и Топчаки,
С ним Ревуги и Ольберы. Без щитов, — кинжалы в руки, —
Кликом воинства сражают, славой прадедов ударив.
Вы же: «Будущая слава — наша, прошлую поделим».
Разве диво, братья, стару молодеть? Перелинявши,
Сокол птиц взобьет высоко, а гнезда не даст в обиду.
То беда, что не пособье мне князья, — другое время.
Уж под саблей половецкой стонут Ромны, а Владимир
Весь изранен, сыну Глеба — только горе и печали.

Князь ты Всеволод великий, прилетел бы издалека,
Порадел бы о защите златоотчего престола.
Ты веслом разбрызжешь Волгу, Дон шеломами ты выльешь,
Будь ты здесь — и дешев пленник, а рабыня и дешевле.
Чрез сынов удалых Глеба стрелы птицами ты мечешь.
Ты, буй Рюрик, ты, Давыд наш, где златые шлемы ваши?
Не поплыли в лужах крови? И не ваша ли дружина,
Словно туры, заметалась под булатом под каленым?
Вы вступите, господари, в стремена свои златые,
Чтоб отмстить за час тяжелый, на земле наставший Русской,
Чтоб за Игоря вступиться, Святославича оправить.
К Осмомыслу Ярославу клич несем мы в самый Галич,
Ты сидишь там на высоком златокованом престоле,
Высь подпер ты гор Угорских всё железными полками,

Королю ты путь заставил, затворил в Дунай ворота,
Камни мечешь через тучи, суд ты рядишь до Дуная,
По земле течешь грозою, в Киев путь ты отворяешь,
С златоотчего престола шлешь удар Султанам дальним.
Устреми же, господине, устреми удар в Кончака,
В нечестивого Кощея, — порадей же ты о Руси,
Чтоб от ран своих окрепнул буй наш Игорь Святославич.
Буй Роман с Мстиславом храбрым, смелый ум ваш — зов на подвиг,
Вы, как сокол, что ширяет по ветрам, плывете в выси,
Сокол птицу одолеет, в ветре быструю нагонит.
Ведь у вас железны латы и латинские шеломы.
Сотряслась земля под вами, слышат ханские владенья,
И литва, ятвяги, вместе с деремелой, копья бросив,
Ниц склонились головами под булатными мечами.
Но для Игоря для князя солнца свет уж умалился,
Не к добру с деревьев листья обронились. И по Роси,
По Суле — в разделе грады. Войско Игоря не встанет.
Дон к тебе, о князь, взывает. Он князей зовет к победе.
Князи Ольговичи храбры, — брань почуяв, поспешили.
Ингварь, Всеволод, все трое вы Мстиславичи лихие,
Шестикрылый рой, гнезда вы не худого, но, до власти
Устремясь, ее стяжали вы не жребием победным.
Где же шлемы золотые, копья с польскими щитами?
Стрелы остры, заградите вы ворота, и вступитесь
Вы за Русскую за землю, ранен Игорь Святославич.
Уж Сула струей сребристой не течет к Переяславлю,
И Двина течет болотом к полочанам, в кликах вражьих.
Изяслав лишь, сын Васильков, о литовские шеломы
Грянул острыми мечами, славу деда он Всеслава
Затемнил, а сам низлег он под червлеными щитами,
На траве окровавленной, взмах узнав мечей литовских.
И, на ту кровать прилегши, рек: «О князь, твою дружину
Птицы крыльями одели, кровь ее лизали звери».
Брячислав там брат с ним не был, не был Всеволод там брат с ним,
И жемчужную ту душу из бестрепетного тела
Испустил один-один он чрез златое ожерелье.
Городенские унылым гласом трубы затрубили.
Ярослав и все Всеслава внуки, стяги преклоните,
Вы мечи вложите в ножны. Слава дедов позабыта.
Вы крамолами вманили в землю Русскую неверных,

Жизнь Всеслава омрачая. Распри кликнули насилье
От земли вам Половецкой. На седьмом Трояна веке
Князь Всеслав закинул жребий о девице, сердцу милой.
Он, клюками подпершися, на коней скочил и едет
К граду Киеву, коснулся древком копьевым престола,
Лютым зверем побежал он прочь, на полночь
из Белграда,
Приукрылся синей мглою и орудьем стенобитным
Новгородские ворота отворил, разбил он славу
Ярослава и с Дудуток до Немиги прыгнул волком.
А снопы-то на Немиге из голов там устилают,
В молотьбе молотят крепко там булатными цепами,
Жизнь кладут на ток и веют душу вольную от тела.
На брегах окровавленных, на Немигских, сея, сеют,
Да не жито, да не травы — сеют густо кости русских.
Князь Всеслав — людей судил он, города князьям
рядил он,
Сам же в ночь он рыскал волком, волк от Киева несется,
До утра — в Тьмуторокани, Солнце-Хорса перерыщет.
До заутрени звонили для него в Святой Софии,
В граде Полоцке, а звоны в стольном Киеве он слышал.
Хоть и вещею душою он владел в несмирном теле,
Но от бед страдал он часто. Для таких Баян-провидец
Спел мудреную припевку: «Будь ты хитрым, будь
гораздым,
Будь ты птицею гораздой, не уйдешь суда господня».
О, земле восплакать Русской, первовременье воспомнив
И князей припомня первых! Мог ли быть Владимир
старый
Пригвожден к горам, где Киев? Ныне Рюрику достались
Эти стяги и Давыду, но хоть машут бунчуками,
А хвосты их вьются порознь, каждый в сторону иную».

Свист ли копий или песня? Что за песня над Дунаем?
Ярославнин слышен голос. Как безвестная кукушка,
Кличет рано: «Полечу, мол, я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукав бобровый я в реке Каяле быстрой,
Раны я утру на князе, кровь утру на теле сильном».
Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле,
Кличет к ветру: «Ветр, ветрило, ты к чему насильно
веешь?
Ты зачем, о господине, на своих нетрудных крыльях

Стрелы ханские бросаешь на бойцов, где он, мой Ладо?
Мало ль было в высях веять и летать под облаками,
Прилетев, качать-лелеять корабли на синем море?
Ты зачем мое веселье ковылями всё развеял?»
Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле:
«Славный Днепр, пробил ты горы сквозь земли той
Половецкой,
Святославовы суда ты, в стан Кобяков мча, лелеял,
Возлелей, о господине, моего примчи ты Лада,
Чтобы утром я не слала слез к нему на море рано».
Рано плачет Ярославна на стене градской в Путивле:
«Солнце светлое, свет-солнце, ты для всех тепло и красно,
Для чего же, господине, ты стремишь свой луч горячий
На войска, где он, мой Ладо? Для чего в безводном поле
Ты тоской им сушишь луки и колчаны затворяешь?»

Взволновалось сине море в час полуночи глубокой,
Встали мороки и мглятся, князю Игорю дорогу
Кажет бог к отчизне Русской из земли той Половецкой,
К златоотчему престолу. Свет погас зари вечерней.
Игорь спит. А Игорь спит ли? Игорь мыслью поле мерит
От великого ли Дона до Донца, что мал в теченьи.
В полночь конь. Овлур надежный, — слышно, — свистнул
за рекою,
Разумей, мол, князь. Князь Игорь тут не тут и тут
не будет.
Кликнул, стукнул земь в пробеге. Зашумели, шепчут
травы.
Половецкие заставы! Зыбь в них. Бег свой мчит князь
Игорь.
К тростнику он горностаем, белым гоголем на воду,
На коня вскочил, конь борзый, и с коня босым он волком,
И к Донецкому он лугу побежал, — под облаками
Реет соколом, — на завтрак, и к обеду, и на ужин
Бьет гусей и лебедей он. Если Игорь — сокол в лете,
Влур, Овлур — течет он волком и росу с себя стряхает,
Ибо в беге надорвались жарки борзые их кони.
Говорит Донец: «Князь Игорь, для тебя немало славы,
Для Кончака — злой досады и веселья — русским
людям».
— «О Донец, — ответил Игорь, — и тебе немало славы,
Что волной лелеял князя, что зеленую траву ты

Стлал ему постелью мягкой на серебряном на бреге,
Кутал мглой своею теплой, осенял зеленым древом,
На воде нырком лелеял, на струях стерег ты чайкой,
На ветрах качал летящей быстро чернетью проворной.
Не такая, — он примолвил, — та река худая, Стугна,
Ток чужой она глотает, в берег кинет струг, разломит,
Юну князю Ростиславу Днепр закрыла-затворила,
Плачет мать по юном князе Ростиславе и тоскует.
Восскорбев, цветы увяли, и к земле склонилось древо».

Чу, стрекочут не сороки, а по Игореву следу
Гзак с Кончаком следа ищут. Тут не каркали вороны,
Тут и галки приумолкли, и сороки без трещанья
Только ползали по сучьям, дятлы путь к реке казали,
Соловьи веселой песней свет поведали, распели.
Говорит Кончак ко Гзаку: «Если сокол улетает,
Мы застрелим соколенка золочеными стрелами».
Говорит Кончак ко Гзаку: «Если сокол улетает,
Мы увяжем соколенка, взявши красною девицей».
Говорит тут Гзак к Кончаку: «Если красною девицей
Нам опутать соколенка, нам не будет соколенка,
И ни красной нам девицы, и не будет нам девицы,
И начнут терзать нас птицы в чистом поле Половецком».
Рек Баян — и о походах, в оно время им пропетых,
Святослава, Ярослава и Олега вспоминая,
Молвил: «Тяжко с головою, но без плеч, и худо телу,
С головою разлучившись». И без Игоря не благо
Русской быть земле. На небе светит солнце золотое.
Игорь-князь — в земле он Русской! И девицы на Дунае
Песнь поют. Их голос слышен вплоть до Киева чрез море.
По Боричеву он едет, Игорь-князь, чтоб помолиться
Богородице Пресветлой Пирогощей. Люди рады.
В городах идет веселье. Песнь князьям пропета старым,
Молодым за ними также. Слава, Игорь Святославич,
Слава, Всеволод, буй тур он, и сын Игоря, Владимир!
Здравье, князи и дружина, на неверные полки вы,
Христианам на защиту, ратоборствуете. Слава!

20—24 декабря 1929—24 апреля 1930
Капбретон

С. В. Шервинский

8. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не пристало нам, братья,
Не в лад начинать
Ратных повестей складом старинным
Эту песню
Про доблестный Игорев полк,
Про поход Святославова сына.

Мы начнем по событьям
Теперешних лет,
А не вслед замышленьям Бояна, —
Песнь задумав кому-либо,
Вещий Боян
Растекался по дереву мыслью,
Серым волком он, вещий,
Скакал по земле,
Реял сизым орлом в поднебесье.
Вспоминал про усобицы
Давних времен;
И тогда он десяток
Своих соколов
Напускал на станицу лебяжью,
И которую лебедь
Вперед настигал,
Та и первая петь начинала.
Ярославу старинному
Пела она

Или храброму пела Мстиславу,
Что зарезал Редедю
Один на один
На глазах у касожского войска.
И красивому князю
Певала не раз,
Святославову сыну, Роману.
Но Боян не десяток
Своих соколов
На лебедок пускал —
Десять вещих перстов
Налагал он на струны живые,
И те
Сами славу князьям рокотали!

Мы с Владимира древнего,
Братья, начнем,
Кончим нынешним Игорем повесть,
Что решимостью ум,
Словно лук, натянул
И отвагою
Сердце свое заострил,
Преисполнился воинским духом,
В Половецкую землю
Повел свою рать,
Ополчившись за Русскую землю.

Вот князь Игорь
На светлое солнце взглянул
И увидел: от солнца
Всё войско его
Среди дня темнотою покрылось.
Обратился тут Игорь
К дружине своей,
Молвил: «Братья мои и дружина!
Лучше мертвыми быть,
Чем плененными быть.
Оседлаем же, братья,
Мы борзых коней,
Да и выедем к синему Дону!»
Покорился желанью
У Игоря ум,

И небесное знаменье
Застила в нем
Страсть великого Дона отведать.
И сказал он:
«Хочу я копье преломить
У окраин степей половецких.
С вами, русичи,
Голову ныне сложить
Иль напиться шеломом из Дона!»

О Боян, соловей
Стародавних времен!
Как бы ты эти брани,
Защелкав, воспел!
Ты по дереву мысли
Порхал бы, Боян,
Ты ширял бы умом в поднебесье!
Ты бы новую славу
Со старой свивал,
Через степи к горам
Ты бы рыскал, Боян,
Возлетал бы к дороге Траяна!
Князю Игорю так
Запевал бы ты песнь,
Князю Игорю, внуку Олега:
«То не бурей лихой
Соколов занесло
За широкие степи —
То галок стада
Побежали к великому Дону...»
А быть может, и так
Запевалась бы песнь
Вещим внуком Велеса, Бояном:
«Кони ржут за Сулой,
Киев славу звонит,
В Новом-городе
Бранные трубы трубят,
Развеваются стяги в Путивле...»

Игорь милого брата
С дружиною ждет.
И пришел и сказал буй-тур Всеволод:

«Брат один ты мне, Игорь,
Свет светлый один,
Мы с тобой Святославичи оба!
Оседлай же ты, брат,
Своих борзых коней,
А мои-то уже наготове —
Возле Курска заране
Стоят под седлом.
А мои-то куряне —
Бывалый народ,
И пеленаты были
Под трубы они,
Под шеломом баюканы
Были они,
И с копья они вскормлены были.
Им знакомы овраги,
Известны пути,
Их тугие натянуты луки,
Их колчаны открыты,
Их сабли остры,
Сами скачут,
Как серые волки в степи,
Чести ищут себе, князю — славы!»

В золоченое стремя
Тут Игорь вступил
И поехал по чистому полю.
Солнце тьмой заступало
Дорогу ему,
Ночь грозой застонала,
Встревожила птиц,
Свист поднялся звериный,
На дереве Див
Кличет, краю безвестному
Слушать велит,
Слушать Волге, Поморью, Посулью,
Слушать Корсуни, Сурожу,
Слушать тебе,
Идол каменный Тмутороканский!
И уже степняки
По неторным тропам
Побежали к великому Дону,

Половецкие в полночь
Повозки скрипят
Лебединою вспугнутой стаей.
Игорь к Дону дружину ведет,
А в дубах
Птицы ждут его бед;
Накликают грозу
По оврагам неведомым волки.
Уж на кости орлы
Клектом кличут зверей,
А лисицы
На красные брешут щиты.
О, далече ты, Русь, — за Шеломом!

Долго ночь не светлеет,
Зари не видать,
Пал туман на поля,
Щекот смолк соловьев,
Говор галок проснулся.
Широкую степь
Преградили стеной
Из багряных щитов
Люди русские,
Чести ища для себя,
А для князя, для Игоря, — славы.

Утром в пятницу, рано,
Едва рассвело,
Степняков потоптали поганых.
Словно стрелы, рассыпались
Вширь по степи,
Половецких помчали красавиц.
Золотые уборы срывали,
Шелка,
Рытый бархат тащили бесценный,
Волокли покрывала,
Из шуб и плащей
Стлали гати по топям
И грязным местам —
Из узорных парчей половецких!
И багряный,
С хоруговью белою стяг,

И на древке серебряном
Алый бунчук —
Всё тебе, удалой Святославич!

В поле Ольгово храброе
Дремлет гнездо, —
Далеко же оно залетело!
Только было оно
Не затем рождено,
Чтобы сокол иль кречет
Обидел его
Или половец, ворон поганый.

Гза бежит серым волком,
Кончак — впереди:
Правят оба к великому Дону.

А на утро другое —
Чуть брезжил рассвет —
Заалели кровавые зори.
С моря черные тучи
На степи ползут,
Все четыре светила
Хотят заслонить,
И трепещут в них синие молнии:
Быть великому грому,
Пролиться дождю
От великого Дона стрелами!
Преломиться копью,
Притупиться мечу
О поганый шелом половецкий
В той широкой степи
На Каяле-реке,
У великого синего Дона!
О, далече зашла
Ты, родимая Русь,
Ты далече уже, за Шеломом!
Вот задули
Стрибожии внуки, ветра, —
Сыпать начали с моря стрелами
На отважное войско,
На русскую рать.

Застонала земля,
Реки мутно текут,
Пыль покрыла поля,
Слышен говор знамен.
Идут половцы с Дона и с моря.
Зычным криком своим
Преградили поля
Дети бесовы,
Храбрые русские степь
Строем алых щитов преградили.

Яр-тур Всеволод!
Тверд в обороне стоишь,
Ты стрелами на воинов прыщешь,
О шеломы гремишь ты
Булатным мечом,
И куда ты, буй-тур, ни поскачешь,
Где шеломом своим
Ни сверкнешь золотым,
Там лежат половецкие головы!
Не один расколол ты
Аварский шелом,
Яр-тур Всеволод, саблей каленой!
Братья-други, о ранах
Не думает тот,
Кто забыл и богатство свое,
И почет,
И родимый свой город Чернигов,
Кто забыл и отцовский
Престол золотой,
И красавицы Глебовны,
Милой жены,
Дорогой обиход и обычай!

Было время Траяна,
Минуло оно.
Ярославовы канули годы,
И Олега походы
В былое ушли —
Святославова сына, Олега.
Тот Олег — он булатом

Крамолу ковал,
Рассевал он по родине стрелы;
В золоченое стремя,
Бывало, вступал
В дальнем городе Тмуторокани, —
Того стремени звон
Слышал в Киеве князь,
Древний Всеволод, сын Ярославов.
Что ни утро, в Чернигове,
Слыша тот звон,
Затыкал себе уши Владимир.
А Борис Вячеславич
Своей похвальбой
Приведен был на суд и погибель,
И на ниве зеленой
Ему пелена
За обиду Олега
Была постлана —
Молодому и храброму князю.

Прежде с той же Каялы
Отца Святополк
В Киев-град прилелеял,
К Софии святой,
Между двух иноходцев венгерских.

«Гориславичем» звался
Недаром Олег:
Он усобицы сеял, —
Взрастали они.
Погибало
Даждбожьего внука добро,
И намного в те годы
От княжьих крамол
Человеческий век сокращался.
В те годины, бывало,
На Русской земле
Редко-редко покрикивал пахарь.
Только вороны
Каркали часто в степи:
Мертвецов меж собою делили,

Да по-своему галки
Вели разговор,
Налететь на добычу спешили.
И походы бывали
И брани тогда, —
Но подобной не слыхано брани!
Спозаранку до ночи
И с ночи до дня
Всё каленые носятся стрелы,
Всё-то острые сабли
О шлемы гремят,
Всё-то копья трещат
В незнакомой степи,
Посреди той земли Половецкой!
Под копытами
Черную землю в тот день
Позасеяли кости
И кровь полила,
А взошли на Руси они — скорбью!

Что там будто шумит,
Что там, слышу, звенит
Перед утренней зорей далече?
Это Игорь обратно
Полки повернул —
Пожалел он любимого брата.
День рубились они
И рубились другой, —
К полуденному часу
По третьему дню
Князя Игоря пали знамена.
Там у берега быстрой
Каялы-реки
Разлучились два храбрые брата.
Знать, кровавого там
Недостало вина,
И прикончили
Храбрые русские пир:
Напоили сватов,
Но и сами легли
За родимую Русскую землю.

От печали поникла
В ту пору трава,
От тоски приклонились
К земле дерева.
Невеселая, братья,
Година пришла:
Силу русскую степь схоронила.
В силах внуков Дажбожьих
Обида взросла
И, на землю Траянову
Девой вступив,
Лебедиными стала
Крылами плескать
Возле Дона, у синего моря.
Времена изобилья,
Плеща, прогнала.
Перестали князья
На поганых ходить.
Брату брат говорил:
«То и это — мое!»
И про малое дело
Не в пору князья
Стали молвить: великое дело!
Друг на друга крамолу
Ковали они,
Степняки побеждали
И с разных сторон
Нападали на Русскую землю.
О, далече же сокол
Взвился-залетел,
Птиц преследуя, —
К морю!
Но только вовек
Храбрый Игорев полк не воскреснет!

Тут закликала Карна,
Вопить начала,
Тут Желя поскакала
По Русской земле,
Пламя мечучи огненным рогом.
Стали русские жены
В слезах причитать:

«Нам теперь о желанных
Супругах своих
Уже мыслей не мыслить,
Не думывать дум,
Никогда их воочью не видеть!
Нам отныне ни золотом,
Ни серебром,
Нарядясь, побряцать не придется!»
Киев, братья, в тот год
Застонал от тоски,
Завопил от напасти Чернигов.
Разливается скорбь,
И обильно печаль
По земле растекается Русской.
Но князья продолжали
Крамолу ковать.
Степняки ж отовсюду
С победами вновь
Набегали
И, рыща по Русской земле,
Дань по белке с двора собирали.

Это Игорь и Всеволод,
Два храбреца,
Разбудили
Едва присмиревшее зло,
Чтó успел усыпить
Их отец Святослав,
Князь великий на Киеве, грозный.
Степняков он поганых,
Как гром, поразил
Силой храбрых полков
И булатных мечей,
Он попрал Половецкую землю,
Притоптал он холмы,
Он овраги сровнял,
Замутил он озера и реки,
Иссушил он ручьи
И болота в степи,
У излучины моря
Схватил Кобяка,
Из великих стальных

Половецких полков,
Словно вихрь, он поганого вырвал, —
И поганый Кобяк
В стольном Киеве пал,
В Святославовой гриднице княжьей.
Святославу хвалу
Венецейцы поют,
И моравы, и немцы,
И греки поют,
Попрекают все Игоря-князя,
Что добро погрузил
На глубокое дно
Той Каялы степной,
Половецкой реки, —
Посорили, мол, золотом русским!

Игорь тут пересел
С золотого седла —
Да в невольничье!
Стены кремлей городских
Приуныли, поникло веселье.

Святославу же смутный
Привиделся сон
На горах, в его Киеве стольном.
«К ночи — сказывал —
Черной меня пеленой
Одевали на тисовом ложе
И вино будто синее
Черпали мне, —
А его замешали отравой.
Из колчанов пустых
Чужаков-толмачей
Крупный сыпали жемчуг
На лоно мое
И меня, будто, нежили. Снилось,
Что на тереме
Золотоверхом моем
Нет у кровли князька,
И раскаркались в ночь
Стаи серых ворон
Возле Плесниска внизу;

Снилось, змеи лесные
По дебри ползут,
И несет их на синее море».

Святославу бояре ответили:
«Князь!
Горе, видно, твой ум полонило
С той поры, как два сокола
Взмыли, слетев
С золотого престола отцова,
Понеслись отвоевывать
Тмуторокань,
Пить шеломом из синего Дона.
Да подрезали крылышки
Тем соколам
Половецкими саблями,
Их же самих
Заковали в железные путы.
Потемнело,
Два солнца
Померкли в тот день,
Загасились багряные
Оба столпа,
Молодые два месяца с ними
Тьмой покрылись,
И канули в море они —
Много придали буйства поганым!
На Каяле-реке
Тьма окутала свет.
С той поры степняки
По всей Русской земле
Разбрелись, словно выводок пардов.
С той поры и насела
Хула на Хвалу,
Навалилось Насилье на Волю,
Тут на землю низринулся
С дерева Див,
Стали готские
Девы-красавицы петь
На прибрежии синего моря, —
Вон уж золотом русским
Бряцают они

И давнишнее Бусово
Время поют,
Шарукана отмщенье лелеют.
Мы же, верная княжья
Дружина твоя,
Понапрасну лишь алчем веселья».

Святослав, князь великий,
Тогда изронил,
Пополам со слезой,
Золотые слова:
«Вы, племянники, Игорь и Всеволод!
Поспешили, не вовремя
Начали вы
Половецкую землю
Мечами дразнить,
Для себя торопились
Вы славу сыскать,
Да бесславно врагов одолели,
Вы бесславно поганую
Пролили кровь.
Из булата у вас
У обоих сердца,
Их сама закалила отвага.
Что ж, племянники,
Вы сотворили с моей
Сединою серебряной ныне?

Я не вижу того,
Кто богат и силен,
Многоратного брата
Не вижу вблизи —
Ярослава с черниговской знатью;
Вкруг него воеводы,
При нем и татран,
И шельбир, и топчак,
И ревуг, и ольбер, —
А они без щитов,
С засапожным ножом
Могут криком одним
Опрокинуть врага,
Зазвеневши прадедовской славой!

Но сказали вы:
«Доблесть
Покажем одни,
Мы грядущую славу
Одни заберем,
И былую одни мы поделим!»

Дивно ль, братья, и старому
Стать молодым?
Сокол, перья сменивший,
В поднéбесьи птиц
Избивает, в обиду
Не даст он гнезда.
Зло одно: мне князья не подмога.
Повернули на худо
Для нас времена.
Под погаными саблями
Криком кричат
Возле Римова;
В ранах Владимир лежит, —
Сыну Глебову скорбь и кручина!»

О великий князь Всеволод!
Мыслишь ли ты
Прилететь издалёка,
Защитою встать
Золотому престолу отцову?
Ты ведь веслами Волгу
Разбрызгать бы мог,
Дон шеломами вычерпать мог бы!
Появись ты, князь Всеволод,
Вовремя здесь,
Так была бы раба
По ногате ценой
И по рéзане пленный кочевник.
Можешь посуху
Копья живые метать —
Сыновей Ростиславича Глеба!

Вы, буй-Рюрик с Давыдом!
Не ваши ль в крови
Золоченые плавали шлемы?

Не у вас ли, сражаясь,
Дружина рычит,
Словно тур, пораженный
Каленым мечом
На далеком незнаемом поле?
В стремена золотые
Вступите, князья,
Отомстите обиду,
Родимую Русь,
Раны Игоря, смелого князя!

Ты, о галицкий князь,
Осмомысл Ярослав!
Твой высок златокованый
Княжий престол.
Ты, могучий,
Плечами железных полков
Подпираешь Карпатские горы.
На пути короля
Ты преградою встал,
Затворил ты Дунаю ворота.
Ты громады бросаешь
Поверх облаков,
Суд до самого правишь Дуная!
Твои грозы по странам
Текут, Ярослав,
Отворяешь ворота
И Киева ты,
С золотого престола
Отца своего
Иноземных стреляешь султанов!
Подстрели, государь,
Кончака, погуби
Кочевого поганого хана!
Отомсти, Ярослав,
Ты родимую Русь,
Раны Игоря, смелого князя!

Ты, Роман, и Мстислав!
Ваша храбрая мысль
Вас на подвиг стремит.
Ты на подвиг летишь,

Словно сокол, по ветру
Парящий ввыси,
Устремившийся
В удали буйной своей
Одолеть быстролетную птицу!
Под латинскими шлемами
Латы на вас,
Много стран на земле
Содрогнулось от них:
Деремела, ятвяги,
Литва, хинова.
Перед вами и половцы
Копья свои
Побросали,
Под ваши стальные мечи
Степняки головами склонились!
Князь, для Игоря ныне
Свет солнца погас.
Не к добру обронили
Деревья листву.
По Суле и по Роси
Уже города
Меж собой поделили...
Да только вовек
Храбрый Игорев полк не воскреснет!
Князь, прислушайся:
Дон призывает тебя,
Отовсюду князей
На победу зовет.
Ведь ко̀ времени в бой
Подоспели князья,
Удалые Олеговы внуки!

Вы, о Ингварь и Всеволод!
Также и вы,
О Мстислава сыны,
Трое храбрых князей,
Не худого гнезда шестикрыльцы!
Без побед вы уделы
Забрали себе!
Для чего ж золоченые
Шлемы на вас?

Где щиты ваши, польские копья?
Отзовитесь!
Остры ваши стрелы, князья, —
Заградите же степи ворота!
Отомстить поспешайте
Родимую Русь,
Раны Игоря, смелого князя!

Уж Сула не серебряной
Льется струей
К Переяславлю-городу ныне,
К грозным тем полочанам
Течет и Двина,
Что болото, под клики поганых!

Изяслав, сын Васильков,
Один позвенел
О шеломы литовские
Острым мечом,
Смял Всеславову дедову славу,
Сам же пал,
Под мечами литовскими лег,
На кровавой траве,
Под багряным щитом
Он на смертной постели промолвил:
«Птичьи крылья прикрыли
Дружину твою,
Звери кровь ее, князь, полизали. . .»
Не пришел к Изяславу
Ни брат Брячислав,
Ни другой не пришел к нему,
Всеволод-брат, —
Он жемчужную душу
Один изронил
Через свой золотой ожерелок.
Сникла радость,
Уныло звучат голоса,
И трубят городенские трубы.
Вы все, внуки Всеслава!
И ты, Ярослав!
Опустите же ныне

Знамена свои,
Поврежденные в ножны
Вложите мечи, —
Ведь из дедовой славы
Вы прянули вон,
Вы ведь первыми начали
Ради крамол
Звать поганых на Русскую землю,
На владенье Всеслава, —
С того и пошло
От земли Половецкой засилье.

В век седьмой от Траяна
Тот самый Всеслав
О девице возлюбленной
Жребий метал,
Он подперся лукавством
И сел на коня,
Прямо к стольному
Киеву-граду скакнул,
Золотого престола
Коснулся жезлом,
Лютым зверем скакнул из Белграда,
Среди полночи
Синей завесился мглой,
А наутро взялся за секиры,
Нову-городу настежь
Врата растворил,
Ярославову славу
И ту перебил,
Волком рыскнул с Дудуток к Немиге.
Там кладут на Немиге
Снопы из голов,
Их стальными цепами молотят.
На Немиге там
Жизни кладут на току,
Отвевают там душу от тела.
Той Немиги кровавые были брега
Не добром позасеяны —
Русских сынов
Позасеяны были костями.
Князь Всеслав!

И суды
Он, бывало, судил,
И князьям города
Во владенье рядил,
Сам же волком в полуночи рыскал.
Он из Киева
В Тмуторокань поспевал
До петушьего крика дорыскать.
Солнцу-богу
Великому Хорсу — и то
Перерыскивал волком дорогу!
Позвонят ему в Полоцке
В колокола
У Софии святой
К ранней утрени — он
В дальнем Киеве благовест слышит.
Был и духом он вещ,
Был и телом могуч,
А напастей немало
Изведал и он,
И недаром о нем
Прозорливый Боян
В свое время надумал припевку:
«Будь хитер человек,
Будь во всем умудрен,
Будь по птицам по вещим
Гадать умудрен, —
А господня суда не минует!»

Ох, и стоном стонать
Ныне Русской земле,
Вспоминая былое
И прежних князей!
Но Владимира
К Киевским нашим горам
Не могли мы в те дни
Навсегда пригвоздить!
А теперь боевые
Знамена его —
Теми Рюрик владеет,
А теми Давыд!
Только врозь развеваются

Их бунчуки,
Только розно поют у них копья!

Поутру над рекою
На ранней заре
Ярославнин слышится голос, —
Одинокой кукушкой
Кукует она:
«Полечу по реке я кукушкой,
Омочу я в Каяле
Атласный рукав,
Ладе-князю
Кровавые раны отру
На его истомившемся теле!»

Ярославна тоскует
В Путивле, одна,
На стене крепостной, причитая:
«Ветер, Ветер!
Что веешь навстречу?
Зачем
Ты на крыльицах легких своих,
Государь,
Половецкие стрелы
Стремишь на бойцов
Моего ненаглядного лады?
Или мало под тучами
Веять тебе,
Мало нá море синем
Качать корабли?
Для чего, государь,
По траве-ковылю
Ты мое поразвеял веселье?»

Ярославна одна
На Путивльской стене
Причитает: «О Днепр Словутич!
Каменистые горы
Ты, мощный, пробил,
Пересек Половецкую землю.
Ты ладьи Святослава
На водах своих

Прилелеял к шатрам Кобяковым.
Ты желанного друга
Ко мне прилелей,
Государь, чтобы слез
Я не слала к нему
Ранним утром на синее море!»

Ярославна тоскует
В Путивле, одна,
На стене крепостной, причитая:
«Трижды светлое Солнце!
Про всех у тебя
И тепла и отрады достанет.
О, зачем же свои
Огневые лучи
Ты простерло на воинов лады?
Им в безводной степи
Луки жаждой свело
И колчаны тоскою стянуло!»

Вот всплеснулося море
В полуночный час.
С моря мгла поползла.
Князю Игорю бог
Кажет путь из земли Половецкой
К золотому столу
Святослава-отца
На родимую Русскую землю.
Уж погасла заря.
Игорь спит и не спит —
Игорь мыслями мерит
Широкую степь
От великого Дона
По малый Донец.
В полночь свистнул Овлур
За рекою коня —
Князю знак подает,
Чтобы тот разумел.
Вот и нет уже Игоря-князя!

Загремела земля,
Зашумела трава,

Половецкие двинулись вежи.
Горностаем тут Игорь
Скакнул в тростники,
Белым гоголем-птицей
Он на воду сел.
Он вскочил на коня,
Серым волком спрыгнул,
На Донец по лугам устремился.
Взмыл он соколом в тучи,
Гусей-лебедей
Бил на завтрак, обед и на ужин.
Если соколом Игорь
В тумане летит,
Так Овлур серым волком
По степи бежит,
Он студеную с трав
Отряхает росу.
Оба борзых коней надорвали.
И промолвил Донец:
«Много, Игорь, тебе
Будет ныне величья,
Стыда Кончаку,
А земле нашей Русской веселья!»
И Донцу отвечает
Князь Игорь:
«Донец!
И тебе в том немало величья,
Что баюкал ты князя
На волнах своих,
Что ему ты зеленую
Стлал мураву
На своих берегах серебристых,
Что под сенью
Зеленого дерева ты
Одевал его теплым туманом,
Что на водах ты гоголем
Князя стерег
И на струях своих
Дикой уткой берег,
Сторожил его чайкой на ветрах!»
Не такая — Стугна:
Та, водою скудна,

Непомерно расширилась к устью,
Все чужие потоки
Она пожрала,
Князю юному Днепр
Затворила она,
Ростиславу.
На темном ее берегу
Убивается мать Ростислава,
Всё о юноше плачет,
О сыне скорбит.
Запечалясь о нем,
Приуныли цветы,
Дерева до земли приклонились.

Не сороки стрекочут
В широкой степи, —
По следам князя Игоря
Гза и Кончак
Поспешают неведомым полем.
Уж вороны не каркают,
Галки молчат,
Только поползни ползают,
Дятлы стучат —
Путь к реке они Игорю кажут,
И веселыми песнями
Утренний свет
Соловьи по лесам возвещают.

Гза сказал Кончаку:
«Если сокол к себе
На гнездо полетел,
Соколенка его
Золотыми подстрелим стрелами!»
А Кончак отвечал:
«Если сокол к себе
На гнездо полетел,
Соколенка его
Мы опутаем красной девицей!»
Гза сказал Кончаку:
«Если только его
Мы опутаем красной девицей,
Так не будет тогда

Соколенка у нас,
Да не будет и красной девицы!
И пожалуй, тогда
В половецкой степи
Станут бить нас залстные птицы!»

Святославовых древних
Походов певец,
Ярославовых, Ольговых, молвил
Так Боян:
«Тяжело
Быть без плеч голове,
Телу без головы!»
Так и Русской земле:
Ей без князя без Игоря тяжко.

Светит солнце.
Князь Игорь
На Русской земле.
На Дунае девицы поют,
И летят
Через море до Киева
Их голоса.
По Боричеву едет князь Игорь
К Пирогощей святой
Богородице в храм, —
Страны рады, и веселы грады!

Вот мы песню пропели
Старинным князьям, —
Пропоем и теперешним славу:
Святославичу Игорю,
Всеволоду
Буй туру, Владимиру-князю!
Здравы будьте,
Князья и дружина,
Войной
На поганых ходившие
За христиан!
Слава всем — и князьям и дружине!
Аминь.

1934—1967

Георгий Шторм

9. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не ладно ли нам было б, братья,
начать старыми словами ратных повестей
о полку Игореве, Игоря Святославича?
Начаться же той песне по былинам сего времени,
а не по замышлению Боянову.
Боян же вещий, если кому хотел песнь творить,
то растекался мыслью по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом в подоблачьи.
Памятуя, пел давних времен усобицы:
тогда пускал он десять соколов на стаю лебедей;
какую (сокол) настигал —
та первой песнь запевала
старому Ярославу,
храброму Мстиславу, что зарезал Редедю перед полками касожскими,
красному Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей пускал,
но свои вещие персты на живые струны возлагал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть сию
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
что опоясал ум крепостью своею
и поощрил сердце свое мужеством;

исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце
и увидел от него тьмою всё свое войско прикрытым.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше убитым быть, нежели полоненным быть;
а сядем, братья, на своих борзых коней
да посмотрим синего Дону!»
Вспала князю на ум охота,
и знамение жажда ему заслонила —
испытать Дону великого.
«Хочу же, — сказал, — копье преломить в конце поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу голову сложить
либо испить шеломом Дону!»

О Боян, соловей старого времени!
Если б ты о тех боях пророкотал,
скача, соловей, по мысленну древу,
летая умом в подоблачьи,
свивая славу вокруг этого времени!
Рыща тропой Трояновой, через поля на горы,
петь было бы песнь Игореву, того (Трояна) внуку:
«Не буря сóколов занесла за поля широкие,
(не) галочьи стаи бегут к Дону великому».
Или воспеть было, вещий Боян, внук Велесов:
«Кони ржут за Сулою,
звенит слава в Киеве,
трубы трубят в Новегороде,
стоят стяги в Путивле. . .»
Игорь ждет мила брата Всеволода.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы — Святославичи.
Седлай, брат, своих борзых коней,
а мои-то готовы, оседланы у Курска заранее.
А мои ведь куряне — славные воины:
под трубами повиты,

под шеломами взлелеяны,
с конца копья вскормлены;
пути им вéдомы,
овраги знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли изострены;
сами скачут, словно серые волки в поле,
ищучи себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в златое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало;
ночь, стонущи, ему грозою птиц пробудила;
свист звериный встал вблизи;
Див кличет с вершины дерева,
велит послушать земле незнаемой,
Волге, и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский истукан!
А половцы нетоптаными дорогами
побежали к Дону великому;
кричат телеги в полуночи,
как лебеди распуганные.
Игорь к Дону войско ведет.
Уже весть о беде несет ему птица дубравная;
волки грозу манят по оврагам;
орлы клектом на кости зверя зовут;
лисицы брешут на червленые щиты.
О Русская земля! Уже за холмом (осталась) ты!

Долго ночь длится;
заря свет заронила;
мгла поля покрыла;
щекот соловья уснул,
говор галок пробудился.
Русичи великие поля червлеными щитами перегородили,
ищучи себе чести, а князю славы.

С рассвета в пятницу потоптали они поганые полки половецкие
и, разлетевшись стрелами пó полю,

помчали красных девок половецких,
а с ними золото, и шелка́, и дорогие аксамиты.
Покровами, и епанчами, и кожухами начали мосты
мостить
по болотам и топким местам,
и всякими узорочьями половецкими.
Червлен стяг, бела хоругвь,
червлена чёлка, серебряно древко —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далече
залетело!
Не была ему обида суждена
ни от сокола, ни от кречета, ни от тебя, черный ворон,
поганый половчанин!

Гза бежит серым волком,
Кончак за ним следом едет к Дону великому.

Другого дня ранней ранью
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дону великого!
Тут-то копьям преломиться,
тут-то саблям потупиться
о шеломы половецкие
на реке на Каяле, у Дону великого.
О Русская земля! Уже за холмом (осталась) ты!

Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит, реки мутно текут,
пыль поля прикрывает.
Стяги ревут:
«Половцы идут от Дона, и от моря, и со всех сторон
русские полки обступили!»
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи — червлеными щитами.

Яр-тур Всеволод! Стоишь в обороне,
брызжешь на воинов стрелами,
гремишь о шеломы мечами харалужными.
Куда, тур, ни поскочишь, своим златым шеломом
посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие;
расщéпаны саблями калеными шеломы аварские
тобою, яр-тур Всеволод!
Какой раны убоится, братья,
забывший о чести и жизни,
об отчем града Чернигова златом *столе*
и своей милой утехи — красной Глебовны — совете
и привете?

Были века Трояновы,
минули лéта Ярославовы;
были брани Олеговы, Олега Святославича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял;
ступает в златое стремя во граде Тмуторокани, —
тот же звон слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволодов Владимир
всяко утро уши закладывал в Чернигове;
Бориса же Вячеславича похвальба на *суд* привела
и за обиду Олегову на Канине зеленый саван
постлала
храброму и молодому князю.
С такой же Каялы Святополк повелел везти отца
своего
между угорскими иноходцами
ко святой Софии, к Киеву.
Тогда, при Олеге Гориславиче,
сеялась у нас и росла усобица,
погибало добро Даждьбожья внука;
в княжьих крамолах век людской сокращался.
Тогда по Русской земле редко пахари (коней)
понукали,
но часто вóроны кричали,
трупы себе разделяя,
да галки меж собой толковали,
готовясь лететь на добычу.

То было в те рати и в те бои,
но равной рати не слыхано.

С рассвета до вечера,
с вечера до света
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шеломы,
трещат копья харалужные
в поле незнаемом среди земли Половецкой.
Черна́ земля под копытами костьми была засеяна
и кровью полита:
скорбью взошли они по Русской земле.

Что мне шумит, что мне звенит
далече рано пред зорями?
Игорь (бегущие) полки перенимает:
жаль ведь ему мила брата Всеволода.
Бились день, бились другой,
третьего дня к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина недостало;
тут пир кончали храбрые русичи:
сватов напоили,
а сами полегли за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
а дерево с тоскою к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселая година настала,
уже пустыня дружину прикрыла.
Встала Обида в ратях Дажбожья внука,
вступила девою на землю Троянову,
восплескала лебедиными крылами на синем море у Дона,
плещучи, прогнала безбедные времена.
Походы князей на поганых позатихли,
ибо сказал брат брату: «Вот — мое, и вот — мое же».
И начали князья про малое «вот — великое» молвить
и сами на себя крамолу ковать;
а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.
О! далече зашел сокол, птиц гоня к морю.
А Игорева храброго полка не воскресить!

По нем закликала Карна,
и Желя поскакала по Русской земле,
смоль и жар меча из пламенна рога.
Жены русские восплакались, жалуясь:
«Уже нам своих милых лад ни мыслью не вымыслить,
ни думой не выдумать,
ни очами увидать,
а золотом и серебром и подавно не побряцать».
А застонал ведь, братья, Киев в го́ре
и Чернигов в напастях;
тоска разлилась по Русской земле;
печаль великая идет среди земли Русской.
А князья сами на себя крамолу ковали;
а поганые, с победами зарыскавши в Русскую землю,
взимали дань по белке со двора.

Те-то два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже кривду пробудили раздором, —
ее было усыпил отец их, Святослав грозный, великий
киевский;
грозою было приустрашил,
своими сильными полками и харалужными мечами
наступил на землю Половецкую:
притоптал холмы и овраги,
возмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота;
а поганого Кобяка из Лукоморья,
из железных великих полков половецких,
словно вихрь, вывихрил;
и простерся Кобяк во граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венетичи, тут греки и морава
поют славу Святославову,
плачут по князе Игоре,
что погрузил достаток на дно Каялы, реки половецкой,
русского золота насыпавши:
«Тут Игорь-князь пересел из седла зла́та да в седло
невольничье!»
Уныли по городам ограды, и веселие поникло.
А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах.

«Ту ночь с вечера одевали меня, — сказал, — черным
саваном на кровати тисовой;
черпали мне синее вино, с отравой смешанное,
сыпали мне пустыми тулами поганых половцев
крупный жемчуг на грудь и усыпляли меня.
Уже доски без гребня в моем тереме златоверхом;
всю ночь бесовы вбороны граяли у Плесненска
на выгоне...
были смертные сани,
и несли их к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило:
то ведь два сокола слетели с отчего *стола* зла́та
поискать града Тмуторокани
либо испить шеломом Дону.
Уже соколам крылья подре́зали поганые саблями,
а самих опутали путами железными.

Темно же было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столпа погасли,
а с ними молодые месяцы — Олег и Святослав —
тьмою поволоклись, и в море погрузились,
и великую дерзость придали поганым.
На реке на Каяле тьма свет покрыла.
По Русской земле простерлись половцы, словно гепарда
гнездо.
Уже низверглась Хула на Хвалу,
уже прянула Неволя на Волю,
уже ринулся Див на землю.
Вот и готские красные девы запели на берегу синего
моря,
звеня русским золотом:
поют время Бусово, лелеют месть Шаруканову.
А мы уже, дружина, чужды веселия».

Тогда великий Святослав
изронил златое слово, со слезами смешанное, и сказал:
«О мои *сыны,* Игорь и Всеволод!

Рано вы начали Половецкую землю мечами дразнить,
а себе славы искать.
Но нечестно одолели,
нечестно ведь кровь поганую проливали.
Ваши храбрые сердца в жестокую броню закованы
и в удали закалены.
То ли сотворили моей серебряной седине,
(что) уже не вижу власти сильного, и богатого,
и со многим воинством, брата моего Ярослава,
с черниговскими нáбольшими,
с владыками, и с татранами,
и с шельбирами, и с топчаками,
и с ревугами, и с ольберами!
Те-то ведь без щитов,
с засапожными ножами — кликом — полки побеждают,
звоня в прадедов славу.
Но сказали вы: «Мужаемся сами!
Грядущую славу сами восхи́тим и прежнею сами поделимся!»
А разве диво, братья, старому омолодиться?
Коли сокол в лéтах бывает,
высоко птиц взбивает,
не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло: князья мне не пособники.
Изнанкою судьбы обернулись:
вот у Римова кричат под саблями половецкими,
и Владимир — израненный.
Печаль и тоска сыну Глебову».

Великий князь Всеволод!
И мыслью тебе не прилететь издалеча
отчий золотой *стол* поблюсти.
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать,
а Дон шеломами вылить.
Если б ты (с нами) был,
то была б рабыня по ногате, а раб по рéзани.
Ты ведь можешь посуху (огонь) живыми стрелами метать —
удалыми сынами Глебовыми!
Ты, буй Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли злаченые шеломы по крови плавали?

Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры,
раненные саблями калеными на поле незнаемом?
Вступите, государи, в златое стремя
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы, буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь на своем златокованом *столе,*
подпер горы Угорские своими железными полками,
заступив королю путь, затворив пред Дунаем ворота,
меча клáди в заоблачье,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут;
отворяешь Киева врата;
стреляешь с отчего златого *стола* салтанов за землями.
Стреляй, господин, Кончака, поганого *кощея,*
за землю Русскую,
за раны Игоревы, буйного Святославича!

А ты, буй Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль носит ваш дух на битву.
Высоко плаваете на подвиг в доблести,
словно сокол на вéтрах ширяя,
стремясь птицу в схватке одолеть.
Есть ведь у вас железные панцири
под шеломами латинскими:
от них расселась земля
и многие страны — хинова, литва, ятвяги, деремела
и половцы —
копья свои побросали,
а головы свои подклонили
под те ли мечи харалужные.
Но уже, князь, для Игоря померк солнца свет;
и дерево не по добру листву сронило:
по Роси и по Суле города поделили,
а Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу!
Ольговичи, храбрые князья, подоспели на брань.

Ингварь и Всеволод, и все трое Мстиславичей,
не худого гнезда соколята!

Не победными путями себе волости вы расхитили!
Где же ваши златые шеломы,
и копья ляшские, и щиты?
Загородите *Полю* ворота своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы, буйного Святославича!

Уже ведь Сула не течет серебряными струями для града
Переяславля,
и Двина болотом течет для тех грозных полочан под
кликом поганых.
Один лишь Изяслав, сын Васильков,
позвонил своими острыми мечами о шеломы литовские —
прирубил славы деду своему Всеславу,
а сам под червлеными щитами, на кровавой траве,
прирублен литовскими мечами
и сложил ее (славу) на кровь, а тот (певец) сказал:
«Дружину твою, князь, птицы крылами приодели,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода;
один изронил он жемчужную душу из храброго тела
чрез златое ожерелье.
Уныли голоса, поникло веселие.
Трубы трубят городенские.

«Ярослав и все внуки Всеславовы!
Уже спустите стяги свои,
вонзите (в землю) свои мечи зазубренные:
уже ведь отпали вы от дедовой славы.
Вы ведь своими крамолами
начали наводить поганых на землю Русскую,
на добро Всеславово.
Из-за распри ведь стало насилие
от земли Половецкой».

На седьмом веке Трояновом
бросил Всеслав жребий о *девице* ему любой.
Он лукавством оперся о коней,
и скочил ко граду Киеву,
и коснулся копьем златого *стола* киевского.
Скочил от них лютым зверем в полночи из Белагорода,
повитый синею мглой;

утром же, врубясь секирами, отворил врата Новагорода,
расшиб славу Ярослава,
скочил волком до Немиги с Дудуток.
На Немиге снопы стелют головами,
молотят цепами харалужными,
кладут жизнь на току,
веют душу от тела.
Немиги кровавые берега не добром были засеяны —
засеяны костьми русских сынов.
Всеслав-князь людей судил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал,
из Киева до света дорыскал Тмуторокани,
великому Хорсу волком путь перерыскал.
Ему в Полоцке позвонят к заутрени рано у святой Софии в колокола,
а он в Киеве звон слышал.
Но хоть и вещая душа в дерзком теле была,
часто от бед страдал он.
Ему вещий Боян и прежде (нас) припевку мудрую изрек:
«Ни хитру, ни удалу,
ни по птицам гадателю
суда божия не избегнуть».

О, стонать Русской земле,
вспоминая давнюю годину и давних князей!
Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским:
его ведь стяги ныне стали Рюриковы, а другие — Давыдовы,
но врозь у них полотнища плещут.

Копья поют на Дунае.

Ярославны голос слышен,
кукушкой безвестною рано кличет:
«Полечу, — молвит, — кукушкой по Дунаю,
омочу шелко́вый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на суровом его теле».
Ярославна рано плачет в Путивле на ограде, жалуясь:

«О Ветер-Ветрило!
К чему, господин, враждебно веешь?
К чему мечешь кочевничьи стрéлки
на своих воздушных крыльцах
на моего милого мужа воинов?
Мало тебе было с гор под облаками веять,
лелея корабли на синем море?
К чему, господин, мое веселие по ковыли развеял?»
Ярославна рано плачет в Путивле-городе на ограде,
жалуясь:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы через землю Половецкую,
ты лелеял на себе Святославовы ладьи до полка
Кобякова, —
прилелей, господин, моего супруга ко мне,
чтобы не слала к нему слез на море рано».
Ярославна рано плачет в Путивле на ограде,
жалуясь:
«Светлое и тресветлое Солнце!
Всем тепло и радостно ты, —
к чему, господин, простерло горячие свои лучи
на милого мужа воинов?
В поле безводном жаждою им луки повело,
гнетом им колчаны заткнуло?»

Взыграло море;
на полночь идут смерчи мглою:
Игорю-князю бог путь кажет
из земли Половецкой в землю Русскую,
к отчему златому *столу*.
Вот погасли вечером зори.
Игорь спит и не спит,
Игорь мыслью поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
Коня во полýночи Овлур свистнул за рекою —
велит князю разуметь: князю Игорю бежать!
Кликнет-дрогнет земля,
зашумела трава,
вежи половецкие всколыхнулись.
А Игорь-князь поскакал горностаем к тростнику
и белым гоголем нá воду;
взметнулся на борзого коня

и соскочил с него босым волком,
и побежал к лугу Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей к завтраку, и обеду,
и ужину.

Когда Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком поскакал,
отрясая студеную росу:
надорвали ведь своих борзых ко́ней.

Донец сказал:
«Князь Игорь! Немало тебе величия,
а Кончаку уныния,
а Русской земле веселия».
Игорь сказал:
«О Донец! Немало и тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных
берегах,
одевавшему его теплою мглою под сенью зеленого
дерева,
стерегшему его гоголем на воде,
чайками на волнах,
чернядями на ве́трах».
Не то ведь сказано о реке Стугне:
скудны воды имея,
вобрав чужие ручьи и струи,
раздавшись к устью,
юноше князю Ростиславу затворила Днепр.
На темном берегу плачется мать Ростиславова
по юноше князе Ростиславе.
Поникли цветы в горести,
и дерево с тоскою к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали —
по следу Игореву рыщут Гза с Кончаком.
Тогда во́роны не граяли,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,
по́лозы ползали только.
Дятлы тектом путь к реке кажут,
соловьи веселыми песнями свет возвещают.

Молвит Гза Кончаку:
«Если сокол ко гнезду летит,
соколенка расстреляем своими злачеными
стрелами».
Сказал Кончак Гзе:
«Если сокол ко гнезду летит,
соколенка опутаем красною дéвицею».
И сказал Гза Кончаку:
«Если его опутаем красною дéвицею,
не будет нам соколенка,
ни красной нам дéвицы,
и начнут нас птицы бить в поле Половецком».

Дал Боян, чем кончить песнотворцу
Святославову, —
старого времени Ярославова, Олегова княжой
любимец:
«Тяжко ведь голове без плеч,
зло ведь телу без головы» —
Русской земле без Игоря.

Солнце светится во синеве,
Игорь-князь в Русской земле.
Девицы поют на Дунае,
вьются голоса через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
ко святой богородице Пирогощей.

Страны рады, грады веселы.

Спевши песнь старым князьям,
потом молодым петь:
слава Игорю Святославичу,
буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Здравыми быть князьям и дружине,
побораюшим за христиан поганые полки!

Князьям слава и дружине!
Аминь.

1934—1967

Иван Новиков

10. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

1

ЗАПЕВКА О БОЯНЕ

Не ладно ли было бы,
    Братия,
Песню нам начать —
Ратных повестей
Словесами старинными —
О полку Игореве,
Игоря Святославича?

Нет, начаться же песне той
По былинам нашего времени,
А не по замышлению
    Боянову.

Если вещий Боян
Кому хотел песнь творить,
То носилася мысль его
Летягою-векшей по дереву,
Серым волком по́ земи,
Сизым орлом под облаки!
Пел, вспоминая
Начальных времен
    Усобицы,

Как пускали тогда
Десять соколов
На стаю на лебединую:
Досягнул сокол до лебеди —
Та и песнь пела первая:
Старому пела Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Что зарезал Редедю
Пред полками касожскими,
Красавцу Роману
        Святославичу.

        А Боян-то,
        Братия, —
Он пускал не десять соколов
На стаю ту лебединую:
Он персты свои вещие
На живые струны клал —
        И струны те сами
        Славу князьям
                Рокотали.

2

ИГОРЬ ГОТОВИТСЯ К ПОХОДУ

Так почнем же,
        Братия,
Повесть сию —
От Владимира старого
До нынешнего Игоря,
Что мысль напряг
Крепостию своею
И поострил ее
Сердца своего мужеством,
И, ратного духа исполнившись,
Нацелил полки свои храбрые
На землю на Половецкую —
        За землю Русскую.

И на светлое солнце тогда
Игорь воззрел
И видел,
Как тьмой от него
Всё его войско
Прикрыто.

И сказал Игорь
Дружине своей:
  «О братия
  И дружина моя!
Лучше убиту быти,
Нежели полонену быти.
А сядем мы,
  Братия,
На своих борзых коней
Да поглядим
Синего Дону».

Спáла у князя и думка
О милой жене своей,
И сáмое знамение
Заслонилось в нем
  Жаждою —
Испытать великого Дону.
  И сказал:
«С вами я, русичи,
Хочу копие преломить
На конце половецкого поля,
  И хочу я —
Либо главу свою положить,
А либо шеломом испить
  Дону».

  О Боян,
Соловей старого времени!
Кабы сам ты
И эти походы
Звонкою трелью
  Воспел,

Скача соловьем
По мысленну древу,
Летая умом
Под облаки,
Соловьиную песню
   Свивая
Вокруг сего времени,
Рыща троянскою тро́пою:
   Через поля
   Да на горы!

Так бы песнь
И для Игоря спеть —
Олегова внука:
   «То не буря
   Занесла соколов
   За поля
   За широкие:
   Это галки
   Стадами бегут
   К Дону великому. . .»

А разве не так ли
Надо было б воспеть,
О вещий Боян,
О Велесов внук:
«Кони ржут за Су́лою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новегороде,
Стяги в Путивле стоят;
Игорь милого брата ждет —
   Всеволода. . .»

8

ИГОРЬ И ВСЕВОЛОД ВЫСТУПАЮТ В ПОХОД

И сказал ему
Буй-тур Всеволод:

«Один брат, один свет светлый —
   Ты, Игорь,
Оба мы — Святославичи!

Седлай, брат,
Своих борзых ко́ней,
А мои-то готовы,
У Курска оседланы —
Наперед твоих.
А моим-то курянам
Поведано,
Куда им идти!

Под трубами они по́виты,
Под шеломами всхолены,
Концом копия вскормлены;
Пути им ведомы,
Родники по оврагам знаемы;
Луки у них натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли изострены;
Сами скачут,
Будто серые волки по полю,
Князю славы ища,
Чести — себе».

И вступил Игорь-князь
В злат стремень тогда
И поехал по чистому полю.

Тьмою солнце ему
Путь заступало;
Ночь, стеная,
Грозою
Птиц пробудила;
Свист звериный
Восстал.

Див с дрёвка кличет,
Велит послушати
Земле незнаемой:
Волге, и Поморию,
И Посулию,
И Сурожу,
И Корсуни,

И тебе,
Тмутороканский болван!

А половцы
Дорогами ненаезженными
Побежали к Дону великому;
Телеги в полуночи
Криком кричат —
Скажи:
Лебеди распуганные...
Игорь к Дону войско ведет.
А птицеподобный
От бед
Его стережет.

Волки по оврагам
Выкликают грозу;
Клектом на кости орлы
Зверье зовут;
Брешут лисицы
На багряный щит...

О земля моя Русская!
Уже за холмами ты!

Долго ночь меркнет,
Но вот свет-заря
Отпылала,
Туманы поля покрыли.
Щекот соловий затих,
Галочий говор
Проснулся.
Поля великие
Русичи
Щитами багряными
Прегородили:
Князю славы ища,
Чести — себе.

4

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ БИТВЫ. НОЧНОЙ ОТДЫХ И НОВЫЙ БОЙ

Утром в пятницу рано
Потоптали поганое
Половецкое войско
И, рассыпавшись стрелами по полю,
Красных дев половецких
    Помчали...
А с ними и злато,
И паволоки,
И оксамиты драгие.
Епанчами да покрывалами,
Да кожухами
И иными узорочьями
Половецкими —
Словно стали мосты мостить
По болотам, по грязи.

Багрян стяг,
Бела хоругвь,
Багряна чёлка,
Серебряно древко —
Храброму Святославичу!

———

Дремлет в поле
Олегово
Хороброе гнездо —
Залетело далече!
Не было оно
Обиде обречено:
Ни соколу,
Ни кречету,
Ни тебе,
Черный ворон,
Половчанин поганый!

А уж Гза серым волком бежит,
Кончак ему след указует —
    К Дону великому.

———

А на другой день поутру
Раным-рано
Кровавые зори
Возвещают рассвет;
И черные тучи
Надвигаются с моря
И прикрыть хотят
Все четыре солнца, —
А трепещут в тех тучах
Синие молнии:
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами
С Дона великого!
И копиям
Преломиться тут,
И саблям
Притупиться тут
О шеломы о половецкие
На реке на Каяле,
У Дона великого.

О земля моя Русская!
        Уже за холмами ты!

        И ветры,
Стрибожии внуки,
Стрéлами с моря веют
На храбрые полки
        Игоревы.
Земля гудёт,
Реки мутны текут,
Пыль поля застилает,
Стяги глаголют:
То половцы идут от Дона,
Идут от моря,
И русские полки обступили —
        Кругом.
И поля преградили:
Дети бесовы —
Кликом,

А храбрые русские —
Щитами багряными.

Яр-тур Всеволод!
Стоишь, отбиваясь,
Прыщешь на воинов стрелами,
Гремишь о шеломы
Мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
Златом шелома посвечивая,
Там и ложатся
Поганые
Головы половецкие...
Каленою саблей расщеплены
Шеломы оварские
Тобой,
Яр-тур Всеволод!

О ранах ли думать,
Братия,
Тому,
Кто и сан забыл,
И жизнь забыл,
И город Чернигов свой,
И отчий злат престол,
И милой жены своей,
Красавицы Глебовны,
Свычаи да обычаи!

5

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОХОДАХ ОЛЕГА СВЯТОСЛАВИЧА

Были сечи Троянские,
Минули годы Ярославовы;
Были походы Олеговы,
Олега Святославича.

Тот Олег
Мечом крамолу ковал,
Засевал землю стрелами;
Как ступит, бывало,

Во злат стремень
В Тмуторокани-городе,
Так уж слышит тот звон
Великого, древнего
Ярослава сын —
Всеволод,
А Владимир в Чернигове
Всякое утро
Уши себе закладал.

А Бориса Вячеславича,
Молодого князя и храброго,
Слава на суд привела
        И наказала:
Ниву зеленую
Как саван постлала
За обиду Олегову.

С такой же Каялы
Князь Святополк
Повелел отца своего
Между иноходцами
Угорскими
Ко святой Софии
В Киев повезть.

Так было втапоры
При Олеге Гориславиче:
Сеялось и возрастало
Усобицами,
И погибло в них
Достояние
Даждьбожьего внука;
В княжьих крамолах
Век человеческий
        Укорачивался.

И по Русской земле тогда
Редко пахари
Перекликалися,
Но часто зато
Граяли враны,

Трупы между собою деля;
Да и галки
По-своему переговаривались:
Куда б полететь на еду?

Так было и в сечи те,
И в походы те,
А такого боя
Не слышано!

6

ПОРАЖЕНИЕ РУССКИХ И ВЕЛИКАЯ ПЕЧАЛЬ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

От раннего утра до вечера
И от вечера до́ света
Стрелы летят каленые,
Сабли о шеломы гремят,
Копия́ трещат булатные
В поле незнаемом,
Середи земли
Половецкой.

И черная земля
Под копытами
Костями была засеяна,
А кровию по́лита:
Кручиною они повсходили
По Русской земле.

Что мне шумит,
Что мне звенит —
Там, далече,
Перед зорями, рано?
То Игорь полки
Поворачивает:
Жаль ему милого брата —
Всеволода.

Бились так день,
Бились другой,

А к полудню на третий день
Пали знамена
    Игоревы.

Тут-то братья
И разлучилися —
У быстрой Каялы
На берегу.

И вина кровавого тут
    Недостало;
Тут и пир тот докончили
Храбрые русичи:
Сватов напоивши,
А сами полегши
    За Русскую землю.
Никнет трава от жалости,
А древо с кручиною
К земле приклонилось.

    Так-то,
    О братия,
Невеселая година настала,
Ратную силу
Пустыня прикрыла.

Поднялась Обида
В силах Дажбожия внука,
Девой вступила
На землю Троянскую;
Крылом лебединым
Всплескала —
На море синем
    У Дону;
И, плещучи так,
Тоску пробудила
О довольстве былом.

Коли между князьями
    Усобицы,
Так нам-то поганые —
    Гибель!

Ибо князья
Стали брат брату:
«Это мое,
А то — тоже мое!» —
Говорить,
И стали про малое
Молвить:
«Это великое!»
И начали сами себе
Крамолу ковать,
А поганые
На Русскую землю
Со всех сторон приходили
С победами!
О, далече сокол зашел,
Птиц бия,
К морю!
А Игорева храброго полку
Не воскресить!

И по Русской земле
Горе вскричало,
И понеслись, поскакали
Скорбные вести
И жалобы —
От одного человека
К другому;
И были уста людей
Горячи,
И скорбь, как смола,
Прикипала на них.

Русские жены восплакались,
Так причитая:

«Уж как нам своих милых,
Любимых —
Ни мыслию смыслить,
Ни думою сдумать,
Ни очами увидеть,

А злата и сéребра
И вовсе не нáшивать!»

И восстонал,
      Братия,
Киев кручиною,
А Чернигов напастями,
И тоска разлилась
По Русской земле,
И густая печаль течет
По земле Русской.

А князья сами себе
Крамолу ковали.
А поганые сами,
С победами рыская
По Русской земле,
Дань взимали:
От всякого двора —
Звонкого серебра
      По беле-монете.

Так-то двое они,
Игорь да Всеволод,
Храбрые Святославичи,
Самовольством своим
Старое лихо
Вновь пробудили,
А его усыпил было
Их отец Святослав
Грозный, великий
Князь Киевский.

Грозою
Притрепал он поганых:
Полками могучими,
Мечами булатными
Наступил на землю
На Половецкую;
Притоптал там
Холмы и овраги;
Возмутил

Озера и реки;
Иссушил
Потоки, болота...

А Кобяка поганого
Из Лукоморья,
От железных, великих
Полков половецких,
Словно вихрь, отторг.
И пал Кобяк
В граде во Киеве,
В гриднице Святославовой.
Тут немцы
И венецейцы,
Тут и моравцы
И греки —
Славу поют Святославову,
Осуждают, жалея,
Игоря-князя,
Что погрузил добро,
Русского злата насыпавши,
На дно половецкой
    Каялы-реки,
А сам пересел
Из златого седла
    В рабье седло.

7

СОН СВЯТОСЛАВА И БЕСЕДА ЕГО С БОЯРАМИ

И уныли стены
    Городские,
А веселье и в домах
    Поникло.
Смутный сон приснился
    Святославу
В городе во Киеве —
    На го́рах.

«В ночь сию, с вечера,
Одевали меня
(Так говорил),

Саваном черным
На кровати из тиса —
Красного дерева;
И вино мне черпáли —
Синее,
С горечью смешанное;
Из тощих колчанов
Поганых толковников,
Переводчиков, —
Скатный сыпали жемчуг
На лоно мое,
И всяко меня
Ублажали.

И вот доски
В тереме моем златоверхом —
Уже без князька;
И уже с вечера
На целую ночь
Вещие
Взграяли враны,
Там, на болотине,
Внизу у поречья,
И понеслись
Через далекие дебри —
К синему морю».

И промолвили
Князю бояре:

«Уже, княже,
Кручина
Ум полонила:
Это два сокола
Отлетели от злата стола
Отцовского —
Града Тмутороканя
Себе поискать,
А либо шеломом
Дону испить.
Уже соколиные крылья
Половецкими саблями

Приземлили,
Припешили,
Да и самих их опутали
В путы железные.

И было тёмно
В тот третий день.
Два солнца померкли,
И оба столпа багряные погасли,
А с ним,
С Игорем-князем,
И два молодых его месяца —
Олег и Святслав —
Тьмою заволоклись.
Так на реке на Каяле
Тьма свет покрыла.

А на Русскую землю
Хлынули половцы,
Как леопардов охотничьих
Выводки,
И затопили,
Как морем, ее,
И буйство поганых тех
Возросло еще боле.

Уже бесчестие
Славу сменило,
Уже насела
Неволя на волю,
Уже повержен
На́ землю Див,
А готские девы-красавицы
Воспели на бреге
Синего моря,
Русским златом звеня;
Седую поют старину:
Славят месть Шаруканову.

А мы-то, дружина,
По веселию мы —
Стосковались».

8

ЗЛАТО СЛОВО СВЯТОСЛАВА. ПРИЗЫВЫ К ЕДИНЕНИЮ КНЯЗЕЙ

И великий Святослав тогда
Изронил Злато Слово,
Со слезами смешанное,
И сказал:
«О мои сыновцы —
Игорь и Всеволод!
Рано вы начали
Половецкую землю
Мечами дразнить,
А себе славы искать.
Но не честно вам было
Одним
Добиваться победы,
Не честно
И кровь проливать их
Поганую.

Пусть сердца ваши храбрые
Твердым булатом окованы,
А закалены отвагою,
Да то ли, что надо,
Вы сотворили
Серебряной моей седине?

А уж не вижу я
Мощи сильного и богатого
Брата моего Ярослава
С его множеством воинов,
В Чернигове пребывающих, —
С дружиной могучей,
Да и с горцами,
И с шатунами,
С бродягами,
И с крикунами,
Да с их атаманами:
Эти-то и без щитов,
С ножами за голенищами,

Криком полки побеждают,
Звоня в прадедову славу.

А вы сказали:
Мужаемся сами,
Грядущую славу
Одни мы похитим,
А прошедшую славу
Одни мы поделим!

А что,
Уж такое ли, братия, диво:
Старому да помолодеть?
Коли сокол линяет,
Птиц высоко взбивает,
Гнезда своего он в обиду
Не даст!
Да вот оно зло:
Князи-то мне не помога...

Плачевно года обернулись:
У Римова вот —
Под саблями кричат
Половецкими,
А Володимир
Под ранами...
Кручина-тоска
Сыну Глебову!

О великий князь
Всеволод!
А не мыслишь ли ты
Прилететь издалече —
Отчий злат стол
Поберечь?..
А ведь можешь ты Волгу
Веслами всю раскропить,
Дон шеломами
Вычерпать!
Коли был бы ты там,

Так была бы у нас
По дешевке рабыня,
А совсем за бесценок
И раб.
Ты же можешь и посуху
Живыми стрелять
Самострелами,
Удалыми сынами
Глебовыми!

Ты, буй Рюрик,
И ты, Давыд!
Не у вас ли шеломы золоченые
По крóви плавали?
Не у вас ли дружина храбрая
Рыкает, как туры, израненные
Саблями булатными
На поле незнаемом?
Так вступите же, князи,
Во злат стремень:
За обиду нашего времени —
За землю Русскую,
За раны Игоревы —
Храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
На престоле своем
Златокованом,
Горы подпер Угорские
Своими полками,
В железо одетыми,
Заградив путь королю,
Затворив Дунаю ворота,
Перекидывая громады войск
Через облака,
Суды до Дуная рядя.

Грозы твои по зѐмлям текут:
Отворяешь врата Киеву,

Стреляешь
Со злата стола отчего
Султанов за землями. . .
Стреляй Кончака, господине,
Поганого кощея стреляй —
    За землю Русскую,
    За раны Игоревы —
Храброго Святославича!

———

    А ты, буй Роман,
    Со Мстиславом!
Мысль ваша храбрая
Влечет ум на подвиги,
И высоко ты
Соколом плаваешь
В буйной отваге своей,
На ветрах ширяяся,
Птицу в буйстве ее
Норовя одолеть,
Ибо есть у вас
Подвески железные
Под шеломами
Крылатыми —
Латынскими.
И от воинов тех
Земля сама треснула,
И многие страны поганые —
    И Хинова,
    И Литва,
    И Ятвяги,
    И Деремела,
    И Половцы —
Копия́ повергли свои,
А главы свои преклонили
Под мечи те булатные. . .

Но вот уже, княже,
Померкнул для Игоря
Солнечный свет,
А древо листву обронило

Не по доброй воле своей:
По Ро́си-реке,
По Су́ле-реке
Города поделили,
А Игорева храброго полку
	Не воскресить.

Дон тебя, княже, кличет
И зовет князей
На победу...
Ведь одни только Ольговичи,
Храбрые князи,
	Доспели на брань...

	Ингвар,
	И Всеволод,
	И все вы,
	Трое Мстиславичей, —
Не плохого гнёзда
Шестикрыльцы.
Не в боях вы грады поделили,
Так к чему же златы шлемы ваши,
И щиты,
И копия́ из Польши?

Заградите Полю ворота
Острыми стрелами —
	За землю Русскую,
	За раны Игоревы —
Храброго Святославича!»

9

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ О КНЯЖЬИХ РАЗДОРАХ

Уже и Су́ла-река
Со струями ее серебряными
Перестала быть
Переяславльской рекой,

И болотом Двина течет
К полочанам тем грозным —
Под кликом поганых!

Лишь один Изяслав,
Сын Васильков,
Острым мечом своим
Позвонил
О шеломы литовские,
Славу тем притрепав
Своему деду Всеславу,
Но и сам под багряным щитом
На кровавой траве
Мечами литовскими
Притрепан был.
И со смертию лежа,
Словно с возлюбленной,
Так говорил:
«Княже!
А дружину твою
Крылья птиц приодели!
А кровь ее
Зверь полизал!»

Ни брата его не было тут —
Брячислава,
Ни друга его —
Всеволода:
Один —
Из храброго тела
Чрез ожерелье златое
Жемчужную душу
Он изронил.

Голоса приуныли,
Поникло веселье,
Трубы трубят
Городенские...
О вы, Ярославичи,
И вы, внуки Всеслава!
Приспустите знамена свои,

В ножны вложите мечи
Притупившиеся,
Ибо уж выпали вы
Из дедовской славы;
Ибо своими крамолами
Начали вы наводить
Поганых
На Русскую землю,
На достоянье Всеславово:
Из-за ваших раздоров
И было насилие
От земли Половецкой!

На седьмом веке Троянском
Метал Всеслав жребий
О девице ему любой,
И, на клюки опираясь,
Добравшись до кровли,
Скакнул с конька в город
И доткнулся древком копья
До злата стола
Киевского.
И потом отсель
Лютым зверем скакал;
А в полночь из Белгорода
Скрылся, окутанный
Синею мглою;
Наутро ж,
Ударив секирами,
Отворил врата
В Новегороде,
Славу
Ярославу расшиб;
До Немиги с Дудуток
Волком скакал...
А на Немиге
Снопы стелют
Головами,
Молотят цепами

Булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.

И кровавые берега
Немиги той
Не добром были посеяны:
Костями посеяны
Русских сынов!

Всеслав-князь
Людей судил,
Князьям города рядил,
А сам в ночи́
Волком рыскал;
Из Киева дорыскивал
В Тмуторокань —
До петухов.
Великому Хорсу
Волком
Путь перерыскивал.
А тому Всеславу
Позвонят в Полоцке
Заутреню раннюю
У святыя Софии
В колоколы,
А он уже слышит звон
В Киеве.

Хоть и была прозорлива душа
В теле отважном,
Но часто страдал он
От бед.
И князю тому
Вещий, мудрый Боян
Впервые такую
Припевку сказал:

«Ни хитрому,
Ни гораздому,

Ни по птице гораздому
Суда божия не миновать!»

О, стонать Русской земле,
Вспоминая начальные леты
И первых князей:
Того ли старого Владимира
Нельзя пригвоздить было
К горам Киевским!
И вот ныне стяги его
Одни стали Рюриковыми,
Другие — Давыдовыми;
Но врозь развеваются
Их бунчуки!

10

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Не копья поют на Дунае, —
То слышен мне глас Ярославны,
Кукушкой неузнанной рано
Кукует она:

«Полечу я кукушкой,
Говорит, по Дунаю,
Омочу рукав я бобровый
Во Каяле-реке,
Оботру я князю
Раны кровавые
На застывающем
Теле его...»

Ярославна рано плачет,
На Путивльской стене
Причитая:
«О Ветер-Ветрило!
К чему, господине,
Веешь насильем?
Стрелы поганские
На крылах своих мирных

На воинство милого
Гонишь — к чему?
Тебе не довольно ли было б
Высоко под облаком веять
Да на синём море
Колыхать корабли?
К чему, господине,
По ковылю ты развеял
        Веселье мое?»

Ярославна рано плачет,
Во Путивле-городе,
      На стене причитая:

      «О Днепр ты Славутич!
Каменные горы пробил ты
Сквозь Половецкую землю,
И на себе колыхал ты
Ладьи Святославовы
До стана Кобякова;
Прилелей на волнах, господине,
Моего ладу ко мне,
Чтобы не слала к нему я
Ранней зарею
Слезы на море».

Ярославна рано плачет,
На Путивльской стене
      Причитая:

      О светлое,
Трижды светлое
      Солнце!
Для всех ты тепло и отрадно!
Так к чему ж, господине,
На воинство милого
      Свой луч простираешь
            Горячий?
В поле безводном
Жаждой им луки стянуло,
Колчаны кручиной свело. . .»

11

БЕГСТВО ИГОРЯ И ПОГОНЯ КОНЧАКА

Вздыбилось море в полночь;
Идут смерчи мглами;
Игорю-князю
Бог путь кажет
Из земли Половецкой
На Русскую землю —
К отчему злату столу.

Погасли вечерние зори.
Игорь спит —
Игорь не спит;
Игорь в мыслях своих
Мерит поля —
От великого Дону
До ма́ла Донца.

Конь готов к полуно́чи —
Свистнул Овлур за рекой:
Князю велит разуметь!
Не быть князю Игорю
По имени кликнуту. . .

И задрожала земля,
Зашумела трава,
Зашатались шатры половецкие,
А Игорь-князь
Поскакал к тростнику
Горностаем,
Белым гоголем — на воду;
Кинулся на борза́ коня
И спрыгнул с него
Серым волком,
И понесся к лугам Донца,
И соколом полетел
Под туманами,
Избивая гусей-лебедей
К завтраку,

И обеду,
И ужину.

И как Игорь соколом полетит,
Так Овлур волком бежит,
Отрясая собою
Студеную росу;
Надорвали они
Борзых коней своих!

И Донец сказал:
«Игорь-князь!
Немало хвалы тебе,
А Кончаку огорчения,
А Русской земле веселия!»

Игорь сказал:
«О Донец!
И тебе немало хвалы:
Тебе,
Что лелеял
Князя на во́лнах;
Стлал ему
Зелену́ траву
На серебряных берегах своих;
Одевал его
Теплыми туманами
Под сению зелена древа;
Стерег его —
Гоголем на воде,
Чайками на струя́х,
Чернетью на ветра́х.
Не такова-то, сказал,
Сту́гна-река:
Беспокойные стру́и имея,
Пожравши чужие ручьи,
И струги растирает,
Влача по кустам;
Так и юноше князю она —
Ростиславу —
Днепр затворила,

И на темном ее берегу
Плачется мать Ростислава
По юноше князе,
        По Ростиславу,
И от жалости
Приуныли цветы,
И древо с кручиною
К земле приклонилось».

———

То не сороки застрекотали —
Едут по следу Игореву
        Гза и Кончак.

И враны тогда не граяли,
И галки примолкли,
И сороки не стрекотали,
И поползни-птички
Ползали только.
Дятлы, носом долбя,
Путь к реке кажут,
Да соловьи
Веселыми песнями
Свет возглашают.

        Молвит Кончаку Гза:

        «Ежели сокол
Ко гнезду летит,
Так расстреляем мы
Соколича
Стрелами своими
Золочеными!»

        И говорит Кончак Гзе:
«Ну, ежели сокол ко гнезду летит,
То мы сокольцá опутаем
        Красною девицей».

        И говорит Кончаку Гза:
«А ежели его мы опутаем
Красною девицей,

Так не будет нам
Ни сокольца,
Ни девицы красной нам,
Да почнут еще русские соколы
На́ поле половецком
Нас с тобою бить!»

12

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ «СЛАВА» УЧАСТНИКАМ ПОХОДА: КНЯЗЬЯМ И ДРУЖИНЕ

Молвил так Боян,
Песнотворец давнего времени,
Княжьего —
Ярославова, Олегова:

«Хоть и тяжко тебе,
Голова, без плеч,
Но и зло же телу, тебе,
    Без головы» —
Русской земле
    Без Игоря!

Солнце светится
    На небе:
Игорь-князь —
На Русской земле!

А девицы поют
На Дунае,
Вьются их голоса
Через море до Киева!
По Боричеву
Игорь едет
Ко святой богородице
Пирого́щей:
Страны рады!
Грады веселы!

Песню пропевши
Старым князьям,
Споем и молодым:

«Слава —
Игорю Святославичу,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Невредимыми будьте,
Князья и дружина,
В битвах грядущих —
За христиан
С полками погаными.

Князьям — слава!
А дружине,
Полегшей в бою, —
Вечная память!»

1938—1958

В. И. Стеллецкий

11. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не подобает ли нам, братья,
повестú на старинный лад печальные сказанья
о походе Игоревом, Игоря Святославича?
Петься же той песни по былям нашего времени,
а не по замышлению Боянову.
Боян вещий, братья, коли хотел кому песнь творить,
растекался мыслию по древу,
носился серым волком по земле,
сизым орлом — в подоблачьи:
помнил он, молвится, прежних времен усобицы.
Тогда пускал он десять сóколов на стадо лéбедей,
которую сокол нагонял,
та первая песнь начинала
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
одолевшему Редéдю пред полками касожскими,
молодому Роману Святославичу.
Боян же, братья, не десять сóколов на стадо лéбедей пускал,
но свои вещие персты на живые струны возлагал
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, сказание наше
от старого Владимира до нынешнего Игоря,

который напряг ум волею своею
и отточил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
повел свои храбрые полки на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце
и видит: от него тьмою
все воины его прикрыты.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше убитым быть,
чем полоненным быть, —
сядем же, братья, на своих борзых коней,
поглядим в дали синего Дона!»
Воспылал ум князя желанием,
и знаменье жажда ему заслонила
отведать Дона великого.
«Хочу, — молвил, — копье преломить в поле
Половецком с вами, русичи;
хочу сложить свою голову
либо испить шеломом Дона!»

О Боян, соловей старого времени!
Кабы ты своей песнью эти битвы воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
взлетая умом под облака,
свивая славу по обе сто́роны сего времени!
Рыща тропою Трояновой чрез поля на́ горы,
так бы песнь про Игоря петь Веле́сову внуку:
«Не буря со́колов занесла чрез поля широкие,
галки стаями летят к Дону великому».
Или так бы запеть, вещий Боян, Велесов внук:
«Кони ржут за Сулою́ —
звенит слава в Киеве».

Трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле;
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему Буй-Тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый ты, Игорь,
оба мы — Святославичи!

Седлай, брат, коней своих борзых,
а мои готовы, стоят под Курском оседланы.
А мои куряне — бывалые воины:
под трубы боевые повиты,
под шеломами взлелеяны,
концом копья вскормлены;
пути им ведомы,
овраги знаемы,
их луки напря́жены,
колчаны отво́рены,
сабли изо́стрены;
сами скачут как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил Игорь-князь в злат стремень
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало,
ночь стонала ему грозою, птиц пробудила,
свист звериный в стада их сбил.
Див кличет с вершины древа,
велит послушать земле незнаемой,
Волге, и Поморию, и Посу́лию,
и Су́рожу, и Корсу́ни,
и тебе, Тмутороканский истукан!
А половцы неторными дорогами побежали к Дону великому:
кричат телеги в полуночи, словно лебеди распуганные.
Игорь воинов к Дону ведет.

А уж беду его стерегут птицы по дубравам;
волки грозу накликают по оврагам;
орлы клекотом на кости зверя зовут;
лисицы брешут на красные щиты.
О русские полки! За холм зашли вы порубежный!

Долго мрак ночи длится.
Заря свет зажгла,
туман поля прикрыл.
Щекот соловьиный уснул,
говор галочий пробудился.

Русичи широкие поля своими алыми щитами
перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Рано поутру в пятницу они потоптали поганые полки
половецкие
и рассыпались стрелами пó полю,
помчали красных девок половецких,
а с ними и злато, и шелк, и дорогие аксамиты.
Плащами, покрывалами и óпашнями, и разным
узорочьем половецким
стали мосты мостить по болотам и топким местам.
Чермный стяг, белая хоругвь,
чермная чёлка, серебряная палица —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле храброе Олегово гнездо, далёко
залетело!
Не было оно на обиду рóждено ни соколу, ни кречету,
ни тебе, черный ворон, поганый половчи́н!
Гза бежит серым волком,
Кончак за ним следом — к Дону великому!

На другой день в час ранний
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут —
хотят прикрыть четыре солнца,
и в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Идти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям преломиться,
тут саблям пощербиться
о шеломы половецкие,
на реке на Каяле, у Дона великого.
О русские полки! За холм зашли вы порубежный!

Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы.
Земля гудит, реки мутно текут,
прах поля застилает, плещá, стяги говорят,

половцы идут от Дона и от моря,
со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля преградили,
а храбрые русичи — алыми щитами!

Яр-Тур Всеволод! Стоишь на поле брани,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шеломы мечами булатными;
куда, Тур, ни поскачешь, своим златым шеломом
посвечивая,
там и лежат поганые головы половецкие.
Порублены саблями калеными шеломы аварские
тобою, Яр-Тур Всеволод!
Ран ли побоится, братья,
забывший почести и богатство, и града Чернигова отчий
злат престол,
и своей милой жены, ясной Глебовны, свычаи и обычаи.

Были века Трояновы,
миновались лета Ярославовы;
были походы Олеговы, Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал
и по земле стрелы сеял:
вступает в злат стре́мень во граде Тмуторокани,
а уж звон тот слышал давний великий Всеволод, сын
Ярославов,
а Владимир что ни утро закладал себе уши
в Чернигове;
Бориса же Вячеславича,
младого и храброго князя,
похвальба на смертный суд привела
и на Ка́нине зеленое ложе постлала за обиду Олегову.
С такой же, как ныне, Каялы повез Святополк отца
своего
мужду у́горскими иноходцами ко святой Софии, к Киеву.
Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалась и порастала усобицами,
погибала волость Даждьбожьего внука,
в княжьих крамолах век людской сокращался;
тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны каркали,

мертвечину деля меж собою,
а галки речь свою заводили,
собираясь лететь на поживу.
То было в те битвы и в те походы,
а о такой битве не слыхано.

С рассвета до вечера,
С вечера до света,
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шеломы,
трещат копия булатные
в поле незнаемом, среди земли Половецкой.
Черна́ земля под копытами костьми была засеяна,
а кровию полита́;
горем взошли они по Русской земле!

Что там шумит, что там звенит издалёка
рано перед зорями?
Игорь полк собирает:
жаль ему милого брата Всеволода!
Билися день, бились другой,
на третий день к по́лудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на береге быстрой Каялы,
тут кровавого вина не достало,
тут пир докончили храбрые русичи:
сватов напоили,
а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава с жалости,
а древо с печалью к земле приклонилось.

Уже невеселая, братья, година настала,
уже Пустыня Русскую Силу прикрыла!
Восстала враждою Обида в полках Дажбожьего внука,
вступила девою на землю Троянову,
заплескала лебедиными крыльями на синем море
у Дона,
плещучи, прогнала обильные времена!
Война князей с погаными к концу пришла,
ибо сказал брат брату: «То — мое, и это — мое же!»

И начали князья про малое «вот великое» молвить
и сами на себя крамолу ковать,
а поганые со всех сторон приходили с войною и бедой
на землю Русскую.
О! Далекó залетел сокол — к морю, птиц избивая.

А Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнула Карна,
и Жля поскакала по Русской земле,
жар неся погребальный в пламенном роге.
Жены русские восплакались, причитая:
«Уже нам милых своих ни мыслию помыслить,
ни думою вздумать,
ни очами не увидеть,
а златом и серебром подавно не потешиться!»

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от бед и напастей,
тоска разлилась по Русской земле,
печаль обильная потекла среди земли Русской.
А князья сами на себя крамолу ковали,
а поганые, с войной и победами рыская по Русской
земле,
дань собирали по векше с двора.

Те два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод,
пробудили кривду самовольством;
ее смирил грозою отец их, великий грозный Святослав
Киевский,
устрашил своими могучими полками и булатными
мечами,
вторгся в землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота,
а поганого Кобякá из Лукоморья,
из железных великих полков половецких, словно вихрь,
выхватил,
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венетичи,

тут греки и морава
поют славу Святославову,
корят князя Игоря,
что добро потопил на дне Каялы, реки половецкой.
Злата русского порассыпали!
Тут Игорь-князь пересел из златого седла да в седло невольничье!
Уныли по градам их могучие кремлй, а веселие поникло.

А Святослав горестный сон видел в Киеве на горах.
«В ночь сию с вечера одевали меня, — молвил, — черным покрывалом на кровати моей тисовой,
черпали мне синее вино, с горем смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганых толмачей скатный жемчуг на грудь, обряжая меня.
Уже доски без матицы в моем тереме златоверхом!
Всю ночь с вечера вещие вóроны каркали у Плеснеска на пойме,
прилетели они из мрака ущелья Кисанского
и понеслися к синему морю.

И сказали бояре князю:
«Горе, князь, ум одолело:
слетели два сокола с отчего престола златого
поискать града Тмуторокани
либо испить шеломом Дона.
Уже сóколам крылья подрезали поганые саблями,
а самих опутали путами железными.
Ибо темно стало в третий день: два солнца затмились,
оба столпа багряные погасли-помрачились,
а с ними два молодые месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись
и в море погрузились.
Дерзость великую придали они пришлецам.
На реке на Каяле Тьма Свет покрыла;
на Русскую землю кинулись половцы, словно выводок рысей.

Уже напало Бесчестье на Славу,
уже ударило Насилье на Волю,
уже низринулся Див на землю!

Запели готские красавицы-девы на береге синего моря,
звеня русским золотом;
поют время Бусово,
лелеют месть за беду Шаруканову.
А уже мы, дружина, лишились веселия!»

Тогда великий Святослав изронил златое слово,
со слезами смешанное, молвив:
«О сыны мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали Половецкую землю мечами терзать,
а себе славы добиваться,
но не с честью в бой вступили,
не с честью вы кровь поганую пролили!
Ваши храбрые сердца из надежного булата кованы,
а в удали закалены́!
Что же сделали вы с моей серебряной сединой?
А уже не вижу я правды и помощи могучего, и богатого,
и многоратного брата моего Ярослава
с черниговскими вельможами,
с воеводами, со старейшинами, с боярами-шельби́рами,
с воинами-топча́ками, с богатырями, с храбрецами,
а ведь они без щитов, с ножами засапожными,
кликом полки побеждают,
звеня прадедовой славой!
Но вы сказали: «Поратуем сами,
новою славой одни завладеем, и прежнюю сами поделим!»
А диво ли, братья старому молодым обернуться?
Когда сокол перелиняет,
высо́ко птиц загоняет —
не даст гнезда своего в обиду!
Но вот зло: князья мне пособлять зареклись;
на худое годины обратились!»
Се в Римове кричат под саблями половецкими,
а Владимир тяжко ранен —
горе и тоска сыну Глебову!»

———

Великий князь Всеволод!
Не мыслию лишь прилететь бы тебе издалёка отчий злат
престол поблюсти!
Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон
шеломами вычерпать!

Кабы здéсь ты был, продавали б рабынь за бесценок,
а рабов и подавно!
Ты ведь можешь пóсуху живыми стрелять
огнестрелами —
удалыми сыновьями Глебовыми.

Ты, Буй-Рюрик, и Давыд!
Не у вас ли воины по шеломы золоченые в крови
плавали?
Не у вас ли рыкают, словно туры, дружинники храбрые,
раненные саблями калеными нá поле незнаемом?
Вступите, государи, в злат стрéмень за обиду сего
времени,
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

Галицкий князь Осмомысл Ярослав!
Высокó ты сидишь на своем златокованом престоле,
подперев горы Ýгорские своими полками железными,
заступив путь королю, затворив Дунаю ворота,
метая громады за облака,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь ворота Киеву,
стреляешь с отчего златого престола в султанов
за землями —
стреляй, государь, в Кончака, в поганого кочевника,
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

А ты, Буй-Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль стремит ум ваш на подвиги!
Высокó, Буй-Роман, возносишься на подвиг в доблести,
будто сокол, на ветрах ширяющий,
пожелавший птицу в дерзости одолеть!
Есть ведь воины у вас в панцирях железных
под шеломами латинскими!
От них дрогнула земля, и многие племена:
хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы —
копья свои побросали,
а головы свои преклонили
под те мечи вороненые.

Но уже, князь, для Игоря померк солнца свет,
а древо не к добру листву обронило:
по Роси и Сулé грады поделили,
а Игорева храброго полка не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу:
Ольговичи, храбрые князья, уже ринулись в бой!

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича!
Не худá гнезда шестикрыльцы-соколы!
Не по жребьям побед себе волости добыли!
К чему же ваши златые шеломы, и копья ляшские,
и щиты?
Загородите врагам ворота своими острыми стрелами
за землю Русскую, за раны Игоревы,
удалого Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями для града
Переяславля,
и Двина болотом течет тем грозным полочанам под клики
поганых.
Один лишь Изяслав, сын Васúльков,
позвенел своими острыми мечами о шеломы литовские,
поверг славу деда своего Всеслава,
а сам под красными щитами на кровавой траве
повержен литовскими мечами,
и, с суженою обручась, молвил:
«Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели,
а звери кровь полизали!»
Не было тут ни брата Брячислава, ни другого —
Всеволода,
один изронил он жемчужную душу из храброго тела чрез
златое ожерелие!
Приуныли голоса, поникло веселие,
трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеславовы!
Долу склоните стяги свои,
вложите в ножны мечи свои пощербленные —
вы отбились от дедовой славы!
Вы крамолами своими стали наводить поганых
на землю Русскую,

на удел Всеславов:
из-за раздоров пришло к нам насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояновом кинул Всеслав жребий
о дéвице, ему лю́бой.
Он, обманом оседлав коней, скакнул к граду Киеву
и коснулся палицей золотого престола Киевского;
прянул от полков лютым зверем в полночь из Белгорода
и окутался синею мглой,
а наутро вонзил секиры: отворил ворота Новгорода —
расшиб славу Ярославову.
Скакнул волком до Немиги из Дудуток,
на Немиге снопами головы стелют, молотят цепами
булатными,
кладут жизнь на току, веют душу от тела.
Немиги кровавые берега не добром были засеяны —
засеяны костьми русских сынов!

Всеслав-князь горожанам суд судил,
князьям города рядил,
а сам в ночи волком рыскал,
из Киева волком дорыскивал, до петухов, в Тмуторокань;
великого Хорса в пути обгонял-перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрене позвонили в колокола
у святой Софии,
а он в Киеве звон слышал!
Хотя душа ведуна была в храбром теле,
но часто страдал от напастей.
О нем вещий, мудрый Боян еще встарь припевку сказал:
«Ни хитрому, ни гораздому,
ни колдуну гораздому
суда божьего не миновать!»

О! Стонать Русской земле, вспоминая прежнюю годину
и прежних князей!
Того старого Владимира нельзя было пригвоздить
к горам Киевским!
А ныне его стяги стали Рюриковы,
а те — Давыдовы.
Но врозь их полотнища веют, розно их копья поют.

На Дунае Ярославнин голос слышится,
безвестною кукушкой рано кличет:
«Полечу, — молвит, — кукушкою по Дунаю,
омочу шелко́вый рукав в Каяле-реке,
отру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле у бойниц кремля,
причитая:
«О Ветер-Ветрило!
Зачем, господин мой, силой встречною веешь,
зачем наносишь вражьи стрелы на своих легких крыльях
на моего лады воинов?
Мало ли тебе было, высоко под облаками вея, лелеять
корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселие по полю ковыльному
развеял?»

Ярославна чуть свет плачет в Путивле-городе на венцах
кремля, причитая:
«О Днепр Словутич!
Ты пробил волной каменные горы среди земли
Половецкой,
ты лелеял на струях своих Святославовы ладьи до полка
Кобякова —
прилелей, господин, моего ладу ко мне, чтоб не слала
к нему слез на́ море рано!»

Ярославна рано плачет в Путивле на стене кремля,
причитая:
«Светлое и тресветлое Солнце!
Всем ты тепло и пригоже!
Зачем, господин мой, простер горячие свои лучи
на воинов лады,
в поле безводном жаждою им луки согнул,
тоскою колчаны замкнул?»

Взбушевалось море полуночью,
идут смерчи тучами.
Бог стезю Игорю кажет
из земли Половецкой в землю Русскую
к отчему златому престолу.

Погасли вечером зори.
Игорь спит — Игорь глядит,
Игорь мыслию поля мерит
от великого Дона до малого Донца.
В полночь Овлур коня свистнул за рекою:
велит князю разуметь;
«Князю Игорю не быть тут!» — кликнул.
Стукнула земля, зашумела трава —
вежи половецкие всполошились!
А Игорь-князь поскакал горностаем в тростник густой,
слетел белым гоголем нá воду,
вскинулся на борзого коня,
соскочил с него волком-оборотнем
и побежал к лугу Донца,
и полетел соколом под тучами,
побивая гусей и лéбедей
к завтраку, и обеду, и ужину.
Когда Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
отрясая студеную росу, —
надорвали они коней своих борзых!

Донец сказал: «Князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку горевания,
а Русской земле веселия!»
Игорь сказал: «О Донец мой!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зелену́ траву на своих берегах серебряных,
одевавшему его теплою мглою под сенью зеленого древа;
стерег ты его гоголем на воде,
чайками на стру́ях,
чернетьми на вéтрах!»

Не такова, молвят, река Сту́гна: скудную струю имея,
пожрав чужие ручьи и воды,

расширясь к устью,
юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного
берега.

Плачет мать Ростиславова
по юноше князе Ростиславе!
Приуныли цветы в горести,
а древо с печалью к земле приклонилось.
А не сороки застрекотали —
пó следу Игореву рыщут Гза с Кончаком.
Тогда вóроны не каркали,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали,
поползни стихли, ползали только.
Дятлы стуком путь к реке кажут,
соловьи веселыми песнями свет возвещают.

Молвит Гза Кончаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
соколенка расстреляем своими золочеными
стрелами».
Говорит Кончак Гзе:
«Коли сокол ко гнезду летит,
сокóлика мы опутаем красною дéвицею».
И сказал Гза Кончаку:
«Коли его опутаем красною девицей,
не будет у нас соколенка,
не будет и красной девицы,
и почнут нас птицы бить в поле Половецком!»

Молвил Боян про походы Святославовы,
слагатель песен о старых временах —
Ярославовом, Олеговом, жены кагана:
«Тяжко тебе, голова, без плеч,
зло и телу без головы» —
Русской земле — без Игоря!

Солнце светится нá небе:
Игорь-князь — в Русской земле.
Дéвицы поют на Дунае,
вьются голоса их через море до Киева.

Игорь едет по Боричеву ко святой богородице
Пирогощей.
Рады села, грады веселы!

Спевши песнь старым князьям, надо и молодым
запеть:
«Слава Игорю Святославичу,
Буй-Туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»
Здравье князьям и дружине,
что встают за христиан на поганые полки!
Князьям слава и дружине!

Аминь.

1938—1967

Н. А. Заболоцкий

12. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?
А воспеть нам, братия, его —
В похвалу трудам его и ранам —
По былинам времени сего,
Не гоняясь мыслью за Бояном.
Тот Боян, исполнен дивных сил,
Приступая к вещему напеву,
Серым волком по полю кружил,
Как орел под облаком парил,
Растекался мыслию по древу.
Жил он в громе дедовских побед,
Знал немало подвигов и схваток,
И на стадо лебедей чуть свет
Выпускал он соколов десяток.
И, встречая в воздухе врага,
Начинали соколы расправу,
И взлетала лебедь в облака,
И трубила славу Ярославу.
Пела древний киевский престол,
Поединок славила старинный,
Где Мстислав Редедю заколол
Перед всей касожскою дружиной,

И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.
Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, —
Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князям славу рокотали.

Мы же по иному замышленью
Эту повесть о године бед
Со времен Владимира княженья
Доведем до Игоревых лет
И прославим Игоря, который,
Напрягая разум, полный сил,
Мужество избрал себе опорой,
Ратным духом сердце поострил
И повел полки родного края,
Половецким землям угрожая.

О Боян, старинный соловей!
Приступая к вещему напеву,
Если б ты о битвах наших дней
Пел, скача по мысленному древу;
Если б ты, взлетев под облака,
Нашу славу с дедовскою славой
Сочетал на долгие века,
Чтоб прославить сына Святослава;
Если б ты Трояновой тропой
Средь полей помчался и курганов, —
Так бы ныне был воспет тобой
Игорь-князь, могучий внук Траянов:
«То не буря соколов несет
За поля широкие и долы,
То не стаи галочьи летят
К Дону на великие просторы!»
Или так воспеть тебе, Боян,
Внук Велесов, наш военный стан:
«За Сулóю кони ржут,
Слава в Киеве звенит,
В Новеграде трубы громкие трубят,
Во Путивле стяги бранные стоят!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Игорь-князь с могучею дружиной
Мила брата Всеволода ждет.
Молвит буй-тур Всеволод: «Единый
Ты мне брат, мой Игорь, и оплот!
Дети Святослава мы с тобою,
Так седлай же борзых коней, брат!
А мои давно готовы к бою,
Возле Курска под седлом стоят».

2

А куряне славные —
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,
Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.
Сами скачут по полю волками
И, всегда готовые к борьбе,
Добывают острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе!

3

Но, взглянув на солнце в этот день,
Подивился Игорь на светило:
Середь бела дня ночная тень
Ополченья русские покрыла.
И, не зная, что сулит судьбина,
Князь промолвил: «Братья и дружина!
Лучше быть убиту от мечей,
Чем от рук поганых полонену!

Сядем, братья, на лихих коней
Да посмотрим синего мы Дону!»
Вспала князю эта мысль на ум —
Искусить неведомого края,
И сказал он, полон ратных дум,
Знаменьем небес пренебрегая:
«Копие хочу я преломить
В половецком поле незнакомом,
С вами, братья, голову сложить
Либо Дону зачерпнуть шеломом!»

4

Игорь-князь во злат стремень вступает,
В чистое он поле выезжает.
Солнце тьмою путь ему закрыло,
Ночь грозою птиц перебудила,
Свист зверей несется, полон гнева,
Кличет Див над ним с вершины древа,
Кличет Див, как половец в дозоре,
За Сулу, на Сурож, на Поморье,
Корсуню и всей округе ханской,
И тебе, болван Тмутороканский!

5

И бегут, заслышав о набеге,
Половцы сквозь степи и яруги,
И скрипят их старые телеги,
Голосят, как лебеди в испуге.
Игорь к Дону движется с полками,
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим,
По оврагам волки завывают,
Крик орлов доносится из мглы —
Знать, на кости русские скликают
Зверя кровожадные орлы;
На щиты червленые лисица
Дико брешет в сумраке ночном...

О Русская земля!
Ты уже за холмом.

6

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем заклубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щекот приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славной изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.

7

На рассвете, в пятницу, в туманах,
Стрелами по полю полетев,
Смяло войско половцев поганых
И умчало половецких дев.
Захватили золота без счета,
Груду аксамитов и шелков,
Вымостили топкие болота
Епанчами красными врагов.
А червленый стяг с хоругвью белой,
Чёлку и копье из серебра
Взял в награду Святославич смелый,
Не желая прочего добра.

8

Выбрав в поле место для ночлега
И нуждаясь в отдыхе давно,
Спит гнездо бесстрашное Олега, —
Далеко подвинулось оно!
Залетело, храброе, далече,
И никто ему не господин:
Будь то сокол, будь то гордый кречет,
Будь то черный ворон — половчин.
А в степи, с ордой своею дикой
Серым волком рыская чуть свет,
Старый Гзак на Дон бежит великий,
И Кончак спешит ему вослед.

9

Ночь прошла, и кровяные зори
Возвещают бедствие с утра.
Туча надвигается от моря
На четыре княжеских шатра.
Чтоб четыре солнца не сверкали,
Освещая Игореву рать,
Быть сегодня грому на Каяле,
Лить дождю и стрелами хлестать!
Уж трепещут синие зарницы,
Вспыхивают молнии кругом.
Вот где копьям русским преломиться,
Вот где саблям острым притупиться,
Загремев о вражеский шелом!

О Русская земля!
Ты уже за холмом.

10

Вот Стрибожьи вылетели внуки —
Зашумели ветры у реки,
И взметнули вражеские луки
Тучу стрел на русские полки.
Стоном стонет мать-земля сырая,
Мутно реки быстрые текут,
Пыль несется, поле покрывая,
Стяги плещут: половцы идут!
С Дона, с моря, с криками и с воем
Валит враг, но, полон ратных сил,
Русский стан сомкнулся перед боем —
Щит к щиту — и степь загородил.

11

Славный яр-тур Всеволод! С полками
В обороне крепко ты стоишь,
Прыщешь стрелы, острыми клинками
О шеломы ратные гремишь.
Где ты ни проскачешь, тур, шеломом
Золотым посвечивая, там

Шишаки земель аварских с громом
Падают, разбиты пополам.
И слетают головы с поганых,
Саблями порублены в бою,
И тебе ли, тур, скорбеть о ранах,
Если жизнь не ценишь ты свою!
Если ты на ратном этом поле
Позабыл о славе прежних дней,
О златом черниговском престоле,
О желанной Глебовне своей!

12

Были, братья, времена Траяна,
Миновали Ярослава годы,
Позабылись правнуками рано
Грозные Олеговы походы.
Тот Олег мечом ковал крамолу,
Пробираясь к отчему престолу,
Сеял стрелы и, готовясь к брани,
В злат стремень вступал в Тмуторокани.
В злат стремень вступал, готовясь к сече,
Звон тот слушал Всеволод далече,
А Владимир за своей стеною
Уши затыкал перед бедою.

13

А Борису, сыну Вячеслава,
Зелен саван у Кани́на брега
Присудила воинская слава
За обиду храброго Олега.
На такой же горестной Каяле,
Протянув носилки между вьюков,
Святополк отца увез в печали,
На конях угорских убаюкав.
Прозван Гориславичем в народе,
Князь Олег пришел на Русь как ворог,
Внук Даждьбога бедствовал в походе,
Век людской в крамолах стал недолог.
И не стало жизни нам богатой,
Редко в поле выходил оратай,

Во́роны над пашнями кружились,
На убитых с криками садились,
Да слетались галки на беседу,
Собираясь стаями к обеду...
Много битв в те годы отзвучало,
Но такой, как эта, не бывало.

14

Уж с утра до вечера и снова —
С вечера до самого утра —
Бьется войско князя удалого,
И растет кровавых тел гора.
День и ночь над полем незнакомым
Стрелы половецкие свистят,
Сабли ударяют по шеломам,
Копья харалужные трещат.
Мертвыми усеяно костями,
Далеко от крови почернев,
Задымилось поле под ногами,
И взошел великими скорбями
На Руси кровавый тот посев.

15

Что там шумит,
Что там звенит
Далеко во мгле, перед зарею?
Игорь, весь израненный, спешит
Беглецов вернуть обратно к бою.
Не удержишь вражескую рать!
Жалко брата Игорю терять.
Бились день, рубились день, другой,
В третий день к полудню стяги пали,
И расстался с братом брат родной
На реке кровавой на Каяле.
Недостало русичам вина,
Славный пир дружины завершили —
Напоили сватов допьяна,
Да и сами головы сложили.
Степь поникла, жалости полна,
И деревья ветви приклонили.

16

И настала тяжкая година:
Поглотила русичей чужбина,
Поднялась Обида от курганов
И вступила девой в край Траянов.
Крыльями лебяжьими всплеснула,
Дон и море оглашая криком,
Времена довольства пошатнула,
Возвестив о бедствии великом.
А князья дружин не собирают,
Не идут войной на супостата,
Малое великим называют
И куют крамолу брат на брата.
А враги на Русь несутся тучей,
И повсюду бедствие и горе.
Далеко ты, сокол наш могучий,
Птиц бия, ушел за сине море!

17

Не воскреснуть Игоря дружине,
Не подняться после грозной сечи!
И явилась Карна и в кручине
Смертный вопль исторгла, и далече
Заметалась Желя по дорогам,
Потрясая искрометным рогом.
И от края, братья, и до края
Пали жены русские, рыдая:
«Уж не видеть милых лад нам боле!
Кто разбудит их на ратном поле?
Их теперь нам мыслию не смыслить,
Их теперь нам думою не сдумать,
И не жить нам в тереме богатом,
Не звенеть нам серебром и златом!»

18

Стонет, братья, Киев над горою,
Тяжела Чернигову напасть,
И печаль обильною рекою
По селеньям русским разлилась.

И нависли половцы над нами,
Дань берут по белке со двора,
И растет крамола меж князьями,
И не видно от князей добра.

19

Игорь-князь и Всеволод отважный —
Святослава храбрые сыны —
Вот ведь кто с дружиною бесстрашной
Разбудил поганых для войны!
А давно ли, мощною рукою
За обиды наши покарав,
Это зло великою грозою
Усыпил отец их Святослав!
Был он грозен в Киеве с врагами
И поганых ратей не щадил —
Устрашил их сильными полками,
Порубил булатными мечами
И на Степь ногою наступил.
Потоптал холмы он и яруги,
Возмутил теченье быстрых рек,
Иссушил болотные округи,
Степь до Лукоморья пересек.
А того поганого Кобяка
Из железных вражеских рядов
Вихрем вырвал — и упал, собака,
В Киеве, у княжьих теремов.

20

Венецейцы, греки и морава
Что ни день о русичах поют,
Величают князя Святослава,
Игоря отважного клянут.
И смеется гость земли немецкой,
Что, когда не стало больше сил,
Игорь-князь в Каяле половецкой
Русские богатства утопил.
И бежит молва про удалого,

Будто он, на Русь накликав зло,
Из седла, несчастный, золотого
Пересел в кощеево седло...
Приумолкли города, и снова
На Руси веселье полегло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В Киеве далеком, на горах,
Смутный сон приснился Святославу,
И объял его великий страх,
И собрал бояр он по уставу.
«С вечера до нынешнего дня, —
Молвил князь, поникнув головою, —
На кровати тисовой меня
Покрывали черной пеленою.
Черпали мне синее вино,
Горькое отравленное зелье,
Сыпали жемчуг на полотно
Из колчанов вражьего изделья.
Златоверхий терем мой стоял
Без конька, и, предвещая горе,
Вражий ворон в Плесенске кричал
И летел, шумя, на сине море».

2

И бояре князю отвечали:
«Смутен ум твой, княже, от печали.
Не твои ль два сокола, два чада
Поднялись над полем незнакомым —
Поискать Тмуторокани-града
Либо Дону зачерпнуть шеломом?
Да напрасны были их усилья.
Посмеявшись на твои седины,
Подрубили половцы им крылья,
А самих опутали в путины».

3

В третий день окончилась борьба
На реке кровавой на Каяле,
И погасли в небе два столба,
Два светила в сумраке пропали.
Вместе с ними, за море упав,
Два прекрасных месяца затмились —
Молодой Олег и Святослав
В темноту ночную погрузились.
И закрылось небо, и погас
Белый свет над Русскою землею,
И, как барсы лютые, на нас
Кинулись поганые с войною.
И воздвиглась на Хвалу Хула,
И на волю вырвалось Насилье,
Прянул Див на землю, и была
Ночь кругом и горя изобилье.

4

Девы готские у края
Моря синего живут.
Русским золотом играя,
Время Бусово поют.
Месть лелеют Шаруканью,
Нет конца их ликованью. . .
Нас же, братия-дружина,
Только беды стерегут.

5

И тогда великий Святослав
Изронил свое златое слово,
Со слезами смешано, сказав:
«О сыны, не ждал я зла такого!
Загубили юность вы свою,
На врага не вовремя напали,
Не с великой честию в бою
Вражью кровь на землю проливали.
Ваше сердце в кованой броне
Закалилось в буйстве самочинном.

Что ж вы, дети, натворили мне
И моим серебряным techинам?
Где мой брат, мой грозный Ярослав,
Где его черниговские слуги,
Где татраны, жители дубрав,
Топчаки, ольберы и ревуги?
А ведь было время — без щитов,
Выхватив ножи из голенища,
Шли они на полчища врагов,
Чтоб отмстить за наши пепелища.
Вот где славы прáдедовской гром!
Вы ж решили бить наудалую:
«Нашу славу силой мы возьмем,
А за ней поделим и былую».
Диво ль старцу, мне, помолодеть?
Старый сокол, хоть и слаб он с виду,
Высоко заставит птиц лететь,
Никому не даст гнезда в обиду.
Да князья помочь мне не хотят,
Мало толку в силе молодецкой.
Время, что ли, двинулось назад?
Ведь под самым Римовом кричат
Русичи под саблей половецкой!
И Владимир в ранах, чуть живой, —
Горе князю в сече боевой!»

6

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчем порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, —
Продавали б девок по ногате,
А рабов — по резани на круг.

7

Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шеломы?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремень
За обиду в этот черный день,
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

8

Ярослав, князь галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом — за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла,
В киевские входишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь —
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

9

Вы, князья Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая.
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширяясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

10

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Сулé, по Рóси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.

11

Князь Ингвáрь, князь Всеволод! И вас
Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честнóм
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?
Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

12

Уж не течет серебряной струею
К Переяславлю-городу Сула.
Уже Двина за полоцкой стеною
Под клик поганых в топи утекла.
Но Изяслав, Васильков сын, мечами
В литовские шеломы позвонил,
Один с своими храбрыми полками
Всеславу-деду славы прирубил.
А сам, прирублен саблею каленой,
В чужом краю, среди кровавых трав,
Кипучей кровью в битве обагренный,
Упал на щит червленый, простонав:
«Твою дружину, княже, приодели
Лишь птичьи крылья у степных дорог,
И полизали кровь на юном теле
Лесные звери, выйдя из берлог».
И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто из братьев в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через златое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют...

13

Ярослав и правнуки Всеслава!
Преклоните стяги! Бросьте меч!
Вы из древней выскочили славы,
Коль решили честью пренебречь.
Это вы раздорами и смутой
К нам на Русь поганых завели,
И с тех пор житья нам нет от лютой
Половецкой про́клятой земли!

14

Шел седьмой по счету век Траянов.
Князь могучий полоцкий Всеслав
Кинул жребий, в будущее глянув,
О своей любимой загадав.
Замышляя новую крамолу,
Он опору в Киеве нашел
И примчался к древнему престолу,
И копьем ударил о престол.
Но не дрогнул старый княжий терем,
И Всеслав, повиснув в синей мгле,
Выскочил из Белгорода зверем —
Не жилец на Киевской земле.
И, звеня секирами на славу,
Двери новгородские открыл,
И расшиб он славу Ярославу,
И с Дудуток через лес-дубраву
До Немиги волком проскочил.
А на речке, братья, на Немиге
Княжью честь в обиду не дают —
День и ночь снопы кладут на риге,
Не снопы, а головы кладут.
Не цепом — мечом своим булатным
В том краю молотит земледел,
И кладет он жизнь на поле ратном,
Веет душу из кровавых тел.
Берега Немиги той проклятой
Почернели от кровавых трав:
Не добром засеял их оратай,
Но костями русскими — Всеслав.

15

Тот Всеслав людей судом судил,
Города Всеслав князьям делил,
Сам всю ночь, как зверь, блуждал в тумане,
Вечер — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани,
Словно волк, напав на верный путь,
Мог он Хорсу бег пересягнуть.

16

У Софии в Полоцке, бывало,
Позвонят к заутрене, а он
В Киеве, едва заря настала,
Колокольный слышит перезвон.
И хотя в его могучем теле
Обитала вещая душа,
Всё ж страданья князя одолели,
И погиб он, местию дыша.
Так свершил он путь свой небывалый.
И сказал Боян ему тогда:
«Князь Всеслав! Ни мудрый, ни удалый
Не минуют божьего суда».

17

О, стонать тебе, земля родная,
Прежние годины вспоминая
И князей давно минувших лет!
Старого Владимира уж нет.
Был он храбр, и никакая сила
К Киеву б его не пригвоздила.
Кто же стяги древние хранит?
Эти — Рюрик носит, те — Давид,
Но не вместе их знамена плещут,
Врозь поют их копия и блещут.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
«Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,

И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь».
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковылях навек развеял ты?»
На заре в Путивле причитая,
Как кукушка раннею весной,
Ярославна кличет молодая,
На стене рыдая городской:
«Днепр мой славный! Каменные горы
В землях половецких ты пробил,
Святослава в дальние просторы
До полков Кобяковых носил.
Возлелей же князя, господине,
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он ко мне!»
Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займется поутру,
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
«Солнце трижды светлое! С тобою
Каждому приветно и тепло.
Что ж ты войско князя удалое
Жаркими лучами обожгло?
И зачем в пустыне ты безводной
Под ударом грозных половчан
Жаждою стянуло лук походный,
Горем переполнило колчан?»

2

И взыграло море. Сквозь туман
Вихрь помчался к северу родному —
Сам господь из половецких стран
Князю путь указывает к дому.
Уж погасли зори. Игорь спит.
Дремлет Игорь, но не засыпает.
Игорь к Дону мыслями летит,
До Донца дорогу измеряет.
Вот уж полночь. Конь давно готов.
Кто свистит в тумане за рекою?
То Овлур. Его условный зов
Слышит князь, укрытый темнотою:
«Выходи, князь Игорь!» И едва
Смолк Овлур, как от ночного гула
Вздрогнула земля,
Зашумела трава,
Буйным ветром вежи всколыхнуло.

В горностая-белку обратясь,
К тростникам помчался Игорь-князь

И поплыл, как гоголь, по волне,
Полетел, как ветер, на коне.

Конь упал, и князь с коня долой,
Серым волком скачет он домой.

Словно сокол, вьется в облака,
Увидав Донец издалека.

Без дорог летит он, без путей,
Бьет к обеду уток-лебедей.

Там, где Игорь соколом летит,
Там Овлур, как серый волк, бежит,

Все в росе от полуночных трав,
Борзых коней в беге надорвав.

3

Уж не каркнет ворон в поле,
Уж не крикнет галка там,
Не трещат сороки боле,
Только скачут по кустам.
Дятлы, Игоря встречая,
Стуком кажут путь к реке.
И, рассвет веселый возвещая,
Соловьи ликуют вдалеке.

4

И, на волнах витязя лелея,
Рек Донец: «Велик ты, Игорь-князь!
Русским землям ты принес веселье,
Из неволи к дому возвратясь».
— «О река! — ответил князь. — Немало
И тебе величья! В час ночной
Ты на волнах Игоря качала,
Берег свой серебряный устлала
Для него зеленою травой.
И когда дремал он под листвою,
Где царила сумрачная мгла,
Страж ему был гоголь над водою,
Чайка князя в небе стерегла».

5

А не всем рекам такая слава.
Вот Стугна, худой имея нрав,
Разлилась близ устья величаво,
Все ручьи соседние пожрав,
И закрыла Днепр от Ростислава,
И погиб в пучине Ростислав.
Плачет мать над темною рекою,
Кличет сына-юношу во мгле,
И цветы поникли, и с тоскою
Приклонилось дерево к земле.

6

Не сороки вó поле стрекочут,
Не вороны кличут у Донца —
Кони половецкие топочут,
Гзак с Кончаком ищут беглеца.
И сказал Кончаку старый Гзак:
«Если сокол улетает в терем,
Соколенок попадет впросак —
Золотой стрелой его подстрелим».
И тогда сказал ему Кончак:
«Если сокол к терему стремится,
Соколенок попадет впросак —
Мы его опутаем девицей».
— «Коль его опутаем девицей, —
Отвечал Кончаку старый Гзак, —
Он с девицей в терем свой умчится,
И начнет нас бить любая птица
В половецком поле, хан Кончак!»

7

И изрек Боян, чем кончить речь
Песнотворцу князя Святослава:
«Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво».
Мрак стоит над Русскою землей:
Горько ей без Игоря одной.

8

Но восходит солнце в небеси —
Игорь-князь явился на Руси.

Вьются песни с дальнего Дуная,
Через море в Киев долетая.

По Боричеву восходит удалой
К Пирогощей богородице святой.

И страны рады,
И веселы грады.

Пели песню старым мы князьям,
Молодых настало время славить нам:

Слава князю Игорю,
Буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!

Слава всем, кто, не жалея сил,
За христиан полки поганых бил!

Здрав будь, князь, и вся дружина здрава!
Слава князям, и дружине слава!

1946—1958

С. В. Ботвинник

13. СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не уместно ль начать нам, братья,
старым слогом
печальную повесть
о походе Игоря-князя,
Игоря Святославича?
Но вести эту песню надо
по былинам нашего времени —
не по замышленью Боянову.

Боян вещий, если хотел он
сотворить кому свою песню,
растекался мыслью по древу,
по земле серым волком рыскал,
орлом сизым — под облаками.
И когда вспоминал он, молвят,
давних, первых времен походы —
десять соколов выпускал он
лебединой стае вдогонку,
и какую лебедь настигнут —
та и петь начинала песню.
Пела старому Ярославу
и Мстиславу храброму пела,

что зарезал Редедю-князя
перед строем полков касожских,
и Роману красному пела...

Но не десять соколов, братья,
слал Боян к лебединой стае —
он свои волшебные пальцы
воскладал на живые струны,
и князьям эти струны
сами
рокотать начинали славу!

Так начнем эту повесть, братья,
от времен Владимира старого
и до нынешнего Игоря...
Ум свой храбрости подчинил он,
поострил он мужеством сердце,
преисполнился ратным духом
и направил храброе войско
к Половецкой земле далекой —
за родную Русскую землю.

О Боян, соловей старинный!
Вот бы ты воспел те походы, —
поскакав по мысленну древу,
к облакам простирая думы,
воедино свивая славу
дней сегодняшних и минувших,
проносясь чрез поля на горы
по тропе Трояна!
Пришлось бы
так воспеть Велесову внуку
князя Игоря:
«То не буря
чрез поля широкие носит
русских соколов —
стаи галок
устремились на Дон великий!»

Или, вещий Боян, внук Велеса,
можно так начать было песню:

«Кони ржут за Сулою —
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новеграде —
стоят стяги в Путивле».

Игорь ждет мила брата Всеволода.
И сказал ему буй-тур Всеволод:
«Ты один мне брат,
один светлый свет,
оба мы с тобой Святославичи!
Так седлай же, брат,
ты борзых коней, —
а мои у Курска оседланы.
А куряне — бойцы бывалые:
рождены под трубами,
взлелеяны под шлемами,
с конца копья вскормлены;
им дороги ведомы,
все овраги знаемы,
луки их натянуты,
колчаны отворены,
сабли их отточены;
словно волки серые,
скачут они по полю,
ища себе чести,
а князю — славы!»

И взглянул тогда Игорь на светлое солнце,
и увидел он воинов, тьмою прикрытых...
И сказал он дружине:
«Дружина и братья!
Быть уж лучше убитым, чем пленником быть!
Сядем, братья, на быстрых коней,
да поскачем,
да на синий на Дон хоть посмотрим...»
Склонился
князев ум пред желаньем — и знаменье было
жаждой Дона великого заслонено.
«Я хочу на краю Половецкого поля
преломить копие, — так сказал он дружине, —

вместе, русичи, либо мы голову сложим,
либо Дону шеломом сумеем испить!»

И вступил тогда Игорь
во стремя златое,
и поехал по чистому полю... А солнце
тьмой затменья дорогу ему преграждало;
ночь грозой застонала и птиц пробудила;
свист звериный раздался,
и Див на вершине
закричал,
чтоб слыхали незнаемы земли,
да Поморье,
да Волга,
да Сурож,
да Корсунь,
да по Суле,
да ты, идол Тмутороканский!

А к великому Дону,
дорог не готовя,
побежали уж половцы...
В полночи слышно:
лебединой распуганной стае подобно,
их телеги кричат:
«Игорь двинулся к Дону!»

Вот, беды ожидая, слетаются птицы;
стали волки
грозу подымать по яругам;
клекотанье орлов
манит зверя на кости,
и лисицы
на красные брешут щиты.

О Русская земля!
Уже ты за холмом!

Долго ночь наступает. Заря свет роняет.
Мгла покрыла поля. Щекот смолк соловьиный.

Говор галок проснулся...
Широкое поле
войско русское
разгородило щитами,
ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в ту пятницу смяли поганых
и, рассыпавшись стрелами в поле, помчали
красных дев половецких, а с ними и злато,
драгоценные паволоки, оксамиты.
Кожухами,
плащами,
узорочьем взятым
намостили мосты по болотам и топям,
а червленое знамя,
серебряно древко
вместе с чёлкой червленой и белой хоругвью
Святославичу храброму
в битве достались!

Дремлет в поле Олега гнездо удалое.
Далеко залетело!
А рождено было
не в обиду ни соколу в небе,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон с земли Половецкой!

Гзак бежит серым волком
к великому Дону,
путь Кончак ему кажет...
Назавтра под утро
первый свет возвещают кровавые зори,
тучи черные движутся с моря, как будто
тьмой окутать четыре задумали солнца, —
и трепещут в них синие молнии грозно...
Быть великому грому!
И стрелами с Дона
тут пролиться дождю! Изломиться тут копьям
и побиться тут саблям о вражьи шеломы
на Каяле-реке, у великого Дона!

О Русская земля!
Уже ты за холмом!

Ветры, внуки Стрибога, от синего моря
веют стрелы на воинов Игоря храбрых...
Загудела земля, реки мутными стали,
пыль прикрыла поля, стяги в битве глаголют:
с Дона половцы, с моря идут — отовсюду,
войско русское с разных сторон обступают!
Дети бесовы кликом поля преградили,
преградили и воины князя — щитами.

Яр-тур Всеволод!
Стойко в сраженье стоишь ты!
Прыщешь стрелы в поганых, гремишь о шеломы
ты булатным мечом;
                                        и куда ни поскачешь,
князь, посвечивая золотым своим шлемом, —
там лежат половецкие головы всюду.
Рассекаешь калеными саблями храбро
ты аварские шлемы,
тур Всеволод!
                              Ран ли
убояться,
          о братья,
                                  забывшему в битве
достоянье и род,
                                  и Чернигов, в котором
отчий стол золотой,
                                    и желанной, прекрасной
Ольги Глебовны милой
                                          обычаи, свычаи?

Были века Трояна. Прошли Ярослава годы.
Были походы Олега...
                                          Мечом он ковал раздоры
и стрелы над Русью сеял...
В златое вступает стремя
                                              в городе Тмуторокани —
такой же звон уже слышал
князь Ярослав великий...

Сын Всеволода Владимир
в Чернигове даже утром,
страшась, запирал ворота.

А князь Борис Вячеславич,
и молодой, и храбрый,
за похвальбу и лихость
на суд приведен был божий,
и в наказанье
саван
зеленый ему был постлан
возле реки Канины —
за обиду Олега...

И с той же самой Каялы
отца Святополк отправил
меж угорских иноходцев
в Киев, к святой Софии.

Олег Гориславич княжил, —
сеялось, прорастало
распрями —
и погибало
богатство Дажьбожа внука.

Тогда в усобицах княжьих
и век людской сокращался.
По Русской земле в то время
покрикивал пахарь редко,
вороны ж граяли часто,
деля меж собою трупы,
да галки вели свои речи,
сбираясь лететь на добычу.

То было в те давние войны, —
такой же не слыхано рати!
С утра до зари до вечерней,
с вечерней зари и до света
летят каленые стрелы,
гремят о шеломы сабли,
трещат булатные копья

среди земли Половецкой
в незнаемом поле...
                                        Костями
черна земля под копытом
засеялась, кровью полилась, —
и горе взошло на Руси!

Что шумит-звенит издалека мне
рано до зари на поле боя?
Игорь оборачивает войско:
мила брата Всеволода жалко...
Бились они день, другой...
                                                  На третий
к полдню пали Игоревы стяги.
Тут, на берегу Каялы быстрой,
разлучились братья... Недостало
тут вина кровавого... Тут пир свой
русичи окончили:
                                    и сватов
попоили, и в бою том сами
голову за Русь сложили.
                                              Никнет
в жалости трава, к земле родимой
дерево с тоскою приклонилось...

Вот уж невеселая година
наступила, братья... Уж пустыня
нашу рать прикрыла...
И Обида
встала среди войск Дажьбожа внука,
девою вступила в край Троянов
и на синем море, возле Дона,
плещет лебедиными крылами,
прогоняя времена обилья...

А борьба князей против поганых
прекратилась,
                              и сказал брат брату:
«То мое, и это всё — мое же!..»
Называли малое великим
и крамолу на себя ковали,

а войска поганых отовсюду
шли на землю Русскую с победой!

О, далече залетел ты, сокол,
избивая птиц, — до синя моря!
Вот твое не воскресить уж войско!
Жля и Карна кликнули печально,
поскакали по Руси, кидая
людям жар из пламенного рога!

Жены приговаривают, плача:
«Мыслью
своих милых
нам не смыслить,
думой
своих милых
нам не сдумать,
нам очами
милых не увидеть,
серебра и злата
не потрогать!»

Застонал от горя Киев, братья,
застонал Чернигов от напастей.
Разлилась тоска землею Русской,
потекла печаль по ней обильно, —
а князья себе куют крамолу,
а враги кругом победно рыщут,
дань сбирают со двора по белке.

Потому что Всеволод и Игорь,
двое Святославичей бесстрашных,
половцев коварство пробудили;
было усыпил его
грозою
Святослав, князь киевский, отец их:
сильными прибил его полками,
устрашил булатными мечами,
смело наступил на землю вражью,
притоптал холмы ее, овраги,

замутил и реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А Кобяк поганый с Лукоморья,
от полков железных половецких,
словно вихрем был исторгнут...
Пал он
в гриднице, в плену у Святослава...

Тут уже венетичи и немцы,
тут уже и греки и морава
запевают славу Святославу,
Игоря оплакивают князя,
что на дне Каялы половецкой
потопил богатство и насыпал
много злата русского...
Тогда-то
пересел ты из седла златого,
Игорь-князь, в невольничье седло!
Приуныли городские стены,
и веселье на Руси поникло.

Святославу в Киеве приснился
смутный сон:
«Меня, — сказал он, — ночью
одевали черным покрывалом
на кровати тисовой...
Черпали
синее вино, смешавши с горем.
Из пустых колчанов половецких
сыпали на грудь мне крупный жемчуг,
нежили...
И без князька на кровле
видел я свой терем златоверхий...
Всю-то ночь от вечера кричали
вороны у Плесеньска на пойме,
где в предградье дебрь стоит Кияна, —
и неслись они до синя моря!»

И бояре отвечали князю:
«Горе, княже, ум твой полонило:

это ведь два сокола слетели
с отчего престола золотого,
пожелав добыть Тмуторокани,
пожелав испить шеломом Дону!
Подсекли уж соколам обоим
крыльица их
саблями поганых,
а самих в железные путины
половцы опутали...
Темно ведь
было в третий день:
тогда два солнца,
два столба багряные погасли;
с ними же два месяца младые,
Святослав с Олегом, тьмой прикрылись,
в море погрузились —
и проснулась
смелость превеликая в поганых...
Тьмою свет покрылся на Каяле,
и, подобно выводку гепардов,
половцы землей простерлись Русской.
Заслонил позор былую славу,
волю уж ударило насилье,
Див на землю Русскую низвергся...
Красны девы готские у моря,
золотом позвякивая русским,
весело поют про время Буса
да лелеют месть за Шуракана.
...Мы уже, дружина, без веселья...»

И тогда-то Святослав великий
изронил свое златое слово,
со слезами смешанное...
Рек он:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Начали рано земле Половецкой
вы досаждать, а себе искать славы.
Но ведь без чести вы одолели,
кровь ведь без чести
поганую пролили.

Храбрые ваши сердца из булата
крепкого скованы и закалёны
в смелости.
Что ж сотворили серебряной
вы седине моей? Что ж Ярослава
власти не вижу — богатого, сильного,
войском обильного брата,
вместе с боярами града Чернигова
да с воеводами... Вместе с татранами,
вместе с шельбирами и с топчаками,
вместе с ревугами и с ольберами, —
те же,
с засапожными только ножами,
кликом полки без щитов побеждают,
в прадедов славу звоня...
Вы же сказали:
«Поратуем сами,
славу былую себе похитим,
славу грядущую — сами поделим!»
Старому помолодеть ведь не диво:
ежели сокол, мужая, линяет —
птиц он высоко взбивает, в обиду
выводок свой
никому не дает он.
Зло только в том,
что князья мне не в помощь!
Худо теперь времена обернулись:
под половецкими саблями в Римове
люди кричат,
князь Владимир — под ранами;
горе, тоска сыну Глеба — Владимиру!»

Всеволод-князь!
Неужели и в мыслях
нет у тебя:
прилететь издалече,
отчий престол золотой поблюсти?
Веслами Волгу ты мог расплескать бы,
Дон ты шеломами вычерпать мог бы!..
Был бы ты здесь —
по ногате тогда бы

тут продавали невольниц...
Резану
стоил бы раб...
Ты ведь посуху даже
копьями можешь сражаться живыми —
храбрыми Глебовыми сыновьями!

Ты, буйный Рюрик, с Давыдом!
Не ваши ль
воины шлемами позолоченными
плыли в крови?
И не ваша ль дружина
храбрая рыкает, турам подобно,
ранена саблями в поле незнаемом?
Вы, государи, вступите в злат стремень,
мстя за обиду этого времени,
за землю Русскую,
за раны Игоря —
буйного Игоря Святославича!

Князь Осмомысл Ярослав!
На высоком
на златокованом сидя престоле,
горы Венгерские ты подпираешь
войском железным своим;
заступаешь
путь королю ты...
Дунаю ворота
ты затворяешь
и тяжести мечешь
чрез облака,
и рядишь до Дуная
суд свой.
По землям текут твои грозы,
Киеву ты отворяешь ворота,
и в чужеземных салтанов стреляешь
с отчего ты золотого престола.
Смело стреляй в Кончака, господине,
в раба поганого,
в половецкого —
за землю Русскую,

за раны Игоря —
буйного Святославича!

Буйный Роман со Мстиславом!
На подвиг
храбрые мысли ваш ум увлекают,
и высоко, князь Роман, ты взмываешь —
сокол, отважно парящий на ветрах,
в смелости одолевающий птицу!
Панцири есть ведь у вас из железа,
шлемы латинские...
Это от них ведь
дрогнули земли, и многие страны:
и хинова,
и литва,
и ятвяги,
и деремела, и половцы тоже —
копья повергли,
главу подклонили,
пав под булатными теми мечами.
Но уж померк,
о князь Игорь,
свет солнца;
древо листву не добром уронило:
ведь города по Суле и по Роси
половцы между собой поделили;
Игореву
воскресишь ли дружину?
Помнишь слова свои:
Дон тебя кличет
и созывает князей на победу!
Ольговичи вот на брань и поспели...

Всеволод, Ингварь,
Мстиславичей трое!
Соколы вы
не худого гнезда ведь!
Но не по праву победы добыты
ваши владенья...
Где шлемы златые,

польские копья, щиты?
Заградите ж
острыми стрелами Полю ворота —
за землю Русскую,
за раны Игоря,
буйного Святославича!

Вот уже серебряными струями
не течет Сула Переяславлю,
и Двина под кликами поганых
потекла для полочан болотом...

Изяслав один
мечами острыми
о шеломы позвенел литовские,
славу деда своего Всеслава
тем прибив, — а сам в траве кровавой
под червлеными щитами был он
поражен литовскими мечами.
И сказал его любимец:
«Крыльями
птицы, князь, дружину приодели,
звери кровь погибших полизали».
Брата Брячислава в битве не было,
Всеволода — тоже...
В одиночестве
Изяслав тогда из тела храброго
свою душу изронил жемчужную
через золотое ожерелие.
Голоса уныли, и веселие
тут поникло... Над землею Полоцкой
затрубили трубы городенские...

Ярослав, все правнуки Всеславовы!
Впору опустить вам стяги ратные,
и мечи, в раздорах поврежденные,
спрятать в ножны...
Вы забыли прошлое,
выскочили вы из славы дедовской!

Вы поганых распрями, крамолами
стали наводить на землю Русскую,
на Всеслава-князя достояние.
Из-за вашей ведь, князья, усобицы
наступило половцев насилие!

На седьмом веке Трояна
кинул
Всеслав-князь
жребий
о милой ему девице.
Киева добиваясь,
к хитрости он прибегнул
и, поскакав, коснулся
златого престола древком!
Бежал потом лютым зверем
из Белгорода он в полночь,
объятый синею мглою.
Сумел он урвать удачу
и с третьей попытки смелой
открыл врата Новуграду,
расшиб Ярослава славу
и от Дудуток
волком
скакнул до реки Немиги.
На той на реке Немиге
снопы головами стелют,
а молотят цепами
булатными, и кладут там
жизнь на току,
и душу
отвеивают от тела.
Немиги берег кровавый
был не добром засеян —
русских сынов костями!

Всеслав-князь
суд людям правил,
князьям города рядил он,

а сам
ночью
волком рыскал.
Из Киева — к Тмуторокани
дорыскивал до петухов он.
Великому Хорсу
волком
перебегал дорогу...
В Полоцке у Софии
к заутрене для Всеслава
в колокола звонили, —
он в Киеве звон тот слышал.
Хотя и душа провидца
была в его храбром теле,
но часто от бед страдал он.
Провидец Боян разумный
давно уж предрек Всеславу:
«Ни хитрому, ни умелому,
ни птице самой проворной
не миновать
суда божьего!»

О, стонать земле Русской, братья,
былые дни поминая
и первых князей!
Нельзя ведь
Владимира-князя было
к горам пригвоздить высоким
у Киева..
А теперь вот
Рюрика встали знамена
и брата его Давыда, —
но врозь развеваются стяги!
Копья поют!

Слышен голос Ярославнин
на Дунае на далеком —
вот кукушкою безвестной
поутру она кукует...
«Полечу, — заговорила, — я кукушкой
по Дунаю,

омочу рукав бобровый
во реке я во Каяле,
утереть хочу я раны
на могучем теле князя!»

Ярославна рано плачет
во Путивле на забрале,
говоря:
«Ветрило-Ветер!
Господин, зачем ты веешь
русским воинам навстречу?
Половецкие ты стрелы
мчишь зачем на легких крыльях
против Игорева войска?
Разве мало тебе было
высоко под облаками
веять,
корабли лелея
далеко на синем море?
Для чего мое веселье
ты по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет
во Путивле на забрале,
говоря:
«О Днепр Словутич!
Ты и каменные горы
смог пробить,
прошел сквозь землю
Половецкую, лелеял
Святославовы насады
ты до стана Кобякова.
Прилелей же, господине,
моего ко мне ты ладу,
чтоб я слез к нему не слала
поутру на сине море!»

Ярославна рано плачет
во Путивле на забрале:
«Трижды светлое ты Солнце!
Ты для всех тепло и красно.
Так зачем же, господине,

луч горячий ты простерло
над дружиной лады-князя?
И зачем в безводном поле
жаждой луки ей согнуло,
колчаны заткнуло горем?»

Прыснуло море в полуночи,
смерчи идут облаками;
Игорю-князю дорогу
из Половецкого края
кажет бог в Русскую землю,
к дому, к златому престолу.
Вечером зори погасли...
Игорь и спит — и не спит он.
Мыслью поля измеряет —
путь от великого Дона
к малу Донцу...

Коня
          в полночь
свистнул Овлур за рекою —
князю велит разуметь он:
Игорю не оставаться!

Кликнул — земля застучала,
травы вокруг зашумели,
вежи задвигались вражьи, —
князь поскакал горностаем
до тростника
                    и оттуда —
гоголем белым на воду.
Сел на борзого коня он,
спрыгнул с него серым волком;
к лугу Донца побежал он —
и полетел, словно сокол,
гусей-лебедей избивая
в завтрак,
               в обед
                         и на ужин.
Если князь соколом несся,

то и Овлур бежал волком,
капли росы студеной
быстрые кони сбивали —
оба ведь загнаны были...

Донец сказал: «О князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле — веселия!»

«Донец, — князь Игорь ответил, —
немало тебе величия:
лелеял ты князя Игоря
на волнах своих... Зеленую
траву постилал ты Игорю
на берегах серебряных...
Его одевал туманами
под сенью зёлена дерева,
стерег ты Игоря гоголем
на водах,
            на струях — чайками
и на ветрах — чернядями...»

Вот не такова Стугна-река:
несущая воды скудные,
чужие потоки пожравшая,
расширившаяся к устью,
она Ростислава-юношу
к себе затворила... Плачет мать
на темном днепровском береге
по Ростиславу-князю...
Уныли цветы от жалости,
с тоской приклонилось дерево...

Не сороки застрекотали —
то по следу Игоря-князя
едут Гзак с Кончаком в погоню...
Тогда вороны не граяли,
тогда галки приумолкли,
и сороки не стрекотали, —
полозы ползали только.

Дятлы
стуком
к реке дорогу
князю кажут,
веселой песней
соловьи рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
«Если сокол к гнезду летит —
соколенка мы расстреляем
золотыми своими стрелами!»

Отвечает Гзаку Кончак:
«Если сокол к гнезду летит —
мы опутаем соколенка
красной девицей половецкой».

И сказал Гзак Кончаку:
«Коль опутаем его девицей —
ни его не будет, ни девицы,
и начнут избивать нас птицы
в Половецком поле широком!»

Рек Боян
о походах Святославовых —
песнотворец старого времени,
Ярославова, Олегова, княжьего:
«Хоть и тяжко без плеч голове —
худо телу без головы»,
так и Русской земле без Игоря!

Уже солнце светится в небе,
Игорь-князь — среди земли Русской!
Поют девицы на Дунае —
голоса их оттуда вьются
через море до Киев-града.

По Боричеву Игорь едет
к богородице Пирогощей —
села рады, веселы грады.

Песню старым князьям пропевши —
молодым пропеть ее надо:
Слава Игорю Святославичу,
буй-тур Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Будьте здравы, князья с дружиною,
что встают на полки поганые
за христианскую
землю Русскую!
Князьям слава, дружине — слава!
Аминь.

1957—1967

Н. И. Рыленков

14. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
(Стихотворный пересказ)

ЗАЧИН

Не приспело ль ныне время, братья,
Слово на старинный лад начать,
О походе Игоревой рати
Горестную повесть рассказать.

А начать нам подобает смело,
Не скрывая ни рубцов, ни ран,
Так, как правда времени велела,
А не так, как замышлял Боян.

У Бояна Вещего, бывало,
Если петь он начинал о ком,
Мысль, как серый волк в степи, бежала,
Поднималась к облакам орлом.

Говоря: «Былое вспоминаю,
Шум усобиц в думах не затих», —
Выпускал он на лебяжью стаю
Десять верных соколов своих.

Первая настигнутая лебедь
Первой и запеть была должна.
Трубным звуком прославляла в небе
Ярослава Мудрого она.

Славила Мстислава, что не дрогнув
На врага один за всех пошел,
В схватке перед полчищем косогов
Князя их Редедю заколол.

Красного Романа величала,
Щедрого и сердцем, и умом,
И кружилась песня, ликовала,
И светилась даль в краю родном.

Но не десять соколов взлетали,
А Боян персты на струны клал,
И живые струны рокотали
Славу тем, кто не искал похвал.

Так начнем и мы, как можем, братья,
Повесть давних и недавних лет.
Ждет нас Игорь-князь, что в поле ратном
Наступал всегда врагу на след.

Изострил он в думах неустанных
Мысль свою обидой русских сел
И полки на половцев поганых
В бой за землю русскую повел.

1

В небо на померкшее светило
Игорь поглядел из-под руки.
Тьма дневная от него закрыла
Знаменьем смущенные полки.

И сказал он так своей дружине,
Как сказал бы и судьбе самой:
— Не добыв победы на чужбине,
Мы не смеем повернуть домой!

В битве ж, как от прадедов ведется,
Лучше сгинуть, чем попасть в полон...
Сядем же на коней наших борзых
Да посмотрим хоть на синий Дон.

Что гадать о знаменьях, почуя
Жажду меч свой испытать в бою?
Преломить конец копья хочу я
Половецкой степи на краю!

Зачерпнуть донской воды шеломом,
Поглядеться в ясные струи
Или сгинуть в поле незнакомом
Вместе с вами, русичи мои!

...О Боян, о соловей старинный,
Вновь щитов заколыхалась медь,
Вот тебе бы Игорю с дружиной
Славу многозвучную пропеть!

Мысль твоя шумит, подобно древу,
Уходя вершиной в облака,
И внимают твоему напеву
Старые и новые века.

Побродивший по тропе Трояна,
Обе полы времени ты свил,
И, былое славя неустанно,
Игоря бы тоже не забыл.

Ты б спросил, наверно, для начала,
Устремив в просторы вещий взгляд:
«Буря ль в степи соколов загнала,
К Дону ль стаи галочьи спешат?»

А потом бы возвестил герою
Внук Велесов, сединой повит:
«Кони ржут за тихою Сулою,
Слава в стольном Киеве звенит!»

2

Трубы в Нове-городе трубят,
Над Путивлем стяги шелестят.
Игорь ждет: когда придет, что скажет
Буй-тур Всеволод, любимый брат.

Всеволод промолвил, встрече рад:
— Ты мой свет единый, кровный брат.
Так седлай коней. Мои у Курска
В полной справе по пути стоят.

Мои куряне издавна
В сраженьях знамениты, —
Под стягами взлелеяны,
Под трубами повиты.

С конца копья вскормлены,
Из шеломов вспоены,
Луки их напружены,
Колчаны отворены.

Мечи всегда наточены,
Ножны позолочены.
Думы да заботы
К седлам приторочены.

Все пути известны им,
Все яруги ведомы.
Словно волки серые,
Рыщут за победами.

Как на пир веселый,
Рвутся в бой кровавый,
Себе чести ищут,
Князю ищут славы.

3

Вступает Игорь-князь в златое стремя
И скачет в поле — отдыхать не время.
А солнце тьмой дорогу заградило,
А ночь грозой всех тварей разбудила.
Во мгле ненастной слышен вой звериный,
Под шум древесный кличет див с вершины.
Вещает он своей тревожной молвью
И Сурожу, и Волге, и Поморью,
И Корсуню, который виды видел,
Да и тебе, Тмутороканский идол!

Уж половцы на Дон в скопленье многом
Бегут по непроторенным дорогам.
Телеги их кричат не умолкая,
Как лебедей распуганная стая.
Князь Игорь к Дону синему стремится,
А перед ним во тьме ширяют птицы.
Орлы друг друга клекотом скликают,
На медные щиты лисицы лают.
Выходят волки с жадными глазами...
О русская земля, ты за холмами!

Ночь уходит нехотя
По глухим полянам.
Утро занимается
Над седым туманом.

Не понять в тумане том,
Где холмы, где балки.
Соловьи примолкнули,
Расшумелись галки.

Встречи ожидаючи
С клятыми врагами,
Степь разгородили всю
Русичи щитами.

Все готовы русичи
К битве нелукавой.
Себе чести ищут,
Князю ищут славы.

4

В пятницу, нагрянув спозаранок,
Истоптали русичи врага,
Захватили юных половчанок,
Золото, шелка и жемчуга.

Словно стрелы, мчались в клубах пыли.
Вырываясь на простор степной,
В топине болот мосты мостили
Половецкой рухлядью цветной.

Не привержен к золоту и шелку,
Чтоб всегда глядеть в глаза судьбе,
Только ханский стяг да жезл и челку
Храбрый Святославич взял себе!

. . .Притомилось Игорево войско,
Спит гнездо Олегово в степи.
Далеко родной зари полоска,
А в чужой ночи вполглаза спи.

Но тому, кто помнит предков сечи,
Честь отцов хранит, как верный сын,
Не страшны ни сокол и ни кречет,
А не то что ворон-половчин.

До зари притихли буераки,
Затаился в ковылях степняк. . .
Серым волком рыщет Гзак во мраке,
Кажет к Дону путь ему Кончак.

5

Зарей кровавой возвещен рассвет,
Идущим с моря тучам счету нет.
Спешат прикрыть те тучи мглой своей
Четыре солнца — четырех князей.

Уж молнии во всю сверкают прыть,
Великому тут грому нынче быть.
Тут с Дона, что тревожно присмирел,
Весь день идти дождю каленых стрел.

Настало время копья преломить,
Отточенные сабли иступить
Пред синим Доном у Каяль-реки,
Где напустили мраку степняки. . .

Гроза дохнула, травы шевеля. . .
Ты за холмами, русская земля!

6

Ветры, внуки Стрибожьи,
Вражьи стрелы несут,
Вьется прах раздорожий,
Реки мутно текут.

Степь оглохла от звона,
Крылья стягов шумят.
Сразу с моря и с Дона
Половчане спешат.

Русский стан окружили
От черты до черты,
Только путь им закрыли
Боевые щиты.

Воют бесовы дети,
Чуют смерть над собой.
Молча русские встретить
Приготовились бой.

...Буй-тур Всеволод! Смело
Ты средь поля стоишь,
Мечешь меткие стрелы,
Вражью силу разишь.

Кто тебя не заметит?
Вот помчал напролом.
Солнцем родины светит
Золотой твой шелом.

Смерть поганым приносит
Харалужный твой меч,
Словно травы, их косит,
Рубит головы с плеч.

Ради ратного братства
В эту степь ты пришел,
Позабыл и богатство,
И черниговский стол,

И красы легкокрылой,
Зажигающей кровь,
Своей Глебовны милой
И привет, и любовь.

7

Миновали времена Трояна,
Годы Ярослава далеки.
Где Олег, который неустанно
Снаряжал в поход свои полки?

Взявший меч междоусобной брани,
Не зерно, а стрелы сеял он.
В злат стремень вступал в Тмуторокани
Так, что в Киеве был слышен звон.

Слава про него прошла такая,
Что не знать бы стороне родной.
И бледнел Владимир, замыкая
Уши за черниговской стеной.

А Борис, сын Вячеслава юный,
Что его обидел, возгордясь,
Отдал душу, головой бездумной
На постель зеленую склонясь.

Святополк увез с Каялы в Киев
Мертвого отца, таясь во мгле,
Чтоб, как подобает, у Софии
Прах его предать родной земле.

Был Олег за все свои крамолы
Назван Гориславичем тогда.
Вслед за ним по городам и селам
Проходили горе и беда.

Смуты жизнь людскую сокращали,
Внук Даждьбога покидал жилье.
Приумолкли пахари в печали,
Черное взыграло воронье.

Галки человечину делили,
Собираясь в поле на обед.
Многие бои в ту пору были,
Но не знал таких, как нынче, свет!

8

День целый с утра до заката
И вновь до рассвета в ночи
Свистят оперенные стрелы,
Гремят о шеломы мечи.

Трещат харалужные копья,
Копытами взрыта земля.
Засеяны густо костями
И политы кровью поля.

Сиротской и вдовьей печалью,
Тоской на околицах сел
По всей по Руси по великой
Посев этот горький взошел.

9

Что мне шумит, что мне звенит
В тумане пред зарей далече —
То Игорь-князь в степи спешит
Поворотить полки для сечи.

Покинуть Всеволода жаль,
Что изнемог в неравной схватке.
Уж сабель выщербилась сталь,
Смешались люди в беспорядке.

Рубились день, рубились два,
Кровавой не жалели браги,
На третий — смеркла синева,
Склонились Игоревы стяги.

Расстались братья, кончив пир
В глуши над быстрою Каялой.
Тут каждый без оглядки пил,
Да только браги недостало.

Вдали от сел родных и нив,
Не одолев своей кручины,
Поникли, сватов напоив,
Бесстрашных русичей дружины.

В великой жалости трава
Склонилась до земли над ними,
Их принакрыли дерева
Ветвями легкими своими.

10

Невеселая, братья, година тогда наступила,
Силу внука Даждьбога пустынная степь поглотила.

Встала Дева-обида у древнего края Трояна,
Лебединые крылья над морем подняв из тумана.

Плеском крыльев она времена золотые прогнала,
Уж князья на врагов сообща не идут, как бывало.

Стали спорить они, кто постарше, а кто помоложе,
Брату брат говорил: «То мое, да и это мое же».

То, что малым считалось — великим теперь называли,
На себя же самих, друг на друга крамолу ковали.

А враги приходили, где не было их и помину...
О, далече, князь Игорь, завел ты на гибель дружину.

Не воскреснет она, соколиным разбужена взглядом.
Бродят Карна и Жля по Руси с поминальным обрядом.

Плачут русские жены, унять свое горе не в силах:
— Уж ни мыслью помыслить, ни думою вздумать нам милых,

Не глядеться в их очи под сладостный говор дубравный,
А уж златом и серебром не позвенеть и подавно...

Стонет горестно Киев, Чернигов с ним делит несчастье.
Разлились по Руси, словно полые реки, напасти.

А князья на себя, друг на друга крамолу ковали,
А поганые шли, данью поле и лес облагали.

11

Так два Святославича, два брата,
Захмелевших на пиру кровавом,
Разбудили степняков проклятых,
Усмиренных старым Святославом.

Князь — отец их — мудр был и в отваге
Приводил на степь полки без счета,
Притоптал пригорки и овраги,
Иссушил потоки и болота.

А Кобяка-хана, что на гóре
Всей Руси повсюду рыскал зверем,
Подхватил, как вихорь, в лукоморье
И забросил в Киев, в княжий терем.

Потому-то греки и морава,
Да и все иные чужестранцы
Восхваляют князя Святослава,
А над сыном рады посмеяться.

Игорь русским золотом усыпал
Дно Каялы, войска не жалея,
Сам же из седла княжого выпал,
Пересел рабом в седло кащея!

С той поры не слышно песен в селах
И не видно городов веселых.

12

Снился Святославу смутный сон
В стольном граде в тереме высоком,
И, собрав бояр, поведал он,
Что узрел во мраке вещим оком.

Говорил, ночную тень гоня,
Голосом тревожным и усталым:
— На кровати тисовой меня
Одевали черным покрывалом.

Дали синего вина хлебнуть,
Смешанного с горькою отравой.
Крупный жемчуг сыпал мне на грудь
Из колчана половчин лукавый.

Льнула к сердцу моему тоска,
Приготовиться веля к потерям,
Я взглянул и вижу: нет князька,
Что венчал мой златоверхий терем.

Я не мог тревоги превозмочь,
Что стояла у моей постели,
И кричали вороны всю ночь,
К синю морю надо мной летели.

И бояре отвечали: — Князь,
Изнемог ты, о Руси печалясь,
С отчего престола, не спросясь,
В степь два сокола твоих умчались.

Захотели спесь с поганых сбить
Да ни с кем удачей не делиться,
Град Тмуторокань себе добыть
Иль хотя б донской воды напиться.

Только удаль кровью изошла,
Степь со всех сторон на них полезла,
Подрубили соколам крыла,
А самих опутали в железа.

Так два солнца в день злосчастный тот,
Два столба сияющих погасли,
Так в пучину помутневших вод
Канули два месяца, два ясных.

Пала честь, бесчестье разбудив,
И неправда верх взяла над правдой,
И на Русь во мраке прянул див,
Черный вестник из орды проклятой.

Вновь узнала Русь, похолодев,
Топот половецкого набега,
И запели хоры готских дев,
Заплясали у морского брега.

Славят время Бусово они,
Золотом позванивая русским,
А для нас текут в печали дни,
А для нас и небо стало тусклым.

13

И тогда, над сном своим восстав,
Оглянувшись на былое снова,
Изронил златое Святослав,
На слезах замешенное слово.

Так сказал он: «О, мои сыны,
Игорь-князь, буй Всеволод! Как рано,
Жаждой ратной славы смущены,
Вы в поход отправились на хана.

В бой вступили вы в недобрый час,
Кровь врагов не к чести проливали,
Хоть сердца отважные у вас
Скованы из самой лучшей стали.

В правом деле были не правы,
Я себя утешить не умею.
Что же, что же сотворили вы
С сединой серебряной моею?

Ярослав Черниговский, мой брат,
Видно, уж не властен над князьями,
А ведь он-то силами богат,
Ратями, что в бой стремятся сами.

Татраны и Шельбиры его,
Ольберы, ревуги и топчаки
Без щитов справляли торжество, —
Засапожный нож служил им в драке.

Перед ними шла во всех боях
Слава многозвучная их дедов,
И бежал от грозных кликов враг,
В первой схватке ярость их изведав.

Вы ж решили, покидая дом,
Позабыв, что Русь всего дороже:
«Славу прошлых дней себе возьмем,
Славу будущих поделим тоже».

Диво ль старцу сбросить с плеч года?
Сокол тот, что в линьке побывает,
Не позволит разорить гнезда,
Хищных птиц он высоко взбивает.

Но беда — забыл о брате брат,
И пойти на ворога мне не с кем.
Русичи у Римова кричат,
Преданные саблям половецким.

Зашумел на пажитях бурьян,
Разрастаясь буйно вместо хлеба,
А Владимир изошел от ран, —
Горе сыну доблестному Глеба!

14

Великий княже Всеволод! Неужто
И мыслью не помыслишь ты о том,
Что братская любовь твоя и дружба
Могла бы Киев заслонить щитом.

Ведь если б ты привел подмогу кстати,
Несдобровать бы лютому врагу.
Шли б девки-половчанки по ногате,
А пленники по резани в торгу.

Ты веслами разбрызгать можешь Волгу,
Ты вылить Дон шеломами готов,
И, словно копья, мечешь верных долгу
Своих подручных — Глебовых сынов.

А вы, буй Рюрик и Давид, забыли,
Как вы мужали в схватках боевых,
Где ваши воины сплеча рубили
И плавали в крови шеломы их?

Те воины, что турами рычали
Под саблями врага в чужом краю.
Припомните ж всё это в дни печали,
Не посрамите молодость свою.

Вступите в злат стремень и удалую
Дружину кличьте, как на торжество,
За нашу землю русскую родную,
За все обиды времени сего.

15

Князь Ярослав, ты назван Осмомыслом,
Тебя всегда мы верным братом числим.
Далече виден Галич твой богатый.
Железной ратью ты подпер Карпаты.
Нет королю в твои пределы входа,
Твой ключ закрыл дунайские ворота,
За облака твои взметнулись башни,
Ты гонишь грозы на луга и пашни
И, Киеву ворота открывая,
Вершишь свой суд на берегах Дуная.
С отцовского престола мечешь стрелы
В заморские султановы пределы.
Стреляй же, княже, в половцев поганых
За землю русскую, за Игоревы раны.

16

А ты, Роман, и ты, Мстислав?
Всегда вас подвиги манили.
Превыше зелени дубрав
Свои раскинули вы крылья.

На всех ветрах паря в пути,
Родной вскормленные долиной,
Вы птиц стремились превзойти
Своей отвагой соколиной.

Есть молодцы у вас для битв
В шеломах кованых латинских.
Под их стопой земля дрожит
В пределах близких и не близких.

Литва, Ятвага с Хиновой
Не раз сдавались вам на милость,
И половчане головой
Под ваши сабли преклонились.

Но свет князь-Игоря погас
У половецкого кочевья,
В печальный час, в бедовый час
Листву осыпали деревья.

У Роси, у Сулы-реки
Лицо зари слеза туманит.
Добычу делят степняки,
А войско Игоря не встанет.

Зовет вас честь, князья, туда,
Где синий Дон грустит в тумане.
Птенцы Олегова гнезда
Легли одни на поле брани.

17

О храбрые Мстиславичи мои,
Ингварь и Всеволод, — вас, шестикрыльцев, трое.
Всегда вели вы честные бои,
А не хитрили, братьям козни строя.

Свое по правде каждый получил,
Никто ничем вас попрекнуть не может.
Чего ж вы ждете? Иль не стало сил,
Иль общая печаль вас не тревожит?

Возьмите копья ляшские скорей,
Колчаны ваши и щиты багряны
И отомстите воронью степей
За землю русскую, за Игоревы раны.

18

Уж к древним Переяславльским воротам
Не серебро, а муть несет Сула.
Уж и Двина по топям и болотам
Под вражий гомон к Полоцку пошла.

Давно врагу не грозны полочане,
Не соберут для новой рати сил.
В последний раз князь Изяслав мечами,
Рубясь с Литвой, в шеломы позвонил.

То славу деда своего Всеслава
Он приласкал в том поле наяву,
А сам, умывшись пеною кровавой,
Свалился на пожухшую траву.

Приласканный литовскими мечами,
Навек с землей любимой обручась,
Сказал, печально поводя очами:
«Не вся ль с тобой твоя дружина, князь..,

Ее уж птицы крыльями накрыли,
На ранах звери вылизали кровь..»
А братья долг свой воинский забыли,
И умер князь один среди врагов.

В тиши сквозь золотое ожерелье
Ушла его жемчужная душа.
Умолкли песни, струны отзвенели,
Лишь трубы воют, вопль тоски глуша.

Вы, внуки Ярослава и Всеслава,
Склоните стяги гордые свои.
Не по плечу вам дедовская слава,
Не по плечу бывалые бои.

Не сами ль вы, растратив в распрях силы,
Полки поганых в отчий край ввели,
И терпит Русь обиды и насилья
От половецкой воровской земли.

19

Был седьмой Троянов век, и был
Князь Всеслав, что хитрость сделал силой,
В яром сердце унимая пыл,
Загадал он о девице милой.

Сам коню заправил удила
И помчался в Киев златоглавый,
Но коснулся княжьего стола
Только кончиком копья, лукавый.

В ночь бежал из Белгорода вон,
Словно зверь, почуявший тенета,
А к утру своей секирой он
Новгородские открыл ворота.

Славу Ярославову расшиб,
Ко всему, что пахнет смутой, чуток,
Волком сквозь дремучий вой и шип
Прянул на Немигу из Дудуток.

На реке Немиге молотьба,
А цепы из харалужной стали.
На току широком не хлеба —
Человечьи головы лежали.

Веяли не зерна на посев,
А от тела душу отделяли.
Шла река, от крови покраснев,
По полям, где кости прорастали.

Днем Всеслав суды свои вершил,
Для князей урядчиком был строгим,
А в ночи, исполнен дивных сил,
Рыскал по неведомым дорогам.

Солнцу путь не раз пересекал,
Серым волком обратясь в тумане,
Вечерком он Киев покидал,
Чтоб встречать рассвет в Тмуторокани.

В Полоцке звонили на заре
Для него заутреню в Софии,
А уж он на Киевской горе
Слышал переливы золотые.

Только хитрость князя не спасла,
Удальство не помогло Всеславу,
Знал он в жизни беды без числа,
Пил он вместо радости отраву.

Про него сказал Боян тогда,
Знавший правду и в большом, и в малом:
— Час пробьет, от божьего суда
Не уйти ни хитрым, ни удалым.

...Стонет Русь у всех своих дорог,
Вспоминая то, что сердцу свято.
Старого Владимира не мог
Пригвоздить никто к его палатам.

Он всегда, как исстари велось,
Был со всеми вместе в поле ратном,
А теперь полощат стяги врозь,
Копья тоже врозь летят, о братья!

20

На заре, на зорьке рано-рано,
Со своей тоской наедине,
Плачет, причитает Ярославна
На Путивльской городской стене:

— Я взовьюсь кукушкой бесприютной,
На Дунай далекий полечу,
Где-нибудь в Каяль-реке попутной
Свой рукав бобровый омочу.

Наяву ль, во сне ли в час туманный,
В той ковыль-траве, в степном дыму,
Оботру запекшиеся раны
Милу другу, князю моему...

Так за всех, кто из чужого края
Милых ждет, вздыхая в тишине,
Плачет Ярославна, причитая
На Путивльской городской стене.

— Ветер, ветер, почему, могучий,
Ты забыл старинное родство,
Вражьих стрел зачем ты мечешь тучи
На дружину князя моего!

Мало, что ль, за облаками мчаться,
Гнать по синю морю корабли.
Для чего ж мое ты отнял счастье,
Разметал в глухой степной дали?

Так, горючих слез не утирая,
В ранней рани далеко слышна,
Плачет Ярославна горевая,
Причитает на стене одна.

— Солнце, дважды светлое и трижды,
Тает мгла перед тобой, как дым,
Всем тепло отрадное даришь ты,
Что же с милым сделало моим?

Ты жарой полки его спалило,
Половецкой рати помогло,
Луки храбрых русичей скрутило,
Заперло колчаны, как назло.

Так, вплетая голос в шум дубравный,
В камышиный шелест над рекой,
Плачет, причитает Ярославна
На стене Путивльской городской.

— Днепр Словутич! Горных кряжей камень
Ты пробил и в степи путь открыл,
Святослава с верными полками
На полки Кобяковы носил.

Так неужто ты, родной, допустишь,
Чтоб текли мои в печали дни.
Успокой мне сердце, Днепр Словутич,
Сохрани мне друга и верни...

21

Столб над морем завился
И пошел без дорог.
Как уйти из полона,
Указует сам бог.

Меркнут зори степные,
Мрак травой шелестит.
Игорь думает думу,
Игорь спит и не спит.

В мыслях снова и снова
Мерит путь беглеца,
Путь от синего Дона
До родного Донца.

Вот уже за рекою
Свистнул Овлур в тиши,
Значит, кони готовы,
Значит, время — спеши.

Русский князь не загинет
В половецком плену...
И рванулися кони,
Унеслись в тишину.

Докатился до стражи
Частый дробот копыт.
На стану половецком
Всё шумит и гремит.

Князь, услышав погоню,
Горностаем скакнул,
Белым гоголем с лету
В темный омут нырнул.

Вновь, ни праха, ни пота
Не стирая с лица,
Мчится скоком и летом
К луговинам Донца.

Вьется соколом в небе
Всё быстрей и быстрей,
На обед добывает
Лебедей и гусей.

Вьется соколом Игорь,
Овлур волком бежит.
Пали борзые кони,
Медлить степь не велит.

22

По берегам Донца звенит камыш:
«Ты все сердца, о князь, возвеселишь.
Сломает Русь молчания печать,
Тебя в распевах станет величать.
А хан Кобяк, что завистью набряк,
С тоски-досады скроется во мрак..»
Князь Игорь отвечает: «О, Донец,
Не ты ли жажду утолил сердец!
Ты князя нес на ласковой волне,
Усталого лелеял в тишине.
Стелил ему постель из трав густых
На берегах серебряных своих,
В ночи туманом теплым одевал,
В тени от снов тревожных укрывал.
Ты чайкой на воде его стерег,
Пролетной уткой вести слал с дорог.
А вот река Стугна не такова.
Она чужими водами жива,
Кичливо в самом устье разлилась
И тешится любой добычей всласть.
Спроси: зачем в избытке юных сил
Князь Ростислав загублен ею был?..
По нем в тиши и дни и вечера
Тоскует мать на берегу Днепра,
И клонятся, печалью налиты,
К сырой земле и травы, и цветы».

23

То не сороки растрещались
На всю ковыльную сторонку,
Нет, то Кончак и Гзак помчались
За князем Игорем вдогонку.

Сорок уже не слышно боле,
Замолкли галки и вороны,
А соловьи поют на воле,
Зовут рассвет в росе ядреной.

И Гзак сказал Кончаку: «Если
Порвалась цепь — ищи, где тонко.
Умчался сокол в поднебесье —
Пронзим стрелами соколенка».

Кончак ответил Гзаку: «Если
К гнезду родному сокол мчится,
Не лучше ль соколенка с песней
Опутать красною девицей».

А Гзак опять: «Тогда не станет
Ни соколенка, ни девицы.
Того и жди, что в нашем стане
Начнут нас бить чужие птицы».

24

Сказал Боян, свидетель многих сеч,
Умевший правды вéщей не бояться:
«Жить невозможно голове без плеч,
Беда плечам без головы остаться».

Без Игоря вздыхала тяжело,
В тревожной мгле томилась Русь бессонно,
Но снова солнце на небе взошло:
Князь Игорь возвратился из полона.

По селам вьется хороводов вязь,
Девичьим песням подпевают рощи.
Боричевым подъемом едет князь,
Спешит он помолиться Пирогощей.

Тут, честь князьям по старшинству воздав,
О молодых пускай рокочут струны.
Будь здрав, князь Игорь, Всеволод, будь здрав,
И ты, Владимир Игоревич юный.

Живите и не ведайте обид,
Друг другу помогайте нелукаво.
Всем, кто за землю русскую стоит,
Князьям и верной их дружине — Слава!

1962—1966

Александр Степанов

15. СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВА, ВНУКА ОЛЕГА

Негоже было бы, братья,
начать нам по-прежнему словами славы
скорбное повествование
о походе Игоревом,
Игоря Святославича! —
то ведь начаться песне
былью нашего времени,
а не по воле Бояна.
Вещий Боян, бывало,
захочет ли кому песнь творить,
по мысленному древу раскинется:
серым волком по земле,
сизым орлом под облаком, —
вспоминал-то он, сказывая,
битвы давних времен!

Напускал тогда он десять со́колов
на стаю лебеде́й, —
какую лебедь настигнет сокол,
та первой и пела песнь:
Ярославу Старому
или Мстиславу Храброму,
кем заколот Редедя

пред войском черкесским,
или Роману Красному, Святославичу...

А Боян, братья,
то не десять соколов напускал
на лебедей стаю —
он свои пальцы кудесника вскладывал
на живые струны,
и те сами славу князьям
рокотали...

Начнем, братья, доскажем
повествование это
от Владимира Старого
до нынешнего Игоря:
как он мысль свою
крепостью своею напряг,
сердце мужеством
завострил
и, ратного духа полный,
навел
свои храбрые полки
на Половецкую землю —
за Русскую землю!

В ту пору Игорь
взглянул на светлое солнце
и видит:
тьмой от него
покрыло воинов его всех.
И сказал Игорь дружине своей:
«Братья и дружина!
Лучше иссéченным быть,
нежели плененным быть.
А сядем, братья,
на своих быстрых коней
да и посмотрим
синий Дон!..»

Вспало на душу князю желание
Дон великий испытать,
и ему недоброе знамение

оно застлало.
«Так хочу же, — сказал, —
преломить копье
на том ли крае Поля половецкого!
С вами, сыны русские,
сложить голову,
а либо испить шеломом
Дону! ..»

О Боян,
соловей времени былого,
ты бы защелкал-запел
этим полкам!
Раскинувшись, соловей, по мысленному древу —
летая думой под облаком,
свивая славу вокруг сего времени,
рыская тропой былых троянов
через степи и в горы, —
так бы запел ты Игорю,
троянов внуку:
«То не буря
соколо́в занесла за поля широкие,
то не галочьи стаи несутся
к Дону великому...»

А не запеть ли, вещий Боян,
Велеса внук:
«Кони ржут за Сулою —
звенит слава в Киеве...
Трубы трубят в Новограде,
стоят полки в Путивле!
Брата милого, Всеволода,
ждет Игорь...»

Так ведь сказал ему
Ярый тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый —
ты, Игорь,
Святославичи мы!
Брат, седлай своих быстрых коней,
а мои — наготове,
впереди, за Курском, оседланы.

А куряне у меня —
люди испытанные.
Под трубы дружины спеленуты,
под шеломами баюканы,
концом копья вскормлены...
Дороги им ведомы,
яры — изведаны!

Луки у них расправлены, колчаны открыты,
сабли изострены.

А скачут — что серые волки полем,
чести ища себе,
князю — славы...»

Той порой Игорь-князь
ступил в стремя золотое
и поехал чистою степью.
Солнце
путь ему тьмой заступало,
ночь —
стоная грозой.

Птичий свист пробудился,
зверье встает.
Взвился див на стяге,
кличет на верху древка:
покориться
велит земле незнаемой,
и Волге, и Поморью, и Посулью,
и Сурожу, и Корсуню,
а и тебе,
каган Тмутороканский!

Но половцы
неезжеными дорогами
бежали уже на великий Дон.
Телеги средь ночи —
кричат,
сказать, лебеди всполошённые...

А Игорь воинов к Дону ведет!
Птица пред ним

по дубам
от беды хоронится,
волки тревогу навывают по ярам,
орлы клекотом
на конские кости зверье накликают,
лисы лают
на щиты красные...

О Русская земля,
уже за холмом ты!

Долго ночь меркнет;
заря свет заронила;
по степи туман стелется;
щекот соловьев уснул;
галочий говор проснулся...
Степь великую
русские,
пе̇реходя,
красными щитами перегородили,
чести ища себе,
князю — славы.
С зарей, в пятницу рано,
смяли они половцев поганые полки
и, разметавшись стрелами по степи,
умчали
красных девушек-половчанок,
а с ними
и золото, и шелка, и бесценные бархаты.
Шубами, бурками, коврами
гати мостили
по болотам и грязям,
а и всяким ряженьем половецким...
Алое древко и хоругвь белая,
алая челка и копье серебряное —
смелому Святославичу!

Дремлет в степи
Олегово гнездо храброе.
Залетело — далёко.
Не на обиду рождено
ни соколу и ни кречету,

и ни тебе, ворон черный,
поганый половчанин...

Гзак серым волком бежит,
Кончак ему следом своим
путь пролагает
к великому Дону...

На другой день
с самой рани
кровавые зори возвещают рассвет.
Черные тучи идут с моря,
Четыре Солнца покрыть хотят,
и синие молнии в них трепещут.
Быть грому великому,
стрелами
дождю идти с Дона!
Ломаться здесь копьям,
биться здесь саблям о шеломы половцев,
как на той ли реке Каяле,
у великого Дона...

О Русская земля,
уже за холмом — не ты!

То ветры, Стрибоговы внуки,
с моря стрелами веют
на храбрые Игоревы полки.
Земля гудит;
реки замутясь текут;
поле пылью прикрыло.
Стяги дозорных повещают:
— Половцы идут
и от Дона и от моря!

И обступили они со всех сторон
русские полки.

Бесово племя
кликом степь перегородило,
а уже русские, храбрые,

загородили ее
красными щитами.

Ярый тур Всеволод,
бой принимаешь — ты!
Осыпаешь воинов стрелами
и гремишь по шеломам мечами
блистающими...
Где, тур, ни проскачешь,
посвечивая шеломом своим золотым,
там лежат
головы нехристей половецкие.
Расколоты калеными саблями
шеломы аварские,
Ярый тур Всеволод,
тобою!

Чтó ему раны, братья милые!
Всё забыто:
где честь — где жизнь,
и Чернигова-города отчий престол золотой,
и желанная, краса его Глебовна,
с ее ласкою-обхождением...

Были века трояновы,
миновали Ярославовы лета...
И были пóходы Олеговы,
Олега Святославича.
А тот Олег
ковал мечом своим — разлад,
и стрелы по земле сеял.

Он в Тмуторокане-городе
ступает в стремя золотое
(не тому ли звону внимал и встарь
великий Ярослав!), —
а Владимир, сын Всеволода,
в Чернигове
что ни утро зажимает уши...
Бориса же Вячеславича
завела слава на суд божий,
по зеленому берегу Кáнина

покров постлала,
за Олегову печаль — ему, молодому,
смелому князю...

С той ли Каялы́
Святополк вез отца своего,
покоя меж иноходцев венгерских,
ко святой Софии, к Киеву...
Тогда, при Олеге-Гориславе,
усобицей сеялось всё и взрастало!
Гибло племя Дажьбогова внука,
в усобицах княжьих
скоротались дни человека.
Редко тогда по Русской земле
пахари покрикивали,
но часто в ту пору во́роны кричали,
поделяя друг с другом трупы,
да галки говором своим гомонили:
хотят лететь на поживу...

То было в те́ войны,
в те походы;
а о такой битве и не слыхивали!
С зари и до вечера,
с вечера и до́ света
летят каленые стрелы,
гремят по шеломам сабли,
трещат копья блистающие
в поле неведомом,
средь земли Половецкой.
Земля — уже черна под копытами,
костьми засеяна
и полита кровью.
И взошли они
горем
по Русской земле...

Что́ мне шумит, что́ звенит?
Этим утром, перед ранними зорями,
Игорь полк свой переводит вперед!
Брата жаль ему милого, Всеволода...
Тот день бились. И другой день бились.

К полудню третьего дня
Игоревы стяги пали.
Тут и разлучились братья,
на береге той ли Каялы быстрой...
Недостало тут вина кровавого,
тут покончили пир дружины храбрые Ру́си.
Сватов — напоили,
а сами
за Русскую землю
полегли.

Трава в жалости никнет,
дерево печалью клонит
к земле.

То ведь, братья,
недобрые времена настали:
какую силу пустыня прикрыла,
какая встала обида средь сил...

Дажьбогова внучка
вступила девою на землю троянову!
Лебедиными крыльями всплескала
на синем море, у Дона;
плеская:
если бы пробудить ей добрые времена!..

Ополчению князей на степняков
кончаться! —
когда и брат брату сказал:
«Это — мое, а и то — мое».
И пустились князья
пустое нарекать меж собой: «Вот достойное!» —
и сами беду себе ковать.
А степняки
со всех сторон нарыскивали с победами
на Русскую землю...

О, далече сокол занесся, птиц побивая, —
к морю!
А храбрых Игоревых полков
не воскресить...
К ним — крик вопленицы!

И горевестница метнулась по Русской земле,
людям раскидывая
пепел в пламенном роге...

Восплакались в голос
русские женщины!
«Уже нам своих милых лад
ни мечтою не примечтать,
ни думою сдумать,
ни очами оглянуть,
и уж не злата-сéребра
для них наскресть...»

Застонал, о братья, Киев в скорби
и Чернигов в недоле своей,
тоска разливом пошла по земле Русской,
печаль тяжелая потекла
в глубь Русской земли.
Князья сами
ковали себе беду,
а степняки,
с победами на Русскую землю нарыскивая,
сами дань изымали:
по серебряной беле от двора!

Двое ли этих смелых Святославичей,
Игорь и Всеволод,
пробудили кознь
и вражду?
Ее было утишил отец их грозный,
Святослав Киевский великий:
грозой ударил —
сильными своими полками,
в блеске мечей.
Вступил в Половецкие земли,
утоптал, сравнял холмы с оврагами,
взмутил озера и реки,
иссушил родники и топи...
А Кобяка поганого
из становых полков латников половецких
у залива морского
выхватил вихрем!

Упал Кобяк в стенах Киева,
на судном дворе Святослава...
То и немцы и венецианцы,
то и морава и греки
славословят Святослава,
а Игоря-князя жалеют:
какую силу он погрузил
на дно Каялы!
Реки половецкие русским золотом
засы́пали...

Тут сошел Игорь-князь
с седла золотого,
сел в кочевничье.
Уныло стоят стены гра́дские,
и сникло веселие...

А Святослав в Киеве, на горах,
тревожный сон видел.
«Этой ночью, — поведал, — обряжали меня
с вечера
на кровати кедровой
в покров черный,
и уже черпали для тела моего синее вино,
травами замешенное.
На грудь мне крупный жемчуг
сыпали
колчанами тощими нелюбых мне
перебежчиков...
И отпевают меня:
уже доски врозь — без конька —
на тереме моем златоверхом...
И всю-то ночь, с вечера,
кричали
вороны зловещие,
на Плеске у дебри Кияни были,
на всполье,
и понесло их к Синему морю...»

Бояре говорят князю:
«Это душу, княже, твою
похитила горесть!

То ведь два сокола отлетели
от золотого отчего престола
добыть града Тмутороканя,
а либо испить шеломом Дону...
Да крыльица соколáм
саблями поганых подрéзали,
а самих
путами окрутили железными.
Темно и стало в тот день, в середу:
два солнца померкли,
обоих столпы багряные погасли,
а с ними и молодые месяцы.
Олег и Святослав
тьмою заволоклись
и за морем закатились!
На реке ли Каяле тьмою
свет сокрыло...

И дерзости превеликой
не то ли придало гунну!
По Русской земле пораскинулись половцы
гнездом рысьим...
И занеслася хула
над славой,
и громит насилие
волю вольную,
и повергся див со стяга
на землю...

Да теперь и красные девушки готские
запели на береге того синего моря,
звеня остáльным золотом русским;
поют: время вещее — переменчиво!
Лелеют месть Шарухану...
А ведь и мы, дружина,
жаждем веселия!..»

Тогда великий Святослав
слово золотое проронил,
со слезами слитое.
Сказал:

«О дети вы мои,
Игорь и Всеволод!
Рано собралися
землй Половецкой слёзы исторгать
мечами,
поискать свою славу.
Но не чести восхйтили,
не с честью и поганую кровь пролили...
Вас обоих сердца храбрые
кованы в жаре железном,
в ветре буйном закалены,
а вот чем одарили вы
серебряные седины мои!

Но и не вижу тут воли
сильного и богатого многою ратью
брата моего, Ярослава,
с его черниговскими боярами
и людьми могучими,
да и с топчаками, альбир-сальбирами,
и с татранами, и реугами —
выезжими людьми нашими.
Те было без щитов,
при ножах засапожных,
кликом побеждают полки,
перезваниваясь с прадедами славой...
Но вы сказали:
«Мужаться — самим!
Славу пред нами — возьмем,
то и прежней сами поделимся...»
А диво ли было бы
брату старому помолодеть?
Сокол, когда перелиняет,
взбивает высоко птицу...
Он не даст гнезда своего
в обиду...
То-то и зло,
мне князья не пособят:
в ничто время давешнее обратилось...
О, это под Римовом кричат,
под половецкими саблями,
раны наносят

Володимеру...
Тяжко, скорбно тебе, сын,
Глебович...»

СЛОВО ПЕСНОТВОРЦА К ВОЕНАЧАЛЬНИКАМ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

— Ты, князь великий, Всеволод!
И не запала дума
перелететь тебе издалеча,
отчий престол золотой
поберечь!

А можешь ты
раскропить Волгу веслами,
вычерпать Дон шеломами...
Будь ты —
по деньге́ полонянке быть,
по полденьги́ — пленнику.

А и можешь ты по сухой степи
живой огонь метать
самострелами
удалых сынов Глебовых...

— Ты, ярый Рюрик, и ты, Давид!
Не у вас ли
золоченые шеломы вражьи
по крови плавали!
Не у вас ли храбра дружина!
Словно рыкают туры,
раненные саблями калеными
в дикой степи...
Вступите, государи,
в стремена золотые, —
за обиду сей поры,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
ярого Святославича!

— Галицкий Ярослав, Осмомысл!
Высоко сидишь
на своем златокованом престоле.

Подпер горы Венгерские
железными своими полками,
заступив пути королю,
затворив Дунаю ворота...

Перебрасывая своих воинов сильных
через горные облака,
суд вершишь до самого Дуная.
Грозы твои растеклись по землям,
и отворяешь ворота Киеву...
Стреляешь ты
с золотого отчего престола
в салтанов за далекими землями.
А стреляй же, государь,
Кончака, степняка-раба! —
За землю Русскую,
за раны Игоревы,
ярого Святославича...

— И ты, ярый Роман, с Мстиславом!
Души смелые
направляют ум ваш на дело!
Высоко всплываешь
на подвиг —
так сокол держится на ветрах,
желая птицу, в отваге, с высоты ударить...

А люди не у вас ли — железные,
под шеломами латинян,
от которых земля потряслась!
И многие племена, подобные гунну, —
литвины, ятвяги,
пруссы и половцы —
опустили копья свои
и головы приклонили
под те их мечи блистающие...

А ведь Игорю, князь,
свет солнца померк!
И не добром
обронило дерево листву —

города по Роси и по Суле
отторгли...
Не воскресить
храбрых полков Игоревых.

Князь, тебя Дон кличет,
сзывает он князей на победу.
А Ольговичи, князья храбрые,
те поспели уже на бой...

— Ингварь и Всеволод!
И вы, все трое Мстиславичей,
не простого гнезда шестикрылые!
Не победами ли
уделы
под свою власть оттягали!
Что́ же ваши золотые шеломы,
и копья польские, и щиты!
Загоро́дите ворота степи
острыми стрелами своими!
За землю Русскую,
за раны Игоревы,
ярого Святославича.
Ведь уже не течет Сула струями серебряными
для Переяславля-града,
и Двина болотом течет
для тех ли грозных полочан,
под клич половецкий.

Один был
Изяслав Василькович, —
прозвенел
острыми мечами
по шеломам литовским,
побил
славу своего деда, Всеслава,
и сам,
под красными щитами,
на траве кровавой,
побит мечами литовскими.
Изошла юная кровь,
а он только и сказал себе:

«Дружину твою, князь,
птицы крылами как приодели!
А кровь — звери слизали...»
Не случилось тут
ни брата, Брячислава,
ни друга, Всеволода...
Один,
изронил он свою жемчужную душу
из сильного тела
через ожерелье золотое...
Уныли голоса, и сникло веселие.
Не гро́дненские ему трубы трубят...

— Ярославичи! и все внуки Всеславовы!
Опустите же друг перед другом
стяги свои,
в землю вонзите мечи свои,
в боях источенные!
Далёко скакнули от дедовской славы!
То ведь неладами своими
вы начали наводить поганых
на землю Русскую,
на добро Всеславичей...
Братья, с распри и пошло насилие
от земли Половецкой...

На седьмом Трояновом веке
Всеслав кинул жребий
о де́вице ему милой:
ухитрясь — а подсадил себя на коня!
И подскочил к Киеву-городу,
и коснулся копьем киевского престола
золотого,
а поскакал от них лютым зверем
средь ночи —
из Белгорода,
объяв себя облаком синим...

Изнутри, в удаче,
с трех кустов — капищ былых —
с трех концов отворил ворота Новгороду,
перешиб славу Ярослава,

а волком скакал до Немиги-реки...
Дуют ток на Немиге: снопы стелют
головами,
молотят —
цепами блистающими,
жизнь кладут на току,
веют —
душу от тела...
Немиги берега кровавые
не добром были сеяны,
сеяны костьми сынов русских.

Всеслав-князь
людям суд судил,
князьям волости делил,
а сам волком рыскал в ночи!
Из Киева до Тмутороканя
до ранних петухов дорыскивал,
Хóрса великого ход
волком переметнув.
Ему в Полоцке прозвонят колокола рано
к заутрени у святой Софии,
а он всё еще киевский звон слышит...

Хоть и вещая душа,
а и в другом бывала теле,
он частые беды терпел...
О нем наперво
вещий Боян,
понимаючи,
и припевку сказал:
«Ни хитрому, ни гораздому,
ни пытливцу волхву гораздому
суда божия не минуть...»

О, стонать Русской земле,
воспомнив начальные времена
и первых князей...
Того ли Владимира Старого
приковать было к горам Киевским!
А ныне вот встали его стяги —
одни Рюриковы, а те и Давидовы,

врозь
концы их раскинуты
и копья...

Поют: На Дунае голос слыхать
Ярославны.
Кукушкою кличет безвестною
рано.
«Полечу, говорит, кукушкою одинокою
по Дунаю...
Нет, рукав примочу бобровый
в Каяле-реке,
князю раны утру кровавые
на теле его
загрубелом...»

Раннею ранью Ярославна плачет
на стене Путивля,
зовет:

«О Ветер, Ветрило!
За что, господине, силою возвеял?
Что же крыльями легкими своими
стрелоньки степные наносишь
на воинов моей лады?
Знать, мало тебе было в небеси
под облаком веять,
корабли на синем море качая...
Что же веселие мое, господине,
по ковылю развеял? ..»

Раннею ранью Ярославна плачет
на стене Путивля-города,
зовет...

«О Днепр, Словутич!
Ты и горы каменные пробил
через земли Половецкие,
а и лелеял ты на себе ладьи
Святослава
до полчищ Кобяковых,
прилелей, господине, мою ладу ко мне!

Да не шлю к нему на море слёз...
Рано...»

Раннею ранью Ярославна плачет
на стене Путивля,
зовет...

«Светлое Солнце, Пресветлое!
Для всех-то кра́сно ты и тепло́.
О, господине...
Что же ты простерло луч горячий
над воинами лады...
Во поле безводном
жаждою им луки свело,
горечью им колчаны
забило...»

Вздуваться стало море,
к северу смерчи идут.
Облаком бог указывает Игорю-князю пути
из Половецкой земли,
на Русскую землю,
к отчему престолу золотому...

Зори вечерние погасли.
Игорь спит — Игорь бодрствует!
Игорь в мыслях степь померивает
от великого Дона к Донцу малому.

В полночь свистнул Ла́вор при конях
за рекой:
велит разуметь князю...
Не быть здесь князю Игорю!

Загудело —
ударило смерчем об земь,
прошумели травы,
разметало шатры половецкие...
И тогда Игорь-князь
пробежал в камыши
горностаем

и — на́ воду,
гоголем белым...
Вспры́гнул
на коня резвого —
да соскочил с него волком быстрым!
И к полесью Донца понесся,
а там — соколом,
пролетая по́низу туманов,
подбивая гусей да лебедей —
к завтраку ли, обеду-ужину...

А как Игорь соколом полетел,
Лавор — волчьим бе́гом бежал,
отрясая собою
студеные росы:
ведь вконец перетружены
их горячие кони...

Сказал Донец:
«Княже Игорь,
немало тебе величия,
а Кончаку немилости,
а Русской земле радости...»
И сказал Игорь:
«О Донец,
немало величия тебе! —
как лелеял ты на волнах
князя,
как стелил ему зелены травы
на серебряных своих берегах,
одевал его
туманами теплыми
под тенью зелена дерева,
как стерег его —
гоголем белым в заводи,
черной у́тицею на стру́ях,
чайками на ветрах...»

Не такова, сказать, Сту́гна-река:
струяся мелко — худа!
Чужой стороны ручьи поглотив
и в потоке растекшаяся,

скрыв кусты,
князя юношу Ростислава
притворила на дне
у темного ему берега...
Плачет мать Ростислава
по юному Ростиславу-князю,
поникли цветы в жалости,
и дерево скорбью к земле приклонило...

Не сороки ли застрекотали?
Вослед Игорю
проехали
Гзак с Кончако́м...

Да в ту пору во́роны там не каркали,
галки приумолкли,
сороки не стрекотали, —
сторожко по лознякам
беглецы ползли!
И только дятлы тёктом своим
путь к реке указывают,
когда еще соловьи веселыми песнями
возвещают рассвет...

Говорил Гзак Кончаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
соколенка прострелим
стрелами позлащенными!»
Отвечал Кончак Гзаку:
«Коли сокол ко гнезду летит,
соколика опутаем
де́вицею красной!»
Но Гзак Кончаку сказал:
«Когда опутать его
девицею красной —
ни́ нам соколика,
ни красной девицы,
а там и нас же забьют сокола́
в Половецкой степи...»

Бояново говорю, Ходы́на,
Святославов песнотворец, —

написанное об Олеге-князе
Ярославу, в старые времена:
«Тяжко тебе, голове,
без плеч,
как зло и телу без головы!» —
тебе, Русской земле,
без Игоря.

Солнце на небе светится:
Игорь-князь в Русской земле!

Де́вицы, подружки Ярославны,
поют на Дунае —
вьются голоса́ через море
к Киеву.

Игорь едет по Боричеву взвозу
к Пирогощей
святой матери божией.
Рады земли все,
веселы города.

Спеты песни
старшим князьям,
пора петь —
и молодым!

— Слава!..

Игорю Святославичу,
Ярому туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу —
слава!

Здравствовать вам,
князья и дружины,
за христиан
побороть идущим
поганые полки.

Воистину слава
князьям и дружине!

1953—1967

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

16. СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ И ПО СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА*

О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами крутыми, холми высокыми, дубравоми частыми, польми дивными, звѣрьми разноличными[1], птицами бещислеными, городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси испольнена земля Руская, о прававѣрьная вѣра хрестияньская!

Отселѣ до Угоръ и до Ляховъ, до Чаховъ, от Чаховъ до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Нѣмець до Корѣлы, от Корѣлы до Устьюга, гдѣ тамо бяху тоимици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до Болгаръ, от Болгарь до Буртасъ, от Буртасъ до Чермисъ, от Чермисъ до Моръдви, — то все покорено было богомъ крестияньскому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю Кыевьскому,

---

* За основу текста взят список «Слова о погибели Рускыя земли» Псково-Печерского монастыря *(П)*, хранящийся в настоящее время в Гос. архиве Псковской области. При внесении в этот список исправлений и изменений учитывались чтения списка «Слова о погибели» из рукописного отдела Пушкинского Дома в Ленинграде *(Л)* и реконструкции текста «Слова о погибели» Н. А. Мещерского и Ю. К. Бегунова.

[1] *В П* — разлычными, *в Л* — различными; *конъектура Н. А. Мещерского.*

дѣду его Володимеру и Манамаху[2], которымъ то половьци[3] дѣти своя полошаху[4] в колыбѣли. А литва из болота на свѣтъ не выникываху, а угры твердяху каменыи горы[5] желѣзными вороты, а бы на них великыи Володимеръ тамо не възѣхалъ[6], а нѣмци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ. Буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера. И кюръ[7] Мануилъ Цесарегородскыи опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, а бы под нимъ великыи князь Володимеръ Цесарягорода не взял.

А в ты дни болѣзнь крестияномъ от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: дивна ты озерами многими, реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверями разными, птицами бесчисленными, городами великими, селами прекрасными, садами монастырскими, храмами церковными и князьями могучими, боярами славными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до венгров и до поляков и чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литвы и до немцев, от немцев до корелы, от корелы до Устюга, где живут тоймичи поганые, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все покорил бог народу христианскому, поганые эти страны, великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пу-

---

[2] *В П* — Манаху, *в Л — первоначальное написание* Манаху *исправлено писцом на* — Манамаху. [3] *В П* — половоци, *в Л* — половицы. [4] *В П и Л* — ношаху; *конъектура А. В. Соловьева.* [5] *В П и Л* — городы; *конъектура А. В. Соловьева.* [6] *В. П.* — вьсѣхалъ, *в Л* — вьѣхал; *конъектура Ю. К. Бегунова.* [7] *В П* — жюръ; *в Л — первоначально было* жюр, *а затем это и следующее слово были переправлены писцом на* — иже Рамануилъ.

нно и оумре же славнаа великаа Екатерина.
мц҃а ноябра въ ке въ днь соуботоу ч҃а
же терпѣвши въ славоу ѡц҃ю и сн҃оу и ст҃омоу
дх҃оу нн҃ѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ аминь.

Слово о погибели Рускыя земли и о смерти великаго князя Ярослава.

О свѣтло свѣтлаа и оукрасно оукра
шена земля Роускаа и многыми красо
тами оудивлена еси озеры многыми
оудивлена еси рѣками и кладязьми
мѣсточестьными горами крутыми
холми высокыми доубравоми
чистыми польми дивными звѣрьми
разлычьными птицами бещисле
ными городы великыми селы ди
вными винограды обителными
домы церковьными и князьми гро
зными бояры честными вельмо
жами многами всего еси испол
нена земля Роускаа о правовѣрь
наа вѣра хрестияньскаа отселѣ до
оугоръ и до ляховъ до чаховъ ѿ чахо

гали. А литва из болот своих на свет показаться боялась, а венгры каменные горы укрепляли железными воротами, чтобы к ним не пришел великий Владимир. А немцы радовались, что они так далеко — за синим морем. Буртасы, черемисы, веды и мордва бортничали на великого князя Владимира. И сам царь Мануил Царьградский, в опасении, богатые дары посылал ему, чтобы великий князь Владимир Царьграда его не взял.

А в эти годы — горе христианам от великого Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя Владимирского.

17. СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРЕЕ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМЕРЕ АНДРѢЕВИЧЕ, ЯКО ПОБѢДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ*

Князь великий Дмитрей Ивановичь с своим братом, с княземъ Владимером Андрѣевичем, и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣдомо намъ, брате, что[1] у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к намъ в Залѣскую землю. Пойдем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися Русь православная[2]. Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного[3] Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя — поганые татаровя, бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдитъ невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрышася, плачющися, чады своя поминаючи[4]: князи и бояря и уда-

---

* За основу текста взят список «Слова о великом князе Дмитрии Ивановиче» («Задонщины») Ундольского — *У*. В список *У* вносятся исправления и изменения по данным других списков «Задонщины»: Ждановскому — *Ж;* Историческому первому — *И-1;* Историческому второму — *И-2;* Кирилло-Белозерскому — *К-Б;* Синодальному — *С*. Учитываются также выписки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище». Характеристику текстологических принципов издания текста «Задонщины» см. ниже, стр. 532—533.

I,[1] *Так в Ж; в С* — што ж деи; *в У — нет.* [2] *Так в Ж и С; в У* — преславная. [3] *Так в Ж; в С* — славнаго; *в У* — с равнаго. [4] *В У* — поминаюты; *в Ж* — поминаю вы.

лые люди, иже оставиша вся домы своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру християньскую, собѣ бы чаем пороженых и воскормленых.

Преже восписах жалость земли Руские и прочее от кних приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Ондрѣевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове руские, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на Восточную страну в Симов жребий и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимеру Андрѣевичю. И рцем таково слово: Лудчи бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы о[5] похвальных сихъ о[6] нынешных повѣстех [7]о полку[8] великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича, правнука[9] святаго великаго князя Владимера Киевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вещаго[10] Бояна[11], горазда[12] гудца в Киеве. Тот [13]бо вѣщий Боянъ[14] восклодоша гораздыя[15] своя персты на живыя струны, пояше[16] руским князем славы[17]: [18]первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю, вторую[19] — великому князю Владимеру Святославичю Киевскому, третюю[20] — великому князю Ярославу Володимеровичю.

Аз же помяну резанца Софония и восхвалю пѣснеми

---

[5] *Так в И-1 и С; в У* — от. [6] *Так в И-1 и С; в У* — и о. [7–8] *В У* — похвалу; *в И-1* — от полку; *в С* — а полку. [9] *Так в И-1; в У* — а внуки; *в С* — и правнуковы. [10] *Так в К-Б и С; в И-1* — вѣща; *в У* — вещаннаго. [11] *Так в К-Б; в И-1* — Боинаго; *в У* — боярина; *в С — нет.* [12] *Так в С; в К-Б* — гораздо; *в И-1* — гораздаго; *в У* — горазна. [13–14] *Так в К-Б; в И-1* — боюн; *в С* — бо деи похвалы вещи буйныи; *в У* — боярин. [15] *Так в И-1; в У* — горазная. [16] *Так в К-Б, С и И-1; в У* — пояша. [17] *Так в И-1; в К-Б и У:* славу; *в С* — похвалу. [18–20] *Так в И-1; в К-Б:* первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю; *в С:* первому князю рускому на земли Киевской Рурику, великому князю Володимеру Светославычу; *в У:* первому князю киевскому Игорю Бяриковичю и великому князю Владимеру Всеславьевичю киевскому и. [19] *В И-1* — 2.

и[21] гусленными буйными[22] словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича, а внуки святаго великого князя Владимера Киевского[23] занеже отпало мужьство их[24]. И пѣние князем руским за вѣру христианьскую.

А от Калатьские рати до Момаева побоища 160[25] лѣт.

Се бо князь великий Дмитрей Иванович и братъ его князь Владимеръ Андрѣевичь помолися богу и пречистей его матери, истезавше ум свой крѣпостию[26], и поостриша сердца свои мужеством, и наполнишася[27] ратного духа, уставиша собѣ храбрыя полъкы[28] в Руской землѣ и помянуша прадѣда своего великого князя Владимера Киевскаго.

Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных дней[29] утѣха, возлѣти под [30]синие облакы[31], посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю. Ци буря соколи зонесет[32] из земля Залѣския в полѣ Половетское. На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, трубы[33] трубят на Коломнѣ, бубны[34] бьют в Серпугове, стоят стязи у Дону[35] великого на брезѣ, звонятъ колоколы[36] вѣчныя в вѣликом Новегородѣ. Стоят мужи навгородцкие у [37]святыя Софии, а ркучи[38] тако: «Уже нам, брате, не поспѣть на пособь[39] к великому князю Дмитрею Ивановичю». И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася, выехали посадники из великого Новагорода [40]а с ними[41] 7000 войска к великому князю Дми-

---

[21] *Так в К-Б и И-1; в У — нет.* [22] *Так в К-Б; в И-1* — и буяни; *в У — нет.* [23–24] *Так в И-1; в С:* занюже отпало было мужество; *в К-Б:* занеже ихъ было мужество; *в У — нет.* [25] *Так в И-1 и С; в У* — 170. [26] *Так в И-1; в С* — крепостею; *в У* — крѣпкою крепостью. [27] *Так в И-1; в У и С* — наполнися. [28] *Так в И-1; в С* — полти ся; *в У* — воеводы. [29] *Так в И-1 и С; в У* — день. [30–31] *Так в К-Б; в И-1* — синии небеса; *в С* — сылныя небеса; *в У* — синее небеса. [32] *Так в С; в И-1* — снесет; *в У* — снесетъ. [33] *Так в И-1, С и К-Б; в У* — в трубы. [34] *Так в К-Б и С; в И-1 и У* — в бубны. [35] *Так в К-Б, И-1 и С; в У* — Дунаю. [36] *Так в И-1 и С; в К-Б* — колоколи; *в У* — в колоколы. [37–38] *Так в К-Б; в И-1:* Святой Софѣи, а рькучи; *в С:* Святое Софеи, рекут; *в У:* Софѣи премудрые, а ркут. [39] *Так в К-Б и С; в И-1* — пособе; *в У* — посопь. [40–41] *Так в соответствующей вставке из «Задонщины» в Летописной редакции «Сказания»; в известных спи-*

трею Ивановичю и к брату его князю Владимеру Андрѣевичю [42] на пособе [43].

К славному граду Москвѣ сьехалися вси князи руские, а ркучи [44] таково слово: «У Дону [45] стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи, межу Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свой нашей славѣ».

И рече [46] князь великий Дмитрей Иванович: «Брате князь Владимеръ Андрѣевичь, пойдем [47] тамо, укупим животу своему славы, [48]учиним землям диво [49], а старым повесть, а молодым память [50], а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую».

И рече [II, 1] им князь великий Дмитрей Иванович: «Братия и князи руские, гнѣздо есмя были великого князя Владимера Киевскаго, не в обиде есми были по рожению [2]ни соколу [3], ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни [4] тому псу — поганому Мамаю» [5].

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, выщекотал [6] славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волыньскому. Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и вѣдомы полководцы [7], под трубами повити [8], под шеломы възлелѣаны [9], [10]конець копия вскормлены, с востраго меча поены [11] в Литовской земли.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: «Брате Дмитрей, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгородо-

---

ских «Задонщины» — нет. [42–43] *Так в И-1; в С:* на пособъ; *в У — нет.* [44] *Так в К-Б; в И-1:* рькучи; *в У* — ркут; *в С — нет.* [45] *Так в И-1 и С; в У* — Дуная. [46] *Так в И-1 и С; в У* — рекше. [47] *Так в И-1 и С; в У* — поедем. [48–49] *В У и И-1* — нет; *в К-Б:* укупимь землямь диво; *в С:* учинитъ имам диво. [50] *Так в К-Б и И-1; в С* — памет; *в У* — на память.

[II, 1] *Так в К-Б, И-1 и С; в У* — рекше. [2–3] *Так в К-Б и С; в У и И-1 — нет.* [4–5] *Так в К-Б; в С:* ни тому ж псу поганому цару Момаю; *в И-1:* ни поганому Мамаю; *в У:* ни поганому сему Момаю. [6] *Так в И-1; в К-Б* — выщекотала; *в С* — выщектали; *в У* — пощекотал. [7] *В У* — полѣводцы; *в И-1* — полковидцы. [8] *В К-Б* — поють; *в С:* нечистых кочаны; *в У и И-1 — нет.* [9] *Так в К-Б; в И-1* — возлелияны; *в У* — злачеными; *в С — нет.* [10–11] *Так в К-Б; в С:* коней воскормлены, с коленых стрел воспоены; *в У и И-1 — нет.*

вы, а внуки[12] есмя Едимантовы[13], а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые панов удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на [14]свои борзи комони[15], и посмотрим быстрого Дону, испиемь[16] [17]шеломом воды[18], испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские».

И рече ему Дмитрей: «Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит, и[19] гром грѣмит в каменом граде Москвѣ. [20]То ти, брате, не стукъ стучить, ни гром гремит[21], — стучит силная[22] рать великаго князя Дмитрея Ивановича[23], гремят[24] удальцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты[25]. Сѣдлай, брате Андрѣй, свои [26]борзи комони, а мои готови — напреди твоих осѣдлани[27]. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полковъ, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами [28]70 тысещъ[29] окованые рати. Уже бо, брате, [30]возвеяша сильнии вѣтри[31] [32]с моря[33] на устъ Дону и Непра, прилѣяша великиа[34] тучи на Рускую землю, из них[35] выступают[36] кровавые зори, а в них трепещут[37] синие[38] молнии[39]. Быти сту-

---

[12–13] *Так в И-1; в К-Б* — Едиментовы; *в С* — есмо Гедымонтавы; *в У* — мы Доментовы. [14–15] *Так в К-Б, в И-1:* борзыя своя комони; *в С:* на бордзыя кони; *в У:* добрые кони своя. [16] *Так в К-Б; в С* — сопием; *в И-1* — изобьем; *в У* — *нет.* [17–18] *Так в С; в К-Б:* брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону; *в И-1:* шоломы мечи; *в У* — *нет.* [19] *Так в К-Б и С; в У* — а; *в И-1* — *нет.* [20–21] *Так в К-Б; в С:* то ти, брате, не стук стучит, ни гром гримит; *в У* — что, брате; *в И-1* — *нет.* [22] *Так в К-Б и И-1; в У* — великая силная; *в С* — *нет.* [23] *В У доб.* и брата его князя Владимера Андреевича; *в К-Б, И-1 и С* — *нет.* [24] *Так в И-1; в К-Б* — гремять; *в С* — гримят; *в У* — громят. [25] *Так в И-1 и К-Б; в С* — считы; *в У* — щиты московскими. [26–27] *Так в К-Б; в И-1:* борзыи комони, а мои готовы; *в С:* кони, а мои подеманы; *в У:* доброй конь, а мой готов — осѣдлан. [28–29] *Так в С; в У* — 7000; *в И-1* — 70000; *в К-Б* — *нет. В соответствующей вставке из «Задонщины» в варианте У Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище»* — семьдесят тысящ. [30–31] *Так в И-1; в С:* возвеяша силныя ветри; *в К-Б:* всташа силнии вѣтри; *в У* — возвияли. [32-33] *Так в К-Б; в У и И-1:* по морю; *в С* — *нет.* [34] *Так в И-1; в К-Б* — велику; *в У и С* — *нет.* [35] *Так в И-1; в У* — них же. [36] *Так в И-1; в К-Б* — выступи; *в У* — выступали; *в С* — *нет.* [37] *Так в С; в И-1* — трепещуть; *в У* — трепѣщутся; *в К-Б* — пашють. [38] *Так в К-Б; в У* — сильные; *в И-1* — силнии; *в С* — силния. [39] *Так в И-1; в К-Б* — молньи; *в С* — молниа; *в У* — молыньи.

ку [40]и грому [41] великому на речке Непрядвѣ [42], межу Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликовѣ, пролится крови на речьке Непрядве [43]!»

Уже бо въскрипѣли [44] телегы [45] межу Доном и Непром, идут [46] хинове [47] [48] на Русскую землю [49]. И притѣкоша сѣрые волцы от устъ Дону и Непра, ставъши [50] воют на рекѣ, **III.** [1]на Мечи, хотят наступити на [2] Рускую землю. [3]То ти [4] были не сѣрые волцы, приидоша поганые татарове [5], хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Тогда [6] гуси возгоготаша [7] и лѣбѣди [8] крилы въсплескаша [9]. [10]То ти не гуси возгоготаша, ни лѣбѣди крилы въсплескаша [11], но поганый Момай пришел на Рускую землю и вои [12] своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под облакы [13] летают [14], вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на кости [15] брешут [16].

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

А [17] уже [18]соколи и кречати, белозерские ястреби [19] рвахуся [20] от златых колодицъ ис камена града Москвы, [21]обриваху шевковыя опутины, возвивающися под синия небеса, звонечи [22] злачеными колоколы на быстром

[40–41] *Так в К-Б; в У, И-1 и С — нет.* [42] *В У* — Напрядѣ; *в И-1* — Направдѣ; *в С* — Непрадене; *в К-Б — нет.* [43] *В У* — Напряде; *в И-1* — Напрвдѣ; *в С и К-Б — нет.* [44] *Так в И-1; в С* — воскрипели; *в У* — скрипѣли; *в К-Б — нет.* [45] *Так в И-1 и С; в У* — телеги; *в К-Б — нет.* [46] *Так в И-1 и С; в У* — а идут. [47] *Так в И-1 и С; в К-Б* — Хинела; *в У* — Хиновѣ поганыи. [48–49] *Так в К-Б и С; в И-1* — в Руськую землю; *в У* — к Руской земли. [50] *Так в И-1; в С* — ставши; *в У* — и ставши; *в К-Б — нет.*

III, [1–2] *В И-1:* на Мечи, хотят наступати на; *в С:* но Мечи, хотят поити; *в У:* хотят на Мѣчи поступити в; *в К-Б — нет.* [3–4] *Так в К-Б, И-1 и С; в У* — и то. [5] *Так в К-Б, И-1 и С; в У* — татаровя. [6] *Так в К-Б, И-1 и С; в У* — тогды. [7] *Так в И-1; в К-Б* — гоготаше; *в У* — возгоготали; *в С* — возгагатали. [8–9] *Так в К-Б; в И-1:* крилы въслескаша; *в С:* возплескали крилами своими; *в У:* возсплѣскаша крылами своими. [10–11] *В К-Б:* То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крилы въсплескаша; *в И-1:* ни гуси возгоготаша; *в С:* не гуси ж то возгагатали; *в У — нет.* [12] *Так в К-Б; в У и И-1* — воеводы; *в С* — воеводство. [13] *Так в И-1; в С* — облаки; *в К-Б* — оболока; *в У* — облак. [14] *Так в С; в И-1* — летаюць; *в У* — лѣтят; *в К-Б — нет.* [15] *Так в И-1; в У и С* — костѣх; *в К-Б* — часто. [16] *Так в И-1 и С; в К-Б* — брешють; *в У* — бряшут. [17] *Так в И-1; в К-Б* — тогда же; *в С* — то ти; *в У* — то. [18–19] *Так в К-Б; в С:* ястреби и соколи и белоозерстии кречеты; *в И-1:* соколы, белозерския ястребы; *в У* — соколи бѣлозѣрстии и ястреби. [20] *Так в И-1; в С* — отривахуся; *в У* — хваруются; *в К-Б — нет.* [21–22] *Так в С; в К-Б:* позвонять своими; *в И-1:* возлетѣша под

перьвѣ та лѣ҃ г҃ и апа
бѧше ис рѣ къ іг҃ марта
амбмонаць лѣ҃ ·т҃· пмца
авгоу въ кѕ҃ дьнь нана
мѧ стаго ка с ... лѣ҃ кв҃
дьнь аꙁ написахъ апо
стлъ пантелеимонѹ·

Сии же апостолъ и книгы
въ стъ пантелеимо
моны и ꙁоснимъ ѣ нгꙋ
пленѣ сего же манастꙑ
рѧ ∴ Сего же лѣ҃ бы

[illegible]

Дону, [23]хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя, а богатыри руския удальцы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамая[24].

Тогда князь великий Дмитрей Иванович воступив во златое свое стрѣмя, [25] всѣдъ на свой борзый конь [26] и взем свой мечь в правую руку и помолися богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно[27] на восток сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимеръ Андрѣевичь полки пребирает и ведет к быстрому[28] Дону. И молвяше брату своему великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не ослабляй[29], брате, поганым татаровям. Уже бо поганые поля руские наступают и вотчину нашу[30] отнимают».

И рече[31] ему князь великий Дмитрей Ивановичь: «Брате Владимеръ Андрѣевичь, [32] сами себѣ есми два брата[33], а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены 70[34] бояринов, и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волыньской, да Тимофей Волуевичь, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою с нами триста тысящь окованые рати. А воеводы у нас крепкия[35], а дружина свѣдома[36], а под собою имѣем [37] борързыя комони[38], а на собѣ злаченыи доспѣхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские, а мѣчи булатные.

синии небеса, возгремѣша; *в У:* возлѣтѣша под синее небеса, возгремѣша. [23–24] *Так в С; в К-Б, У и И-1 — нет.* [25–26] *Так в К-Б и в соответствующей вставке из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище»; в У, И-1 и С — нет.* [27] *Так в И-1; в С —* ясная; *в У — нет.* [28] *Так в К-Б и С; в И-1 и У —* великому. [29] *Так в К-Б; в И-1 —* ослабяй; *в С —* услобляй; *в У —* ослабливай. [30] *Так в И-1; в У — нет; в К-Б и С сохранилось в ином чтении:* «вои наши отнимають»; «нашу дружину побивают». [31] *Так в И-1 и С; в У —* говорит; *в К-Б — нет.* [32–33] *В И-1:* сами себѣ есмя два брата; *в С:* сами есмо собе два браты, сынове есмо велико князя Ивана Данилевалча Каметы; *в У —* сами есми; *в К-Б — нет.* [34] *Так в И-1 и С; в У —* от; *в К-Б — нет.* [35] *Так в С; в И-1 и У —* уставлены; *в К-Б — нет. В соответствующей вставке из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания» —* велми крепцы. [36] *В У —* свѣдана; *в И-1 —* нам свѣдома; *в С —* ведомоя; *в соответствующей вставке из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания» —* (удальцы) сведоми. [37–38] *Так в И-1; в С —*

[39]А пути им сведоми, а перевозы им изготовлены[40], но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую[41]. Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славного имени».

Уже бо тѣ [42]соколи и кречати, бѣлозерскыя ястреби[43], за Дон борзо перелѣтѣли и ударилися на[44] многие стада [45]на гусиные и на лѣбѣдиные[46]. [47]То ти быша ни соколи ни кречети[48], то ти наехали руские князи на силу татарскую. [49]Треснуша копия харалужная, звенят доспехи злаченныя, стучат щиты черленыя, гремят мечи булатныя[50] о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Непрядвѣ[IV,1].

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяны[2], а кровью полиано[3]. Сильнии[4] полки ступишася вмѣсто и протопташа холми и луги, и возмутишася рѣки и потоки и озера. [5]Кликнуло Диво в Руской земли, велит послушати грозънымъ землям. Шибла слава[6] к Желѣзным Вратам, [7]и к Ворнавичом[8], к Риму и к[9]

кони борздыя; *в У* — добрые кони; *в К-Б — нет.* [39–40] *В У — нет; в И-1:* Молвяше: поганыи путь имъ знаемъ вельми, а перевозы имъ изготовлены; *в С:* А дороги нам сведомо, а перевозы в нас в нас вставлены; *в К-Б — нет; в соответствующей вставке из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания»:* А дорога им велми сведома, березн им по Оце изготовлены. [41] *Так в И-1; в С* — християнскую; *в У* — крещеную; *в К-Б — нет.* [42–43] *Так в К-Б; в С:* ястреби и соколи и белозерстии и кречеты; *в И-1:* соколѣ и кречеты; *в У* — соколы и кречаты. [44] *Так в К-Б и С; в У* — о; *в И-1 — нет.* [45–46] *В У* — лѣбѣдиные; *в К-Б:* на гуси и на лебеди; *в С:* сосилныя и на лебединыя; *в И-1 — нет.* [47–48] *Так в С; в К-Б, И-1 и У — нет.* [49–50] *Так в выписке из «Задонщины» в Печатном варианте «Сказания»; в К-Б:* Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топори легкие, щиты московьскыя, шеломы нѣмецкие, боданы бесерменьскыя; *в С:* Удариша кафыи фразскими а даспехи татарскими. Возгримели мечи бутныя; *в И-1:* Ударишася копи хараужничьными о доспехы татарскыа, възгремѣли мечи булатныя; *в У:* И удариша копье фараужными о доспѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи булатные.

[IV, 1] *В У* — Напрядѣ; *в И-1* — Направдѣ; *в С* — Непродене; *в К-Б — нет.* [2] *Так в К-Б; в У и И-1* — насѣяша; *в С* — носити. [3] *Так в К-Б; в У:* ихъ земля пролита бысть; *в И-1:* земля пролита; *в С* — земля. [4] *Так в И-1; в С* — Силныя; *в У* — А силныи; *в К-Б — нет.* [5–6] *Так в И-1; в С:* Кликнула Диво по всим землям Руским, велит грозна послушати. Шибла слава; *в К-Б:* Воды возпиша вѣсть подаваша по рожнымь землямь; *в У:* И кликнули быша Дивы в Руской земли. А глава шибла. [7–8] *В С:* и и Ворнавичом; *в У:* ли къ Караначи; *в И-1 и К-Б — нет.*

[9] *Так в И-1; в С* — ко; *в У* — х.

Кафе[10] по морю, и к Торнаву[11], и оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским князем: [12]Русь великая[13] одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речьке Непрядвѣ[14].

На том полѣ силныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и гремѣли[15] громы велицыи. То ти ступишася руские сынове[16] с погаными татарами за свою обиду[17]. А в них сияли доспѣхы[18] злаченые, а гремѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские.

А билися из утра до полудни в суботу на рожество святѣй богородицы.

Не тури возрыкали[19] у Дону[20] великаго на полѣ Куликове. [21]То ти[22] нѣ тури побѣждени у Дону[23] великого, но посѣчени князи руские и бояры и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича, побѣждени князи бѣлозерстии от поганых татаръ: Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Тимофѣй Волуевичь, да Микула Васильевич[24], да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь и иная многая дружина.

Пересвѣта чернеца бряньского боярина на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣт чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: «Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым быти[25] от поганых татаръ!» Тако бо Пересвѣт поскакивает на своем борзом[26] конѣ, а злаченым доспѣхом посвѣчивает[27]. А иные лѣжат посечены у Дону[28] великого на брезѣ.

[29]Лепо бо есть в то время и стару помолодитися, а молоду[30] плечь своих попытать. И молвяше Ослябя чернец своему брату Пересвѣту старцу: «Брате Пересвѣте,

---

[10] *Так в С; в И-1* — Кафы; *в У* — Сафѣ; *в К-Б — нет.* [11] *Так в И-1; в С* — турком; *в У* — Которнову; *в К-Б — нет.* [12–13] *Так в И-1; в С* — што Русь; *в У* — И; *в К-Б — нет.* [14] *В У* — Напрядѣ; *в И-1, С и К-Б — нет.* [15] *Так в И-1; в С* — гримит; *в У* — загремѣли. [16] *Так в И-1 и С; в У* — удалцы; *в К-Б — нет.* [17] *Так в И-1; в С* — обиды; *в У* — великую обиду; *в К-Б — нет.* [18] *Так в И-1; в С* — доспехи; *в У* — силные доспѣхи; *в К-Б — нет.* [19] *В К-Б* — возрыкають; *в И-1 и У* — возгремѣли; *в С* — возрули. [20] *В У* — Дунаю; *в И-1, С и К-Б — нет.* [21–22] *Так в И-1; в У* — И; *в С и К-Б — нет.* [23] *Так в И-1; в У* — Дунаю; *в С и К-Б — нет.* [24] *Так в И-1 и С; в К-Б* — Микулу Васильевича; *в У — нет.* [25] *Так в С; в У — нет; в И-1* — въспѣти. [26] *В У* — добрѣ; *в И-1* — борзе; *в С* — борздом; *в К-Б* — вѣщемь. [27] *В У* — посвѣльчивает; *в И-1* — посвѣчиваше; *в С* — посвещаючи. [28] *Так в И-1 и С; в У* — Дуная; *в К-Б — нет.* [29–30] *Так в выписке из «Задонщины» в Печат-*

вижу на телѣ твоем [31]раны тяжкие[32], уже, брате, лѣтѣти главе твоей на траву ковыль, а чаду моему[33] Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речьке Непрядве[34] за вѣру крестьяньскую и за землю за Рускую и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича».

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют, но [35]толко часто[36] вороны грают, трупу[37] ради человеческаго[38]. Грозно [39]бо бяше и жалостъно[40] тогды слышати, занеже трава кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася.

И воспѣли бяше птицы жалостные пѣсни. Восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избиенных. [41]Микулина жена Васильевича Марья[42] рано плакаша у Москвы града на забралах[43], а ркучи[44] тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси[45] каменные горы и течеши в землю Половецкую. Прилѣлѣй моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ»[46]. А Тимофѣева жена Волуевича Федосья[47] тако же [48]плакашеся, а ркучи[49] тако: «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ[50]». А Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: «Се уже обѣмя нам солнце померкло в славном граде Москвѣ, припах-

---

ном варианте «Сказания»; в У: И в то время стару надобно помолодѣти, а удалым людям; *в С:* И рече: Добре тут, брате, стару помолодети, а молодому; *в И-1:* Добро бы, брате, в то время стару помолодится; *в К-Б:* Того даже было нелѣпо стару помолодитися. [31–32] *В У:* раны великия; *в К-Б:* раны... тяжки; *в С:* многия раны; *в И-1* — раны. [33] *Так в И-1 и К-Б; в У* — твоему. [34] *В У* — Напряде; *в И-1, К-Б и С — нет.* [35–36] *Так в К-Б и С; в У* — едины; *в И-1* — однѣ. [37] *Так в И-1 и С; в У* — трупи; *в К-Б — нет.* [38] *Так в С; в И-1* — человечьскаго; *в У* — человѣческия; *в К-Б — нет.* [39–40] *Так в И-1; в У:* и жалостно в то врѣмя бяше. [41–42] *В У:* Микулина жена Васильевича Федосья да Дмитреева жена Марья; *в К-Б:* жена Микулина Мария; *в С:* Микулина жена Марья; *в И-1:* Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева; *в И-2:* Феодосьа Микулина жена Васильевича да Марья Дмитриева жена Волынского. [43] *В У доб.* стоя; *в И-1, И-2, С — нет.* [44] *Так в К-Б и И-1; в С* — рекучы; *в У* — ркут; *в И-2 — нет.* [45] *В У доб.* ты; *в И-1, И-2, С, К-Б — нет.* [46] *В У доб.* А Марья про сьвоего господина тоже рекла; *в И-1, И-2, С и К-Б — нет.* [47] *Так в И-1; в С* — Настасья; *в У, И-2 и К-Б — нет.* [48–49] *Так в И-2; в И-1:* плакася, а ркучи; *в С:* плакашеся рано, а рекучы; *в У* — плакахуся и рече. [50] *В У доб.* нету; *в И-2 доб.* его нѣт; *в И-1 и С — нет.*

нули[V, 1] к нам[2] от быстрого Дону полоняныа[3] вѣсти, носяще[4] великую бѣду, и выседоша[5] удальцы з боръзыхъ[6] коней на суженое мѣсто на полѣ Куликове на речке Непрядве[7]». [8]А уже Диво кличет под саблями татарьскими, а тѣм рускымъ богатырем под ранами[9].

[10]Туто щурове рано въспѣли жалостные пѣсни у Коломны на забралах, на воскресение, на Акима и Аннинъ день. То ти было не щурове рано въспѣша жалостныя пѣсни[11] восплакалися жены коломеньские, а ркучи[12] тако: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелѣяла мужей наших от нась в землю Половецкую». [13]А ркучи[14] тако: «Можеш ли, господине князь великий, веслы Нѣпръ заградити[15], [16]а Донъ шоломы вычръпати, а Мечу рѣку трупы татарьскими запрудити?[17] Замкни, государь князь великий, Окѣ рекѣ ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ѣздили. Уже мужей нашихъ рать трудила».

Того же дни в суботу на рожество святыя богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речьке Непрядвѣ[18].

И нюкнув князь[19] Владимеръ Андрѣевичь гораздо, и скакаше [20]по рати[21] во полцех поганых в татарских, а

[V, 1] *Так в И-1 и С; в И-2* — припахну; *в У* — примахнули; *в К-Б — нет.* [2] *Так в И-1, И-2 и С; в У* — ним; *в К-Б — нет.* [3] *Так в И-1; в У, И-2* — поломянные; *в С* — поломяныя. [4] *Так в И-2; в И-1* — носящу; *в С и У* — носяше. [5] *Так в И-1; в У* — ссѣдша; *в С* — изседоша; *в И-2* — сподоша. [6] *Так в И-1; в И-2* — борьзых; *в С* — борздых; *в У* — добрых; в *К-Б — нет.* [7] *В У* — Напряде; в *И-1, И-2, С и К-Б — нет.* [8–9] *Так в И-2; в И-1:* А уже Диво кличетъ под саблями татарскыми; *в С:* Вжо, брате, Диво кличет под шаблею татарскою, а тым богатырем слава и честь и вечная память от бога милость; *в У и К-Б — нет.* [10–11] *Так в И-1; в С:* Не щурове рано воспели в Коломных городах но заборолех но воскресение Христово на Акыма и Анны днес. То ти быша не щурове рано воспели; *в И-2:* Ту ни галици ни щуровѣ въспѣли жалостные пѣсни у Коломны на заборолах на въскресение на Якимов и Аннинъ день. То ти были ни щуровѣ, ни галици воспѣли; *в У* — И. [12] *Так в И-2; в С* — рекучи; *в У* — ркут; *в И-1 — нет.* [13–14] *Так в И-2; в И-1* — а рькучи; *в У* — и ркут; *в С — нет.* [15] *Так в С; в И-1 и И-2* — запрудити; *в У* — запрудить. [16–17] *Так в И-2; в И-1:* а Дон шлемомъ вычерпати, а Мечю трупы татарскыми запрудити; *в С:* и шеломы ичерпати, а реку Мечну трупы татарскими зоградити; *в У — нет.* [18] *Так в И-2; в И-1* — Направдѣ; *в С* — Непрядене; *в У* — Напрядѣ. [19] *Так в И-1 и И-2; в С* — княз; *в У* — князь великии. [20–21] *Так в И-2, И-1 и С; в У — нет.*

злаченым шеломом посвѣчиваючи[22]. [23]Грѣмят мечи булатные[24] о шеломы хиновские.

И восхвалит брата своего великого князя Дмитрея Ивановича: «Брате Дмитрей Ивановичь, [25]ты еси у зла тошна времени железное заборολο[26]. [27]Не оставай князь великый с своими великими полкы, не потакай крамолником[28]. Уже бо поганые татары [29]поля наша[30] наступают, а храбрую дружину у нас истеряли, а в трупи человѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по колѣно бродят. А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьяньская. [31] Не оставай, князь великый, с своими бояры[32]».

И рече[33] князь великий Дмитрей Ивановичь своим боярам: «Братия бояра и воеводы и дѣти боярьские, то ти ваши московские слаткие мѣды и великие мѣста. Туто добудѣте себѣ мѣста и своим женам. Туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Господи боже мой, на тя уповахъ, да не постыжуся в вѣк, ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ». И помолися богу и пречистой его матери и всѣм святым его и прослезися горко и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо [34]полѣтѣша на быстрый Донь. То ти не соколи полѣтѣша[35]: поскакивает князь великий Дмитрей Ивановичь с своими полки [36]за Дон[37] со всею силою. И рече: «Брате князь Владимер Андрѣ-

---

[22] *Так в И-2; в С* — посвечаючи; *в И-1* — посвѣчиваше; *в У* — посвѣльчивает; *в У здесь доб.* а скакаша со всем своим войским. [23–24] *Так в И-2; в И-1:* Гремят мечи булатныа; *в С:* Гримят мечы булатныя; *в У:* И загремѣли мечьми булатными. [25–26] *В У:* туто у зла тошна времени железна забрала; *в И-1:* что ти есть еси у зла времени желѣзная забрала; *в И-2:* то еси у зла тошна веремени железла заборона; *в С:* то ты ест желѣзное зобороло у зло тошного веремени. [27–28] *В И-1:* Не уставай, князь великый с своими великими полкы, не потакай крамольником; *в И-2:* Не уставай, князь великий с своими великими плъки, не потакай лихим коромолникомъ; *в С:* Брате княже великий Дмитрей, не оставай и з своими великими полки, не слухай измеников сромотников; *в У:* Не оставай и свои полки понужай коромолщикам. [29–30] *Так в И-1 и И-2; в У и С* — поля. [31–32] *В И-1:* Не уставай, князь великый, съ своими бояры; *в И-2:* И не уставай, князь великий Дмитрий Иванович; *в С:* Не оставай, брате княже Дмитрею, и с своими воеводы и з силными бояры; *в У* — *нет.* [33] *Так в И-1, И-2 и С; в У слово* рече *стоит после имени великого князя.* [34–35] *Так в И-2; в И-1:* отлетѣша на быстрый Донъ, то тѣ не орлѣ полетѣша за быстрый Донъ; *в У* — полѣтели и. [36–37] *Так в И-1 и И-2; в У* — и,

евичь, тут, брате, испити [38] медовыа чары повѣденые [39], наеждяем, брате, своими полки силными на рать татаръ поганых».

Тогда князь великий [40] почалъ наступати [41]. Гремят [42] мѣчи булатные о шеломы хиновские. И поганые [43] покрыша главы своя руками своими. Тогда поганые борзо вспять [44] отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бѣжать, а руские сынове [45] широкие поля кликом огородиша и злачеными доспѣхами осветиша. Уже бо ста тур на боронь [46].

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его князь Владимеръ Андрѣевичь полки поганых вспять поворотили и нача ихъ [47] бити и сечи горазно [48] [49] тоску имъ подаваше [50]. И князи их падоша с коней [VI, 1], а трупми татарскими поля насеяша и кровию ихъ реки протекли. Туто поганые разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в лукоморье, скрегчюще зубами своими и дерущи [2] лица своя, а ркуче [3] такъ: «Уже нам, брате, в земли своей не бывати [4] и дѣтей своих не видати [5], [6] а катунъ своих не трепати, а трепати намъ сырая земля, а цѣловати намъ зелена мурова [7], а в Русь ратию нам не хаживати [8], а выхода нам у руских князей [9] не прашивати [10]». Уже бо въстонала [11] земля татарская, бѣдами и тугою покрышася [12] [13] уныша бо царемъ их хотѣние и княземь похвала на Рускую землю ходити [14]. Уже бо ве-

---

[38–39] *Так в И-2; в У:* мѣдвяна чара; *в И-1* — медвеная чаша. [40–41] *Так в И-2; в И-1:* поля наступает; *в У:* наступает на рать силу татарьскую. [42] *Так в И-1 и И-2; в У* — и гремят. [43] *В У доб.* бусорманы; *в И-1 и И-2 — нет.* [44] *Так в И-2; в И-1* — назад; *в У* — вся; *в С — нет.* [45] *Так в И-1 и И-2; в У:* князи и бояры и воеводы и все великое войско; *в С — нет.* [46] *Так в И-2; в У* — оборонь; *в И-1* — оборенъ. [47] *В У доб.* — бусорманов; *в И-2 — нет.* [48] *В У доб.* — без милости; *в И-1 и И-2 — нет.* [49–50] *Так в И-1 и И-2; в У и С — нет.*

[VI, 1] *В У доб.* — загремѣли; *в И-1 доб.* — к земли; *в И-2 — нет.* [2] *Так в И-1; в И-2* — деручи; *в У* — доруши; *в С — нет.* [3] *Так в И-2; в И-1* — ркучи; *в У* — ркуще; *в С* — глаголюще. [4] *Так в И-1, И-2 и С; в У* — бывать. [5] *Так в И-2 и С; в И-1* — выдати; *в У* — видать. [6–7] *Так в И-2; в И-1, У и С — нет.* [8] *В У* — хаживать; *в И-2* — хоживати; *в И-1* — ходити; *в С — нет.* [9] *Так в И-1 и И-2; в У* — людей. [10] *Так в И-1 и И-2; в У* — прашивать; *в С — нет.* [11] *Так в И-1 и И-2; в У* — востона; *в С — нет.* [12] *Так в И-1 и И-2; в У* — покрыша; *в С — нет.* [13–14] *Так в И-2; в И-1:* уныша бо царемъ их хотѣние и похвала на Рускую землю ходити; в *У:* бо сердца их, хотение князем и похвала Руской земли ходити; *в С:* Се ж погибе царей наших веселие и величество и радость и похвала на Рускую землю и з радостью ходити.

селие их[15] پониче. Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья и доспѣхи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие, [16]камкы, насычеве везут женам своимъ[17]. Уже жены руские восплескаша татарским златом.

Уже бо по Руской земле простреся веселие и буйство. Вознесеся[18] слава руская [19]на поганых хулу[20]. Уже бо вержено Диво на землю[21]. И уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича по всем землям текут[22]. [23]Стрѣляй, князь великый, по всѣмъ землям, стрѣляй, князь великый, с своею храброю дружиною поганого Мамая хиновина за землю Рускую, за вѣру христьяньскую[24]. Уже поганые оружия своя повергоша[25], а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уныша гласи их.

И отскочи[26] поганый Мамай от своея дружины серым волком[27], и притече к Кафе[28] граду. Молвяше же ему фрязове: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То тя била орда Залѣская. А не бывати тобѣ в Батыя царя. У Батыя царя было четыреста тысящь окованые рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил богъ Рускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з дѣвятью ордами и 70 князями. А нынѣ ты, поганый, бѣжишь самдевят в лукоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тобя князи руские горазно подчивали, ни князей с тобою, ни воевод! Нѣчто гораздо упилися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ! Побѣжи ты, поганый Момай, от насъ[29] по задлѣшью[30]».

---

[15] *В И-1* — иже; *в И-2 и У* — наше; *в С — нет.* [16–17]*Так в И-1; в И-2:* камки и насычевы вѣзут женам своим; *в С:* и камки, носечи, сребро и злато; *в У — нет. В окончании Печатного варианта во вставке из «Задонщины» имеется:* везучи в землю Рускую уюсы и насычи. [18] *Так в И-2; в И-1* — възнесеся; *в У* — воснесеся. [19–20] *Так в И-1; в У:* по всей земли, а на поганых татар промчеся злых бусорманов хула и пагуба. [21] *Так в И-1; в У* — земли. [22] *Так в И-1; в У* — текут грозы; *в С — нет.* [23–24] *Так в И-1; в У:* И князь великий своею храбростию и дружиною Мамая поганого побил за землю за Рускую и за вѣру крещеную. [25] *В У доб.* — на землю; *в И-1 — нет.* [26] *Так в И-1; в У* — отскоча. [27] *В У доб.* — взвыл; *в И-1 — нет.* [28] *Так в С; в И-1* — Кафы; *в У* — Хафѣсте. [29–30] *Так в И-1; в У:* по задѣнеш и нам от земли Руской.

[31]Уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милують его[32]. Тако господь богъ помиловал князей руских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича меж Дона и Непра, [33]на полѣ Куликовѣ, на рѣчки Непрядвѣ[34].

И стал великий князь Дмитрей Ивановичь сь своим братом с князем Владимером Андрѣевичем и со остальными своими воеводами на костѣхъ на полѣ Куликове на речьке Непрядвѣ[35]. Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотрети, иже лѣжат трупи крестьяньские [36]аки сѣнныи стоги[37] у Дона[38] великого на брѣзе, а Дон река три дни кровию текла. И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Считайтеся, братия, колько у нас воевод нѣт и колько молодых людей нет». Тогды говорит[39] Михайло Александровичь московский боярин князю Дмитрѣю Ивановичю: «Господине[40] князь великий Дмитрѣй Ивановичь, нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князей бѣлозѣрьских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховскихъ, 30 панов литовскихъ, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 50[41] бояръ суздалских, 40 бояръ муромских, 70 бояр рѣзаньских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецкихъ. А посечено от бѣзбожнаго Мамая полтретья ста тысящь и три тысечи. [42]И помилова богъ Рускую землю, а татаръ пало безчислено многое множество[43]». И рече князь великий Дмитрей Иванович: «Братия, бояра и князи, и дѣти боярские, то вам сужено мѣсто меж Доном и Непром, на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ[44]. И положили есте головы своя[45] за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и

[31–32] *В У:* Уподобился еси милому младенцу у матери своей; *в И-1:* Намъ земля подобна есть Руская милому младенцу умрети, его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милують его; *в С — нет.* [33–34] *В И-1:* на полѣ Куликовѣ, на рѣчки Направдѣ; *в У — нет.* [35] *В У* — Напрядѣ. [36–37] *Так в И-1; в У — нет.* [38] *В У* — Дуная. [39] *В У доб.* — стоя. [40] *Так в И-1; в У* — государь. [41] *Так в И-1; в У* — 8. [42–43] *Так в И-1; в У:* Слава тебѣ, господи боже нашь, помиловалъ насъ. [44] *В У* — Напрядѣ; *в И-1* — Направдѣ. [45] *В У доб.* — за святыя церькви; *в И-1 — нет.*

в будущем. И пойдем, брате, князь Владимер Андрѣевичь, во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени. Богу нашему слава».

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО, КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ, КАК ПОБЕДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича. Поведали нам, брат, что царь Мамай пришел на быстрый Дон, на Русскую землю, и идет к нам в землю Залесскую. Пойдем, брат, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого пошла Русь православная. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. А оттуда посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове — поганые татары, басурманы. Вот они на реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры живет Русская земля невесело, а от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью покрылась, плача, сыновей своих поминая: князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили и дома свои, и богатство, и жен, и детей, и скот свой и, получив честь и славу мира сего, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Сначала описал я жалость Русской земли и все остальное по книгам, а потом описал жалость и похвалу князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Соберемся вместе, братья и друзья и сыновья русские, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю и кинем печаль на Восточные страны — в земли удела Симова, и отомстим поганому Мамаю победой, и воздадим похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу. И скажем такое слово: А ведь лучше нам, братья, начать рассказывать по-иному о славных этих нынешних повестях, о походе великого князя Дмитрия Ивановича и брата его,

Бѣгъ ѿтакы книгаи, и богатыри Алевзя Киевъ
всяне ѿнели не пустошили всю землю Рускую.

В лѣто шесть тысящи, осмь сот, осмьдесят свершися славное Донское
Побоище, мца сентябра в и дня, великому князю
Дмитрию Ивановичю, и брату его князю Володимеру Андрееви
чю, с поганым царем Мамаем

51. Сказание Задонщина сказана и написана в вашей книге,
Похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и бра
ту его Володимеру Андреевичю. Говорит князь велики
Дмитрие Иванович брату своему князю Володимеру
Андреевичю што бы брате поганого царя Мамая в полунощную
страну, вместо жребия сына Ноева, от негоже родися Русь
православная, взыдем брате на горы Киевския посмотрим сла
вного Днепра, и всю землю роскую, и древние восточные
Посотворити Мамая сево есть царя безбожного. Потом же паки
сотворим похвалу великому Дмитрию Ивановичю, и брату
его князю Володимеру Андреевичю, станем брате слово вечно
составим слово по словом во веки русскую землю. Пойдем брате
на восточную страну, все древние в брани повоевати поганого
царя Мамая, говорит князь великий Дмитрие Иванович
брату своему князю Володимеру Андреевичю с Рязани

князя Владимира Андреевича, а правнуки они святого великого князя Владимира Киевского. Начать рассказывать надо по делам и по былям. Вспомним давние времена, похвалим вещего Бояна, искусного гусляра киевского. Ведь тот вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, славы пел русским князьям: первую славу великому князю Киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония и восхвалю песнями и гуслярными радостными словами великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, а внуки они святого великого князя Владимира Киевского...

А от Калкской битвы до Мамаева побоища прошло 160 лет.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его Владимир Андреевич, помолясь богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, поострив сердца свои мужеством и преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего — великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, светлых дней утеха, возлети под синие облака, посмотри на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу. Не буря ли соколов занесет из земли Залесской в поле Половецкое! На Москве кони ржут, звенит слава по всей земле Русской, трубы трубят на Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона великого на берегу, звонят колокола вечевые в Великом Новгороде. Стоят мужи новгородские у храма Святой Софии, так говоря: «Уже нам, братья, не поспеть на помощь к великому князю Дмитрию Ивановичу!» И как только слово это промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, не орлы это слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода, а с ними семь тысяч войска, на помощь к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

К славному городу Москве съехались все русские князья и говорят: «У Дона стоят татары поганые, и Ма-

май-царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти и отдать жизнь свою к нашей славе».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, удивим весь мир, чтобы старые рассказывали, а молодые поминали, храбрецов своих испытаем и реку Дон кровью зальем за землю за Русскую и за веру христианскую!»

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, все мы гнездо великого князя Владимира Киевского, рождены мы не на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому псу Мамаю».

О соловей, летняя птица, вот бы ты, соловей, выщелкал славу и великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, и двум братьям Ольгердовичам земли Литовской — Андрею и Дмитрию, да еще и Дмитрию Волынскому. Ведь они-то сыновья храбрые, кречеты в ратное время, полководцы славные, под трубами повитые, под шлемами взлелеянные, с конца копья вскормленные, с острого меча вспоенные в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович брату своему: «Брат Дмитрий, оба мы с тобой братья, сыновья Ольгердовы, внуки Гедиминовы, а правнуки Сколомендовы. Соберем, брат, милых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, сядем на своих борзых коней и посмотрим на быстрый Дон, попьем из него шлемом воды, испытаем свои мечи литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие — о байданы бусурманские!»

И говорит ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю Русскую и за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в каменном городе Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит: стучит сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своего борзого коня, а мои кони уже готовы — наперед твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и посмотрим свои полки — сколько, брат, с нами храброй литвы. А храброй литвы с нами — 70 тысяч латников. Вот уже, брат мой, подули сильные ветры с моря на устья Дона и Днепра,

принесли тучи великие на Русскую землю. Из туч этих выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому у речки Непрядвы, меж Доном и Днепром, пасть трупам человеческим на поле Куликове, пролиться крови у речки Непрядвы!»

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром: идет хинова на Русскую землю! Набежали серые волки от устья Дона и Днепра и воют, став у реки у Мечи, хотят кинуться на Русь. То ведь не серые волки — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями восплескали. То ведь не гуси загоготали и не лебеди крыльями восплескали: это поганый Мамай пришел на Русскую землю и войска свои привел. А уже беды их подстерегают крылатые птицы, летаючи под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, и лисицы брешут: кости чуют.

Русская земля, ты теперь как за царем Соломоном побывала!

А уже соколы и кречеты, белозерские ястребы рвутся из золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звеня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на великие стаи гусиные и лебединые, — то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович, вступив в золоченое стремя, сел на своего борзого коня и, взяв меч в правую руку, помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно с востока сияет и путь добрый ему предвещает, а святые Борис и Глеб молятся за успех потомков своих.

Что шумит, что гремит рано перед зорями? Князь Владимир Андреевич полки расставляет и ведет их к быстрому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не ослабевай, брат, перед погаными татарами, — ведь уже поганые поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»

И говорит ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич, мы с тобой братья, а потомки мы великого князя Владимира Киевского. Воево-

ды уже у нас назначены — 70 бояр, и крепки князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да и Микула Васильевич, да еще и двое братьев Ольгердовичей, да и Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина прославленная, и под нами кони борзые, а на нас доспехи золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы франкские, а мечи булатные. А дороги и броды воинам ведомы, и готовы они головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Как живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон быстро перелетели и ударили на великие стаи гусиные и лебединые. То ведь были не соколы и не кречеты — то наехали русские князья на силу татарскую. Затрещали копья харалужные, зазвенели доспехи золоченые, застучали щиты червленые, загремели мечи булатные о шеломы хиновские на поле Куликове, у речки Непрядвы.

Почернела земля под копытами, костями татарскими поля засеяны и кровью политы. Могучие полки сошлись вместе, и потоптали холмы и луга, и замутили реки, потоки и озера. Кликнуло Диво в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Ворнавичам, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову. И оттуда к Царьграду на похвалу князьям русским: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликове, у речки Непрядвы.

На том поле сошлись тучи великие, а из них всё сверкали молнии и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыны с погаными татарами за свою обиду. А сияли их доспехи золоченые, и гремели русские князья мечами булатными о шлемы хиновские.

И бились с утра до полудня в субботу на рождество святой богородицы.

Не туры возрыкали у Дона великого на поле Куликове. И не туры побеждены у Дона великого, а посечены князья русские, и бояре, и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича, побиты погаными татарами князья

белозерские: Федор Семенович, да Семен Михайлович, и Тимофей Волуевич, и Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович и еще много иных дружинников.

Пересвета-чернеца, брянского боярина, на судное место привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Уж лучше нам посеченным быть, чем плененным быть погаными татарами». Так вот Пересвет и поскакивает на своем борзом коне и злаченым доспехом посвечивает, а другие лежат посечены у Дона великого на берегу.

Хорошо бы в то время старому помолодеть, а молодому силу свою испытать. И говорит Ослябя-чернец брату своему Пересвету-старцу: «Брат Пересвет, вижу на теле твоем раны тяжкие, уже слететь, брат, голове твоей на траву ковыль, и моему сыну Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликове, у речки Непрядвы за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в то время по Рязанской земле около Дону ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, но только всё вороны грают над трупами человеческими. Страшно и жалостно в то время слышать, что и трава кровью полита, и деревья от печали к земле склонились.

И запели птицы жалобные песни — заплакали все княгини, и боярыни, и все воеводские жены о убитых. Жена Микулы Васильевича Марья на рассвете плакала, на стене Москвы-города причитала: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты горы каменные и течешь в землю Половецкую. Прилелей же господина моего Микулу Васильевича ко мне». А жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселье мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича в живых». А Андреева жена Марья и Михайлова жена Аксинья на рассвете плакали: «Вот уже обеим нам померкло солнце в славном городе Москве, донеслись к нам с быстрого Дона полонянные вести, принесли великую беду: сошли наши удальцы с борзых коней на судном месте на поле Куликове, на речке Непрядве. А Диво уже кличет под саблями татарскими, а русские богатыри изранены».

Тут воспели щуры на рассвете жалобные песни на

стенах Коломенских в воскресенье, на Акима и Анны день. То не щуры воспели на рассвете жалобные песни — восплакались жены коломенские, так причитая: «О Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Причитали они: «Можешь ли ты, господин великий князь, веслами Днепр загородить, Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку запрудить трупами татарскими? Замкни же, государь великий князь, Оке-реке ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ездили. Уже мужья наши от ратей устали!»

В тот же день субботний на рождество святой богородицы посекли христиане поганые полки на поле Куликове, у речки Непрядвы.

И, кликнув громко, князь Владимир Андреевич поскакал со своей ратью на полки поганых татар, золоченым своим шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И хвалит он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, во время это злое ты нам — словно крепкая стена. Не медли, князь великий, со своими могучими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей немало побили, а через трупы человеческие борзые кони скакать не могут, в крови по колено бродят. Горестно, брат, видеть кровь христианскую. Не медли, князь великий, со своими боярами!»

И говорит князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы и дети боярские, тут вам не ваши московские сладкие меды и великие места. Добывайте здесь, на поле брани, места себе и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой чести добыть!»

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора во веки, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он богу и пречистой его матери и всем святым, и прослезился горько и утер слезы.

И тогда точно соколы полетели стремглав на быстрый Дон. То не соколы полетели, то скачет князь великий Дмитрий Иванович за Дон, со всей силою своею.

И говорит: «Брат, князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары поведенные, наедем, брат, со своими сильными полками на рать поганых татар».

Тогда начал наступать князь великий. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские, а поганые басурманы головы свои руками прикрывают. И поспешно поганые отступают. Ревут стяги великого князя, бегут поганые, а русские сыны поля широкие кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже стал тур в обороне.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых назад повернули и начали их бить и сечь жестоко, ужас на них наводя. И князья их низверглись с коней, и татарскими трупами поля засеялись, и реки кровью их потекли. Тут поганые рассыпались в смятении и побежали непроторенными дорогами в Лукоморье, и скрежещут они зубами своими, и царапают лица свои, так причитая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать и детей своих не видать, а жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю и целовать зеленую мураву, а на Русь ратью нам не хаживать и даней-выходов нам у русских князей не испрашивать». И уже застонала земля татарская, бедами и печалями охвачена, пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. А веселья у них и в помине нет.

Уже сыны русские захватили татарские убранства дорогие, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и драгоценности; шелка везут женам своим. И вот русские жены забряцали татарским золотом.

Уже всюду на Русской земле веселье и ликование. Вознеслась слава русская над хулой поганых. Уже низвергнуто Диво на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям текут.

Стреляй, князь великий, по всем землям, стреляй, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамая-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали и головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и унылы голоса их.

И отскочил поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю? Ведь побила тебя орда Залесская. А не бывать тебе Батыем-царем. У Батыя-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю землю Русскую от востока и до запада. А казнил бог Русскую землю за ее грехи. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, со многими силами, с девятью ордами и 70-ю князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девять в Лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, крепко тебя князья русские подчивали: нет с тобою ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликове, на траве ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас!»

Подобна земля Русская милому младенцу у матери своей: его мать ласкает, а война лозой казнит, а добрые дела превозносят. Так и господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, на поле Куликове, на речке Непрядве, между Доном и Днепром.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на поле Куликове, у речки Непрядвы. Страшно и горестно, братья, в то время было смотреть: лежат трупы христианские как сенные стога на берегу Дона великого, а Дон-река три дня кровью текла. И говорит князь великий Дмитрий Иванович: «Посчитайте, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей». Тогда говорит Михайло Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас 40 бояр московских, 12 князей белозерских, 30 новгородских посадников, 20 бояр коломенских, 40 бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20 бояр переяславских, 25 бояр костромских, 35 бояр владимирских, 50 бояр суздальских, 40 бояр муромских, 70 бояр рязанских, 34 бояр ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр угличских. А посечено от безбожного Мамая двести пятьдесят тысяч и три тысячи. И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братья бояре и князья и дети боярские, то вам судное место между Доном и Днепром, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите и в этой жизни и по смерти.

Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, в свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении; а чести, брат, добыли и славного имени.

Богу нашему слава!»

Федор Глинка

18

Ярославнин голос слышится
На стене Путивля-города:
«Полечу я, — говорит она, —
По реке Дунаю зе́гзицей,
Омочу рукав бобровый мой
Во струях Каялы быстрыя,
Раны оботру кровавые
Я на теле друга милого!»
Ярославнин голос слышится
На стене Путивля-города:
«О ветрила, ветры буйные!
Вы к чему так сильно веете?
. . . .
Вы бушуйте средь песков и вод,
Корабли носите по́ морю,
Но зачем мое веселие,
Как ковыль-траву, развеяли?
. . . .
Быстротечный и преславный Днепр!
Принеси скорей назад ко мне
Моего супруга милого.
Я бы рано посылать к нему
Перестала слезы по́ морю! . .»

1816

19. СЕТОВАНИЕ РУССКОЙ ДЕВЫ

Ветер тихий, ветер тихий,
Тиховейный сын весны,
Ты зачем так долго медлишь
В милой родине моей?

Напитайся, ветер тихий,
Ароматом здешних мест
И лети, лети в чужбину,
Под шатры в военный стан.

Быстротечный, быстротечный,
Сладководный шумный Днепр!
Говорят, свои ты волны
К морю синему несешь...

Что до моря? — Не напóишь
Ты бездонной глубины;
Потеки, река *родная,*
К другу сердца в *чуждый* край.

Там на знойном битвы поле
Жаждет воин молодой:
Окропи уста и раны
Сладкой родины водой!..

Месяц светлый, месяц светлый!
Что на бедную глядишь? —
Не осушит луч холодный
Слез горючих на очах...

Ах, спеши туда, где милый,
И златым своим лучом
Заблистай ему светлее,
Поиграй с его мечом!..

Но увы! напрасно дева
О любезном слезы льет:
Он давно за Рейном шумным
Беспробудным сном почил!

Воин храбрый, воин храбрый,
Не видать тебе луны,
Ни красы родного солнца,
Ни полей родной страны!..

О тебе дойдет лишь слава
В милый сердцу русский край,
Что на битвах ты, как русский,
Храбр и страшен был врагам.

Много пало, много пало
Там, в зареинских полях;
Но блажен, кто умер славно:
Он *бессмертен* будет век!

Между 1812—1816

Н. М. Языков

20. ПЕСНЬ БАРДА ВО ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА ТАТАР В РОССИИ

О! стонати Русской земле, помянувше пръвую годину и пръвых князей.

Слово о полку Игореве

Где вы, краса минувших лет,
Баянов струны золотые,
Певицы вольности, и славы, и побед,
Народу русскому родные?

Бывало: ратники лежат вокруг огней
По брегу светлого Дуная,
Когда тревога боевая
Молчит до утренних лучей.
Вдали — туманом покровенный
Стан греков, и над ним, грозна
Как щит, в бою окровавленный,
Восходит полная луна!

И тихий сон во вражьем стане;
Но там, где вы, сыны снегов,
Там вдохновенный на кургане
Поет деянья праотцов —
И пе́рсты вещие летают
По звонким пламенным струнам,

И взоры воинов сверкают,
И рвутся длани их к мечам!

Наутро солнце лишь восстало —
Проснулся дерзостный булат:
Валятся греки — ряд на ряд,
И их полков — как не бывало!
И вы сокрылися, века полночной славы,
Побед и вольности века!
Так сокрывается лик солнца величавый
За громовые облака.
Но завтра солнце вновь восстанет...
А мы... нам долго цепи влечь;
Столетья протекут — и русский меч не грянет
Тиранства гордого о меч.
Неутомимые страданья
Погубят память об отцах,
И гений рабского молчанья
Воссядет, вечный, на гробах.
Теперь вотще младый баян
На голос предков запевает:
Жестоких бедствий ураган
Рабов полмертвых оглушает;
И он, дрожащею рукой
Подняв холодные железы,
Молчит, смотря на них сквозь слезы,
С неисцелимою тоской!

Конец июля — начало августа 1823

И. И. Козлов

21. ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Вольное подражание

Княгине З. А. Волконской

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна
Одна на городской стене:
«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;
Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его младой».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
«Ветер, ветер, о могучий!
Буйный ветер! что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил поток реки,

Вея ханскими стрелами
На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли?
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли,
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
«Днепр мой славный! ты волнами
Скалы половцев пробил;
Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил.
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеных вод, —
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывет».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
«О река! отдай мне друга —
На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слез к нему не слала
Синим морем на заре».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:
«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?

Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».

И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

11 октября 1825

М. Загоскин

22. ПЕСНЯ ДЕВУШКИ В ХОРОВОДЕ

Из «Аскольдовой могилы»

У окошечка у косящата
Красна девица сидит,
Поджидая друга милого
Из далекой стороны,
Во слезах поет, рыдаючи:
«О, ветер, ветер-государь!
Тебе мало ли высоких гор
Под облаками дуть;
Иль не стало тебе моря синего
Разыграться, распотешиться?
Не бушуй ты во чистом поле,
Не мути широкий Днепр,
Не мешай ты другу милому
На свою родимую сторонушку
Воротиться поскорей».

1833

А. Н. Островский

23. ПЕСНЬ ГУСЛЯРОВ ИЗ «СНЕГУРОЧКИ»

Вещие, звонкие струны рокочут
Громкую славу царю Берендею.
Долу опустим померкшие очи,
Ночи
Мрак безрассветный смежил их навечно,
Зрячею мыслью рыскучей оглянем
Близких соседей окрестные царства.

Чтó мне звенит по заре издалече?
Слышу и трубы, и ржание кóней,
Глухо стези под копытами стонут.
Тонут
В сизых туманах стальные шеломы,
Звонко бряцают кольчатые брони,
Птичьи стада по степям пробуждая.

Луки напряжены, тулы открыты,
Пашут по ветру червленые стяги,
Рати с зарания по полю скачут.
Плачут
Жены на стенах и башнях высоких:
Лад своих милых не видеть нам боле,
Милые гибнут в незнаемом поле.

Стоны по градам, притоптаны нивы,
С у́тра до ночи и с ночи до свету
Ратаи черными вранами рыщут.
Прыщут
Стрелы дождем по щитам вороненым,
Гремлят мечи о шеломы стальные,
Сулицы скрозь прободают доспехи.

Чести и славы князьям добывая,
Ломят и гонят дружины дружины,
Топчут комонями, копьями нижут.
Лижут
Звери лесные кровавые трупы,
Крыльями птицы прикрыли побитых,
Тугой поникли деревья и травы.

Веселы грады в стране Берендеев,
Радостны песни по рощам и долам,
Миром красна Берендея держава.
Слава
В роды и роды блюстителю мира!
Струны баянов греметь не престанут
Славу златому столу Берендея.

(Действие II, явл. 1)

1873

И. А. Бунин

24. КОВЫЛЬ

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями?

(Сл. о Пл. Игор.)

1

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Смутно травы шепчутся сухие, —
Сладкий сон их нарушает ветер.
Опускаясь низко над полями,
По курганам, по могилам сонным,
Нависает в темных балках сумрак.
Бледный день над сумраком забрезжил,
И рассвет ненастный задымился...

Что шумит-звенит перед зарею?
Что колышет ветер в темном поле?

Холодеет ночь перед зарею,
Серой мглой подернулися балки...
Или это ратный стан белеет?
Или снова веет вольный ветер
Над глубоко спящими полками?

Не ковыль ли, старый и сонливый,
Он качает, клонит и качает,
Вежи половецкие колышет
И бежит-звенит старинной былью?

2

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходит вдаль. Кругом все степь да степь.
Шумит трава дремотно и лениво,
Немых могил сторожевая цепь
Среди хлебов загадочно синеет,
Кричат орлы, пустынный ветер веет
В задумчивых, тоскующих полях,
Да тень от туч кочующих темнеет.

А путь бежит... Не тот ли это шлях,
Где Игоря обозы проходили
На синий Дон? Не в этих ли местах,
В глухую ночь, в яругах волки выли,
А днем орлы на медленных крылах
Его в степи безбрежной провожали
И клектом псов на кости созывали,
Грозя ему великою бедой?
— Гей, отзовись, степной орел седой!
Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!

...Безмолвна степь. Один ковыль сонливый
Шуршит, склоняясь ровной чередой...

1894

К. К. Случевский

25

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А всё как будто, бедная, тоскует,
И от нее не всё, не всё схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова — не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас — то здесь, то там — тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

1898—1902

Вл. Соловьев

26. ОТВЕТ НА «ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ»

К. К. Случевскому

Всё, изменяясь, изменило,
Везде могильные кресты,
Но будят душу с прежней силой
Заветы творческой мечты.

Безумье вечное поэта
Как свежий ключ среди руин...
Времен не слушаясь запрета,
Он в смерти жизнь хранит один.

Пускай Пергам давно во прахе,
Пусть мирно дремлет тихий Дон:
Всё тот же ропот Андромахи,
И над Путивлем тот же стон.

Свое уж не вернется снова,
Немеют близкие слова, —
Но память дальнего былого
Слезой прозрачною жива.

Пустынька
18 июня 1898

Валерий Брюсов

27. ПЕВЦУ СЛОВА

Стародавней Ярославне тихий ропот струн:
Лик твой скорбный, лик твой бледный, как и прежде, юн.
Раным-рано ты проходишь по градской стене,
Ты заклятье шепчешь солнцу, ветру и волне,
Полететь зегзицей хочешь в даль, к реке Каял,
Где без сил, в траве кровавой, милый задремал.
Ах, о муже-господине вся твоя тоска!
И, крутясь, уносит слезы в степи Днепр-река.

Стародавней Ярославне тихий ропот струн.
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.
Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто Слово спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел?
Или русских женщин лики все в тебе слиты?
Ты — Наташа, ты — и Лиза, и Татьяна — ты!
На стене ты плачешь утром... Как светла тоска!
И, крутясь, уносит слезы песнь певца — в века!

1912

Георгий Адамович

28

Девятый век у Северской земли
Стоит печаль о мире и свободе,
И лебеди не плещут. И вдали
Княгиня безутешная не бродит...

О Днепр, о солнце, кто вас позовет
По вечеру кукушкою печальной,
Теперь, когда голубоватый лед
Всё затянул, и рог не слышен дальный,

И только ветер над зубцами стен
Взметает снег и стонет на просторе,
Как будто Игорь вспоминает плен
У синего, разбойничьего моря?

1916

Максимилиан Волошин

29. ГРОЗА

Див кличет по древию, велит послушати Волзе, Поморью, Посулью, Сурожу...

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой,

И тутнет гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью, —
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

С туч ветр плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло...

То Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

1918

Александр Ширяевец

30. ПОСЛЕ ПОБОИЩА

(Васнецовское)

Он упал на цветы полевые
С половецкой стрелою в груди,
Смотрят в небо глаза неживые...
— Мать! Любимого сына не жди!

Не одна Ярославна заплачет!
Пьет Каяла багряную муть —
Захлебнулась!.. а птицы маячат
Жадным клювом бойцов полоснуть...

Озарила поля роковые
Кровяная луна с высоты,
Заглянула в глаза неживые,
На шеломы, колчаны, щиты...

— Спите с миром! Отважно вы сгибли!
Кудри-шелк ветер тронул слегка...
Сына мать не дождется в Путивле,
Молодица — милого дружка...

1928

Марк Тарловский

31. РЕЧЬ О КОННОМ ПОХОДЕ ИГОРЯ, ИГОРЯ СВЯТОСЛАВОВИЧА, ВНУКА ОЛЕГОВА

(Слово о пълку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова)

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Товарищи, старую быль взворошить
Не стоит ли нам для почина,
Чтоб Игорев конный марш изложить,
Рейд Святославова сына?

Мы слогом теперешним речь начнем,
На происшедшее глянув:
Певцу не к лицу изжитый прием,
Ветхий обычай Боянов.

Уж так он, Боян, в запевке мудрил:
Как векша, скакал чрез ветки,
Волком он серым в ловитве кружил,
Сизым орлом на разведке.

Притравит он, вспомнив завязку смут,
Лебедок сокольим десятком —
И птице, которую первой сгребут,
Петь гимн усобищным схваткам.

О старом она Ярославе трубит,
Романе, прослывшем статью,
Мстиславе, кем, на́зло касогам, убит
Редедя пред всей их ратью...

Не десять, товарищи, соколов
Бояну лебедок метали, —
То пальцы его у струнных колков
Славу князьям рокотали.

Мы речь от Владимира, братья, начнем
И с нашим Игорем свяжем,
Мы силу желаний, стесненных в нем,
И крепость духа уважим.

Точа свое сердце, как точат клинки,
В порыве кипя молодецком,
За Русь он лихие повел полки —
Биться в краю половецком.

2. НАПЕРЕКОР ЗАТМЕНИЮ

Вот Игорь на светлое солнце взглянул, —
Затмилось оно без причины.
Он, видя, что мрак всю рать затянул,
Сказал пред лицом дружины:

«Товарищи, братья, мы гибнем в бою
Охотней, чем плен принимаем.
Чтоб синего Дона познать струю,
Давайте коней оседлаем!»

У князя теперь одно на уме:
Хотя б им грозило уроном
Незримое солнце в нежданной тьме,
Он жаждет встретиться с Доном:

«Зазубрить мне — русские! — любо свой меч,
Блуждая по вражьим глубям;
То ль головы снимут враги нам с плеч,
То ль шлемом Дону пригубим».

О вещий Боян, былой соловей,
Что́, если б для рати могучей,
Щекочущей песней грянув с ветвей,
Ты замысел взнес под тучи!

Свивая разрозненные времена,
С Троянова б ты виадука
Шел низом и верхом... Будь так сложена
Песня Боянова внука:

«Не смерч соколов низвергнул с небес —
Дон черен от пришлой гали»...
Нет, пел бы Боян, чей пращур — Велес:
«В Засульи кони заржали,

В Киеве слава звенит»... или так:
«Труба в Новеграде трубёжит,
Стяги — в Путивле»... Дай, Всеволод, знак, —
Брат Игорь дождаться не может.

И вот он, Всеволод, тур боевой:
«Одна мне, — сказал, — отрада,
Свет, брат мой, в тебе! мы, Игорь, с тобой
Два Святославовых чада.

Коней своих быстрых, брат, снаряди.
Мои-то кони готовы:
Оседланы в Курске, ждут впереди,
Всадник на каждом бедовый.

Курян нам рожали под пенье труб,
Их в люльках шлемами крыли,
Не груди — мечи касались их губ,
Дом — степь им да яр чернобылий.

Звенит тетива и открыт колчан,
У каждого сабля — что надо,
Для князя он ищет славы чужан,
Честь ему, волку, привада».

3. НАПЕРЕКОР СУДЬБЕ

Вот князь на червонное стремя налег:
Ни зги на пути их чистом.
Померкшее солнце и гром — поперек,
Дичь откликается свистом.

Див море и Волгу смущает, трубя
Над глушью лесного ухаба,
Корсу́нь, и Сурож, и Сулу, и тебя,
Притмутораканская баба!

А половцы к Дону, славной реке,
Рванулись по пням и лозам.
Не лебедю лебедь трубит о стрелке —
Скрипят они в полночь обозом.

Князь к Дону свой конный ведет порожняк.
К знаменьям глух горемыкарь:
Не внемлет ни птице, ушедшей в дубняк,
Ни волку овражному Игорь.

Дичь клектом орлы приглашают на смрад.
Уже ты у русских окраин,
Ты скрыт за бугром, краснощитный отряд,
И лисьим брехом облаян!

Ночь мешкает. Утренний луч дрожит.
В тумане — путям перепутка.
Раскат соловьиный дрема глушит,
Галочья грает побудка.

Отряд краснощитных — их путь сквозь емшан,
Вся степь — щитовая преграда.
Для князя нужна им слава чужан,
Свой подвиг им, русским, привада.

Смелись, как от стрел, половчане от них —
День выдал их, выпав из пятниц,
И русский, топча их, брал, как жених,
Смазливых языческих ратниц.

Он золото взял, аксамиты и бязь,
Ковров награбил жадливо,
И свальным настилом легла на грязь,
Топи покрыла пожива.

Был красный бунчук с жеребячьим хохлом,
Был дротик, что чернью трачен,
Был князем, стремившимся напролом,
Хоругвенный стяг захвачен.

Спит с выводком Ольгович, хабрый гнездарь,
Вернутся ль с дальнего юга? . .
Ни сокол, ни кречет не цапал их встарь,
Ни ты, воронье-половчуга!

4. В ЛОВУШКЕ

К великому Дону пройти тайком
Кончак советует Гзаку.
Серым тот нехристь трусит бирюком,
Послушный ханскому знаку.

Торопится день, восток кровяня;
От моря тянется хмара:
Под ней солнцеравная четверня,
В ней молний синяя свара.

Быть знатному грому, быть ливню стрел,
Дождить над великим Доном;
Тут копьям — излом, тут саблям — предел,
Тут шлемы стоят заслоном.

За Доном течет Каяла-река.
Там будешь, пришлец, измаян.
О, скрыт за бугром ты! Русь далека,
Не видно ее окраин. . .

Вот с моря шлют стрелы на княжий стан
Ветрищи, внуки Стрибожьи.
Мутнеет стремнина, гудит курган,
Пыль на всем бездорожьи.

Идут половчане со всех краев —
И с Дона идут и с моря.
Нет русским пути, и на их прозёв
Знамена глядят, гуторя.

Вкруг русских смыкается целина
Под вой бесовских исчадий,
Но степь их щитами обагрена,
И нет мольбы о пощаде.

Тур Всеволод ярый! Ты принял бой,
Стоишь ты, стрелами брызжа,
Ты рушишь на шлем с поганой резьбой
Клинок булатного крыжа.

Там, тур, где червонный твой шлем блеснет,
Валяться башкам вповалку.
Меч, тур, твой аваров крушит вразмет,
Оправдывая закалку.

Что̀ раны тебе, если, чужд всему,
Ты отчий забыл Чернигов
И сласть прожитых с женой в терему,
Дареных Глебовной мигов!

5. УРОКИ ПРОШЛОГО

Всё прахом пошло: в саркофаге — Троян,
В ладье — Ярослав, и во гробе —
Олег-стрелосев, Святославич-смутьян,
Упорный коваль межусобий.

Он стременем звякал, коня оседлав,
В излюбленной Тмуторакани.
Тот звяк еще слышал старик Ярослав;
Его в ежесуточной рани

Владимир Черниговский слушал, бранясь
И уши себе затыкая.
Борис Вячеславич же, вспыльчивый князь,
Был насмерть Олегом покаян.

У Канины зелен Борисов покров.
    К Софии ж, как пал на Каяле,
До Киева, парой угорских одров
    Отца Святополка качали.

Олег Гориславич, крамолы севец,
    Бездолил потомство Даждь-божье,
И тяглый, усобицы княжеской жнец,
    Давился лукавством и ложью.

Звал покриком редко плугарь плугаря,
    Но вороны граяли часто,
И галочь была, про поклёв говоря,
    На трупной дележке горласта.

6. ПРОИГРАННОЕ СРАЖЕНИЕ

Рубились тогда и вязли не раз,
    Но с тем не сравнить, как ныне,
Среди половчан, пришелец увяз
    В бескрайней степной полыни.

С рассвета до тьмы, во тьме до зари
    Литые копья грохочут,
Там стрелы шныряют, нетопыри,
    О бронь мечи себя точат.

Засеян костями был чернозем,
    Копыта по ним стучали,
Их кровь залила, и пошли в подъем
    Побеги русской печали.

Чтó в ухе звенит, чем сны мои рвет
    Предзорья темень глухая? —
Брат Игорь полкам трубит заворот,
    О Всеволоде вздыхая.

Шла день, шла другой, шла третий резня.
    Тут стяги Игоря пали:
Расстала́сь у поймы, к исходу дня,
    Родня на быстрой Каяле.

Иссякли кровавые тут ковши,
Тут русские, кончив тризну
И сватьев насытив от всей души,
Костьми легли за отчизну.

Сочувственно никнет степной ковыль,
И стелется ствол плакучий.
Вот грустная вам, товарищи, быль!
Вот мощь в могиле сыпучей!

7. ПОСЛЕДСТВИЯ НЕОСТОРОЖНОСТИ

Лег под крылья Обиды Даждь-божий внук.
Чтоб Троянов юг обесхлебить,
В синей хляби морской, у Донских излук,
Заплескалась она, как лебедь.

Княжья смута росла. Брату брат кричал:
«Вот — мое, и это — мое же!»
Он заботой безделицу величал,
Кузней распрей стали сторо́жи.

Сводит счеты поганый с русской страной.
Ты зарвался, перепелятник,
Лукоморья достиг, о сокол шальной!
Не воскреснет Игорев ратник. . .

Русь — в дыму. Вопли плакальщицы над ней.
Потрясая пламенным рогом,
Забавляется ведьма игрой огней
И роняет их по дорогам.

«Не вернутся дружки, добычу везя, —
Слышен плач молодок надрывный, —
Нам подумать о них, помечтать нельзя,
Уж не наши — звонкие гривны!»

Слышит Киев, товарищи, весть о зле
И с Черниговом вместе стонет,
Черный смерч угрожает Русской земле,
Волны скорби по ней он гонит.

Что ни князь, то своих же бедствий коваль,
Что ни половец, то грабитель:
Бельей данью на шубы для готских краль
Обложил он двор и обитель.

Этот Игорь со Всеволодом вдвоем,
Эти отпрыски Святослава,
Разбудили усобицу лезвием,
Киевлян обойдя лукаво.

А ведь грозный, великий их опекун,
Святослав, с вершины престола
Мироносный низверг было свой колун
На гнездо, что свила крамола.

Взбаламутив речной и озерный ил,
Иссушив трясины и топи,
Он овраги курганами завалил,
Стал грозой поганых бестропий.

С лукоморья железный нехристь Кобяк,
На глазах у несчетных злыдней,
Святославовым вихрем был снят и — шмяк —
Очутился в Киевской гридне.

В той столице посланники венецьян,
Люд из греков, немцев, моравов
Восклицают согласно: «Игорь — смутьян!» —
Славословят дом Святославов.

«Князь по-детски в Каялу мощь уронил,
Погрузил в поток половецкий,
Там он русское золото схоронил», —
Рассуждают гости по-грецки.

Разлученный с седлом своим золотым,
Пленный Игорь сидит во вражьем.
Нам зубцами сторожей — набатный дым.
Там не бражничают — куда ж им!

8. СОН СВЯТОСЛАВА

А привиделся неясный сон
    Святославу в горнем Киеве:
«Вот мой сон, — сказал боярам он, —
    Суть его, кто может, выяви.

С ночи черный расстилали плат
    Мне над гробовою скрынею;
Разбавляя горечью утрат,
    Мне сливали брагу синюю;

Мне из полых варварских чехлов
    Сыпали на грудь жемчужины;
Без князька мой златоверхий кров —
    Доски гребня обнаружены;

В ночь пришлось мне серым вороньём
    Быть у Плесенска тревожиму,
Сквозь трущобу, полозным путем,
    Ехать к морю запорожьему. . .»

— «Сон, — сказали князю, — неспроста,
    В сердце, князь, не зря заёкало:
С золотого отчего шеста
    Взмыли ввысь два ловчих сокола.

Их найти Тмуторакань влекло,
    Взять хоть шлемом влаги Доновой,
Но в оковах, сломано крыло,
    Вот в чем суть виденья сонного».

9. СОН БЫЛ В РУКУ

Два столпа испе́плились в три дня,
    Два багряных доночерпия;
Двух светил затмившихся родня,
    Меркнет юное двусерпие.

Сумрачны Олег и Святослав.
    В море воинство потоплено.
Буйствуют ордынцы у застав.
    На Каяле тьма накоплена.

Половцы по русскому жнивью
Шнырят, как окотье баброво,
Вольный люд приравнен к воловью,
Трус высмеивает храброго.

На подзол уже низвергся Див.
Бьет прибой в спевальню готскую,
Звонким русским золотом снабдив
Хороводниц прелесть плотскую.

Шарукана с Бусом нараспев
Славят готки всем девчинником.
Хмурим лбы мы, игр их не стерпев,
До того ль уж нам, дружинникам!

10. РЕЧЬ О КОННОМ РЕЙДЕ

Святослав же клич свой золотой
Слил с укором проповедника:
«О мой Игорь, Всеволод ты мой,
Стыд вам, два моих наследника!»

Начал клич он золотой в слезах:
«В степи вторгшийся не вовремя,
Злой ваш меч сплеча и впопыхах
Над шатрами поднят обрими.

Кто сердца булатом вам облек,
Закалил в ловитвах дебряных?
Ваша слава — только жалкий клок
От седин моих серебряных.

Вам помог бы брат мой, Ярослав,
Князь, исполненный достоинства;
Он разбил бы половцев, послав
Тьмы черниговского воинства.

Тьмы татранов, топчаков, ревуг,
Тьмы шельбиров кормит родина,
Тьмы ольберов годны для услуг,
В них — надежда воеводина.

Без щитов могутны их тела,
И в железе засапожников
Им звенят их прадедов дела,
Покрик их рукоположников.

Вы сказали: «Слава утечет,
Если свяжемся содружеством.
Весь былой, весь будущий почет
Мы добудем нашим мужеством».

Галь кружит у нашего гнезда...
Разве, что ль, тряхнуть старинкою?
Сокол взмыл бы, если есть нужда, —
Он ведь крепнет с каждой линкою.

Но князья помочь мне не хотят!
Снова дани хан потребовал,
Римов жгут, Владимира когтят,
Кровь и мор у сына Глебова.

Князь великий Всеволод! вдали
Быстрой мыслию мне явленный,
В память бати Суздаль окрыли, —
Киев ждет тебя ославленный.

Ты гребками б Волгу раскропил,
Не вдевая их в уключины;
Будь ты с нами, шлемами бы был
Дон исчерпан взбаламученный;

Глебичам, пращам твоим живым,
Пленных ладили б по ре́зани,
По ногате б, торгом рядовым,
Брали девок из желез···они.

Дерзновенный Рюрик и Давид!
Вы ль, в крови мечом работая,
Не топили в паводке обид
Ваших шлемов с позолотою?

Не ревет ли каждый ваш храбрец
Туром, саблями израненным
И гонимым сквозь степной чебрец
Вам неведомым чужанином?

Лезьте ж в стремя — властью двух булав
Мстить за Русь, что стонет, выгорев,
За гнездо, что вывел Святослав,
За разбитый панцирь Игорев!

Золотопрестольный Ярослав,
Страж Карпатов восьмисмысленный!
Их железным рыцарством сковав,
Ты подпер верховья Вислины.

Крестоносец дрогнет среди туч,
На заслон твой взоры пялючи;
От Дуная стережешь ты ключ
И вершишь расправу в Галиче.

Слышит Киев, как течешь грозой
Ты за отчими пределами;
В свой престол упершись золотой,
Ты в султанов мечешь стрелами.

Обстреляй кочевнический сброд,
С русских нив Кончака выкурив!
Встань как вождь за Святославов род,
За разбитый панцирь Игорев!

Ты ж, Роман отважнейший, не зря
Со Мстиславом взыскан славою:
Бьете птиц вы, дерзостно паря,
Соколами в небе плавая.

Ваша бронь и римских шлемов блеск
Взоры радуют латынщикам;
Меч ваш фряжский, под всесветный треск,
Сделал половца повинщиком;

Руки вверх ятвяжская Литва
Подымает с Деремелою. . .
Но затмился Игорь, и листва
Не к добру кружится прелая.

Рвут Сулу и Рось нам, вечный сон
Войско Игоря занеговал,
Вас, князей, зовет на подвиг Дон,
По следам гнезда Олегова.

Всеволод и Ингварь, весь тройник,
Шестикрылья знать Мстиславова!
Ваших шлемов, ляшских лат и пик
Жду я, судьи дела правого.

Заградите нехристям проход,
Над отчизной стрелы взвихорив,
Мстя за храбрый Святославов род,
За разбитый панцирь Игорев!»

11. ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН

Не течет волной серебряной Сула,
Уж не моет стен Переяславля,
И Двину под грозным Полоцком ввела
В грязь и в топь языческая травля.

Изяслав лишь, сын Васильков, иззубрил
Звонкий меч свой шлемами литвинов;
Славу деда он, Всеслава, ободрил,
Красный щит на грудь свою надвинув.

Сам в траве, литовской саблей ободрен,
Он сказал на ложе смертной ласки:
«Стан твой, князь, могильной галью окрылен,
Кровь с нас волки слижут без опаски».

Не был Всеволод там, не был Брячислав.
Он один душой, как жемчуг чистой,
Изошел, ее сквозь рану потеряв,
Пропустив сквозь красное мониста.

Смолкли песельники. В Гродне — звуки труб.
    Ярослав и каждый внук Всеславов!
Стяг ваш в лохмах, меч лишь годен на изруб...
    Дед бы внучьих не одобрил нравов.

Это ваш поныне празднуя заман,
    Землю Русскую поганцы топчут.
Вы в хозяев превратили басурман,
    Двор Всеславов ныне стал холопчат.

12. УТРАЧЕННОЕ ИСКУССТВО

Выбрав суженую, выехал Всеслав
    За Троянову седьмую веху.
Нащипал он приворотных горьких трав,
    Чтоб в гаданьи не было огреху.

Ткнул он пикой стольный Киев золотой,
    Лютым зверем гриву сгреб конёву,
Ночь в пути ему на Белградский постой
    Синей мглы накинула панёву.

Двери Новгорода вышиб он дубьем;
    Волком он, на протяженьи суток,
Ярослава перекрыл в один прием
    И к Немиге добежал с Дудуток.

Стелют павших на Немиге сноповьем,
    Бьет по ним булатом молотило,
На току они прощаются с житьем,
    Веют души их от плоти стылой.

То не сеятель мирянских житных благ
    Обошел поемные булыги —
Кость он русскую посеял, а не злак,
    На кровавых берегах Немиги.

Был Всеслав, ночной бегун, по-волчьи борз:
    Князь — раздатчик вотчин и взысканий,
В ночь он крыл, пока великий медлил Хорс,
    Путь от Киева к Тмутаракани.

Им Софийский колокольный ранний звон
В Киеве из Полоцка был чуем.
Но, и вещим был хоть духом крепок он,
Счастьем редко он бывал балуем.

Вот какой ему припевкой в старину
Сам Боян еще велел merекнуть:
«Ни волхву, ни чародею-летуну
Приговòра свыше не избегнуть».

Вспомнив прошлое, о Русская земля,
Огласишься воплями кручинниц!
Твердь Владимирова старого кремля
Сделал зыбкой Киевский детинец.

Стяги пращура он делит, нам на стыд,
Ко вратам щита не приколотит. . .
Врозь разбредшиеся Рюрик и Давид
Друг от друга головы воротят.

13. ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Среди придунайских плавней
Копья в дали рассветной
Поют в ответ Ярославне,
Кукующей неприметно.

Она говорит: «Кукушкой
С Дуная бы я вспорхнула,
Рукав с бобровой опушкой
В Каялу бы окунула.

Кровавые княжьи раны
На теле твоем могучем
Утерла б я, мой коханый,
Своим рукавом плакучим».

Вот зорный плач Ярославны
В Путивле, с башни дозорной:
«О ветер, вихрун державный!
К чему твой порыв задорный?

К чему ты стрелы поганых
Крылом, натянутым туго,
Несешь, во мглах и туманах,
На знаменщиков супруга?

Иль мало тебе, что струги
Несешь на волну с волны ты,
Что в небе пути для вьюги,
Заоблачные, открыты?

Взамен веселья былого,
К чему мне печаль бобылья,
Тобой, государь, сурово
Навеянная с ковылья?»

Вот зорный плач Ярославны
В Путивле, с башни дозорной:
«О Днепр, о суда́рь преславный,
Ведь камень пробил ты горный!

Волною твоей качаем,
Грозил Святослав Кобяку,
Он плыл Половецким краем
И лодки вел на вояку.

Чтоб слез в морские поимни
Не стряхивала с плеча я,
Супруга, суда́рь, верни мне,
Обратной волной качая!»

Вот зорный плач Ярославны
В Путивле, с башни дозорной:
«Свет солнца, трем светам равный,
Ты любишь и стебель сорный!

Мор жажды зачем простер ты
Над мужним полком, владыка?
В колчане проклятья сперты,
И лук повело, как лыко. . .»

14. БЕГСТВО ИГОРЯ

В полночь море взыграло. Клубятся смерчи.
Князю Игорю бог указует в ночи
Путь к престолу отцовскому, к Русской земле
Из земли Половецкой, лежащей во мгле.

До краев затуманивается дол.
Игорь спит? .. — Игорь ждет! Игорь мысленно
счел,
Как велик тот невымеренный конец,
Путь с великого Дона на малый Донец.

Тихий свист за рекой. Игорь знает — Овлур.
Так вы князя и видели, чур его, чур!
Шурхнул лист, взгромыхали земные пласты,
Половецкие заколебались юрты.

Горностаем князь Игорь в тростник шмыгнул,
Белым гоголем в воду пловец нырнул;
На другом берегу быстрый конь его ждал, —
Серым волком к земле ездок припадал.

Несся птицей он к дружественному Донцу,
Мгла была соучастницей беглецу,
Был у сокола ужин, завтрак, обед:
Гусь да лебедь в когтях, и в тумане след!

Если соколом Игорь к лугам летел,
То и волк его, Влур, отстать не хотел.
Отряхал студену́ю всадник росу,
Капли крови дрожали в конском носу.

15. СЛАВА ДОНЦУ

Струи Донца в честь князя журчали:
«Вдоволь Кончак отхлебнет печали,
Русские лихо дудят пищали».

— «Славьтесь, — в ответ он, — струи
Донцовы!
Свежестью били князю в лицо вы,
Нежил его ваш берег тало́вый.

Луг ваш он сделал своей постелью,
Росной баюкаем он был капелью,
Спал над серебряной вашей мелью.

Стражей обслужен был Игорь чуткой:
В заводи — чайкой, в воздухе — уткой,
Зорким нырком над речной закруткой».

Нет, не сравнить Донца со Стугной:
Снега и льда нажравшись весной,
Речка та нрав явила иной.

Руслом, залившим корни дубрав,
Юный задержан был Ростислав.
Князь не попал на Днепровский сплав.

Черный под паводью отступной,
Слушает пойменый перегной
Плач его матери над Стугной.

В юности вянущие цветы
Шепчут: «Горюнишься ли и ты?»
Грабы погнулись от маяты.

16. ГЗАКУ ДОСАДА

То не сороки за Донцом стрекочут:
Гзак и Кончак вслед Игорю топочут.

Не слышно карканья, не слышно грая.
Молчат сороки, в камышах шныряя.

Ведет на ре́ку дятлия долбня,
Дробь соловьев — предшественница дня.

Гзак говорит: «Раз сокол — лётом к дому,
Бей золотой стрелой по молодому!»

Кончак в ответ: «Раз не удержан старый,
Мы сокольца́ пригожей свяжем парой».

А Гзак: «Раз так, он с привязью уйдет!
Поклёв нас в поле половецком ждет».

17. ЕДИНЫЙ ФРОНТ

Напомню вам я, Святославов певец,
Исход, сочиненный Бояном.
Его Ярославу он пел под конец,
Олегу и старым каганам:

«Без тела бы жить голова не могла,
Мертво и безглавое тело. . .»
Вслед Игорю солнце пробилось, и мгла
Над Русской землей поредела.

Дунайские девки поют на заре,
И вече шумит, объязычев.
Заморские струги преснеют в Днепре,
Князь Игорь плывет под Боричев.

У риз Пирогощей поклон он кладет.
Князь дома! Отечество радо.
Воздали князьям мы старинным почет —
Почтить современников надо:

Да чтятся ж Владимир, чей дед — Святослав,
И Всеволод, турьего чина,
И Игорь, противник поганых орав!
Да здравствуют князь и дружина!

1938

Сергей Городецкий

32. ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

До Дуная долетает
Горький голос Ярославны.
Одинокою кукушкой
На заре она тоскует:
«Полечу я вдоль Дуная,
Омочу рукав шелко́вый
В голубой волне Каялы,
Окровавленные раны
Оботру я на могучем
Теле лады моего».

Рано утром Ярославна
На стене Путивля-града
Причитает, горько плача:
«Ветер, Ветер ты могучий!
Для чего ты, господин мой,
Веешь воинам навстречу,
Гонишь буйными крылами
Стрелы острые на войско
Князя, лады моего?
Аль тебе простора мало
В небесах под облаками?
Аль не любо уж лелеять
Корабли на синем море?
Для чего же, господин мой,

Ты мое развеял счастье
По степному ковылю?»

Ярославна рано утром
На стене Путивля-града
Причитает, горько плача:
«Днепр мой славный, Днепр широкий,
Ты сквозь каменные горы
По просторам Половецким
К морю путь себе пробил.
На волнах своих лелея,
Нес ты ло́дьи Святослава
До Кобяковых полков.
Возлелей же, господин мой,
На волнах своих мне ладу,
Чтобы слез к нему на море
Мне чуть свет не посылать».

Ярославна утром рано
На стене Путивля-града
Причитает, горько плача:
«Солнце, светоч мой пресветлый!
Всех теплом своим ласкаешь,
Всем красой своей сияешь,
Для чего же, господин мой,
Зной лучей своих разящих
Простираешь ты навстречу
Войску лады дорогого
И в безводном поле жаждой
Сводишь луки им тугие
И колчаны жжешь тоской?

1938

Александр Прокофьев

33—35. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

«Я кукушкою печальной
По Дунаю полечу,
И в реке Каяле дальней
Я рукав свой омочу.

Там, где бой начнется снова,
Встречу князя поутру,
Рукавом ему бобровым
Кровь с жестоких ран сотру».

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

«Ветер, ветер в чистом поле,
Быстролетный, милый друг,
По неволе иль по воле
Веешь сильно так вокруг?

Ты зачем, взметнув потоки
Дуновеньем легких крыл,
Тучей ханских стрел жестоких
Войско милого покрыл?

Мало ль оболок кисейных,
Кораблей по синь-морям,
Так зачем мое веселье
Разомчал по ковылям?»

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

«Славный Днепр мой! Ты в просторы
Волны быстрые промчал
Через каменные горы,
Через землю половчан.

Без тревоги, без печали
Волны синие твои
Поднимали и качали
Святославовы ладьи.

Сжалься, Днепр мой, надо мною,
Над тоской наедине,
И с попутною волною
Друга ты примчи ко мне».

Так горько плачет Ярославна
В Путивле рано на стене:

«Солнце, солнце золотое,
В небе ярко ты горишь,
Солнце красное, родное,
Всем тепло и свет даришь.

Что ж ты нынче золотые
Стрелы мечешь для того,
Чтоб палить и жечь в пустыне
Войско мужа моего?

Луки жажда им согнула,
И, взлетая от песка,
Им колчаны позамкнула
В поле лютая тоска».

1937

ПЯТАЯ ПЕСНЬ

Перед зарею раным-рано
Что там шумит, что там звенит?
То Игорь скачет полем бранным,
И молоньи из-под копыт!

Два дня потоки стрел каленых
Летящих видела земля.
На третий Игоря знамена
Упали разом на поля.

Там полегли колчан с булатом,
Там смяты русские полки,
Там разлучились оба брата
На берегу Каял-реки.

Там кончен долгий пир богатый,
Там гостевали, как могли,
Там напоили вповаль сватов,
А сами в поле полегли

За землю русскую!
И тонет
В бескрайних тучах синева,
Печаль деревья долу клонит,
И никнет с жалости трава...

1938

ЯРОСЛАВНА

Сохранен твой след осенним ливнем,
Грозами и русскою зимой,
Ярославна — свет мой на Путивле,
Свет мой, день мой, век недолгий мой!

Где же, где же он, гонец крылатый,
С доброй вестью с грозных берегов:
Копьями, колчанами, булатом
Заслонен твой Игорь от врагов!

Видно, спор с ветрами не был равным.
Дальний друг, одно известно мне:
Плачем исходила Ярославна
На Путивля каменной стене.

Вот ко всем путям, тобой любимым,
Славословя, припадаю я:
К той земле, которой ты ходила,
К той воде, которая твоя!

Ты такая ясная, простая,
Ты такая русская в дому...
Пусть же никогда не зарастает
Торный путь к порогу твоему!

1939

В. Звягинцева

36. ЯРОСЛАВНА

Тихо мерцает серьга голубая,
Косам завидует ива любая,
Ветви купая в озерной воде.

Спится — не спится... и князь
не приснится.
Давеча билась в окошко синица:
Словно бы к новой какой-то беде.

Солнце в оконце глядит слюдяное...
Скучное солнце сегодня какое.
Нету доселе от князя гонца.

Очи отерла холщовою тканью
Да потихонечку, раннею ранью,
Тяжко вздыхая, спустилась с крыльца.

Легкой стопою на тропку ступила.
Чу!.. где-то кличет кукушка уныло.
— Ой, горемычная, словно как я.

Тих опустевший Путивль. Недалеко
Спит городская стена одиноко.
Скорбь посетила родные края.

Бьется за русскую землю дружина,
Чтобы над ней воронье не кружило,
Бьется далече родимая рать.

По́ небу тучи плывут и уходят, —
Доблесть высокая в юном народе
Будет с веками расти и мужать.

Век ли кручиниться нам по светлицам,
Косам неприбранным по ветру виться,
Бисеру слезному очи мутить?

Утро росистое. Пахнет как славно.
Ветер платочек сорвал с Ярославны.
— Все бы тебе, господине, шутить.

Встала над тихой путивльской стеною,
Запричитала кукушкой лесною,
Слышат — не слышат в степи ковыли.

Руки простерла в печали-кручине:
«Ветер, ветрило, к чему, господине,
Мечешь хиновские стрелы вдали?»

Утренний ветер в ответ ей крепчает,
Ветер полыни седые качает,
Треплет кустарник, ветлою шумит.

Воды днепровские там, за холмами,
Плещут, встают буревыми волнами:
«Чей это голос нас горько корит?»

Солнце малиной зарделось далече,
Слушает женские смелые речи,
Спряталось в облачном легком дыму.

Слышит князь Игорь: не копья запели,
Ветер поет — как над вешней капелью,
Голосом лады в далеком дому.

1939

В. Саянов

37. ИЗ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

1

Трубы трубят в Новограде,
И стоят в Путивле стяги;
Мила Всеволода-брата
Игорь ждет. И вот ему
Буй-тур Всеволод промолвил,
Свету-брату своему:

«Брат единый, брат мой светлый,
Святославичи мы оба,
Коней ты скорей, брат Игорь,
Снаряди своих лихих.
А мои уже готовы,
Ждут у Курской стороны,
А испытаны куряне:
С веку витязи они.
Все взлелеяны под шлемом,
Под трубою повиты,
Их с конца копья вскормили,
Все им ведомы пути.
Все овраги им знакомы;
Луки все напряжены,
И открыты все колчаны,
Сабли острые верны.
Словно волки, в поле скачут

И себе лишь чести ищут,
Славы князю своему».

Игорь-князь вступил в злат стремень,
Чистым полем едет он.
Солнце путь закрыло тьмою,
Ночь в лесах будила птиц,
Стонучи ему грозою.
Свист зверей вблизи поднялся,
Див на дереве кричит
И незнаемым всем землям
Слушать весть свою велит:

Волге,
      и Поморию,
            и Посулию,
                  и Сурожу,
                        и Корсуню,
                              и тебе,
Тьмутороканский идол!

К Дону половцы бежали
По неезженым путям.
Словно лебеди распуганные,
В ночь кричат телеги там.
И ведет князь Игорь войско
К Дону. Птицы пред бедой
По дубам разносят вести;
По оврагам волчий вой.
Клектом всех зверей на кости
В эту ночь зовут орлы,
И разлаялись лисицы
На багряные щиты.
О, теперь ты за курганом
Скрылась, русская земля,
Свет-заря уже пылает,
И покрыл туман поля.
Пробудился говор галок,
Соловьиный щекот смолк.

Русские щитами поле
Городили в эту тьму

И себе искали чести,
Славы князю своему.

2

Копья поют на Дунае,
Слышится плач Ярославны.
Одинокой кукушкой
Плачет она поутру.
«Полечу, говорит,
по Дунаю кукушкой,
В Каяле-реке омочу я
рукав свой бобровый,
На теле могучем
Князя
Кровавые раны утру».
Плачет с утра на Путивльской
стене Ярославна,
Так причитает она:
«О ветер-ветрило!
Зачем, господин мой,
Веешь ты сильно?
Зачем на войско милого мужа
Ты ханские стрелы домчал
На легких крыльях своих?
Мало ль тебе в вышине
Было под облаком веять,
Корабли
На море синем лелеять?
Зачем, господин мой,
По ковылям
Мое ты веселье развеял?»

В городе плачет Путивле
С утра на стене Ярославна,
Так причитает она:
«О Днепр Славутович!
Сквозь Половецкую землю
Горы
Ты, господин мой, пробил.
Ты лелеял ладьи Святослава
До войска Кобякова.

Мужа взлелей мне обратно,
Чтоб на море
Слез я не слала с утра».

Плачет с утра на Путивльской
стене Ярославна,
Так причитает она:
«Солнце, пресветлое солнце!
Всем, господин мой,
Ты даруешь красу и тепло.
Зачем же в безводных степях
Горячий свой луч
Ты на воинов мужа простерло?
Их колчаны
Замкнуло тоской?
Луки их
Жаждой свело?»

1939

Л. Татьяничева

38. ЯРОСЛАВНА

Снова дует неистовый ветер,
Быть кровавому, злому дождю.
Сколько дней, сколько длинных столетий
Я тебя, мой единственный, жду.

Выйду в поле, — то едешь не ты ли
На запененном верном коне?
Я ждала тебя в древнем Путивле
На высокой, на белой стене.

Я навстречу зегзицей летела,
Не страшилась врагов-басурман.
Я твое богатырское тело
Столько раз врачевала от ран.

Проходили согбенные годы
Через горы людской маяты,
И на зов боевой непогоды
Откликался по-воински ты.

Не считал ты горячие раны,
И на землю не падал твой меч.
Откатилась орда Чингис-хана
Головою, скошенною с плеч.

И остался на вечные веки
Ты грозой для пришельцев-врагов.
Омывают российские реки
С рук твоих чужеземную кровь.

. . .Снова ветер гудит, неспокоен,
Красный дождь прошумел по стране.
Снова ты, мой возлюбленный воин,
Мчишься в бой на крылатом коне.

Труден путь твой, суровый и бранный,
Но нетленной останется Русь,
И тебя я, твоя Ярославна,
В славе подвигов ратных дождусь.

1943

Павел Антокольский

39. ЯРОСЛАВНА

1

Над какою стеной зубчатой
Слышен голос тот стародавний?
Иль поют за Днепром девчата
О прабабке своей Ярославне?

Или, может, в снегах Урала,
Где ощерена вся природа,
Сказки горные собирала
Ярославна, душа народа...

Или, может, фронтам в усладу
По ночам, на волне короткой
Льется песня такого складу,
Песня женщины нашей кроткой...

Там железо грохочет в тучах,
Там свинцовая вьюга хлещет,
Бьются реки в корчах падучих,
На всё сущее смерть клевещет.

Так не бойся, не плачь, стихия!
Пусть одной только песней женской
Только эти губы сухие
Отвечают муке вселенской.

Есть у женщин такое право:
В половодьях любой непогоды
Быть надежною переправой
Через беды и через годы.

Льется песня та золотая.
Никогда уже не истлеть ей.
Это время поет, влетая
В огневые врата столетья.

Ну, так вспыхни же и не стихни,
Так склонитесь же, слов не тратя,
И прислушайтесь к песне ихней
Вы, мужья, сыновья и братья.

2

Полечу зегзицей по Дунаю.
Ой, не знаю, где он за Карпатами,
То ли умер, то ли жив, не знаю,
То ль зарыт германскими лопатами.

Полечу зегзицею далече,
Омочу бебрян рукав, не вымою.
Может, он железом искалечен,
Может, в ту же ночь непоправимую.

В ту ли ночь, а может, и не в ту же.
Сколько их прошло, никем не считано.
А о чем кричит ночная стужа,
Не пойму никак, о чем кричит она.

Ты не плачь, я и сама б умела,
Да не плачу, выстою пред гибелью.
Я сама бледна, белее мела,
Да не твой мороз лицо мне выбелил.

Встань же, солнце, милое трикраты,
Как вставало, помнишь, в годы ранние.
Никакой не может быть утраты.
Нет отчаянья. Нет умирания.

Мы сойдемся и дровец наколем,
Накалим времянку мы ко времени.
Мы студить жилище не позволим,
Жены человеческого племени.

Мы наварим щей, хлебов намесим.
Если жив, откликнись только голосу.
Сколько нас, — сочти страну по весям.
Сколько нас, — сочти поля по колосу.

3

Я знаю, как росла ты, как училась
В Путивле иль в Чернигове, дитя.
Как в ту весну всё это и случилось,
И сразу ты влюбилась не шутя,

Какой он был, твой Игорь, — русый, рослый,
Как в ту весну, в ту самую весну
Он по-матросски налегал на весла,
Когда переплывали вы Десну.

Как духовой оркестр играл у входа
В сад городской, в грядущие года,
А Игорь пел: «О, дайте мне свободу. . .»
Ты помнишь это, Ярославна?
— Да.

Я знаю, как был этот праздник прерван,
Как был он призван раннею весной
В сороковом году иль в сорок первом,
И вы прощались ночью над Десной.

Как он писал из армии, бывало:
«О русская земля, ты за холмом. . .»
Как ты ждала у городского вала
Любимого в отчаяньи немом.

Как ветер бил в глаза твои и скулы,
Как шла в тумане сонная река,
Как за рекой таинственные гулы
Ты слушала всю ночь издалека.

Я знаю, как ты слушала, не веря.
Еще никто не верил, что война
Стучится в наши кованые двери,
Скребется когтем по стеклу окна.

Я знаю, как ты напрягала зренье,
Как утопал родной твой городок
В лиловой, белой, розовой сирени
И как завыл окраинный гудок.

А ты не понимала, ты томилась
Своим непониманьем молодым.
Ты все-таки надеялась на милость,
На ту сирень, на тот лиловый дым...

Надеялась на самолетный клекот,
На дальний путь по переплету шпал,
На юношу в Прибалтике далекой...
А он в то утро без вести пропал.

4

Между тем канонада росла и звала
Всех разбойников черных на суд.
Ни траншеи восточного вала, ни мгла,
Ни отчаянье их не спасут.

Мы их бомбами бьем, и «катюшами» жжем,
И листовками хлещем в глаза.
Посмотрите, над водным вон тем рубежом
Закипела к рассвету гроза.

И моя Ярославна, моя красота,
Пусть участвует в нашем бою.
Ибо песня о ней высоко поднята.
Я о верности женской пою.

Я не вычитал древней картины из книг,
Не придумал ее почудней, —
Но ко всем тыщелетиям сердцем приник
На все тысячи маленьких дней...

Если к водному ты подошла рубежу,
Если ты на моем берегу, —
Ярославна, ты слышишь меня?
Я служу
Нашей родине так, как могу.

5

День придет. Не так далек он.
Слушай, милая, меня.
Ослепит квадраты окон
Сноп внезапного огня.
Флаг расплещется под ветром.
Затрубит оркестр. И ты
Встанешь утром в платье светлом
Небывалой красоты.
Ты одна из дома выйдешь.
Но вернемся мы вдвоем.
Ты сначала не увидишь
Шрама на лице моем.
Я начну как можно суше.
Только ты не бойся слез.
Только слушай, только слушай,
Как мне солоно пришлось.

За грядою гор горбатых
Снова горная гряда.
В той краине, на Карпатах,
Битва шла не дни — года.
Битва шла в далеких селах
За далекую страну.
Много нас, парней веселых,
Поседело в ночь одну.
Много нас, парней что надо,
Стало пеплом той земли.
Но сквозь ночь и канонаду
Мы, как острый нож, прошли.

Я любил тебя в тесной землянке,
Под заливистый хохот пурги.
В раскаленном до ужаса танке,
Когда били по танку враги.

Я любил тебя с той непогоды,
Что, три года крутясь и гоня,
Не сломила меня за три года,
Только жить научила меня.

— Молчи. Не надо вспоминать. Смотри
В глаза мои до самой до зари.
Как много дней, как много лет подряд
Ты с половцами бился, говорят,
И падал на Дону, и вновь вставал
На Перекоп и на Троянов вал,
И крепко спал под каменным крестом
На Бородинском поле. А потом
Под Сталинградом, смертью смерть поправ,
Поил коня у волжских переправ.
И вся земля, вся русская земля, —
Леса, овраги, хлебные поля,
Проселки, избы, озими, стога,
Студеных рек нагие берега, —
Вся даль земная мчалась за тобой
В иную даль, где шел бессмертный бой.

6

Сразу он и она замолчали.
Встали рядом, почти не дыша.
Видно, радость труднее печали.
И, оттаявши, ломит душа.

Ничегошеньки не понимая,
Синей влагой течет и течет,
Как река полноводная в мае,
Потерявшая времени счет.

Видно, гор голубые отроги
Не Карпаты для них, не Памир, —
А крутой поворот на дороге,
За которым рождается мир.

Там всё в цвету. Там юный человек
Встречает гимном свой железный век.
Морская соль сладка для моряка.
Ломает камень горная кирка.

Над колыбелью женщина поет.
Не спит мечтатель. Над землей встает
В короне, спаянной из горных руд,
Владыка мира — человечий труд.

Что печалишься, дочь Ярослава?
Что журишься, дружина моя?
Иль печаль твоя — вечная слава
Всем погибшим за други своя?

И она обняла его плечи,
Смотрит в очи, не прячет лица...
Нет конца, нет конца этой встрече,
Да и в песне не надо конца...

1944

Н. Рыленков

40. ЯРОСЛАВНА

Путивльский шлях. Полынная тоска,
Твой ждущий взгляд сквозь слезы — синий-синий.
Вошла ты Ярославною в века,
А в терему осталась Евфросиньей.

Ты подвиг свой свершала в тишине,
Смотрела в горе ясными глазами,
Чтоб в час зари на городской стене
Вздохнуть и душу облегчить слезами.

Давным-давно забыли камыши
И стук мечей, и чарок звон заздравный,
Но, голос твой узнав в родной глуши,
Мы повторим не раз под шум дубравный,
Что вдохновенье тот же вздох души,
Что Евфросинью сделал Ярославной.

1961

Виктор Соснора

41—47. *ПО МОТИВАМ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»*

Братья!
Настала година
браться за Слово Великое!

1

ГУСЛИ БОЯНА

У Бояна
стозвонные
гусли,
а на гуслях
русский орнамент,
гусли могут стенать, как гуси,
могут
и клекотать
орлами,
могут мудростью
с дубом спорить,
спорить скоростью
с волком
могут,
радость князю —
ликуют,
горе —
разом с князем горестно
молкнут.

У Бояна
бойкие струны!
Словно десять кречетов
статных
напускает Боян
на юное
лебединое стадо.
Первый кречет
кричит победно
песню-здравицу в честь Мстислава,
что прирезал Редедю
пред полками косогов бравых.
То не десять кречетов
юных —
десять пальцев,
от песен скорченных,
задевают струны,
а струны
сами славу князьям рокочут.
Или вдруг
заструятся
грустью,
журавлиною перекличкою. . .
У Бояна
стозвонные
гусли —
пе-ре-лив-чатые.

2

КОПЬЯ ПОЮТ НА ДУНАЕ

Над Путивлем Солнце-радость
велико,
а светит слабо.
На валу,
ограде града,
плачет лада Ярославна.

Плачет, голос поднимая,
до рассвета цвета ситца:

«Полечу я по Дунаю
бесприютною зегзицей.
Рано, рано
на Дунае
омочу рукав бобровый,
князю раны вспеленаю,
ототру
от крови
брови».
Над Путивлем ветер стылый
носит запах сечи душной.
Плачет лада:
«О Ветрило!
Отчего враждебно дуешь?
Отчего,
о Ветр-Ветрило,
добродушный и обширный,
мечешь
на воздушных крыльях
стрелы
в русскую дружину?

Мало ли тебе,
бездомный,
облака пинать по югу,
мало на море студеном
корабли волной баюкать?
Мало пригибать посевы,
дыбить мех
лесному зверю?
Отчего ж мое веселье
по ковыль-траве
развеял?»

Над Путивлем Солнце-радость
велико,
а светит слабо.
На валу,
ограде града,
плачет лада Ярославна,
плачет лада,

стоном стонет,
Солнцу слабому грозится:

«Полечу к тебе я, Солнце,
бесприютною зегзицей.
Отчего в безводном поле,
жар-лучи
кидая наземь,
пропитало потной солью
ты дружину мужа-князя?
Отчего тугие луки
ты им, Солнце,
раскачало,
покоробило им ту́гой
камышовые колчаны?»

Над Путивлем красны тучи,
будто Игоревы раны.
Поднимая голос круче,
плачет лада Ярославна:

«О могучий Днепр Славутич!
Расколол ты горы-камни,
Святославовы онучи
с Кобяковы сапогами
ты столкнул. . .
О господине!
Прилелей мне мужа завтра.
Не хочу
покрытым тиной,
а хочу
живым, глазастым».

3

СЮУРЛИЙ

Налегла на Сюурлий
мгла —
лиловый чад —
замигала,
заюлила

юркая заря
над разливом Сюурлий.

Соловьи закрыли клювы,
но, в предвестье орд,
вытаращив очи-клюквы,
                                        воронье ревет
над разливом Сюурлий.

Прислонив щиты к телегам —
там казна и раб, —
дремлют правнуки Олега.
Богатырский храп
над разливом Сюурлий.

Хан Кончак полки скликает,
и крадется Гза...

Замолчала под клинками
ратная гроза
над разливом Сюурлий.

4

КМЕТЫ-КУРЯНЕ

Мы, куряне,
            с пеленок воины,
нами все
        путь-дороги
знаемы,
наши тулы
          настежь отвóрены,
и всегда настороже
знáмена.
Если пьем —
            до отруты
бéленной,
если жрем —
            в животах
оскомина.

Мы под вопли труб
всколыбелены,
с наконечников копий
вскормлены.
Наши сабли
в брусках
изо́стрены,
луки,
что желваки,
напря́жены.
Сами скачем степями жесткими
день и ночь за врагами княжьими.

5

НОЧЬ ПЕРЕД ПОБЕГОМ

Разве
спрашивает
страх?
Двадцать стражников
у костра.
Двадцать стражников
и Кончак.
И у каждого
колчан.
Круп коняги в жару
груб,
двадцать стражников
жрут
круп
и прихлебывают
кумыс.
Половчане —
палач к палачу,
и похлопывают
— кормись! —
князя Игоря по плечу.
Но у князя дрожит
нога,
князь сегодня бежит,
но как?

Разве спрашивает
страх?
Двадцать стражников
у костра.

Раскорячен
сучок в костре.
Что колчан,
то пучок
стрел.
Что ни стражник, то глаз
кос —
помясистей украсть
кость.
Что ни рот — на одну
мысль:
поядреней хлебнуть
кумыс.

Двадцать стражников.
Ночь.
И у каждого
нож.

6

ПОБЕГ

Неказиста река Стугна,
и струя у Стугны
скудна,
и извилистый ил
на дне,
сухощавые утки
в плавнях.
Та Стугна затворила
Днепр
князю-мальчику
Ростиславу.
На Стугне
процветает
май,

жеребцы
потрясают
челками.
А по мальчику
плачет мать,
исцарапав ногтями щеки.
На заутрене бор
мокр.
Грай ворон черноперых
смолк.
Дятлы ползают по сучьям,
стуча.
Над рябинами
ползучий
чад.
Сняли свой ночной дозор
соловьи.
Углубился Игорь в бор, —
слови!

И сказал Кончаку Гза:
«Если сокол убежал
из гнезда,
не допустим соколенка
домой,
доконаем закаленной
стрелой».

И сказал Гзе Кончак:
«Если сокол в гнезде
зачах,
краснощекую
сочную де́вицу
мы положим около сокола;
никуда он тогда
не денется,
так и будет валяться
около».

И сказал Кончаку Гза:
«Ты держи начеку
глаза.

Бабу соколу
не подсовывай,
половчанки к русичам
слабы,
убежит половчанка
с соколом,
и не будет
ни князя,
ни бабы».

7

СЛАВА

Лихо Солнце поднебесное
колет Днепр
лучами
острыми.
Страны
рады,
грады веселы,
Днепр с утра
хлопочет
веслами.
Бусы у девиц
агатовые,
у девиц запевки
ладные.
Днепр с утра ладьи
побалтывает,
переполненные ладами.
Ну-ка, в хоровод!
Запаришься
под июльскими деревьями.
Песню спев князьям
состарившимся,
молодым споем
со временем.
Слава
Игорю со Всеволодом,
Киеву-городу
родимому.

И со Всеволодом
все в ладах,
и в ладах
с младым Владимиром!
Славься,
Русь,
лихими плясками!
Славься
злаками обширными!
Слава
Ярославне ласковой!
Слава
доблестным дружинникам!
Да будет!

1962

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания к тексту «Слова о полку Игореве», переводам «Слова о погибели Русской земли» и «Слова о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче» написаны О. В. Твороговым. Библиографические и текстологические примечания к поэтическим переводам — Л. А. Дмитриевым.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Адрианова-Перетц. Фразеология — В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве». — «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М. — Л., 1966, с. 13—126.

БАН — Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде.

Булаховский. К лексике «Слова» — Л. А. Булаховский. К лексике «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 14, М. — Л., 1958, с. 33—36.

Булаховский. О первоначальном тексте — Л. А. Булаховский. О первоначальном тексте «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, т. 11, вып. 5, 1952, с. 439—449.

Булаховский. Слово — Л. А. Булаховский. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка. — «Слово о полку Игореве». Сб. исследований и статей. М. — Л., 1950, с. 130—163.

Виноградова. Словарь — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова. Вып. 1, М. — Л., 1965.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве.

ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства — Н. М. Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным. — «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М. — Л., 1962, с. 169—254.

Еремин. Слово — И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — «Слово о полку Игореве». Сб. исследований и статей. М. — Л., 1950, с. 93—129.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

ИОЛЯ — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка.

ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.

КН — «Книжки недели».

Лихачев. Комментарий — Д. С. Лихачев. Комментарий исторический и географический. — Слово о полку Игореве. М. — Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 375—466.

Лихачев. Устные истоки — Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — Слово о полку Игореве. Сб. исследований и статей. М. — Л., 1950, с. 53—92.

Материалы для словаря — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, тт. 1—3. СПб., 1893—1912 (переиздание: М., 1958).

Обнорский. Очерки — С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. — Л., 1946.

Перетц — В. Н. Перетц. Слово о полку Ігоревім. У Київі, 1926.

«Слово» ПП и П — Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. Под общей ред. В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961.

Стеллецкий. Примечания — В. И. Стеллецкий. Примечания к древнерусскому тексту «Слова о полку Игореве». — Слово о полку Игореве. М., 1965, с. 121—213.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.

Сведения об изданиях древнерусских литературных памятников, упоминаемых в комментариях, см. в списке источников «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве"» (составитель В. Л. Виноградова, вып. 1, А — Г. М. — Л., 1965, с. 185—198).

I

Древнерусская рукопись «Слова о полку Игореве», принадлежавшая известному собирателю конца XVIII — начала XIX века А. И. Мусину-Пушкину, погибла вместе со всем его собранием рукописей в 1812 году в московском пожаре. В 1800 году в свет вышло первое издание «Слова». До нашего времени в СССР сохранилось в составе государственных библиотек и частных собраний 60 экземпляров этого издания (имеются книги первого издания и за границей). Некоторые восьмушки (со стр. 1—2, 7—8, 15—16 и 37—38) в первом издании перепечатывались дважды. До нас дошли книги как с замененными восьмушками, так и с архетипными. Изменения при перепечатке вносились главным образом в текст перевода и в примечания, но имеются отдельные различия и в древнерусском тексте памятника. Еще до первого издания Мусиным-Пушкиным

была сделана копия с древнерусского текста «Слова» для императрицы Екатерины II (в настоящее время находится в Центральном государственном архиве древних актов СССР, в Москве). В этом тексте имеется целый ряд разночтений с опубликованным в первом издании. Древнерусскую рукопись «Слова» видел, в числе прочих лиц, и Н. М. Карамзин. Он сделал некоторые выписки из древнерусского текста «Слова», которые привел в I, II и III томах своей «Истории государства Российского». Над первым изданием «Слова» вместе с А. И. Мусиным-Пушкиным работали Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский. Последний оставил ряд материалов, связанных с его работой над первым изданием. В этих бумагах А. Ф. Малиновского (в настоящее время хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в Москве) имеются листки с выписками из древнерусского текста «Слова». На основании всех этих источников [1] мы и должны судить о тексте «Слова о полку Игореве», читавшемся в той рукописи, которой располагал А. И. Мусин-Пушкин.

Комментарии к «Слову о полку Игореве» в данном издании носят по преимуществу филологический характер: основное внимание уделяется приведению параллелей к системе поэтических образов «Слова», анализу спорных и так называемых «темных мест» памятника. Читатель увидит, что «исключительность» «Слова» лишь в богатстве и насыщенности поэтического языка, а не в самих приемах создания образов, что «темные места» — в большинстве своем типичные для древнерусских рукописей ошибки и искажения, а некоторые из них возникли в результате неправильного прочтения рукописи первыми издателями. Одним из свидетельств древности «Слова» является текст «Задонщины», с его по большей части неудачными попытками приспособить отдельные образы «Слова» к изображению иных ситуаций, с его искажениями наиболее сложных метафор и сравнений и т. д. Некоторое количество сопоставлений «Слова» и «Задонщины» включено в комментарий. Не является чем-то необычным наличие в «Слове» редких и уникальных слов. Как показывают исследования, гапаксы, то есть слова, известные только одному тексту, встречаются почти в каждом древнерусском памятнике, есть они и в «Повести временных лет», и в «Поучении Владимира Мономаха», и в «Молении Даниила Заточника». По сведениям В. М. Истрина, из 6 800 слов, употребленных в Хронике Георгия Амартола — 910 гапаксов, причем 800 из них не было зафиксировано крупнейшими словарями древнерусского и старославянского языков (И. И. Срезневского и Ф. Миклошича). Все это необходимо учитывать, встречая в комментарии указание на уникальность того или иного слова.

---

[1] Характеристику текстологических принципов первого издания см.: Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРЛ, т. 13, М. — Л., 1957, с. 66—89. Описание всех экземпляров первого издания «Слова» и всех материалов, связанных с первым изданием, а также полную публикацию всех этих текстов см.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М. — Л., Изд. АН СССР, 1960.

Слово о пълку Игоревѣ, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. Заглавие, бесспорно, принадлежит самому памятнику, а не дано его первыми издателями; характерно, что оно, как и остальной текст, было переведено: «Песнь о походе Игоря...». На колебания издателей в принципах передачи древнерусского текста указывают и разночтения слова *полк* (пълку, плъку, полку) в двух вариантах набора издания 1800 г., Екатерининской копии и бумагах одного из издателей «Слова» — А. Малиновского.

Слово — широко распространенный в древнерусской литературе термин, обозначавший ораторское, церковно-учительное произведение, текст, воспроизводящий или имитирующий обращение к кому-либо («Слово Даниила Заточника», «Слово к мнихом», «Слово к Николаю латынянину»). «Словами» назывались также (в отдельных своих списках) воинские, бытовые, исторические или сатирические повествования: «Слово о безбожном царе Мамае» («Сказание о Мамаевом побоище»), «Слово и дивна повесть Динары царицы» («Повесть о Динаре девице»), «Слово о Акире Премудром» («Сказание о Акире Премудром»), «Слово о Дмитрее Басарге и о сыне его» («Повесть о Басарге купце»), «Слово о бражнике» («Повесть о бражнике») и т. д. Аналогично и «Слово о полку Игореве» называется дальше в тексте «повестью».

О пълку — слово *пълкъ* здесь может значить как «поход», так и «война», т. е. «о войне Игоря (с половцами)»; примеры из других источников («многи погибли на полку», «с полку пришедше») также подтверждают, что значение «поход» трудно отделить от значения «война, битвы».

Сына Святъславля, внука Ольгова. Название отца и деда князя обычно в старших летописях. Так в Ипатьевской летописи о начале похода Игоря говорится: «В то же время Святославичь Игорь, внукъ Олговъ поѣха из Новагорода». Ср. титулование в Лаврентьевской летописи: «Преставися Всеславъ, сын Изяславль, внукъ Володимерь» (под 1003 г.). «Родися у ... князя Всеволода, сына Гюргева, внука Володимера Мономаха сын» (под 1194 г.).

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы... Предлагались различные толкования этой фразы и следующего за ней вступления (см.: В. Г. Смолицкий. Вступление в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 12, М. — Л., 1956). Оборот *лѣпо ... есть* в значении «пристойно», «следует» широко употребим в письменных памятниках XI—XII вв., например: «Лѣпо ны было, братья ... поискати отець своихъ и дѣдъ пути» (Ипатьевская летопись); «нѣсть лѣпо намъ, братие, таити чюдесъ божии» (Житие Феодосия) и т. д. Наиболее вероятному переводу этой фразы «Не пристало ли нам, братия, начать...» — противоречит употребление глагола-связки *бяшетъ* в прошедшем длительном времени (имперфекте), что требует перевода «не пристало ли нам начинать». Однако это не согласуется с дальнейшим текстом памятника («Почнемъ же ... повесть сию») и поэтому является, видимо, ошибкой, оказавшейся в тексте на одном из этапов переписки памятника. Случай употребления связки в форме имперфекта находим и в Новгородской 1-й летописи: «князь еще малъ бяше». Характерно, что среди приведенных В. Н. Перетцем примеров — тринадцать случаев со связкой *есть* и лишь в двух случаях связка употреблена в про-

шедшем времени («Лѣпо ны было» и «лѣпо бо бяше»), что, впрочем, оправдано контекстом. Автор «Слова» не противопоставляет свой стиль «старым словесам» — т. е. слогу песен Бояна; напротив, он в традициях древнерусских книжников, склонных подражать образцовым творениям предшественников, стремится походить на Бояна. «Таким образом, если автор спрашивает: «Не лѣпо ли ... начяти старыми словесы», то он знает, у в е р е н, что «начяти старыми словесы» было бы „наилепейшим"» (В. Г. Смолицкий, с. 13). Аналогично считал и И. П. Еремин. О вступлении «Слова» он писал: «Перед нами своеобразный диалог автора с читателем на тему о том, как написать предлагаемое произведение. Диалог — условный, ибо ставится вопрос, уже предрешенный, намечается задача, в сознании автора уже выполненная» (Еремин. Слово, с. 101). Иногда видели в обороте «старыми словесы» как бы намек на позднее происхождение «Слова». Текст памятника опровергает это мнение: характерно, что все произведение пронизывает противопоставление «старого» «нынешнему»: Боян помнил «първыхъ временъ усобицѣ» и пел песнь «старому Ярославу», а автор «Слова» ведет повествование «отъ с т а р а г о Владимера до н ы н ѣ ш н я г о Игоря». Боян — это соловей «стараго времени». Минувшие «лѣта Ярославля» и походы Олега Святославича — это всё «ты рати» и «ты плъкы», противопоставляемые сегодняшней рати. Наконец, в эпилоге вновь находим противопоставление: «пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти». Итак, указание на «старые словесы» — отражение живого восприятия автором, современником описываемых событий, дистанции между его временем и недалеким прошлым. «Старые словесы», следовательно, — стиль песен и «слав» времени Бояна. Характерно, что автор «Задонщины», подражая «Слову», вынужденный искать эквивалент выражению «старыми словесы», называет свой слог «иными» словами: «Лудчи бо нам, братие, начати поведати иными словесы о похвальных и о нынешних повестех [о полку] великого князя Дмитрея Ивановича...» («Задонщина» по списку Ундольского).

Трудныхъ повѣстии. Следует переводить, видимо, «печальных, тяжелых»; в этом значении слово *трудныи* употребительно в древнерусских памятниках. Например: «труднымъ недугомъ гыбнуща» (Житие Андрея Юродивого), «въ трудныих хожении наших» (Летописный свод конца XV в.). Перевод: «начать старыми словами печальные повести», а не «начать старыми словами печальных повестей» возможен, если видеть здесь, как полагал С. П. Обнорский, пример употребления родительного «неполного объекта». Ср. также: «поостри сердца своего», «позримъ синего Дону», «забывъ чти и живота ... и своя милыя хоти, красныя Глебовны, свычая и обычая» и др. (Обнорский. Очерки, с. 165). Употребление слова *повѣсть* во множ. числе находим и в «Задонщине» («о похвальных и о нынешних повестех»), и в «Казанской истории» («Вы же внимайте ... слаткия повести сия»). Перевод: «старыми словами печальных повестей» — менее вероятен: он заставляет предположить существование (и осмысление средневековым автором!) особого «стиля» таких повестей.

По былинамь. Слово это пока что остается гапаксом, если не считать его второго употребления в одном из списков «Задонщины»,

где оно, по всей видимости, является реминисценцией чтения «Слова»; характерно, что в остальных списках «Задонщины» слово это искажено: «по делом по гыбелью», «по делом былым» вместо «по делом и по былинам» в списке Ундольского.

А не по замышлению Бояню. Сопоставление собственного произведения с творчеством поэтов или писателей прошлого мы находим и в других древнерусских и древнеславянских литературных памятниках. Кирилл Туровский, проповедник XII в., начинает одно из своих «слов» так: «Яко же историци и вѣтия, рекше лѣтописьци и пѣснотворци, прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати ... да украсять словесы и възвеличать мужьствовавъшая крѣпко по своемь цесари и не давъших в брани плещю врагом, и тѣх славяще похвалами вѣнчають, колми паче нам лѣпо есть и хвалу к хвалѣ приложити. . .». Ср. также предисловие к одному из рассказов Хроники Манассии (XIII в.): «Азъ въсхотѣвъ брань съписати якоже писавшиими прѣжде пишется о неи, и хотя глаголати не якоже Омиръ (т. е. Гомер. — *О. Т.*) съписуетъ, прощениа прося от благоразумныих. Омир бо сладкыи языкомъ и доброумными различныими ... премудрости украшаетъ словеса, инуду же много обращаетъ и прѣлагаетъ».

Боянъ. Личность этого полулегендарного древнерусского певца остается загадкой, хотя и привлекала к себе внимание многих исследователей (А. Х. Востокова, Н. В. Шлякова, Г. Н. Поспелова, М. Н. Тихомирова, В. Ф. Ржиги, Б. А. Рыбакова, А. В. Соловьева и др.). «Задонщина» также упоминает Бояна, называя его «славным киевским гудцом» (т. е. музыкантом, сказителем). В 1964 г. С. А. Высоцкий сообщил о найденной надписи (граффито) на колонне Софийского собора в Киеве, датируемой XII в.: «А передъ тими послухы купи землю княгыни Бояню вьсю». Разумеется, надпись не дает никаких оснований отожествить упомянутого Бояна с «вещим» Бояном «Слова», но свидетельствует о существовании в Киеве в XII в. человека с этим именем. Некоторые сведения о Бояне можно почерпнуть и из самого «Слова». Боян, воспевавший деяния Ярослава, умершего в 1054 г., Мстислава, умершего в 1036 г., и Романа Святославича, погибшего в 1079 г., жил, вероятно, позднее этих князей, что, по-видимому, и подчеркивает автор «Слова», говоря: «помняшеть б о, рече, първыхъ временъ усобицѣ» («ибо вспоминал, говорят, усобицы прежних времен»). Это согласуется и с другим свидетельством о Бояне, которое в первом издании читалось так: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣс[но]творца стараго времени Ярославля Ольгова коганя хоти». Интерпретация этой фразы оставляет немало спорного, но, думается, наиболее прав А. В. Соловьев (см. «Восемь заметок к „Слову о полку Игореве"». — Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII веков (ТОДРЛ, т. 20). М.—Л., 1964, с. 374—378), предложивший читать ее так: «Рек Боян и Ходына, Святъславля пестворца стараго времени Ярославля: «„Ольгова коганя хоти! . ."» (перевод: «Сказали Боян и Ходына, Святославли песнотворцы старого времени Ярославова: „Жена князя Олега! . ."»). Впервые мнение об упоминании наряду с Бояном и второго певца — Ходыны было высказано еще в 1894 г. И. Е. Забелиным (И. Забелин. Заметка об одном темном месте в «Слове о полку Игореве». — Археологические известия и

заметки. М., 1894, № 10, с. 297—301) и поддержано впоследствии В. Н. Перетцем, Д. И. Тиуновым, Д. С. Лихачевым, В. Д. Кузьминой. Можно несколько уточнить это чтение: «Сказали Боян и Ходына (о возможности согласования глагола лишь с одним из подлежащих см. в названной работе А. В. Соловьева, с. 376) Святославовы, песнотворцы старого времени Ярославова: „Жена князя Олега!..“». Таким образом, Боян — «Святославов песнотворец», т. е. «поэт» Святослава Ярославича, черниговского князя. Этим объясняются и сюжеты его песен: ведь Ярослав — отец Святослава, Роман и Олег — его сыновья, Мстислав — предшественник Олега на тьмутороканском престоле. Характерно, что если Боян в «Слове» — певец Святославичей, то в «Задонщине» Боян — «гораздый киевский гудец», певший «славы» всем русским князьям от Рюрика до Ярослава.

Существуют и другие мнения. Так, В. Ф. Ржига полагал, что «Боян был прежде всего песнотворцем Ярослава и в качестве такового должен был жить и творить, конечно, в центре тогдашней Русской земли, т. е. в Киеве. ... Особенно неправы исследователи, которые подчеркивают связь Бояна с черниговской ветвью княжеского рода. На деле это был песнотворец более широкого размаха и более глубокой исторической преемственности» (В. Ф. Ржига. Несколько мыслей по вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, 1952, т. 11, вып. 5, с. 430). Текст «Слова» не дает, однако, оснований для столь решительной критики и утверждения, что Боян являлся песнотворцем самого Ярослава.

Пѣснь творити. Не обязательно видеть здесь указание лишь на «творчество» — создание, слагание «песней». Тогда сочетание *пѣснь творити* можно поставить в ряд с широко употребительными в древнерусском языке формулами: *молитву творити, память творити* («провозглашать, произносить чье-л. имя») — и переводить: «петь песнь».

Растѣкашется мыслию по древу. Это выражение породило немало догадок. Н. Карелкин (в 1854 г.), а недавно Н. М. Егоров (Мышью или мыслью? — ТОДРЛ, т. 11, М. — Л., 1955, с. 13) и В. В. Мавродин (Одно замечание по поводу «мыси» или «мысли» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 14, М.—Л., 1958, с. 61—63) предлагали читать вместо *мыслию* — *мысию* или *мышию* (*мысь* — название белки в псковских говорах). Однако в «Слове» встречается и другое обращение к тому же образу («скача, славию, по мыслену древу»), что диктует поиски в другом направлении. Действительно, в обоих случаях речь идет о дереве, земле и поднебесье: «растѣкашется мыслию по древу — скача... по мыслену древу; сѣрымъ вълкомъ по земли — рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы; шизымъ орломъ подъ облакы — летая умомъ подъ облакы». Поэтому более плодотворными представляются попытки исследователей, ищущих объяснение символике «мысленного древа». В. Ф. Ржига полагал, что «растекатися мыслию по древу поэзии значит вообще творить поэтически, творить песни. Следующие затем образы растекания серым волком по земле, сизым орлом под облаками являются уже частной характеристикой отдельных свойств песнотворчества. Когда поэт во второй раз вспоминает творчество Бояна, образ дерева остается, но так как Боян превращается в

соловья, то поэзия уже представляется его пением и скаканием по древу: образ видоизменился, но прежнее значение древа не забыто, и автор, чтобы указать на особый характер этого древа, называет его мысленным» (В. Ф. Ржига. Мысленное древо в «Слове о полку Игореве». Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 111). Существует и толкование словосочетания «мысленное древо» и «древо» в данном контексте как обозначения музыкального инструмента — гуслей или лютни. «В средневековой поэзии многих народов, — пишет Н. А. Мещерский, — встречается обозначение словом «дерево» в сочетании с разнообразными текстами понятия «музыкальный инструмент», «арфа», игрою на которой сопровождается пение певца-поэта. Так, в древнем англосаксонском эпосе в качестве синонима к слову «hearp» («арфа») часто находим выражсние «glēo-beam» или «gamen-wudu» («дерево веселия», «дерево радости»). Если древний англо-саксонский поэт мог называть свой музыкальный инструмент «деревом радости», то не представится для нас странным и то, что его русский современник, автор «Слова о полку Игореве», характеризуя «замышления Бояна», именует музыкальный инструмент, игрой на котором сопровождается его вдохновенное, но и полное глубоких мыслей пение, „древом мысли“» (Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 14, М. — Л., 1958, с. 46). Н. В. Шарлемань, приходя к аналогичному выводу, считает однако, что «под «мысленным древом» „Слова“» следует «понимать не гусли, а южную лютню. Название этого струнного щипкового музыкального инструмента в переводе с арабского языка буквально значит «дерево». ...Если вспомнить, что на стенописи южной башни Софии Киевской изображен музыкант, играющий на лютнеподобном инструменте... то можно предположить, что «мысленно древо», на «живая струны» которого «въскладал своя вѣщиа пръсты» Боян, была лютня, впоследствии превратившаяся в бандуру или кобзу» (Н. В. Шарлемань. Заметка к тексту «растѣкашется мыслію по древу» в «Слове о полку Игореве». — Там же, с. 42).

Сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. «Серый» как эпитет волка и «сизый» как эпитет орла широко распространены в фольклоре. В древнерусских памятниках слово *сѣрыи,* помимо «Слова», обнаружено лишь в памятниках начиная с XV в. Слово *шизыи* древнерусским источникам неизвестно, но с XV в. встречаем слово *сизовыи.* Эти факты не должны удивлять, поскольку вообще обозначения цвета в древнерусских памятниках крайне редки. Сравнение полета мысли с летящим орлом, напротив, вполне обычно, например: «бѣ бо унъ тѣлом; а умом старъ и высокъ мыслью, лѣтаи мыслью под небесемъ, яко орелъ»; «полѣтаи мыслию своею, акы орелъ по воздуху» и др. *Подъ облакы* — старая форма твор. пад. множ. числа.

Помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобицѣ. — Об этой фразе в целом см. выше, в комментарии к имени Боян. Л. А. Булаховский (О первоначальном тексте, с. 440) возражал против замены слова *речь* на *рече* некоторыми издателями. Такая замена предполагает, по его мнению, «что сам Боян упоминал о том, что помнит усобицы „первых времен“». «Переход *рече* в *речь,* — про-

должает Л. А. Булаховский, — мне представляется вполне параллельным *вѣдѣ* в *ведь*, т. е. думаю, что перед нами, скорее всего, вместе с приобретением глагольной формой значения вводного слова приблизительно с тем же смыслом, что и «ведь» (усиление предшествующего *бо*), — налицо редукция конечного гласного — явление, кстати сказать, ни с какой стороны не представляющееся необычным». Но, согласившись с мнением Булаховского, мы введем в язык «Слова» новый гапакс, так как употребление слова *речь* в значении частицы неизвестно. С другой стороны, признав, что *речь* образовалась в результате неверного прочтения первыми издателями слова *ре*ч (т. е. *рече*) — существительное *рѣчь* писалось обычно с *ѣ*, а глагол *рече* с *е*, — мы найдем в древнерусских текстах ряд параллелей, когда *рече* переводится как «говорят, говорится». К примерам, приводимым И. И. Срезневским (Материалы для словаря, 3, 119), добавим иллюстрации из «Повести временных лет»: «бѣ бо, рече, у Соломана жен 700», «иде же, рече, достоить блудъ творити всякъ» и из Изборника 1076 г.: «Уклони бо ся, реч(е), отъ зла и сътвори добро». Характерно, что в памятнике, проникнутом страстным призывом к единению князей, говорится не о «ратях» «первых времен», но об усобицах, т. е. междукняжеских распрях, раздиравших Русь после смерти Владимира. *Усобицѣ* — архаичная форма вин. пад. множ. числа, восходящая, как полагал С. П. Обнорский, к написанию оригинала.

Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣи. — В. Н. Перетц отмечал типичность образа лебеди, преследуемой соколом, для русского и украинского фольклора (Перетц, с. 139—140). Характерно употребление имперфекта, указывающего в данном случае на многократность, повторяемость действия.

Которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше. Полагают, что *которыи* — местоимение род. пад. един. ч. жен. рода вместо *которыѣ*. Однако можно рассматривать местоимение и как форму муж. рода, т. е. «который достигал (какой лебеди, то) та прежде. . .». В изданиях нередко слово *пѣсь* (как в первом издании) исправляют на *пѣснѣ*, как в Екатерин. копии. Едва ли это правомерно: первое издание, видимо, передает написание *пѣ*с (так же считает М. В. Щепкина в статье «К вопросу о разночтениях Екатерининской копии и первого издания „Слова о полку Игореве“». — ТОДРЛ, т. 14, М. — Л., 1958, с. 72—73). Сходное сокращение *пѣ*с вместо *пѣсни* мы находим на л. 130 Ипатьевской летописи. Форма *пѣснѣ* не может быть принята еще и потому, что она представляет собой им.-винит. пад. множ. числа (по смыслу должно быть ед. число) от слова *пѣсня*, неизвестного древнерусскому языку, во всяком случае старшего периода, где, как и во всех остальных случаях в «Слове», — «пѣснь».

Старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы, Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Старый Ярослав — Ярослав Владимирович Мудрый, сын Владимира («старого» по определению «Слова»), киевский князь с 1019 г., а после смерти своего брата Мстислава в 1036 г. — великий князь всей Киевской Руси. Время Ярослава Мудрого характеризовалось современниками как время расцвета и могущества Киевского государства. Мстислав (умер в 1036 г.) — брат Ярослава, княживший в Тмуторокани и Чернигове. В 1026 г. Ярослав и Мстислав «раз-

дѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю: Ярослав прия сю сторону, а Мстислав ону» (Повесть временных лет). В летописи сохранилось предание о единоборстве Мстислава с касожским князем Редедею. Уже изнемогавший в поединке с могучим противником Мстислав, помолившись богородице, обрел новые силы и «удари имъ (Редедей. — *О. Т.*) о землю. И вынзе ножь, и зарѣза Редедю» (Повесть временных лет под 1022 г.). Роман (убит в 1079 г.) — брат и союзник Олега Святославича (Гориславича в «Слове»), внук Ярослава Мудрого. Летописные сведения о Романе крайне скудны, ничего не сообщает летопись и о красоте Романа. Но сам эпитет «красный» (красивый) не раз встречается в летописи, в том числе и как прозвание князя: Олег Ингваревич Красный, рязанский князь.

Своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше. Известная параллель этому образу находится в «Слове о воскресении Лазаря»: «Удари[мъ], рече Давидъ, в гусли и възложи[мъ] персты своя на живыя струны».

Они же сами княземъ славу рокотаху. Слово *рокотати* зафиксировано лишь в диалектах и литературном языке XIX в. Л. А. Булаховский по этому поводу писал: «Итак, никаких надежных исторических свидетельств в пользу древнерусского «рокотати» с одним из возможных «поэтических» значений, помимо «Слова о полку Игореве», пока, кажется, нет. Это, впрочем, и не должно особенно удивлять, поскольку такое значение не могло достаточно часто заявлять о себе в подавляющем большинстве дошедших до нас текстов. Но нельзя также в «рокотаху» «Слова» видеть что-либо «подозрительное», хотя бы уже потому, что основа «рокот» известна и вне «Слова о полку Игореве» (автор приводит сербское «рокотати» — хрюкать. — *О. Т.*), а различие значений у звукоподражательного слова не представляется редкостью» (Булаховский. К лексике «Слова», с. 34). Небезынтересно наличие в псковских говорах глагола *роктати* со значением «быстро говорить», «пустословить».

Почнемъ же, братие, повѣсть сию. Глагол *почати* нередко употребляется при указании на начало литературного труда, таковы запись писца Остромирова евангелия: «Почахъ же е́ писати в лѣт<о> 7564», писца Евангелия 1144 г. («початы псати октября вь 1»). Ср. также в «Слове Феодосия Печерского»: «И егда починающе пѣснь или аллилуа... длъжни есмы взирати в томъ на старѣйшину». Уже в XV в. употребительность глагола *почати* резко падает — он вытесняется глаголом *начати.* Термин *повѣсть* имел широкое жанровое содержание, ср.: «се начнемъ повѣсть сию» (первая фраза «Повести временных лет»), «но о законѣ Моисѣомь данѣѣмь... повесть си есть» («Слово о законе и благодати митрополита Иллариона», XI в.) и т. д. См. также выше (с. 466) комментарий к лексеме *слово.*

Отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря. «Определение границ повествования «от — до» с наименованием князя — современника автора «нынешний», — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — отозвалось в XIII в. в «Слове о погибели Русской земли», сохранившийся отрывок которого заканчивается так: „А в ты дьни болезнь крестьяном от великаго Ярослава и до Володимера и до нынящняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьскаго“»

(Фразеология, с. 31). Старый Владимир, как доказывает А. В. Соловьев (Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — Исторические записки, № 25. М., 1948, с. 73), — это Владимир I Святославич, а не Владимир Мономах. Эту точку зрения разделяет сейчас большинство ученых.

Истягну умь крѣпостию своею. Глагол *истягнути* толковали как «стянуть, затянуть, связать». И. Д. Тиунов так объяснял это чтение «Слова»: «Утолстившееся, притупленное от долгого употребления лезвие стального орудия (топора, косы) кузнец разогревает на огне и отковывает тоньше — оттягивает (современный технический термин), вытягивает, а затем оттачивает на бруске. Здесь образ из кузнечного дела, и оба глагола «истягнути — поострити», без насилия над их основным значением, выступают в профессионально-реалистическом смысле» (Несколько замечаний к «Слову о полку Игореве». — Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и статей, М. — Л., 1950, с. 196). Во всех списках «Задонщины» параллельное чтение также непонятно: «истяжавше (и стежавше?) умы свои крепостею» (Синодальный список), «истезавше ум свои крѣпкою крепостью» (список Ундольского), «стяжав умъ свой крѣпостию» (список Истор. музея № 2060), «ставше своею крѣпостью» (Кирилло-Белозерский список). Ср. также: «Прием ум своею крепостию» («История Иудейской войны» Иосифа Флавия, XII в.). В. П. Адрианова-Перетц сближает употребление глагола *истягну* в «Слове» с употреблением глагола *стягнути,* на который Срезневский приводит пример из Пандектов Никона: «вънѣшнимъ стягнувъ мысль», где этот глагол применен также к отвлеченному понятию (Фразеология, с. 31).

Поостри сердца своего мужествомъ. А. Потебня предлагал такой перевод всего образа: «Игорь «заострил свое намерение мужеством своего сердца», что объясняло бы необычное управление «поостри сердца ... мужеством», однако здесь мы имеем родительный неполного объекта, т. е. «поострил сердце». Параллели к этому образу многочисленны, с глаголом *поострити* мы встречаем различные метафоры: «поостри языкъ», «поострити гнѣвъ свой», «подострити друг друга» — «возбудить боевой дух».

Наплънився ратнаго духа. Хорошо известны как формула «наполниться ... духа» (Евангелие, жития), так и словосочетание «ратный духъ». Например: «И исполньшимся ратнаго духа... всѣдають на кони», «Мужи Александровы исполнишася духомъ ратнымъ» (в других списках того же текста: «духа ратна»), «пыхая духомъ ратным» надвигается враг и т. д.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце. Ряд ученых (А. И. Соболевский, В. Н. Перетц, Н. К. Гудзий и др.) предлагали осуществить перестановку, а именно: абзац «Тогда Игорь възрѣ ... а любо испити шеломомь Дону» перенести после слов «ищучи себе чти, а князю славѣ». Сам факт переписки рукописи с дефектного оригинала, один из листов которого выпал и был вставлен не на свое место, имеет ряд аналогий в палеографической практике (см.: Н. К. Гудзий. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 12, М.—Л., 1956, с. 36). А. И. Соболевский установил равный объем фрагментов, которые предлагается поменять местами; в 1956 г. большую работу по реконструкции тек-

ста «Слова» на разных этапах его истории проделал И. Д. Дмитриев-Кельда (О восстановлении списков «Слова о полку Игореве». — Уч. зап. Орского гос. пед. ин-та, т. 1. Серия филолог., вып. 1, Саранск, 1956), доказав при этом палеографическую возможность предлагаемой перестановки. На дефектность дошедшего до нас текста «Слова», по мнению сторонников перестановки, указывают следующие факты. 1) Согласно летописи, затмение застало Игоря уже в походе, накануне переправы через Донец. По тексту «Слова» (в первом издании) Игорь и дружина наблюдают его и до начала похода и уже углубившись в степь. Перестановка устраняет это расхождение текста «Слова» и летописи, устраняется и «явная астрономическая несообразность, состоящая в том, что либо затмение продолжалось непрерывно несколько дней подряд, либо на протяжении нескольких дней оно повторялось дважды» (Н. К. Гудзий. Еще раз о перестановке, с. 37). 2) При произведенной перестановке слова́ «О Бояне, соловию стараго времени!» следуют за фразой «наведе своя храбрыя плъкы...». Ясно, что *сиа плъкы*, которые должен «ущекотать» Боян, и есть упомянутые раньше полки Игоря. В Мусин-Пушкинском тексте эта связь оказывается нарушенной. 3) Начало «Задонщины», как было замечено В. П. Адриановой-Перетц еще в 1946 г., параллельно тексту «Слова» именно с произведенной перестановкой. Значит, автору «Задонщины» был известен текст «Слова», еще не искаженный в результате перестановки листов. Разумеется, последний аргумент не имеет решающей силы, т. к. параллельность обоих текстов не является обязательной. Возражения против перестановки (в последнее время — Ф. М. Головенченко и В. И. Стеллецкий) основываются главным образом на утверждении, что «Слову» как художественному произведению якобы не противопоказана отмеченная выше несообразность. В данном издании текст печатается однако в той же последовательности, что и в первом издании: в частности потому, что по первому изданию сделаны и все поэтические переводы «Слова».

Възрѣ на свѣтлое солнце. Ср. в летописном рассказе о походе Игоря: «Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць». *Свѣтлое (-ая, -ые)* как эпитет солнца и звезд обычен для древнерусской письменности: «Солнце премѣнися и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть» (Повесть временных лет), «явися на небеси знамение, звѣзда свѣтла надъ церковью» (Новгородская 1-я летопись).

Братие и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти. Братие и дружино — обычное обращение князя к боевым соратникам. Ср.: «И рече Святославъ воемъ своимъ: Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!» (Повесть временных лет), «Игорь жь ... рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей ... братья и дружино! ..» (Ипатьевская летопись под 1185 г.). *Потяти* — убить. Ср.: «аще кто не поидеть на нь с нами сами потнемь» (Житие Бориса и Глеба); «и повелѣ ей (Владимир — Рогнеде) ... сѣсти на постели свѣтлѣ в храминѣ, да пришедъ потнеть ю» (Лаврентьевская летопись), «бысть сѣча зла и потяша и стяговника нашего» (Ипатьевская летопись). В «Задонщине» лишь в списке Ундольского сохранилась сходная формула: «лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татар». В. П. Адрианова-Перетц (Фразео-

логия, с. 40) приводит несколько параллелей данной формуле «Слова»: «Лепле смерть славну взяти, негли жити пленени», «нам смерть лепши живота есть», «луче пострадати, бьющеся с ним, негли повинутися и поработитися ему», «изволивше умрети, негли жити под иноплеменникы» и др.

Да позримъ синего Дону. Этот призыв «позреть синего Дону» имеется и в «Задонщине». Однако в последней, в устах братьев Ольгердовичей, отправляющихся на помощь Дмитрию Донскому, он едва ли уместен: если для Игоря целью похода действительно являлось достижение берегов чужой реки (ср.: «испити шеломомъ Дону»), то цель Ольгердовичей совершенно иная — помочь отстоять Русскую землю от татар. Это одно из многих свидетельств вторичности «Задонщины».

Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи. Ряд комментаторов (А. И. Соболевский, Р. О. Якобсон) полагают, что *спала* — аорист от глагола *спалати.* Глагол этот не обнаружен в древнерусских текстах, однако однокоренной глагол *палати* — «пылать, гореть» — встречается начиная с древнейших источников. Другая точка зрения наиболее аргументирована Н. М. Дылевским в статье «„Спала Князю умь похоти...“ в „Слове о полку Игореве“» (Сб. «Людмил Стоянов. Изследвания и статии за творчеството му». София, 1961, с. 317—331). Автор считает слово *спала* существительным, сближая его с чешским spála-Flammfieber «лихорадочный огонь», «скарлатина», болгарским — *пала* «огонь» (во фразеологическом сочетании), сербохорватским — *упала* «воспаление» и предлагает переводить его как «сердечный, душевный жар, огонь, пламень, пыл». Эту гипотезу укрепляет и наличие отмеченного Н. М. Дылевским параллелизма: «С п а л а князю умь п о х о т и, и ж а л о с т ь ему знамение з а с т у п и». Глагол *похотити* (аорист — *похоти*) в древнерусских текстах пока не обнаружен. Н. М. Дылевский полагает, что он мог иметь значение, близкое к современным «овладеть», «охватить», «полонить». Другая возможность, по его мнению, — видеть в *похоти* описку из *похити, похыти.* К этому можно добавить, что в «Слове» есть глагол *похытити* («преднюю славу сами похитимъ»), что делает это предположение довольно вероятным. Ср. также ниже, с. 505.

Хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго. «Поскольку копье было оружием первой стычки и почти всегда ломалось в ней, — пишет Д. С. Лихачев, — нам становится понятным и обычный в летописи термин — «изломить копье», употреблявшийся для обозначения того, что воин первым принял участие в битве» (Лихачев. Устные истоки, с. 74).

Съ вами, Русици, хощу главу свою приложити. А. В. Соловьев показал, что форма «русичи» вполне соответствует словоупотреблению XI—XIII вв. (А. В. С о л о в ь е в. Русичи и русовичи. — Сб. «„Слово о полку Игореве“ — памятник XII века». М.—Л., 1962, с. 281). Им приводятся формы множественного числа *пермичи, ермоличи, вымичи, сысоличи, вогуличи, югричи, мордвичи* к собирательным названиям народов и племен — Пермь, Ермола, Вымь, Сысола, Вогула, Югра, Мордва (ср.: Русь — русичи).

А любо испити шеломомь Дону. Д. С. Лихачев, комментируя это место, пишет: «нельзя не отметить и распространенный в древ-

ней Руси символ победы над тою или иною страною: испить воды из ее реки. Ср. в похвале Роману Мстиславичу: «тогда Володимер Мономах пил золотом шоломом Дон, и приемшю землю их всю, и загнавшю оканьныя агаряны» (Ипатьевская летопись под 1201 г.)... Этот символ победы неоднократно употребляется и в «Слове о полку Игореве». Дважды говорится в «Слове»: «а любо испити шеломомь Дону» — как о цели похода Игоря. В обращении к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо автор «Слова» говорит: «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти!» Это несколько сильнее, чем «испить Волги» или «испить Дону», но несомненно принадлежит к тому же гнезду символов, связанных с рекой — страной» (Лихачев. Устные истоки, с. 90—91).

О Бояне, соловию стараго времени! В. П. Адрианова-Перетц сообщает, что «в русской литературе с XI в. был знаком этот эпитет именно в приложении к поэту: в Минее служебной по русскому списку 1096 г. известный византийский поэт Феофан, автор церковных песнопений, именуется „соловии добрѣпѣсньны“» (Адрианова-Перетц. Фразеология, с. 33).

А бы ты сиа плъкы ущекоталъ. А бы — соотносительный союз в значении «если бы». Автор как бы выражает сожаление, что Боян не может воспеть дружину Игоря. *Ущекотать* — один из гапаксов «Слова» (ср. там же: «щекотъ славии успѣ»). Слово *ущекотати* по своей морфологической структуре вполне типично для древнерусского языка (ср. образования с префиксом *у-*, придающим значение завершенности действия: *убивати, ублажати, увѣщати, углаголати, умучати* и др.). Редкое употребление слов с этим корнем объяснимо тем, что они могут выступать лишь в ограниченной речевой ситуации в сочетаниях с названиями некоторых птиц. О щекоте соловья упоминает «Сказание о молодце и девице» (предположительно XV в.): «Говориш ты, государыни, аки соловѣи щекочеш» и документ 1666 г.: «соловей ... началъ посвистывать по обычаю и защекоталъ и запѣлъ и пропѣлъ трижды». Неудачным подражанием «Слову», вызвано, видимо, употребление глаголов с этим же корнем в «Задонщине»: «что бы, соловей, пощекотал славу...» (список Ундольского), «что бы ты, соловей, выщекотал ... из земли той всей (вместо Литовской) и дву братов Ольгердовичей» (список Историч. музея № 2060, остальные сходно). Автору «Задонщины» слово *ущекотати* показалось непонятным, его, возможно, приняли за ошибочное написание (или произношение) типа *узлюбити, упрошати* и т. д. вместо *возлюбити, вопрошати*. Все это дает основание видеть в «Слове» точное и образное употребление редких образований, притом ничуть не противоречащих духу литературного языка Киевской Руси.

Скача, славию, по мыслену древу. См. комментарий к словам «растекашется мыслию по древу». В. П. Адрианова-Перетц приводит ряд употреблений эпитета *мысленный* из Миней XI в.: «солнце мысльное», «мысльная светильника», «на камене мысльнемь», «щит мысльныи» и др. (Фразеология, с. 33).

Летая умомъ подъ облакы. Мысль, возносящаяся к небу, — частый образ старинной письменности. В «Шестодневе» говорится: «Мыслию възидеши к богу невидимому, како ли ти сквозе храм пролета ум и всю ту высость и небеса скорее мъжения очнааго

(т. е. скорее мгновения. — *О. Т.*) прилетев». Ср. также в «Слове о Макарии Римском»: «высок мыслью, летаи мыслью под небесем яко орел», или: «бых мыслию паря, аки орел по воздуху» (Слово Даниила Заточника).

Свивая славы оба полы сего времени. Ф. Буслаев и Н. Тихонравов полагали, что вместо *славы* следует читать *славию,* т. е. «свивая, соловей, обе половины сего времени». Л. А. Булаховский не считал эту конъектуру обоснованной. «Оба полы не значит здесь в древнерусском обязательно «обе половины», что затруднило бы понимание *славы* как дополнения к *свивая,* а едва ли не «с обеих сторон» (ср. *обаполъ* с тем же значением). В цветистом отрезке, где употреблено слово *славы,* оно вполне на месте и в духе Бояновой манеры» (Булаховский. О первоначальном тексте, с. 440). И. Д. Тиунов также предлагает видеть здесь «оба́ полы=по обеим сторонам», обычное в книжности и уцелевшее в областной лексике (Даль, Гринченко). «Кроме того, — продолжает он, — пора отказаться от мысли о возможности деления какого-либо момента пополам. Нельзя не видеть установившегося в древней письменности литературного фразеологизма в выражениях: «свивати словеса», «извитие словесъ» (Даниил Заточник и позднее Пахомий Логофет: «сплетати хвалу», а в упрощенной передаче Задонщины: «составимъ слово къ слову»). ... Отсюда легко себе представить происхождение выражения «свивати славу» — «пѣти славу» как средневековый литературный термин: сплетать слова о славных деяниях — воспевать. В представлении автора, «славы» о прошедшем будут по одну сторону переживаемого Бояном момента, а «славы» о будущем — то, чего хочет автор, — по другую его сторону» (И. Д. Тиунов. Несколько замечаний к «Слову о полку Игореве». — Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и статей. М. — Л., 1950, с. 197).

Рища въ тропу Трояню. Некоторые исследователи считают, что Троян «Слова» — это обожествленный славянами римский император Траян. По мнению других, Троян — языческий бог славян. В древнерусском апокрифе XII в. говорится, что люди «прозывали» богами «солнце и мѣсяць, землю и воду, и звѣри и гади» и ставили идолы: «Трояна, Харса (т. е. Хорса. — *О. Т.*), Велеса, Перуна».

Соответственно существуют и различные толкования слов «рища въ тропу Трояню». Н. С. Тихонравов видел здесь описку вместо «тропу Бояню» (буква *б* могла быть смешана с лигатурой *тр*). Вс. Миллер полагал, что имеется в виду древнеславянский языческий бог Троян, и переводил: «рыская по следу Троянову». Н. М. Карамзин, Н. Ф. Грамматин, О. Огоновский, Н. С. Державин считали, что имеется в виду Via Trajani — т. е. оборонительный вал и военная дорога, построенная римским императором Траяном. Румынский ученый А. Болдур понимает это место следующим образом: «Тропа Трояна — это не конкретная тропа, которую следует отыскать и локализовать. Это путь бога Трояна, бога дорог, божья тропа, аналогичная вечной стезе ... выражение «Боян рыщет по тропе Трояна» означает либо что он, предаваясь поэтическому вдохновению, обегает мыслию божественные пути Трояна, либо, что вернее, он пытается угадать пути верховного распорядка, начертанного Трояном, иначе говоря, прочитать будущее в книге судеб русского народа»

(А. Болдур. Троян «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 15, М. — Л., 1958, с. 35).

Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку. Конъектуру *пѣснѣ*, встречающуюся в некоторых изданиях, следует отвергнуть. См. об этом выше, с. 471. В первом издании после слова *того* в скобках стоит слово *Олга*. Возможно, что это глосса, стоявшая на полях рукописи и внесенная издателями в текст, что сделано, по свидетельству Н. М. Карамзина, «для большей ясности речи». М. В. Щепкина полагает, что за принадлежность этого слова самой рукописи говорит форма слова *Олга* (не *Олега,* как написали бы издатели, если бы вставка принадлежала им), а также то, что это имя лишено исторических комментариев. «Если бы имя Олега Святославича было привлечено самими издателями для объяснения слов «того внуку», то В. Ф. Малиновский, при его педантично-точной системе передачи текста, удовольствовался бы примечанием». Она высказывает догадку, что в действительности здесь имеется в виду Боян, внуком которого мог быть автор «Слова» (М. В. Щепкина. О личности певца «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 16, М. — Л., 1960, с. 73—74).

Чи ли въспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовь внуче. О союзе *чи ли* Л. А. Булаховский писал: «Заслуживает внимания, что этот союз как сочетание элементов *чи* и *ли,* порознь хорошо известных памятникам, в них, по-видимому, очень редок в таком виде и если бы в «Материалах» Срезневского, 3, стр. 1516, не было цитаты из «Златоструя» XII в.: «Ребра съкроити чи ли ражьны повирати тѣло», он мог бы легко тоже попасть в «сомнительные». На самом же деле, мы и в нем можем видеть хорошее доказательство верности «Слова» языку того места и времени, к которым оно относится» (Булаховский. Слово, с. 162). Добавим еще один пример на употребление данного союза из «слова» Кирилла Туровского (XII в.): «Заушения ли, ци ли за ланиту ударения».

Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ. Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ. Игорь ждетъ мила брата Всеволода. Сула — пограничная река, отделявшая русские земли от степи. На Суле бился с половцами Владимир Мономах; в 1107 г., т. е. как раз «во времена Бояна», русские князья, двинувшись на половцев, «бродишася через Сулу». Существуют различные мнения о том, где кончается «запев» Бояна и начинается рассказ о походе Игоря. Кажется наиболее вероятным, что Бояну приписываются только слова «Комони (русских. — *О. Т.*) ржуть за Сулою — звенить слава (этих побед) въ Кыевѣ». Подражая Бояну, автор «Слова» так же лаконично описывает подготовку к походу: трубы трубят в Новгороде-Северском (откуда шел со своей дружиной Игорь), стоят стяги в Путивле (где готовы к походу дружинники его сына — Владимира). Князья поджидают третьего участника похода, Всеволода, присоединившегося к ним у Оскола. Ср. в летописи: «В то же время Святославичь Игорь, внук Олгов, поеха из Новагорода... поимяи со собою брата своего Всеволода ис Трубечка... и Володимера, сына своего, ис Путивля... И тако приида ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода, тот бяше шел инемь путем ис Курьска» (Ипатьевская летопись под 1185 г.). Так же понимают текст некоторые исследователи и переводчики:

А. В. Лонгинов, С. К. Шамбинаго, В. Н. Перетц, А. С. Орлов, В. И. Стеллецкий и др. Этому эпизоду «Слова» подражает «Задонщина»: «На Москве кони ржут, звенит слава по всей земли Руской, в трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дунаю [в других списках — Дону] великого на брезе» (список Ундольского). Но если в «Слове» «звон славы», видимо, символизирует победы русских, чьи кони уже ржут за Сулой, на Половецкой земле, то в «Задонщине», в описании сборов в поход, навстречу грозному врагу, упоминание славы непонятно; к тому же оно разрывает перечисление городов, где готовятся к походу войска. Непонятно в «Задонщине» и упоминание стягов (по смыслу — русских) у Дона: войско еще не выходило из пределов Московского княжества. Слово *комонь* известно «Повести временных лет», Лаврентьевской летописи и до наших дней является областным словом, например в Псковской области.

И рече ему Буи Туръ Всеволодъ: Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи — ты, Игорю! Здесь и далее («Яръ Туре Всеволодѣ!», «Камо Туръ поскочяше...», «Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури») могучие и смелые воины сравниваются с диким быком — туром. Ср. также в летописи: князь Роман Мстиславич «храборъ бѣ яко и туръ» (Ипатьевская летопись). Об эпитете «свѣт свѣтлыи» В. П. Адрианова-Перетц пишет: «Сочетание *свѣтъ свѣтлый* не раз комментировалось выражением из «Девгениева деяния» (памятник, переведенный в XII в. — *О. Т.*): «О свете, светозарное солнце, преславный Девгений». Однако эпитет Девгения в русской литературе XI—XII вв. не был редкостью, к тому же в «Слове» отсутствует самая характерная его черта — определение «светозарное». Если мы обратимся к тексту Минеи 1095—1097 гг., то убедимся, что это определение встречается там часто в разных сочетаниях: например, «светозарное солнце» ... «светозарно житие» ... «светозарные добродетели»... Таким образом, повесть о Девгении для автора XII века была не единственным источником, из которого ему было известно сочетание «светозарное солнце». Но он воспользовался не им как эпитетом Игоря, а тавтологическим «свет светлый». ...Очевидно, мы здесь имеем дело с книжной традицией, идущей от гимнографии» (Адрианова-Перетц. Фразеология, с. 36—37).

А мои ти Куряни свѣдоми къмети. Частица *ти* нередко употреблялась при передаче прямой речи. *Къметь* — из греческого κομήτης. Так назывались зажиточные крестьяне, мелкие феодалы. Позднее это слово стало обозначать отборных воинов. Первыми издателями это слово не было понято и фраза передана так: «куряни свѣдоми къ мети» (перевод: «курчане в цель стрелять знающи»).

Подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копия въскръмлени. В. П. Адрианова-Перетц приводит параллели из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, где также говорится о воинском искусстве римлян, будто бы привитом им с детства: римляне «яко родившеся с оружием, николи отлучаются их», «учать бо ся из младеньства ратному обычаю». Воеводы римские говорят о себе: «Мы ... под шеломы състаревшеся» (Адрианова-Перетц. Фразеология, с. 37). «Конець копия» (с конца копья) — конструкция с беспредложным вин. пад. (см.: Обнорский. Очерки, с. 165). Ср. *конець поля.*

Пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени. Слово *пути* в значении «дороги» известно древнерусским текстам: «трупие по улицамъ, и по търгу и по путьмъ и всюду» (Новгородская 1-я летопись), «новгородци же по путьмъ сторожи поставиша» (Суздальская летопись) и др. Слово *яруга* пока не обнаружено в древнерусских памятниках вплоть до XVII в., но его наличие в других славянских языках — сербохорватском и польском — позволяет предположить, что перед нами довольно древнее заимствование из тюркских языков.

Луци напряжени (т. е. натянуты) — обычная воинская формула в древнерусских текстах. Ср.: «лукъ свои напряже и уготова и», «напрягошя лукъ свои», «мы немощни и слаби противитися римляном, яко же и лук напряженъ» и др. примеры, собранные В. Н. Перетцем (Перетц, с. 156). *Тули* — колчаны. В древних текстах встречается как прямое («уготоваша стрѣлы въ тулѣ», «стрѣлу избьрану, въ тулѣ тя съкрывають»), так и метафорическое значение этого слова («исыпа своихъ врагъ стрѣлы из душетьлѣньна тула», «оружие съкровено имыи въ тулѣ сердцю»).

Ищучи себе чти, а князю славѣ. Форма *чти* — из *чьсти* обычна в древнерусских памятниках. Ср.: «да в велицѣ чти приду за вашь князь» (Повесть временных лет), «еже в такой чти и в такой славѣ ти тако покорение имуща» (Житие Бориса и Глеба), «ни чти, ни славы земныя искалъ есмь» (Слово Кирилла Туровского). «Такой оттенок в оценке цели похода, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — ...мог возникнуть только у современника, который в данном случае разошелся с летописными рассказами. В Ипатьевской летописи Игорь после первой удачной схватки с половцами говорит дружине, не выделяя себя из других князей: «Се бог силою своею возложил на врагы наши победу, а на нас честь и слава». И в покаянной речи здесь Игорь признает, что он заслужил «отместье от господа бога» не за то, что искал «славы себе», в чем упрекает его в «Слове» Святослав, а за «убийство и кровопролитье в земле крестьяньстей» во время междоусобной войны... Таким образом, автор «Слова» сумел внести свое индивидуальное толкование в традиционную воинскую формулу. «Слава», которой искал «себе» Игорь, отделена от «чести» борьбы за «Русскую землю». Такой оттенок согласуется с упреком Святослава, который осудил за самонадеянность молодых князей» (Адрианова-Перетц. Фразеология, с. 39). Словосочетание «слава и честь» широко употребительно в литературе Киевской Руси. Флексия *-ѣ* в слове *славѣ* объясняется С. П. Обнорским (Очерки, с. 155) как след новгородского диалекта «последнего писца памятника или предшествующего его переписчика» и находится в ряду других новгородских черт «Слова».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень. «В известном смысле «стремя» было таким же символическим предметом в дружинном быту XI—XIII вв., как и меч, копье, щит, стяг, конь и проч. «Ездить у стремени» — означало находиться в феодальном подчинении. ...Вступали в стремя только князья, когда же речь идет о дружине, автор «Слова» употребляет обычное выражение «всесть на кони»: «А всядемъ, братие, на свои бързыя комони» — обращается Игорь к своей дружине, но не „вступим в стремень“» (Лихачев. Устные истоки, с. 78).

И поѣха по чистому полю. Словосочетание *чистое поле* вызывает прежде всего ассоциации с фольклором. Однако оно встречается и в летописях как обозначение Половецкой степи: «проидоша валъ на чистое поле и поидоша битися» (Ипатьевская летопись); ср. также «и бысть сѣча велика с погаными немци на полѣ чистѣ» (Псковская летопись), в последнем примере имеется в виду лишь «открытое место», а не «степь», как в фольклоре, Ипатьевской летописи, «Слове» и «Задонщине».

Нощь стонущи ему грозою птичь убуди. Что имеется здесь в виду — реальная гроза? Или же «стонущую ночь» следует воспринимать в ряду других зловещих предзнаменований? Тогда возможен и такой перевод: «Ночь, стенаниями угрожая ему, разбудила птиц». *Грозою* — «грозя, угрожая» встречается в древнерусских текстах (см.: Виноградова. Словарь, с. 179—180). *Птичь* — как полагают, собирательное к «птицы». Л. А. Булаховский обратил внимание (О первоначальном тексте, с. 443), что здесь и во многих других местах «Слова» автор стремится «сочетать сходно звучащие слова» и приводит примеры «сознательной, вероятно, и, может быть, в большей степени бессознательной зависимости автора от тех звучаний, которые овладевают им и проходят у него через ряды сочетающихся на службе у определенного смысла слов»: *нощь* сто*нущи; по*топташа *по*ганые *плъкы Половецкыя... по полю, по*мчаша ... *Половецкыя ... паволокы; кають ... Каялы; си ночь ... синее вино; вино ...* тлъко*винъ; жаж*деу ... лучи съпря*же, ту*гою имъ *ту*ли затче; прысну *море ... сморци* мьглами; *труся ... росу; сороки* не *тро*скоташа, полозие ползоша.*

Свистъ звѣринъ въста, збися Дивъ, кличетъ връху древа. В первом издании эта фраза передана так: «свистъ звѣринъ въ стазби; Дивъ кличетъ...» А. С. Шишков даже пытался толковать слово *стазби* как «стадо». А. С. Орлов, Н. Тихонравов, В. Щепкин считали, что *зби* — это ошибочно внесенное в текст слово *зри* (обычная в старых рукописях помета на полях). В данном издании принята поправка В. Яковлева, предположившего написание *збися* с выносным *с* и опущенным, как обычно в этом случае, *я.* Слово *збитися* (*събитися*) известно древнерусским памятникам. Существуют и другие точки зрения. В. Ф. Ржига предлагал читать «въста близъ» (В. Ф. Ржига. Из текстологических наблюдений над «Словом о полку Игореве»: что такое «въ стазби»? — Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и статей. М. — Л., 1950, с. 188—191). Л. А. Булаховский допускал, что «ста» (из «въ ста») это «ста» с недописанным *ѣ* — вин. падеж. мн. числа от древнерусского *стая* — «логовище». *Събити* в древнерусском языке значило «согнать» (с места). Смысл фразы при таком толковании — ...«согнал (загнал) в логовища»; «звѣринъ» в таком случае — искажение старого *«звѣри»* (Булаховский. О первоначальном тексте, с. 440). В. И. Стеллецкий считает, что при разбивке текста «свистъ звѣринъ въста. Зби(ся) Дивъ...» «резко ощущается ритмическая и интонационная незавершенность предложения, в звуковом же отношении является мало вероятным ударное открытое, обнаженное «а», завершающее предложение, при наличии ритмической и интонационной незавершенности его» (Стеллецкий. Примечания, с. 130). Он предлагает читать вместо «въста» — «въ стада». «При этом чтении текст ... при-

нимает такой вид: «свистъ звѣринъ въ стада зби» (дополнением является общее с предыдущим предложением слово «птичь», т. е. «птицы»)».

Велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню. Имеются в виду, вероятно, места кочевий половцев. «Земля незнаема» здесь: «далекие, незнакомые земли» (ср. в «Повести временных лет»: пленные русские ведутся «незнаемою страною»). Поволжье как место кочевий половцев в летописи не указывается. Поморие, как полагают, — побережье Азовского и Черного морей. Термин этот встречается как в евангельских текстах, где обозначает приморские области Иудеи, так и в летописи, однако в применении к землям, прилегающим к Балтийскому морю. Посулие — земли по берегам реки Сулы (ср. в Лаврентьевской летописи под 1138 г.: «И тако бысть пагуба посулцем ово от половець ово же от своихъ посадникъ»). Сурож — город в Крыму (ныне г. Судак).

И тебѣ, Тьмутораканьскыи блъванъ. Что имелось в виду под «Тмутороканским болваном», до сих пор неясно. Первые издатели перевели эти слова «Тмутороканский истукан», позднее П. Савельев предположил, что имелась в виду одна из гигантских статуй, воздвигнутых в честь божеств Санерга и Астарты на Таманском полуострове, близ Тмуторокани. (См.: Перетц, с. 174). Д. В. Айналов писал, что «див предостерегал не самую Тмуторокань», а «обращался к пограничному столбу в виде болвана, к которому направлялись русские войска, желая „поискать града Тмутороканя“» (Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 179—180). Большинство ученых склоняется к мысли, что речь идет об идоле, изваянии, которое в древних славянских памятниках обозначалось словом «болван».

Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию. В первом издании читается *подобию.* Как полагают, эта описка могла быть вызвана пропуском знака *у* — составной части *оу,* графического изображения звука *у* в древнерусских рукописях. Но чтение «Задонщины»: «А уже бѣды их пасоша птицы крылати под облакы лѣтят» — позволяет думать, что в «Слове» первоначально могло читаться также «подъ облакы». В этом случае — *птиць* — форма именительного падежа собирательного существительного. *Пасетъ* — «подстерегает», отсюда и перевод фразы: «Уже бéды его (Игоря) подстерегают (ожидая поживы) птицы по дубравам».

Влъци грозу въсрожатъ по яругамъ. Значение глагола *въсрожити* неясно, тем более что в других памятниках он не встречался. Предлагались конъектуры: *върожать, ворожать* (И. Снегирев, Ф. Корш), *въгражать* (Вс. Миллер), *въсрашають, восорошають* (А. Потебня, А. Орлов, Д. Лихачев), *въсорожити* (Л. Булаховский). Известно древнерусское слово *въсорошитися* — «раздражаться, яриться»: «Аще услышиши, яко створил еси вещь, и ея же нѣси створилъ, не въсорошися отинуть, ни ражѣжися отинуть, нъ... смѣрениемь глаголя».

Лисици брешутъ на чрълeныя щиты. Древнерусские щиты, вероятно, действительно окрашивались в красный цвет; во всяком случае, по наблюдениям А. В. Арциховского, на миниатюрах древ-

нерусских рукописей цвет большинства щитов красный (А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 20). Написание «чръленыя» (без *в*) встречалось в древнерусских текстах наряду с «чревленыи, чьрвленыи». Ъ (вместо исконного *ь*) — черта, характерная именно для рукописей, подвергшихся второму южнославянскому влиянию.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси! Существуют два толкования термина «Русская земля». Большинство исследователей видят здесь упоминание территории русских княжеств, оставшихся за холмами, которые перешло войско Игоря. Другие считают, что «Русской землей» называется здесь дружина Игоря. Так полагали первые издатели, Д. Дубенский, в наше время — В. Стеллецкий. Последний при этом отмечает, что «правильное понимание этого рефрена очень важно в том отношении, что рефрен этот ясно указывает на то, что автор «Слова» не был участником похода 1185 г.» (Стеллецкий, Примечания, с. 133). Слово *шеломянь* — «холм» — известно русским летописям начиная с XII в., ср.: «и тако поиде Гюрги за шоломя с полкы своими», «наворопници же, перешедше Хорол, взиидоша на шоломя, глядающе, где узрять е; Коньчак же стоял у лузе, его же, едуще по шоломени, оминуша». В «Задонщине» этот рефрен превратился в бессмысленный возглас: «Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала».

Длъго ночь мрькнетъ. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла. В первом издании читалось: «Длъго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала...» и т. д. Вероятно, первоначально издатели отнесли слово *длъго* к предыдущей фразе, о чем свидетельствует перевод: «О Русские люди! Далеко уже вы за Шеломенем. Ночь меркнет, свет зари погасает...» Но употребление слова *длъго* в значении «далеко» в памятниках не зафиксировано. Начиная с Я. Пожарского (1819 г.) читают: «Длъго ночь мркнетъ». Не могло ли первоначально читаться *длъга,* т. е. «долгая, продолжительная»? (Ср. «дълъгъ недугъ», «на долгъ часъ», «день долгъ» в «Материалах для словаря» И. И. Срезневского). Может быть, речь идет о той ночи, когда совершался последний перед битвой переход (ср. в Ипатьевской летописи под 1185 г.: «и ѣхаша чересъ ночь»). В каком значении употреблено слово *мьркнетъ?* Видимо, описывается не статичное состояние (ср. перевод: «длится», «темнеет»), а процесс. Н. Н. Зарубин в специальном исследовании этого глагола показал, что и в русском и в других славянских языках он имел значение «становиться темным», «смеркаться», но никогда — «пребывать во мраке» или «находиться в состоянии темноты» (Н. Н. Зарубин. Заря утренняя или вечерняя? — ТОДРЛ, т. 2, М. — Л., 1935, с. 113). В древнерусских текстах глагол *меркнути* употребляется обычно в значении «темнеть», «угасать» (о чем-л. светлом, светящемся): «слъньце мьркнеть», «день бесконечныи не митушася с нощью и не мерчая» и т. д., но нельзя ли предположить, что он мог значить также «блекнуть», «терять свой цвет»? Ведь под утро бледнеет чернота ночи, гаснут звезды и т. д. Тогда перед нами картина наступающего утра: «долгая ночь светлеет (или, если не принимать исправление *длъго* на *длъга:* «медленно ночь светлеет»), заря свет зажгла, туман поля покрыл» и т. д.

Большинство исследователей, однако, видит здесь описание ве-

чера. Н. Н. Зарубин переводит слова *длъго ночь мрькнетъ* так: «продолжительное время ночь делается темной» — и объясняет это наблюдением автора «Слова», для которого «время сумерек... казалось длиннее того, которое для него было, вообще говоря, привычно». На этом основании Н. Н. Зарубин считал автора «Слова» выходцем из Галичины, где в горах ночь наступает быстрее (Н. Н. Зарубин, с. 149—150). Спорным остается и значение слов «заря свѣтъ запала». М. А. Максимович, Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, В. Н. Перетц, М. В. Щепкина рассматривают слово *свѣтъ* как приложение к *заря* (т. е. «заря-свѣтъ»). А. А. Никольский полагает, что *заря-свѣтъ* — название планеты Венера. В данном издании принята точка зрения, что *запала* — аорист от глагола *запалати,* а *свѣтъ* — дополнение, как и в последующей фразе: «мъгла поля покрыла».

Щекотъ славии успе, говоръ галичь убудися. Ср. в записи писца XIV в.: «Нощь успе (т. е. окончилась, прошла), а день приближися». В. Миллер, А. Потебня, Е. Барсов и др. предлагали конъектуру «убудися». В этом случае перевод этой фразы: «затих щекот соловьев, поднялся галичий крик».

Съ зарания въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя. В. П. Адрианова-Перетц сопоставляет с редким выражением *съ зарания* параллели из текста XII в.: «израниа в понедельник», «израньа въставше». Глагол *потоптати* часто встречается в летописи: «Русь потопташа» половцев, «сшибеся с полкы их и потопташа середний полк», «стяги Олговы потопташа». См. также выше, с. 481.

Рассушясь стрѣлами по полю. Рассушясь (видимо, из *рассушя*^{с}*)* — «рассыпаться». Ср. в «Повести временных лет» под 1068 г.: «Половци росулися по земли».

Помчаша красныя дѣвкы Половецкыя. «В выборе слова *помчаша,* — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — автор «Слова» проявил обычную для него точность выражения. В языке XI—XII вв. ряд слов того же корня применялся в тех случаях, когда речь шла о похищении именно девушек: в Уставе церковном Владимира «умычька» — похищение девушки до замужества — отмечается в ряду проступков, караемых церковным судом. В Уставе церковном Ярослава вместо *умычька* читаем *умыкание;* глаголы *умыкати, умыкивати* употребляются в том же значении — «похитить, увести девушку-невесту» в «Повести временных лет». ...Свободно обращаясь нередко к приставкам для уточнения смысла глагола, автор «Слова» и в данном случае удачно заменил приставку «у», показывающую итог действия, приставкой «по», которая помогает представить само действие — русские еще везут похищенных девушек». (Адрианова-Перетц. Фразеология, с. 49).

Злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Паволока — шелковая ткань, описание которой находим в одном из списков «Моления Даниила Заточника»: «Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть». *Оксамитъ* (аксамит, или гексамит, по-гречески — «шестинитчатый») — название дорогой ткани. Паволоки и оксамиты упоминаются в летописях в перечнях даров или военной добычи: «неся злато и паволоки», «почти... златом и паволоками», «вземъ... злато и паволоки», «злато и сребро, паволоки», «от Грекъ злато, паволоки», «любезнивъ ли есть злату, ли паволокамъ» и т. д.

Нетрудно заметить, что «Слово» использовало в этом случае обычную последовательность перечисления богатств. Оксамиты упоминаются реже. В «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина (М.—Л., 1937, с. 217) зафиксировано всего пять (исключая параллельные тексты) употреблений этого слова в летописях.

Орьтъмами и япончицами, и кожухы начаця мосты мостити. Орьтъма — «покрывало, попона», *япончица* — «накидка, плащ»; *кожухъ* — «одежда из дубленого меха». Характерно написание *япончица.* Ср. в грамоте XV в.: «дати ми Василью япанечнику (шьющему епанчи?) полтора рубля». В документах XVI в. встречаем обычно — *епанча.*

По... грязивымъ мѣстомъ. О возможной древности этого оборота говорит как употребление самого слова *грязивыи* в качестве наименования («по Грязивои рѣчкѣ» в акте 1475 г.), так и наличие в древнерусском языке старшего периода подобных морфологических образований (ср. *боязиивыи, гнѣвивыи* и *гнѣвливыи, льстивыи, милостивыи* и т. д.) и типичность самой конструкции, ср.: «многа знаменья бываху по мѣстомь» (Повесть временных лет), «и ины церкви ставляше по градом и по мѣстомъ» (там же). Слово *мѣсто* — в значении «участок земной поверхности» широко употребимо: «сталъ бо бѣ на горѣ... бѣ бо мѣсто то камянисто» (Новгородская 1-я летопись), «и сступишася на мѣсте, иде же стоит ныне святая Софье» (Повесть временных лет) и т. д.

Всякыми узорочьи Половѣцкыми. Узорочье — обычное в древнерусской книжности слово, обозначавшее драгоценности, дорогие предметы. Ср.: «Приде Олегъ къ Киеву неся золото, и паволокы, и овощи и вина и всяко узорочье»; убийцы Андрея Боголюбского, грабя его хоромы, «вынимаша золото и каменье дорогое и жемчюгъ и всяко узорочье» и т. д. В ряде случаев отмечается наличие устойчивого словосочетания *всяко(е) узорочье,* как и в «Слове».

Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие. Исследователи обратили внимание, что слово *стружие* (видимо — «древко копья»), встречающееся кроме «Слова» только в древнейшем списке «Хождения игумена Даниила» (XII в.), в позднейших списках заменялось словом *стражие.* Эта замена бессмысленна («яко стружия выше!») и свидетельствует о том, что последующим переписчикам это древнее слово оказалось непонятным. Полагают, что это название копья в народном, а не книжном языке. См. также ниже, с. 515.

Ольгово хороброе гнѣздо. Речь идет о князьях, участниках похода: все они являлись внуками или правнуками Олега Святославича (Гориславича). Слово *гнѣздо* в значении «племя, род» в древнерусских текстах пока не обнаружено, однако этот образ «Слова» повторен «Задонщиной», где русские князья называются «гнездом» Владимира Киевского или Ивана Даниловича Калиты (в списке Кирилло-Белозерском). Эпитет *хоробрый* (с полногласием) встречается в летописных текстах, имея, возможно, характер эпического, фольклорного эпитета. Так, о князе Данииле Галицком, дерзнувшем отправиться в поход на Чешскую землю, летописец говорит, что предпринимает этот поход он, «славы хотя, не бѣ бо в землѣ Русцѣи первее, иже бѣ воевалъ землю Чьшьску, ни Свято-

славъ хоробры, ни Володимеръ святыи» (Ипатьевская летопись под 1254 г.); тот же эпитет употребляется в афористической речи Даниила Заточника: «Умен муж не велми на рати хоробръ бываетъ, но крѣпок в замыслех». В «Задонщине» полногласная форма встречается один раз в Кирилло-Белозерском списке: «Хоробрыи Пересвѣт поскакиваеть на своемь вещемь сивцѣ» и в Синодальном списке — дважды сочетание «хоробрая дружина». В остальных случаях — «храбрый».

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ. Гзак — имя половецкого хана. В Ипатьевской летописи оно передано как *Коза* или *Кза* (ср. сын его — Роман Кзич). Написание этого имени в «Слове» в двух вариантах — *Гзакъ* и *Гза* (дат. пад. — Гзѣ), отличных и от написания Ипатьевской летописи и от написания в «Истории Российской» В. Н. Татищева (там — *Гзя*), — одно из свидетельств независимости «Слова» от этих источников.

Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому. Кончак — половецкий хан, сын Отрока, внук Шарукана (см. ниже, с. 503). Он был одним из опаснейших врагов Руси, и летопись не скупилась на бранные эпитеты, сообщая о его набегах на Русь. Так под 1184 г. Ипатьевская летопись сообщает, что «пошелъ бяше оканьныи и безбожныи и треклятыи Кончакъ со мьножествомь половець на Русь». В «Слове» речь идет о движении основных половецких войск, предводительствуемых Гзаком и Кончаком, навстречу Игорю. Откуда же двигались половецкие силы и где в это время находился отряд Игоря? Б. А. Рыбаков на основании сопоставления данных «Слова» и летописей предположил, что Доном «Слово» называет современный Северный Донец до впадения его в Дон и далее нижнее течение Дона до устья (Б. А. Рыбаков. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве». — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 1, с. 5—11). Обороту *слѣдъ править* (т. е. «указывать путь») соответствуют сочетания: «ити въ слѣдъ его», «гнатися въ следъ».

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Этой фразой начинается описание зловещих предзнаменований. «Кровавые зори» «Слова» отразились, видимо, в «Задонщине», где (цитирую по списку Ундольского) картина значительно деформировалась: из туч «выступают кровавые зори (?), а в них (тучах? зорях?) трепещутся (!) сильные (так!) молнии». Если упоминание туч, идущих с моря, в «Слове» обосновано — битва происходила, как полагают, где-то в приморских степях, то в «Задонщине» слова «ветри дуют с моря» мотивированы в меньшей мере.

Хотятъ прикрыти 4 солнца. «Четыре солнца» — видимо, четыре князя-участника похода: Игорь и Всеволод Святославичи, их племянник Святослав Ольгович Рыльский и Владимир Игоревич. Однако далее бояре, разъясняя «мутен сон» Святославу Киевскому, скажут: «два солнца помѣркоста (т. е. Игорь и Всеволод), оба багряная стлъпа погасоста. . .и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святославъ, тъмою ся поволокоста». В Лаврентьевской и ряде других летописей указывается, что Игорь отправился в поход «съ двѣма сынома», а в Ипатьевской — назван лишь Владимир Игоревич; там же Игорь в порыве раскаянья восклицает: «Гдѣ нынѣ возлюбленыи мои братъ, где нынѣ брата моего сынъ, гдѣ чадо

рожения моего», т. е. речь идет опять-таки об одном сыне — участнике похода. Механический пропуск имени второго сына в перечислении князей в Ипатьевской летописи, таким образом, исключен. Значит, перед нами две версии о составе участников похода. «Слово», которое имеет ряд фактических параллелей с версией Ипатьевской летописи, в данном случае совпадает с версией Лаврентьевской и сходных с ней летописей (см. также ниже, с. 500).

Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго. Перед нами перефразировка распространенного устойчивого оборота летописей и воинских повестей — «стрелы идут аки дождь», «стрелы на них летяху яко дождь» и др. В «Молении Даниила Заточника» тот же образ подается иначе: «Насыщаяся многоразличными брашны, помяни мя, сух хлѣб ядущаго... на мягкои постели помяни мя, под единем рубом лежащаго... каплями дождевыми, яко стрелами, пронизаема».

Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя. Приламатися — «надломиться, сломаться». Образования с приставкой *при-* очень распространены в древнерусском языке, ср. например: *прибесѣдовати, приблюдати, привъзьдатися, пригадывати, пригласовати, принаждати («прибавлять»), приплакати* и мн. др. Среди этих редких и преимущественно архаичных (XI—XIV вв.) образований естественно обилие глаголов с приставкой *при-* в «Слове», как находящих параллели в других источниках *(пригвоздити, прикрывати, приложити, приодѣти, приходити),* так и встречающихся только в этом памятнике *(приламатися, приломити, притоптати, притрепати).*

На рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго. Названию реки Каялы и попыткам уточнения ее местоположения посвящена обширная литература. Существующему мнению, что название реки — метафорическое образование от глагола *каяти,* противоречит, однако, во-первых, возможность эпитета при названии, которое само носит характер эпитета (ср. «быстрой Каялы»), во-вторых, явно нерусская форма этого названия в летописи («на рѣцѣ Каялы», а не Каяле!) и, наконец, возможность объяснить это название из тюркских языков, где «каялы» обозначает «скалистая, обрывистая, каменистая».

Се вѣтри, Стрибожи внуци. Стрибог — языческий бог (возможно, общеславянский); о том, что он властелин ветров, мы узнаем только из «Слова», в летописи говорится лишь о существовании в Киеве идола Стрибога.

Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ. Пороси — мн. число от *порохъ* — пыль (ср.: прах). Образование множ. числа от существительного, обозначающего вещество, было возможно как в древнерусском, так и в других славянских языках старших периодов. Р. О. Якобсон приводит параллель из «Хождения игумена Даниила»: «гора висока... и снези на ней лежат чрез лето».

Стязи глаголютъ: Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя плъкы оступиша. Выражение «стязи глаголют» казалось некоторым исследователям явным анахронизмом. Однако параллель ему обнаружена в учительном слове XIV в.: «Знаменье глаголеть стяг, им же знаменают воеводы победу». Кроме

того, подобный образ встречается не только в «Задонщине» (где «стязи ревут»), но и в «Сказании о Мамаевом побоище»: «И стязи их золоченыа ревуть, просьтирающеся, аки облаци, тихо трепещущи, хотять промолвити». «Метафоричность выражения «стязи глаголють», — пишет Н. М. Дылевский, — ощутимо подчеркивается всем контекстом фразы, в которой оно является заключительным звеном... А вся фраза воздействует на нас именно звуковой настройкой: в ней слух улавливает и свист стрел, и гул сотрясаемой конскими копытами земли, и порывы ветра, несущего облака пыли, застилающей поля. Метафора «стязи глаголють» — знамена полощутся, развеваемые ветром, «говорят» — в концовке фразы была подсказана автору общим звучанием отрывка» (Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства, с. 184). В первом издании и Екатерининской копии *отступиша*, но уже начиная с М. А. Максимовича (1859 г.) издатели исправляют на *оступиша*, т. е. «окружили, обступили». В Ипатьевской летописи изображается сходная ситуация: почти никто из воинов Игоря не смог избежать плена, так как словно «стѣнами силнами огорожени бяху полкы половѣцькими».

Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони. Здесь и далее («Камо Туръ поскочяше...», «Яръ Туре Всеволоде», «рыкают акы тури») могучие и смелые воины сопоставляются с дикими быками-турами. В Ипатьевской летописи говорится, что князь Роман Мстиславич «храбор бѣ яко и туръ». Польский языковед-ориенталист А. Зайончковский сопоставляет прозвание Всеволода «Буй Тур» с обычным половецким прозвищем или именем Телебуга. Что такое «стоиши на борони»? Наиболее удачно перевел это место И. П. Еремин: «Стоишь ты всех впереди». Конструкция «стоиши на борони» напоминает обычные для летописи выражения «стати на криле» (т. е. на фланге войска), «стати на челе» (в центре) и т. д. В «Задонщину» это выражение было перенесено механически, видимо, смысл его был не понят; об этом говорит как искажение его в списках («ста тур на оборонь», «въсталъ уже туръ оборенъ»), так и полная неуместность его после описания победоносного преследования татар: «И поганыи бусорманы покрыша главы своя руками. Тогда поганые борзо вся отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бѣжать. А руские князи и бояры и воеводы и все великое воиско широкие поля кликом огородиша и злачеными доспехами осветиша. Уже бо ста тур на оборонь».

Прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. О значении слова *харалуг (харалужный)* нет единого мнения: по всей вероятности, это тюркизм, со значением «булат» («булатный»).

Поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде. — Полагают, что *поскепати* здесь — «расщепить ударами», и связывают это с особой конструкцией половецких шлемов, которые, по наблюдениям археологов, делались из дерева и только сверху покрывались стальными пластинками. Глагол *поскепати* имел, однако, и более широкое значение: «побить ударами, посечь». Так, в «Повести о разорении Рязани» Батый, обращаясь к трупу героя-рязанца Евпатия Коловрата, говорит: «Гораздо еси мене поскепал малою своею дружиною». *Оварьскыи* — от гре-

ческого *αβαριϰός* с характерной для древнерусского языка передачей «*а*» как «о». Авары (по-древнерусски — обры) — союз тюркоязычных племен, распавшийся и ассимилированный другими народами уже в IX в. Почему же половецкие шлемы XII в. названы «аварскими»? Либо перед нами терминологическое название особой конструкции шлемов, сохранившееся и после того, как исчез народ, давший им название, либо имеются в виду шлемы, которые половцы приобрели у одного из северокавказских племен, также имевшего этноним «авары».

Кая раны, дорога братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола. Существуют два понимания слова *кая* и отсюда различные толкования всей фразы. М. А. Максимович, А. А. Потебня, А. С. Орлов, Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев и др. считают *кая* формой женского рода от местоимения «кыи». В этом случае (при конъектуре «рана» вместо «раны») перевод: «какая рана дорога, братие, забывшему честь и жизнь (или честь и богатство)...». А. И. Соболевский, Г. А. Ильинский, В. Н. Перетц, Л. А. Булаховский и др. видят в слове *кая* 3-е лицо аориста: «он презрел, дорогая братия, раны» или «он отмстил раны дорогой братии».

И своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая! В. П. Адрианова-Перетц указывает, что слова «свычай» и «обычай» рано стали восприниматься как синонимы, подтверждая это примерами замены слова «свычай» на «обычай» и наоборот в различных памятниках XI—XII вв. (Адрианова-Перетц. Фразеология, с. 60). Следовательно, перед нами обычное сочетание двух синонимов. «Милая хоть, красная Глебовна» — жена Всеволода Ольга Глебовна. О назывании княгинь по отчеству см. ниже, с. 521.

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Вѣчи Трояни — «века Трояновы», как полагают комментаторы, — «языческие времена», которым противопоставляются «лета Ярослава» — время торжества христианства. См. также комментарий к словам «на седьмомъ вѣцѣ» ниже, с. 514. Олег Святославич — дед Игоря, родоначальник черниговских Ольговичей.

Тъи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Здесь начинается рассказ о междоусобных войнах («крамолах»), которые постоянно велись Олегом Святославичем. Метафорическое употребление глагола *ковати* находим и в других древнерусских памятниках: «не ведый лесть, юже коваше на нь Давыд», «коваху беды», «ковати ков на брата своего» и др.

Тои же звонъ слыша давныи великыи Ярославь, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. В первом издании читалось: «Тоже звонъ слыша давныи великыи Ярославь сынъ Всеволожь: а Владимиръ...». Так как речь идет бесспорно о Ярославе Мудром, не сыне, а отце Всеволода, то в большинстве изданий принимается поправка П. Буткова (1821 г.): «Ярославь, а сынъ Всеволожь Владимиръ». В этом случае смысл фразы такой: еще Ярослав Мудрый предугадывал этот звон стремени под ногой князя-крамольника и потому предостерегал своих потомков, как повествуется об этом в «Повести временных лет»: «Аще ли будете ненавидно живуще в распрях и которающеся, то

погыбнете сами, и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ». А когда походы Олега начались, то противник его, Владимир Всеволодович Мономах, каждое утро «закладал уши» в Чернигове. Тем не менее текст остается еще не вполне ясным: что за «звон» (стремени? собирающегося в поход войска?) «слышал» (предчувствовал?) Ярослав? Что это за «уши», которые «закладает» по утрам Владимир Мономах? Д. Д. Мальсагов предположил, что речь идет о проушинах городских ворот, которые «не только ночью, но даже днем, опасаясь нападения, держал... на запоре» князь. (Д. Д. Мальсагов. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве». — Известия Чечено-Ингушского научно-исслед. ин-та истории, языка и литературы, т. 1, вып. 2. Грозный, 1959, с. 162). Однако в «Слове» говорится о том, что уши закладывались «по вся утра». Но разве на ночь ворота оставались открытыми? Если же понимать слово «уши» как орган слуха, то странен жест князя, который вместо бдительной тревоги предпочитает не слышать зловещего звона.

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе. В 1078 г. Борис Вячеславич вместе с Олегом Святославичем «приведе... поганые на Русьскую землю». Однако перед битвой Олег обратился к своему союзнику: «Не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четырем князем» (т. е. Изяславу и Всеволоду с сыновьями). На это Борис ответил: «Ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ». «Похваливъся велми, не вѣдыи, яко богъ гордымъ противится», — морализирует по этому поводу летописец. И действительно: Олег и Борис потерпели поражение, и «первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившегося велми». Таким образом, речь идет здесь о «божьем суде», о смерти, которой бог наказал самонадеянного Бориса.

И на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Существует множество толкований этого места. Большинство комментаторов полагают, что имеется в виду Канинъ (Канина) — ручей близ Чернигова, в районе, где происходила битва. *На Канину* в этом случае ошибочно — по аналогии с последующим «зелену паполому», вместо *на Канинѣ*. В пользу этого мнения говорит не только упоминание ручья Канинъ в Лаврентьевской летописи под 1152 г. («сташа у Гуричева, близъ города, перешедше Канинъ»), но и приведенные в статьях болгарских ученых Боню Ст. Ангелова и Н. М. Дылевского сведения о наличии на Балканах селений и реки с аналогичным названием — Канина, что свидетельствует об устойчивости этого топонима в славянских землях. А. С. Орлов принимал предложенное Н. С. Тихонравовым исправление «на ковылу». Л. А. Булаховский допускал, что слова «Канина» и «ковыла» были употреблены рядом («...на Канинѣ на ковылу (ковыльну?) зелену паполому постла»), что, по его мнению, вполне «в духе обычной фоники „Слова“» (Булаховский. О первоначальном тексте, с. 442). Паполома — погребальное покрывало, обычно черного цвета. Здесь же «зеленая паполома» — образно о траве.

Съ тоя же Каялы Святоплъкь полелѣя отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко святѣи Софии къ Киеву. М. А. Максимович полагал, что *Каялы* — искажение слова *Канины* (из преды-

дущей фразы). Изяслав, отец Святополка, убитый в той же битве, где и Борис, был, по сведениям Киевской летописи, похоронен в Десятинной церкви. Однако в Софийской 1-й летописи говорится о захоронении Изяслава в Софии Киевской (см. об этом в статьях А. А. Зимина и Ф. Я. Приймы. — «Русская литература», 1966, № 2, с. 61—62 и 78). В первом издании читалось *повелѣя*. Исправление на *полелѣя* (т. е. «бережно понес») мотивируется, во-первых, употребительностью слов с корнем *лелѣ-* в памятнике (ср. *лелѣючи корабли, възлелѣялъ еси... носады*), а во-вторых, тем, что она больше удовлетворяет контексту, чем *повелѣя* или другая конъектура — *повелѣ яти*. На л. 219. Радзивиловской летописи изображено перенесение «на носилех» между коней больного князя Михалка.

Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Олег Гориславич — прозвище, данное деду Игоря, Олегу Святославичу (возможно, лишь автором «Слова»), — поставило в тупик первых издателей памятника: при этом имени была сноска — «неизвестен». Это место «Слова» нашло отражение в приписке к «Апостолу» 1307 г.: «При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князѣхъ которы, и вѣци скоротишася чловѣкомъ».

Тогда по Рускои земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто враниграяхуть, трупиа себѣ дѣляче. Этот образ разоренной усобицами земли нашел отражение и в «Задонщине». Так, в Синодальном (сходно в Кирилло-Белозерском) списке говорится: «В тоя ж время по Резанской земли ни ратой, ни постух не покличет, но только часто ворони играют» и «а ворони часто играют, а галици своею речью говорят». Но если в «Слове» ч а с т о е граяние противопоставляется р е д к и м крикам пахаря, то в «Задонщине» это сопоставление отсутствует; так незначительная, казалось бы, деталь свидетельствует о первичности «Слова» и вторичности «Задонщины».

А галици свою рѣчь говоряхуть: хотять полетѣти на уедие. Своеобразную форму *уедие* В. П. Адрианова-Перетц сближает с глаголом *уѣдати* («уѣдая зубы духовными»; «уядаше змиа человѣка») и напоминает употребление синонимичного слова *едь, ядь*: «съходящеся на едь», «зъваша на ядь». Ср. также: «умьртие», «укормие» и др. параллельные словам «смерть», «укормъ» и т. д.

Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? А. А. Потебня считал, что *ми* употреблено здесь в поэтическом обороте, выражающем «сознание живости, с какого (так!) певец или рассказчик представляет себе то, о чем говорит» (А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Харьков, 1914, с. 186). Примеры с *ми* в указанной функции неизвестны, однако широко распространено употребление *ти* (энклитической формы дат. падежа от *ты*) в сходных оборотах: «Володимеръ т и иде на тя» (Повесть временных лет), «То т и Изяславъ мя ти приобидил» (Ипатьевская летопись), «Кому т и есть Новъгородъ, а мнѣ углы опали» (Слово Даниила Заточника) и др. Утверждение некоторых комментаторов, будто бы фраза эта указывает на то, что автор «Слова» сам принимал участие в битве, не кажется правомерным.

Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. Из текста «Слова» можно понять, будто бы Игорь разворачивает полки и направляет их на выручку брату. Ипатьевская летопись так рисует этот эпизод: когда отряды ковуев, входивших в войско Игоря, вдруг обратились в бегство, Игорь «поиде к полку их, хотя возворотити к полкем». Вернуть ковуев Игорю не удалось: «не возворотишася никто же, но токмо и Михалко Гюрговичь, познав князя, возворотися». С ковуями бежали лишь некоторые «от простых или кто от отрокъ боярьскихъ. Добри бо вси (т. е. лучшие воины) бьяхуться, идучи пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ, не мало мужьство показа (в рукописи «покаказа»). И яко приближися Игорь к полкомъ своимъ и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одале от полку своего. Держим же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своеи смерти, яко да бы не видилъ падения брата своего». Таким образом, в «Слове» или отличная от летописи версия хода битвы или — и это наиболее вероятно — в «Слове» лишь ряд поэтических припоминаний, не претендующих на историческую точность.

Бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Эта фраза содержит общую характеристику всего сражения. «Это даже не образ, — пишет о выражении «падоша стязи» Д. С. Лихачев, — здесь это военный термин, но термин, употребленный в поэтическом контексте... Стяги Игоря падают — это реальный знак поражения: падают реальные стяги. Но указание на этот факт значительно — оно лаконично и образно указывает на поражение Игорева войска» (Лихачев. Устные истоки, с. 72).

Ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. В литературе неоднократно указывалось на типичный для воинской повести и фольклора образ битвы-пира. *Попоиша* — один из гапаксов «Слова». В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что из 39 глаголов «Слова», образованных с помощью приставки *по-*, лишь три *(потрепати, потручатися* и *попоити)* не подтверждаются параллельными употреблениями в других памятниках. Она указывает на обильные редкие и индивидуальные образования с этой приставкой в других древнерусских текстах, например в переводе Хроники Амартола, Минее 1095 г. и т. д. (Адрианова-Перетц. Фразеология, с. 68).

Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось. Образ никнущей, клонящейся к земле в знак печали растительности имеет параллели в ряде древнерусских памятников. О слове *жалощами* Л. А. Булаховский писал: «Эти образования на -ощі типа pluralia tantum при поверхностном взгляде на них легко могут произвести впечатление полонизмов (-ošci). Они, однако, ими безусловно не являются уже, во-первых, по одному тому, что их не знает как pluralia tantum сам польский язык (его -ość соответствует обычному русскому -ость, укр. -ість, род. пад. ості)». (Булаховский. Слово, с. 143). Во-вторых, древность этих образований, как указывает Л. А. Булаховский, подтверждается наличием сходных форм: *радощами, лѣнощами, пакощами* и др., — в «Остромировом евангелии», «Поучении Владимира Мономаха», Минее XIII в., произведениях Кирилла Туровского и др.

Уже бо, братие, невеселая година въстала. Отсюда и вплоть до

рассказа о вещем сне Святослава следует, как полагает большинство комментаторов, описание тяжелых последствий поражения Игоря. Однако скорее всего эта часть «Слова» — типичные для древнерусской книжности риторические размышления о Русской земле, страдающей от внутренних распрь и половецких набегов, и не следует искать в ней отражения каких-либо конкретных фактов исторической действительности конца XII в. Как мы увидим далее, связь отдельных фрагментов этой картины в ряде случаев отсутствует, хронологическая последовательность нарушена, автор увлечен риторическим пафосом своих упреков враждующим князьям и сетованиями о страданиях родины, но не стремится рассказывать о действительных последствиях неудачного похода Игоря.

Уже пустыни силу прикрыла. Образ этот архаичен как лексически, так и грамматически. Слово *пустыни* употреблено в рано исчезнувшей форме им. пад. ед. ч. для ряда слов на *-ни (княгини, гусыни* и др.) и в значении «незаселенное, пустынное место» (а не «лишенная растительности равнина», как в современном языке). Ср. в описании путешествия митрополита Пимена: «Бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже: ни града, ни села... точию пустыни велиа, и зверей множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры...». Смысл образа понимали двояко. Одни комментаторы видели здесь отражение зримой картины: высокая степная трава «прикрыла» трупы воинов Игоря. Другая точка зрения выражена, например, в одном из толкований, предложенных В. Н. Перетцем: «Кочевники одолели войско» (Перетц, с. 220), или даже еще более метафорично: «Уже степь нашу мощь одолела». Ср. далее: «въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука», «уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю».

Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море. П. П. Вяземский, в соответствии со своим взглядом на «Слово» как на подражание Гомеру, видел в «деве обиде» Елену Троянскую (Замечания на «Слово о полку Игореве». СПб., 1875, с. 188 и далее). А. С. Орлов сопоставлял ее с образом девушки с лебедиными крыльями в «мировой поэзии саг, песен и сказок» (Слово о полку Игореве. М. — Л., 1946, с. 112). Большинство современных комментаторов видит здесь олицетворение понятия «обиды» в том его почти терминологическом значении, которое было известно в древней Руси. «Слово «обида», — пишет Д. С. Лихачев, — все чаще и чаще употребляется в отношении нарушений именно княжеских феодальных прав и приобретает все более и более отвлеченное значение. ... Однако в летописи этот термин никогда не употребляется в отношении всей Русской земли в целом. Иное в «Слове о полку Игореве» ... автор «Слова» открывал путь для более широкого понимания слова «обида», освобождал это понятие от его феодальной ограниченности» (Лихачев. Устные истоки, с. 84 и 86). Аналогичные конструкции с отвлеченными понятиями известны древнерусской книжности: «встало зло», «печали всташа», «въста ... расколъ великъ» и т. д. (Ср. в самом «Слове» — «невеселая година встала»). Однако в данном месте «Слова» языковая метафора становится уже аллегорией («обида ... вступила дѣвою ... въсплескала лебедиными крылы»), поэтому и слово «встать» в данном контексте

требует иного толкования — не «начаться, возникнуть», а скорее «подняться, явиться» (Ср.: Виноградова. Словарь, с. 144). *Въ силахъ Дажь-Божа внука* — в русском народе.

Убуди жирня времена. А. А. Потебня, В. Н. Перетц, А. С. Орлов и др. исправляют *убуди* на *упуди.* Тогда перевод фразы: «прогнала обильные (счастливые) времена». Однако в самом «Слове» именно глагол *убудити(ся)* встречается еще три раза. Этим не следует пренебрегать, учитывая пристрастие автора к многократному употреблению одних и тех же или однокоренных слов (ср., например, различные образования от глагола *лелеяти,* от корня *рыск-,* употребление глагола *потрепати* и т. д.). Видимо, глагол *убудити* в данном контексте следует понимать в переносном значении и переводить «растревожила времена обилия».

Усобица княземъ на поганыя погыбе. Погыбе — «прекратилась». Употребление глагола *погынути* в этом значении свойственно именно древнейшим памятникам, например: «студеньство нощное погибе» (Слово о законе и благодати). Это предложение — редкая синтаксическая конструкция (свойственная, однако, «Слову»): употребление «дательного принадлежности» (т. е. «борьба князей с погаными прекратилась»). Эта фраза иллюстрирует сказанное выше о чисто риторическом характере рассматриваемой части «Слова». Фактически борьба с половцами не прекратилась после поражения Игоря, а успешный поход Святослава на Кобяка состоялся за два года до этого.

Рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же». Д. С. Лихачев полагает, что здесь ироническое переосмысление формулы феодальных разделов: «се мое, а то твое» (Устные истоки, с. 84).

О, далече заиде соколъ, птиць бья, — къ морю. А Игорева храбраго плъку не крѣсити. Вероятно, формула «не кресити» первоначально обозначала отказ от родовой мести, позднее же она стала употребляться «как обычное утешение, как признание невозвратимости утраты» (Лихачев. Устные истоки, 83). Связь этих фраз с предшествующим рассказом неясна. Непонятно и противопоставление их друг другу, выражаемое союзом *а.* Все это находит объяснение лишь в общем характере рассматриваемого отрывка (см. выше, с. 493).

За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Рускои земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. Первые издатели полагали, что Карна и Жля — половецкие ханы. Позднее комментаторы стали склоняться к мысли, что здесь, как и в рассмотренном выше упоминании «девы Обиды», — олицетворение отвлеченных понятий. Слово *Карна* сопоставляли с глаголом *карити* — «оплакивать», *«Жля»* — с глаголом «жалеть» или со словом *жля* (желя) — «обряд оплакивания умерших». Ср.: «Уби Каинъ Авель брата своего и сътвориста ж е л ю Адамъ и Евга надъ нимъ» (Слово об Адаме) или «наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю» (Ипатьевская летопись под 1185 г.). Сложнее объяснить слово *карна.* Слов *кара, карание* и др., с которыми, начиная с В. Ф. Миллера, сопоставляют слово *карна,* в древнерусских памятниках не зафиксировано. О. Сулейманов (журнал «Простор», 1963, № 6, с. 102) высказал предположение, что «карна и жля» — искажение слов «кара жлан» — «черный дракон» — «известный образ степных мифов», и предложил

перевод: «Кликнул кара жлан — черный змей, || И полетел по Русской земле, || Сжигая людей огнем || Из пламенных рогов».

Жены Руския въсплакашась, а ркучи. В некоторых изданиях «Слова» *а ркучи* пишется слитно; однако здесь, как и в других древнерусских памятниках, перед нами особая конструкция, где «а» — союз, а «ркучи» — причастие от «речи». Ср. в летописи: «и одариша князь русьскыхъ, а рекуче тако...» (Новгородская 1-я летопись), «учаша грамоты писати... а ркуче так...» (Псковская 1-я летопись) и др. Следовательно, буквальный перевод этого места: «жены русские восплакались, говоря (при этом)...».

А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Эта фраза в первой своей части почти дословно повторяет сказанное ранее: «начяша князи ... сами на себѣ крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую». Упоминаемая здесь дань «по беле (т. е. по белке) от двора» может быть сопоставлена с сообщением «Повести временных лет», что хозары «имяху дань» «по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма». Возможно, что фраза эта — характерная для древнерусских текстов компиляция, где упоминание о дани образно и символизирует лишения, которые терпели от половецких набегов русские земли.

Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста. Лжа — «обман» и, видимо, шире — «распря», «зло». В. Н. Перетц приводит пример, когда *въ лъжахъ* является эквивалентом к греческому εἰς τάς μάχας (т. е. «в распрях, ссорах»). В первом издании — *убуди.* Это может быть либо свойственное древнерусским текстам согласование сказуемого лишь с первым из двух однородных подлежащих (как, например, в «Повести временных лет»: «И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ») или описка, требующая исправления на *убудиста,* принятого в ряде изданий «Слова». *Лжа,* «разбуженная» Игорем и Всеволодом, — половецкая сила, которую незадолго перед походом Игоря сокрушил Святослав Киевский (см. ниже). Одержав победу над Игорем, половцы вновь напали на русские земли.

Которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозныи великыи Киевскыи грозою. В. Н. Перетц полагал, что написание слова *которую* ошибочно, вместо *которою,* аналогично формам *с дружиную, молитвую* из Ипатьевской летописи (Перетц, с. 230). Это исправление излишне: *которую* — местоимение, присоединяющее придаточное, содержащее согласно нормам древнерусского языка давнопрошедшее время («бяше успилъ»). Глагол *успити* мог применяться с отвлеченными понятиями. В. П. Адрианова-Перетц приводит параллели из Минеи 1097 г.: «усъпив страсти различныя», «грехов усъпил еси бурю». *Святъславь грозныи великыи Киевскыи* — Святослав Всеволодович, киевский князь с 1180 г. Он приходился Игорю и Всеволоду двоюродным братом. Но не возрастом (Святослав был старше Игоря примерно на 25—30 лет), а положением его как киевского князя объясняется то, что в «Слове» он назван «отцом» Игоря и Всеволода. Своему положению он обязан и эпитетами «великий», «грозный»; фактически он являлся «одним из слабейших князей, когда-либо княживших в Киеве. Однако Киев и в XII в. продолжал считаться, если и не реально, то в каком-то

идеальном смысле, центром Руси, а киевский князь — главою всех русских князей» (Лихачев. Комментарий, с. 422).

Бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую. В рукописи *притрепеталъ* — видимо, описка вместо *притрепалъ* (ср. далее: «притрепа славу ... а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи»); *притрепеталъ* — результат контаминации слов *притрепалъ* и *трепеталъ.* Спорным является и синтаксическое членение текста. В первом издании читалось: «Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный Великый Киевскый. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи...». В большинстве современных изданий принято такое членение: «... Святъславь грозныи великыи Киевскии грозою. Бяшеть притрепеталъ своими сильными плъкы...». В этом случае *бяшеть притреп*[*ет*]*алъ* — форма давнопрошедшего времени. Оно обычно употреблялось в придаточном при наличии прошедшего времени в главном. Поэтому есть основания теснее связывать это предложение с предыдущими и читать так: «...которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозныи великыи Киевскыи грозою, бяшеть притреп[ет]ал своими сильными плъкы и харалужными мечи. Наступи...» и т. д.

А поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ, выторже. Автор «Слова» вспоминает здесь, что во время похода киевского князя Святослава и других русских князей в 1184 г. (по иным сведениям — в 1183 г.) на половцев русские пленили половецкого хана Кобяка Карлыевича «со двѣма сынома». «Лукоморие» и «лука моря» как названия мест кочевий половцев в летописи упоминаются неоднократно. В Лаврентьевской летописи говорится, что после первой победы над половцами Игорь обратился к дружине со словами: «Поидемъ по них за Донъ и до конца изобьемъ ихъ... идем по них и л у к у м о р я, гдѣ же не ходили ни дѣди наши». Ср. также: «и посла Рюрикъ по Лукоморьскиѣ Половцѣ» (Ипатьевская летопись под 1193 г.). Флексия *-у* в «Слове» ошибочна, следует *изъ луки моря.* С. П. Обнорский предполагал здесь смешение с флексией основ на *и* (типа *домъ, медъ, сынъ* и др.), но тогда надо допустить существование варианта *лукъ* — муж. рода.

И падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли. В Киевской Руси гридницей называлась большая зала для пиршеств в княжеском дворце. «Повесть временных лет» рассказывает, что Владимир Святославич «устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляром, и гридем, и съцьскимъ, и десяцьскым; и нарочитымъ мужемъ при князи и безъ князя». Позднее о гридницах говорится как о помещении, где держали пленных. Ярослав Всеволодович, например, приказал «въметати» пленных в погреб, «а иныхъ въ гридницю», где они «издъхоша въ множьствѣ» (Новгородская 1-я летопись под 1216 г.).

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю. Венедици — название венецианцев, известное по древнерусским памятникам XI—XII вв.: «Венедици ту сущии хотять ити преже их», «нѣмци, корлязи, веньдици, фрягове». В статье 1219 г. по Академическому списку Суздальской летописи (ср. также Ни-

коновскую и другие летописи) моравцы упомянуты как союзники галичан: «и выидоша Галичане противу, и Чахове и Ляхове и Морава и Угри». В древнерусских памятниках мы не раз встречаем упоминание о славе русских князей, распространившейся далеко за пределами Руси. Так, в Ипатьевской летописи под 1111 г. говорится, что слава победы над половцами «и ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и до Рима проиде». Имя Александра Невского, говорится в Житии этого князя, «нача слыти... по всѣмь странамъ и до моря Египетьскаго и до горъ Араратьскых и об ону страну моря Варяжьского, и до великаго Риму».

Каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкия, Рускаго злата насыпаша. «Глагол «каять», «каяться» в текстах нецерковного характера употреблялся в значении — осуждать себя за совершенный опрометчиво поступок, одновременно осуждать и жалеть себя» (Л. А. Дмитриев. Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 9, М. — Л., 1953, с. 33). *Жиръ* — богатство. Переносное значение глагола *погрузити* встречаем уже в «Повести временных лет»: «бог ... погрузить грехы наша в глубине». Характерно, что встречается аналогичная конструкция с словом *дно:* «въводящтаа человека въ дъно адово», «въ дно сердца въкоренятися». Петь славу Святославу и одновременно «каять» Игоря, чей поход состоится лишь два года спустя, невозможно. Но для автора «Слова» существенна не верность факту, а противопоставление успеха объединенного похода князей во главе с Святославом самочинному выступлению Игоря и Всеволода.

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Седло — «злато», как «златы» все предметы княжеского обихода: шлем, стремя, «столъ» и т. д. Существуют различные мнения о значении слова *кощей.* Его толковали как «ездовая прислуга», «наездник» (Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — Лексикографический сборник. Вып. 3, М., 1958, с. 42). О. Сулейменов считает, что значение этого слова — «кочевник», «„кощей" — это собирательное имя степняка» (О. Сулейменов. Кочевники и Русь. — «Простор», Алма-Ата, № 10, с. 109). Перевод в этом случае: «пересел из золотого седла в седло кочевника».

Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче. Крепостные стены древнерусских городов «достигали в высоту примерно 3—5 м. В верхней части их снабжали боевым ходом в виде балкона или галереи, проходящей вдоль стены с ее внутренней стороны и прикрытой снаружи бревенчатым же бруствером. В древней Руси такие защитные устройства назывались забралами» (П. А. Раппопорт. Древние русские крепости. Изд. «Наука» [М., 1965], с. 35). Метафора «унылы крепостные забрала» не чужда, как отметил В. Н. Перетц, культовым текстам древнейшей поры. Ср.: «Забрала Сионя да излѣют ... слезы день и нощь» (В. Н. Перетц. «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. — ИпоРЯС, т. 3, кн. 1, с. 304).

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ. Вещий сон, исполненный загадочных образов, которые растолковывают царю (герою) его друзья, приближенные или «философы» — посто-

янный мотив библейских книг, хроник, средневековых романов, летописей, фольклора (см.: Перетц, с. 238—246). *Мутенъ* — неясный, загадочный. *Въ Киевѣ на горахъ* — видимо, речевое клише. Во всяком случае мы встречаем его и в летописи: княжна Ефросинья, говорится в Ипатьевской летописи под 1198 г., «воспитана бысть в Кыевѣ на горахъ» (т. е. у киевского князя).

Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чръною паполомою на кроваты тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено. Комментаторы «Слова» обратили внимание, что сон Святослава «делится как бы на две неравные части, из которых первая относится к самому Святославу, вторая же имеет в виду зловещие явления природы, еще более усиливающие общее мрачное, гнетущее впечатление от сна в целом и от всех его «вещих» примет. Что эти приметы расположены в два параллельных ряда, видно из того, что рассказ Святослава о виденном им сне дважды и, конечно, неспроста возвращается к указанию на вечер, как на то время, когда, как ему казалось, начали совершаться затем описанные им события» (М. П. Алексеев. К «Сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и статей. М. — Л., 1950, с. 226). *Одѣвахуть* — исправлено из *одѣвахътѣ* по аналогии с *чръпахуть, сыпахуть. Чръною паполомою* — погребальным покрывалом (ср. *зелену паполому).* А. И. Кирпичников (К литературной истории русских летописных сказаний. — ИОРЯС, 1897, т. 2, кн. 1, с. 61) привел параллель из «Повести временных лет» по летописцу Переяславля-Суздальского, отсутствующую в других ее списках. Древлянский князь Мал видит во сне, что княгиня Ольга «дааша ему пръты многоценьны червены вси жемчюгом иссаждены и одѣяла чрьны съ зелеными узоры». Черные одеяла (соответствующие паполомам «Слова») и жемчуг предвещают, как и в «Слове», смерть и горе, жестокую месть Ольги древлянам за убийство ее мужа. Если и не видеть здесь влияние образов «Слова», то несомненно интересен параллелизм символики. *На кроваты тисовѣ.* — Исследователи реалий «Слова» (Н. В. Шарлемань, Б. В. Сапунов) допускают, что кровать киевского князя действительно могла быть сделана из тиса, древесина которого отличается твердостью, долговечностью, красивым цветом. Слова *тиса (тис), тисие, тисовый* известны памятникам XII—XIII вв. В русском фольклоре часто упоминается «тесовая кровать»; исследователи полагают, что это позднее искажение «тисовой кровати» древности.

Великыи женчюгь — в русских поверьях видеть во сне жемчуг предвещает слезы, печаль.

Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Кнѣсъ (в современном русском языке — «князек») — верхнее бревно под коньком кровли. У славянских народов существуют многочисленные поверья и приметы, связанные с «коньком»: так, считалось, что для облегчения кончины человека нужно приподнять «матицу» или «конек», что видеть во сне перерубленный или сломанный конек — дурная примета, сулящая смерть или несчастия. «То, что Святослав видит во сне исчезновение «кнеса» со своего терема, не только вполне естественно, но и окончательно разъясняет ему смысл всех предшествующих примет... «кнеса» нет, доски, которые он скреплял, повисли в воздухе, и сомнений не остается: Святославу грозит гибель,

смерть» (М. П. Алексеев. К «Сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и статей. М.—Л., 1950, с. 247—248).

Всю нощь съ вечера бусови врани възграяху у Плѣсньска на болони, бѣша дебрь Кисаню и несошася къ синему морю. Предлагались различные исправления этого явно испорченного в Мусин-Пушкинском списке места. Большинство исследователей приняло лишь поправку — «босови» на «бусови» (т. е. «серые») и «не сошлю» на «несошася». Остальные поправки приняты лишь некоторыми комментаторами. Так, предлагалось читать: «бѣша дебрьски сани» с двумя толкованиями — «адские сани» или «живущие в дебрях змеи» (*сань* — «змея»). А. С. Орлов предлагал перевод: «У Плесньска в предградье были в расселинах змеи и понеслись к синему морю». Более вероятно другое понимание текста: вороны «възграяху» у Плесньска, были в дебри (лес в овраге, овраг) Кисаней и понеслись к синему морю. Большинство ученых сходятся во мнении, что Плесньск «Слова» — это плоскогорье вблизи Киева. Слово «Кисаню» Н. В. Шарлемань предлагал читать как «Кияню» (йотированное «а» вполне могло быть прочитано как «са»); по его мнению, «дебрь Кияня» — это лес в овраге, прорытом речкой (позднее — ручьем) Киянкой, в окрестностях Киева. Другие исследователи указывают на существование «дебри Кисаней» в Галиции. *Бѣша дебрь Кисаню* — пример употребления беспредложного вин. падежа (ср. аналогичное «копие приломити конець поля»), явление крайне редкое, но тем не менее известное древнерусским памятникам старшей поры. Перевод слова *болонь* (чаще — *болонье*) как «предгородье» не совсем точен. *Болонь* буквально — «заливной луг, низменность у реки». На болонье, у подошвы возвышенности, на которой располагался укрепленный город (крепость), первоначально пасли скот и разводили огороды, позднее по мере роста городов на болонье располагались городские предместья, посад. Так возникли новые значения этого слова, отмеченные, например, в словаре В. И. Даля: «предместье, слобода, околица». Однако в «Слове» *болонь* выступает в своем первоначальном значении. С. И. Котков указывает, что в актовых документах, территориально связанных с бывшей Черниговской землей, слово *оболонье (болонь)* обычно обозначает «заливной, поемный луг или подгорье» (С. И. Котков. Из старых южнорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 17, М.—Л., 1961, с. 67). Он сообщает также о названии реки Плесны под Путивлем, что делает вполне вероятным образование «Плесньскъ» «Слова».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата». И. П. Еремин пишет: «В «Слове» князь Святослав узнает о поражении Игоря в Киеве, в летописи — в Чернигове; в «Слове» — от бояр своих, толкующих ему сон «мутен», в летописи — от прибежавшего в Чернигов дружинника Игорева «плъку» — Беловода Просовича. Здесь перестановка ... подсказана автору, как кажется, уже соображениями чисто идейного порядка: «великий», «грозный» Святослав, сторож земли Русской в изображении автора «Слова», хранитель лучших традиций славного прошлого Русской земли, разумеется, мог у него быть в этот момент только в Киеве, стольном городе «дедов» своих,

и узнать о поражении «соколов» ... разумеется, только от мудрых бояр своих, а не от безвестного дружинника, в панике прибежавшего сообщить о беде» (Еремин. Слово, с. 107—108).

Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны. Глагол *припѣшати* долгое время считался уникальным, но недавно он обнаружен в таком же образном употреблении в тексте «Пчелы», сборника афоризмов XIII—XIV вв.: «Ум остръ николиже слыша святыхъ книгъ — аки она припѣшена птица, не может борзо възлѣтити». *Припѣшати* в тексте «Слова» — «лишить возможности взлететь», крылья как бы подрезаны саблями половцев. *Опуташа въ путины желѣзны* может быть сопоставлено с оборотами из других древнерусских текстов: «оковаша и путы желѣзными», «свяжеши ... путы желѣзы». Можно заметить, что сочстание «путы железны(е)» столь же устойчиво, как, например, «острые стрелы», «красная девица» и т. п. Меняется лишь глагол, и автор «Слова» выбирает однокоренной глагол *опутати,* достигая при этом определенного художественного эффекта. Сочетания однокоренных слов — прием, широко употребимый в фольклоре. А. П. Евгеньева приводит, однако, примеры и из памятников древнерусской литературы: «тля тлить», «пророци прорицали», «добытка добыли», «видѣти видѣние», «думу думати», «зарями озари», «плакатися плачем» и др. (А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М. — Л., 1963, с. 110 и далее). Прием этот не раз встречается и в «Слове»: «мосты мостити», «думою сдумати», «мыслию смыслити» и др.

Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмою ся поволокоста. Два померкших солнца — два князя, возглавлявшие поход, — Игорь и Всеволод. Но кто же *молодая мѣсяца*? Выше уже говорилось (см. с. 486), что неизвестно, участвовали ли в походе два сына Игоря (Владимир и малолетний Олег), как говорится в Лаврентьевской летописи, или же один, как утверждает Ипатьевская летопись. Если принять версию Лаврентьевской летописи, то объясняется имя Олега, но остается непонятным, почему не назван старший сын Игоря, Владимир, об участии которого в походе говорят обе летописи. Высказывались различные предположения. Д. С. Лихачев допускает, что здесь «сознательный пропуск, очевидно объясняемый тем, что в Киеве знали о женитьбе Владимира на Кончаковне в плену и, следовательно, не могли рассматривать его как жертву похода. Вряд ли было бы уместно говорить о Владимире как о померкшем месяце в то самое время, когда в ставке Кончака ему пелась свадебная слава» (Лихачев. Комментарий, с. 428). Однако далее «Слово» не стремится умолчать о плене Владимира, рассказывает о споре Кончака и Гзы — «расстрелять ли соколенка злачеными стрелами» или «опутать красной девицей», славит Владимира наряду с Игорем и Всеволодом. И. П. Еремин высказал предположение, что имена Олега и Святослава — позднейшая вставка. В этом случае окажется, что первоначально под «молодыми месяцами» подразумевались Владимир Игоревич и Святослав Рыльский. Это тем более вероятно, вопервых, потому, что будет устранено противоречие: в обоих случаях в «Слове» будет говориться о четырех участниках похода («хотятъ

прикрыти 4 солнца» и «два солнца помѣркоста ... и съ нима молодая мѣсяца»); а во-вторых, метафора не будет соседствовать, как в Мусин-Пушкинском списке, с излишней конкретизацией: называя по именам молодых князей, автор разрушает символику всего образа. Но с другой стороны, нельзя забывать, что упоминание Олега сближает «Слово» с версией Лаврентьевской и сходных с ней летописей (см. также выше, с. 486).

В первом издании этот фрагмент читался иначе: после слов «тъмою ся поволокоста» следовало: «На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Рускои земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буиство подасть Хинови». Большинство издателей переносят слова «и въ морѣ ... Хинови», ставя их после слова *поволокоста,* одновременно исправляя *подасть* на *подаста.* Попытки восстановить первоначальное чтение этого места вызваны явным дефектом Мусин-Пушкинского списка. Но принятая в большинстве изданий перестановка не может считаться вполне удовлетворительной. При перестановке оказывается, что «въ морѣ погрузиста и великое буиство подасть Хинови» лишь «молодая мѣсяца», тогда как в центре внимания автора, несомненно, находятся возглавлявшие поход Игорь и Всеволод. Более убедительным представляется поэтому чтение, предложенное Р. О. Якобсоном, который переносит лишь слова «и въ морѣ погрузиста», помещая их притом после слова *погасоста.* В этом случае текст принимает следующий вид: «два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ (эти имена Р. О. Якобсон считает вставкой и предлагает опустить), тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Рускои земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо, и великое буиство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу ... уже връжеса Дивь на землю» и т. д. (Ср. Р. О. Якобсон. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. — ТОДРЛ, т. 14, М. — Л., 1958, с. 119). О вероятности именно такого чтения в авторском тексте «Слова» может косвенно свидетельствовать текст «Задонщины», где имеется параллельный пассаж (цитирую по списку Истор. музея № 2060, добавления по списку Ундольского — в квадратных скобках): «Уже [бо по] Рускои земли простреся веселье [и буиство]. И възнесеся [в Унд.: воснесеся] слава руская на поганых хулу. Уже веръжено диво на землю».

И въ морѣ погрузиста. Море, упоминаемое здесь, — символический образ, несомненно перекликающийся с традиционными в древнерусской книжности упоминаниями, что разгромленные враги «потопоша» «въ рѣкахъ» (например: «и овии бѣгающе тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ», «и тако бьеми, а друзии потопоша въ Снови», «и побѣгоша угри, и мнози истопоша в Вягру, а друзии в Сану». Ср. также в рассказе о походе Игоря по Ипатьевской летописи: «но наших Русь съ 15 мужь утекши... а прочии в морѣ истопоша»). Глагол *погрузити(ся),* напротив, ведет к традиционным библейским образам (ср.: «всю вражию погрузивъши в неи (пучине) крѣпость», «къ адовѣ пропасти многы погружаемы» и др.).

По Рускои земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо.

Быстро передвигающиеся по русским княжествам отряды половцев сравниваются с пардусами (гепардами), отличающимися быстротой бега. Гепарды как охотничьи звери были известны на Руси. В Ипатьевской летописи под 1160 г. сообщается, что «да Святославъ Ростиславу пардусъ и два коня борза», с пардусом в «Повести временных лет» сравнивается Святослав («ходя акы пардусъ»), аналогично в Хронике Амартола: «скочи акы пардусъ съ многою силою». Но особенно любопытна приведенная В. Н. Перетцем выдержка из «Измарагда», где в ряду сравнений различных народов с животными (греков с лисицами, сербов с волками, венгров с рысями и т. д.) с пардусом сравнивается именно куманин, т. е. половец (Перетц, с. 263). Форма *пардуже* ошибочна, следовало бы *пардуше*.

И великое буиство подасть Хинови. Хинова в «Слове» упоминается трижды. Про князя волынского Романа и его брата говорится: «Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулици своя поврѣгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи», «великое буиство подасть Хинови» известие о поражении Игоря. Наконец, Ярославна просит, чтобы ветер не метал «хиновьскыя стрѣлкы» на воинов ее мужа. Кто же такие хинове в «Слове»? А. И. Соболевский предложил видеть в этом слове обозначение гуннов, а М. Шефтель и Д. Моравчик, к мнению которых присоединяется и А. В. Соловьев (Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII веков (ТОДРЛ, т. 20), М. — Л., 1964, с. 365—369), считают, что под хиновой понимаются венгры, отождествлявшиеся в средневековье с гуннами или их потомками. Контексты «Слова» также позволяют предположить, что перед нами этническое наименование какого-то народа, а не одно из синонимичных наименований мусульманских народов вообще: хинова в «Слове» противопоставляется половцам, поскольку упоминается рядом с ними. Для автора «Задонщины» это название было совершенно неизвестным, он принял его за наименование татар: «от него же (Сима, сына библейского Ноя. — *О. Т.*) родися хиновя поганые татаровя бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родъ Афѣтовъ».

Уже снесеся хула на хвалу ... уже връжеса Дивь на землю. Этот образ по-разному использован «Задонщиной» и «Сказанием о Мамаевом побоище». В «Задонщине» — антитеза трагической картине «Слова»: «Уже жены рускыя въсплескаша татарьским златомъ. Уже [по] рускои земли простреся веселье и възнесеся слава руская на поганых хулу. Уже верьжено диво на землю». В «Сказании» же, как обратил внимание Л. А. Дмитриев, параллель более близка текстуально и так же, как и в «Слове», входит в описание торжества врагов: «начаша погании одолевати крестьян. Уже бо восияет хула на хвалу, уже бо вержется диво на землю» (список ГИМ, собр. Уварова, № 802), что свидетельствует о самостоятельном обращении этого памятника к «Слову о полку Игореве» (см.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. — «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М. — Л., 1966, с. 437). Характерно, что, подражая «Слову», «Сказание» заимствует из него и образ «дива», совершенно меха-

нически вводя его в свой текст. Еще более сложный путь прошло заимствование из «Слова», попавшее в «Сказание» через посредство «Задонщины». В списках Распространенной редакции «Сказания» образ «дива» совершенно деформировался: «Вознесеся слава руская на поганых, уже бо вевржен скипетр на землю» (см.: Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М. — Л., 1966, с. 476). Приведенные примеры показывают, насколько сложны оказались метафоры «Слова» подражателям XV—XVI веков.

Се бо Готския красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Объясняя, почему в «Слове» упоминаются именно готские девы, В. В. Мавродин предполагает, что речь идет о готах, населявших район Тамани, места, которым мог также угрожать поход Игоря в случае его удачи (В. В. Мавродин. Очерки истории левобережной Украины. Л., 1940, с. 267). Русское злато — это, возможно, драгоценности, захваченные половцами во время их похода на Русь после разгрома Игоря: Ипатьевская летопись сообщает, что, взяв город Римов, враги «ополонишася полона», что Кза (Гзак «Слова») «повоевал» и пожег окрестности Путивля и т. д. Но скорее всего перед нами чисто поэтический образ торжествующих недругов Руси.

Поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. Существуют различные догадки по поводу имени *Бус.* О. Огоновский предположил («Слово о плъку Игоревѣ» — поетичний памятник руської письменности XII в. У Львові, 1876), что имеется в виду Бос (Боус, Бооз), князь антов, предков славян, разбитый готским королем Винитаром в 375 г. Едва ли здесь имеется в виду это событие 800-летней давности, которое должны были не только помнить готы, но и знать русский поэт, автор «Слова». Если здесь вообще имеется в виду имя, то, может быть, речь идет о другом, более близком и известном как готам, так и русским историческом лице? В. Н. Перетц предполагал, что имеется в виду какой-либо половецкий хан. *Шароканъ* (Шарукан) — половецкий хан, потерпевший в 1107 г. поражение от русских князей, предводительствуемых киевским князем Святополком. В этой битве, по сообщению Лаврентьевской летописи, половцы «ужасошася, от страха не възмогоша ни стяга поставити, но побѣгоша», а сам хан Шарукан «едва утече». Позднее Владимир Мономах и сам ходил на Дон, «ко граду Шаруканю». Сын Шарукана, Отрок, вынужден был уйти в Абхазию и вернулся в родные степи лишь после смерти Мономаха. Кончак, сын Отрока и внук Шарукана, естественно стремился отомстить за бесславие предков. Полагают, что этим и объясняется «котора», возникшая, по словам Ипатьевской летописи, между Кончаком и Кзой после поражения Игоря: «молвяшеть бо Кончак: «Поидемъ на Киевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашь Боняк». А Кза молвяшеть: «Поидем на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ...». И тако раздѣлишася на двое». Кончак пошел к Переяславлю, а Кза, видимо, отправился в Черниговщину, так как летопись упоминает разоренные им окрестности Путивля. Боняк и Шарукан были разбиты в одной битве, поэтому месть за Боняка являлась одновременно и местью за Шарукана.

Тогда великии Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено. Этот образ имеет стилистические параллели в литературе Киевской Руси. В летописи также говорится, что Святослав Киевский, услыхав о поражении Игоря, «вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своих и рече: «О люба моя братья...» (Ипатьевская летопись под 1185 г.). Сходное выражение находим и в «Повести об Акире» (XI в.): «Напрасно человѣкъ въ воборзѣ изронить слово и послѣ каеться». «Литературный характер «злата слова», — пишет И. П. Еремин, — не подлежит сомнению уже по одному тому, что и летописная речь Святослава производит впечатление известной литературной переработки действительно сказанных Святославом слов, — как кажется, не без прямого влияния «Слова» (о возможном влиянии «Слова» на летописный рассказ свидетельствуют, с моей точки зрения, та деталь, что Святослав в этом рассказе свою речь произнес «утер слез своих», и упоминание в этом рассказе реки Каялы... — *примеч. И. П. Еремина):* на ней во всяком случае отчетливо заметен след попытки летописца показать Святослава в характерном для «Слова» образе не только старца, горько оплакивающего приключившуюся с его «сыновьями» беду, но и политического патриарха земли Русской вопреки исторической правде» (Еремин. Слово, с 109). *Слезами,* по предположению С. П. Обнорского, в результате ассимиляции из «съ слезами».

О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити. Сыновець — племянник. Святослав называет так своих двоюродных братьев, Игоря и Всеволода, как киевский князь, старший по феодальной иерархии. *Цвѣлити* — видимо, «мучить, терзать, приносить кому-л. горе».

Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Сердца князей словно выкованы из булата и закалены «в буести». Что значит здесь «в буести»? Б. А. Рыбаков высказал предположение, что метафора связана с процессом изготовления оружия: «Существует своеобразный способ закалки оружия: раскаленный выкованный клинок, поставленный вертикально лезвием вперед, вручается всаднику, который гонит коня с возможной быстротой. При этом пламенный, харалужный клинок закаляется в воздушной струе» (Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М.—Л., 1949, с. 236). В этом случае *буесть* может быть связана с представлением о буйном ветре. Любопытную параллель этому образу находим и в фольклоре. В свадебном причете поется:

(У свекра...) сердце каменно,
в буести заковано,
в булате сварено

«В этих двух строках «переменились местами» лишь параллельные обстоятельственные слова: «в буести» и «в булате» (харалузе)» (Л. С. Шептаев. Заметки к древнерусским литературным памятникам. — ТОДРЛ, т. 13, М.—Л., 1957, с. 427).

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава. Ярослав — брат Святослава Киевского, черниговский князь.

Съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и

съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. У Ярослава были отряды наемников тюркского происхождения. Так, отправляясь в поход, Игорь, по сообщению Ипатьевской летописи, «у Ярослава испроси помочь — Ольстина Олексича, Прохорова внука, с коуи (ковуи — одно из тюркских племен. — *О. Т.*) черниговьскими». Ориенталист С. Е. Малов считал, что в «Слове» перечисление «титулов, чинов или, скорее, прозвания высоких лиц из тюрков», и нашел для некоторых из тюркизмов возможные этимологии: *ольберъ* — «богатырь, герой», *шельбиръ* — возможно, контаминация слов *джелеб* («невольник-воин») и *челеб* («принц крови, господин»), *ревугы* — «герои, сильные», *могуты* — «сильные, знающие» и т. д. (С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, 1946, т. 5, вып. 2., с. 130 и след.).

Нъ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ». Эти слова относятся к Игорю и Всеволоду. Д. С. Лихачев, комментируя их, пишет: «Слово *передняя* в древнерусском относилось к прошлому, когда речь шла о времени, точнее к началу какого-то определенного промежутка времени, *задняя* же — к недавно случившемуся, ко времени последних событий, к завершению какой-то цепи событий, иногда к будущему. Значения наших слов *прошлое* и *настоящее* лишь условно, с большим приближением, могут быть здесь применены... Смысл этих слов в том, что Игорь и Всеволод своим походом на половцев собирались «похитить» славу прежних чужих походов на половцев и поделить между собой славу своего нового совместного, последнего похода на половцев. ...О том, что слово *похитить* уместнее к прошлому, чем к будущему, показывают следующие сходные места «Слова»: «притрепа славу дѣду своему Всеславу», «уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ», и «разшибе славу Ярославу». «Притрепать», «расшибить», «похитить» (последнее в особенности) можно лишь чужую славу, славу уже приобретенную кем-то, но не будущую» (Д. С. Лихачев. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, 1949, т. 8, вып. 6, с. 552—553). Н. А. Мещерский предложил убедительное толкование слова *похытити* как «поддержать» (Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 14, М. — Л., 1958, с. 45): «прошлую славу сами поддержим, новую славу сами разделим».

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Большинство комментаторов приняло объяснение этого места Н. В. Шарлеманем: «Выражение «въ мытехъ» и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников; этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 6, М.—Л., 1948, с. 112). Сходный образ встречается в «Повести об Акире Премудром»: «Егда бо соколъ трехъ мытеи бываетъ, он не даетъ ся съ гнѣзда своего взяти».

Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову! Ипатьевская летопись рас-

сказывает, что половцы «приступиша к Римови (город в Переяславском княжестве. — *О. Т.*). Римовичи же затворишася в городѣ и возлѣзъше на заборолѣ. И тако божиимъ судомъ летѣста двѣ городници с людми тако к ратнымъ». Это несчастье привело к сдаче города и пленению его жителей. Захват Римова и страдание его защитников и изображает «Слово». *Володимиръ* — это Владимир Глебович, князь Переяславля Южного. По словам летописи, он, «дерзъ и крѣпокъ к рати», «выеха из города (Римова. — *О. Т.*) и подче к нимъ (половцам. — *О. Т.*) и по немь мало дерьзнувъ дружинѣ. И бися с ними крѣпко, и обьступиша мнозии половцѣ. Тогда прочии видивше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася из города и тако отъяша князя своего, язьвена сущи треми копьи» (в «Слове» — «подъ ранами»). В «Задонщине» это место также нашло отражение, но в контаминации с фразой из того же «Слова» («Дивъ кличетъ връху древа»): «А уже диво кличет под саблями татарьскими, а тем руским богатырем под ранами». Неясность текста «Задонщины» в сравнении с лаконичным и исторически достоверным рассказом «Слова» не оставляет сомнения в первичности последнего.

Этими словами, как считает сейчас большинство исследователей, заканчивается «золотое слово», приписываемое Святославу. Последующие обращения к князьям принадлежат уже автору «Слова». Действительно, мог ли киевский князь, даже почти независимых от него Игоря и Всеволода называвший в том же «Слове» «сыновцами», вдруг обращаться к Всеволоду Юрьевичу Владимиро-Суздальскому — «великыи княже», а к Ярославу Осмомыслу — «господине», мог ли говорить о том, что Ярослав «отворяет Киеву врата» или напоминать тому же Всеволоду, что киевский «стол» является для него «отчим» и т. д.? Но при этом нельзя забывать и о литературной природе «Слова», о характере его повествования, которое «от повествования летописного или агиографического... резко отличается прежде всего тем, что никогда, как правило, не ставит себе каких-либо информационных задач; не столько факты интересуют оратора, сколько показ своего отношения к ним, не столько внешняя последовательность событий, сколько их внутренний смысл» (Еремин. Слово, с. 103). Эта специфика «Слова», как памятника «политического красноречия» (термин И. П. Еремина) по преимуществу, объясняет и многие исторические «неточности» следующих далее характеристик князей.

Великыи княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Н. С. Тихонравов и В. А. Яковлев предлагали конъектуру: «не мыслиши ти»; А. А. Потебня: «не мысль ли у ти»; Е. В. Барсов: «не мысль ли есть ти»; Вс. Миллер и В. Н. Перетц: «не мыслию ль ти». Метафорическое изображение полета мысли мы находим и в других древнерусских текстах, например (в переводе): «усмири волнующееся море страстей и перелети бесстрастными крыльями» или «затем крылья даны птицам, чтобы вырвались из тенет, для того разум дан человеку, чтобы избежал греха». Образ «Слова» интересно сопоставить также с летописным текстом, непосредственно предшествующим описанию похода Игоря Святославича. Игорь, укорив Ярослава Черниговского за то, что он отказал в помощи своему брату, Святославу Киевскому, хочет сам ехать ему вслед и вместе с ним отправиться в поход против половцев. На это

дружина ему отвечает: «Княже! Потьскы (т. е. как птица. — *О. Т.*) не можешь перелетѣти: се приѣхалъ к тобѣ мужь от Святослава в четвергъ а самъ идеть в недѣлю ис Кыева, то како може, княже, постигнути!» (Ипатьевская летопись под 1185 г.). Всеволод Юрьевич (известный позднее как Всеволод Большое Гнездо) был могущественным князем северо-восточной Руси, имени которого, по словам летописца, «трепетаху вся страны» и слух о котором «изыде» «по всеи земли». Киевский стол для Всеволода «отень», поскольку отец его, Юрий Долгорукий, умер киевским князем. Д. Н. Альшиц сообщает интересный факт: в «Степенной книге» (XVI в.) в «Шестой степени», посвященной Всеволоду Юрьевичу, не упоминаются действительные походы, осуществленные этим князем, но зато ему приписывается участие в борьбе с половцами в 1184—1185 гг. Рассказ об этом носит особое заглавие: «О добродетелях самодержьца... и о победе на Половцы и о зависти Ольговичев и о милости Всеволожи». Там, в частности, утверждается, что организатором похода на половцев 1184 г. (в «Степенной книге» — 1186 г.) был не Святослав Киевский — один из центральных персонажей «Слова», — а Всеволод Юрьевич. За описанием победы князей, «ходящих по повелению Всеволода», следует рассказ о том, что «сему позавидеша Ольгови внуци» и без разрешения Всеволода «идоша на половьцы и многу сотвориша победу... и в Лукоморье словохотием приидоша и сами от половець победишася и без вести быша». Затем, вопреки исторической действительности и как бы отвечая на тщетный призыв автора «Слова» («не мыслию ти прилетѣти издалеча»), «Степенная книга» повествует, будто бы «Всеволод умилосердися о них (т. е. Игоре и его соратниках)... сам подвижеся на половцы, всячески тьщашеся освободити плененных своих. Половцы же и с вежами своими бежа к морю». Д. Н. Альшиц установил, что подробности этого мнимого похода взяты из рассказа Лаврентьевской летописи о походе Всеволода на половцев в 1199 г. «Официальные книжники XVI в., — пишет далее Д. Н. Альшиц, — признали силу «Слова о полку Игореве», так как в выборе материала для своего построения пошли не за действительностью и документами, а за автором «Слова», избравшим поход Игоря основой своего повествования. Не считая для себя возможным пройти мимо «Слова», они пустились в прямую полемику против изображения автором «Слова о полку Игореве» трех его весьма значительных героев. Если он гиперболизировал роль Святослава Киевского в происходивших событиях, то они ее вовсе зачеркнули. Если он с укоризной в бездействии обращался к Всеволоду и Роману, то они сочинили версию об их решающем участии в событиях» (Д. Н. Альшиц. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 14, М.—Л., 1958, с. 69).

Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощеи по резанѣ. Ногата и *резана* — денежные единицы. В Новгородской 1-й летописи под 1169 г. говорится, что пленных суздальцев «купляху... по 2 ногатѣ». *Резана* упоминается в берестяных грамотах начиная с XI в. («Възми у господыни тринадесяте рѣзанѣ»). Смысл этой фразы: если бы могущественный суздальский князь пошел войной на половцев, то рабы-кочевники были бы баснословно дешевы.

Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми

сыны Глѣбовы. Шереширы — видимо, название какого-то оружия. Сыны Глебовы — сыновья Глеба Ростиславича, рязанские князья. Летопись упоминает об их участии в военных походах Всеволода (ср. в Ипатьевской летописи под 1180 г.: «и посла Всеволодъ Рязанские князи»).

Ты, буи Рюриче, и Давыде! Рюрик Ростиславич в 80-е годы владел всей Киевской землей, за исключением самого Киева, уступленного им Святославу Всеволодовичу. Летопись рассказывает, как в 1180 г. Рюрик, одержав победу над половцами, которых призвал к себе на помощь Святослав, тем не менее «ничто же горда учини, но возлюби мира паче рати, ибо жити хотя въ братолюбьи... И размысливъ с мужи своими, угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣи лѣты и урядився с нимь: съступися ему старѣишиньства и Киева, а собѣ [възмя] всю Рускую землю... и тако живяста у любви» (Ипатьевская летопись). Давид — брат Рюрика, смоленский князь. После поражения Игоря Святослав обратился «ко Святославу (Черниговскому. — *О. Т.*) и ко Рюрикови и ко Давидови и рече имъ: „Се половьци у мене, а помозите ми!"» Святослав и Рюрик пришли на помощь, а Давид со своими смолянами, пробыв некоторое время у Треполя, по совету дружины «возвратился опять» (т. е. повернул назад).

Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Смысл этих слов не совсем ясен, полагают, что имеются в виду битвы с половцами в 1183 и 1185 гг. Однако, во-первых, эти битвы, судя по летописи, принесли Рюрику довольно легкую победу, тогда как в «Слове» говорится скорее о жертвах, понесенных в бою, а во-вторых, летописи не сообщают, что в этих битвах участвовал и Давид Ростиславич. По предположению Б. А. Рыбакова, здесь имеется в виду битва 1177 г., когда из-за медлительности Давида Ростиславича братья понесли поражение от половцев (Б. А. Рыбаков. Отрицательный герой «Слова о полку Игореве». — Культура древней Руси. М., 1966, с. 240—241). В. Н. Перетц предлагал после слова «ваю» (ваши) в первом случае вставить «вои»; опущение этого слова, сходного по написанию с предыдущим, вполне возможно. *Акы тури* — см. выше, с. 479.

На полѣ незнаемѣ — далеком, неведомом, в Половецкой земле.

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Существовало немало попыток объяснить эпитет *Осмомысл,* примененный к галицкому князю Ярославу лишь в «Слове». Ф. И. Покровский полагал, что имеются в виду восемь наиболее важных забот, тревоживших князя (Ф. И. Покровский. Ярослав «Осмомысл». — Сб. статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 198—202); заботы эти, по его мнению, перечисляются в «Слове» далее: подперъ горы Угорскыи... заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота и т. д. П. В. Булычев (Что значит эпитет «Осмомыслъ» в «Слове о полку Игореве»? — Русский историч. журнал, кн. 8. Пгр., 1922, с. 1—7) считал, что речь идет о восьми греховных помыслах. Выдвигались и другие гипотезы.

Ипатьевская летопись дает Ярославу Осмомыслу такую характеристику: «Бѣ же князь мудръ и реченъ языкомъ, и богобоинъ (вм. богобоязнив. — *О. Т.*), и честенъ в земляхъ и славенъ полкы. Гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ не ходяшеть полкы своими водами (?), бѣ бо ростроилъ (полагают: «устроил, привел в порядок») землю

свою; и милостыню силну раздавашеть, страныя (т. е. странствующих, купцов, паломников и т. д.) любя, и нищая кормя, черноризискыи чинъ любя и честь подавая от силы своея и во семь законѣ ходя». Летописец приписывает князю и такие слова, с которыми умирающий князь обратился к «мужем своим»: «Се азъ одиною худою своею головою ходя удержалъ всю Галичкую землю».

Исследователи уже обращали внимание на дату смерти Ярослава — 1187 г. и полагали на этом основании, что «Слово» могло быть написано в этом году, ибо какой мог быть смысл обращаться к умершему князю с призывом «стрелять Кончака». Однако вероятнее предположить, что обращение к Ярославу Осмомыслу вызвано не столько надеждами на его помощь, сколько его близостью к герою «Слова»: жена Игоря была дочерью Ярослава Осмомысла. Поэтому призыв к Ярославу мог носить в какой-то мере литературно-условный, риторический характер.

Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Автор «Слова» имел в виду расположение галицкого кремля на высокой, до 75 метров, горе.

Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота. По поводу употребления в «Слове о полку Игореве» и «Молении Даниила Заточника» титула *король* А. И. Лященко писал: «Наша летопись в XI и XII веках знает только одного соседнего короля — венгерского; властителей польского и чешского она или вовсе не титулует, ограничиваясь указанием их имен... или называет князьями. ...«Король», без более точного указания, — в южнорусских летописях — король Венгрии» (А. И. Лященко. Из комментария к «Молению» Даниила Заточника. — Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезневскому. Л., 1924, с. 415). Эта терминологическая точность «Слова» — одно из многих свидетельств его древности.

Летописи не дают возможности прокомментировать отношения Ярослава с Венгрией, особенно в 70—80-е годы XII в.; Киевская летопись (составная часть Ипатьевской летописи, содержащая сведения о событиях XII в.) вообще довольно скупо информирует нас о деятельности галицкого князя, соперника киевских князей.

Меча бремены чрезъ облаки. В первом издании и Екатерининской копии — *времены.* Однако у Н. М. Карамзина в его выписках из «Слова» — *бремены.* Из этого чтения исходит и перевод первого издания, где говорится: «бросая тягости чрез облака». *Бремены* ошибочно вместо *бремена,* но *облаки* (а не *облака*) правильно: в древнерусском языке слово *облакъ* — мужского рода.

Суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ. Отметим одну особенность стиля «Слова», идущую от его риторической, ораторской природы, — наличие повторяющихся или слегка варьируемых сочетаний слов: ср. *суды рядя* и *людемъ судяше, князем грады рядяше; грозы твоя по землямъ текутъ* и *печаль жирна течетъ средь земли Рускыи; поля чрьлеными щиты прегородиша, кликомъ поля прегородиша* и *загородите полю ворота; притре*[*пе*]*талъ... харалужными мечи* и *притрепанъ Литовскыми мечи; скочи влъкомъ* и *скочи съ него босымъ влъкомъ; ничить трава жалощами* и *уныша цвѣты жалобою* и т. д.

К обороту *суды рядя* находим параллели в древнерусских те-

кстах: «рядовъ всихъ не могу рядити», «судити и рядити игумену», «и не идучѣ къ суду и урядилися рядомъ», «и поча ряды рядити», «а бес посадника. . . суда не судити».

Отворяеши Киеву врата. Отворить ворота городу — значит захватить его. В 1159 г. Ярослав Осмомысл, волынский князь Мстислав и Владимир Дорогобужский овладели Киевом.

Стрѣляеши. . . салтани за землями. Смысл этой фразы остается пока неясным.

А ты, буи Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ ваю умъ на дѣло. Буй Роман — Роман Мстиславич Волынский и Галицкий. Кто такой Мстислав — неизвестно. Предполагают, что это либо двоюродный брат Романа — Мстислав Ярославич Пересопницкий, либо Мстислав Всеволодович Городенский.

Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буиствѣ одолѣти. Н. В. Шарлемань так объясняет это место: «Крупные хищные птицы могут «ширяться», т. е. парить преимущественно тогда, когда есть течение ветра. . . .Термин «ширяться» сохранился в украинском языке как единственное слово для обозначения парения» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 6, М.—Л., 1948, с. 112).

Суть бо у ваю желѣзныи паворзи подъ шеломы Латинскими. В первом издании, Екатерининской копии и выписках Н. М. Карамзина читается: «у ваю желѣзныи папорзи». Неизвестное другим памятникам слово *папорзи* Ф. И. Буслаев предложил исправить на *паперси* и переводить «латы». В. Н. Перетц выдвинул конъектуру *поперьсци* с тем же значением. Ю. М. Лотман предложил исправление *папорзи* на *павор(о)зи* со значением «ремешок, прикрепляющий шлем к подбородку» (Ю. М. Лотман. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 14, М.—Л., 1958, с. 39). Эта конъектура находит и палеографическое обоснование: в слове *павор(о)зи,* написанном полууставом, «квадратное» *в* легко могло быть спутано с *п*. Ю. М. Лотман приводит пример опущения одного из безударных гласных в том же слове: *паврозы*. Существенно, что слово *паворзи* зафиксировано в древнерусских текстах. Однако конъектура эта все же недостаточно объясняет текст. Во-первых, в обобщенной картине могущества волынского князя и его брата не слишком ли незначительная деталь — вид завязок под шлемами? Во-вторых, неясной оказывается в этом случае следующая фраза: «Тѣми тресну земля». А. С. Орлов предложил исправление на *паропци* («молодые воины»). *Желѣзные* в этом случае — «крепкие, сильные». Ср. также «железные полки», дважды упоминаемые в «Слове». *Папорзи* могло возникнуть из *паропци* в результате «обратного» написания буквосочетания *роп,* превратившегося в *пор*. Сложнее объяснить смешение *ц* и *з*. *Паропци (паробци)* — «молодые воины, слуги» — нередко упоминаются в древнерусских текстах. Латинские шлемы волынских князей, как полагают, — намек на их полупольское происхождение и постоянные связи с Польшей.

Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци. Что значит *тресну земля* — неясно. Словари фиксируют для глагола *треснути* значения «загреметь, затрещать». В «Слове» в обоих случаях (ср. «уже тресну нужда на волю») вы-

ступает иное, видимо утраченное позднее и бесспорно переносное значение. *Хинова* — см. выше, с. 502. *Ятвяги* — одно из литовских племен. Ипатьевская летопись упоминает о походах Романа на ятвягов лишь под 1196 г.: «Тое же зимы ходи Романъ Мьстиславичь на ятвягы отомьщиваться, бяхуть бо воевали волость его. И тако Романъ вниде в землю ихъ. Они же не могучи стати противу силѣ его и бѣжаша во свои тверди, а Романъ пожегъ волость ихъ и, отомъстився, возратися во свояси». Однако в позднем источнике, Хронике Феодосия Сафоновича (конец XVII в.), читаем под 1174 г.: «Тыхъ же часовъ Литва зъ Ятвѣгами, люде лѣсныи, собравшися силою сполною, въбѣгли въ княжения Рускии и побрали великии користи, волость попустошивши. Довѣдавшися о томъ, князь киевский Романъ зъ корист(ь)ю ихъ утекаючихъ догналъ зъ своимъ войскомъ и розбивши ихъ... много Литвы и Ятвѣжовъ поималъ» (цит. по кн.: Перетц, с. 279). Поздние летописи сохранили и поговорку, которая якобы была сложена в то же время: «Романе, Романе, худымъ живишься, литвою орешъ» (Роман, по словам летописца, заставлял пленных пахать и корчевать пни). Однако и современная Роману летопись дает этому князю восторженную характеристику: «По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскымъ языком ума мудростью... устремил бо ся бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бо бѣ яко и туръ» (Ипатьевская летопись под 1201 г.). *Деремела* — по предположению А. В. Соловьева, одно из ятвяжских племен (А. В. Соловьев. Деремела в «Слове о полку Игореве». — Исторические записки, 1948, № 25, с. 100—103).

Сулици своя поврьгоша, а главы своя подклониша — традиционная формула покорности победителю. Ср. в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «повергъшим оружие и предавшимся вам отдам живот» (т. е. сохраню жизнь) или в летописи: «прочии вскорѣ повергше оружия побѣгоша» (Софийская 1-я летопись под 1299 г.). В первом издании: «главы своя поклониша». О правильности принятого исправления свидетельствует косвенно параллельный текст «Задонщины»: «поганые оружия своя повергоша на землю, а главы своя подклониша под мечи рускые».

Нъ уже, княже, Игорю утрьпѣ солнцю свѣтъ. Как понимать это восклицание? Как обращение к Игорю («нъ уже, княже Игорю, утрьпѣ...») или же как призыв к Роману Мстиславичу? В данном издании принята вторая точка зрения. Действительно, хотя автор обращается к Роману и Мстиславу, бесспорно, что в центре внимания именно Роман (ср.: «А ты, буи Романе... Высоко плаваеши на дѣло...»). К Роману обращается автор и здесь, сообщая, что «Игорю утрьпѣ солнцю свѣтъ» (т. е. для него поблек свет солнца, вновь употребление «дательного принадлежности») и что «Игорева храбраго плъку не крѣсити» (в противном случае это восклицание совершенно непонятно). «Дон тебя, князь, кличет, — продолжает автор, — и зовет князей отомстить, ибо Ольговичи (т. е. Игорь и Всеволод) уже доспѣли на брань».

Древо не бологомъ листвие срони. Не бологомъ — не к добру. Полногласная форма *болого* помимо «Слова» зафиксирована лишь в одном контексте Новгородской 1-й летописи («зане же ему болого

дѣялъ» или «бологодѣялъ»). Кроме того, в древнерусском источнике зафиксировано слово *болозѣ* в наречной функции со значением «хорошо». Слово *болозе* широко распространено и в народных говорах (см.: Виноградова. Словарь, с. 58—59). В. Н. Перетц сообщает, что неожиданно опадающая листва по представлениям многих народов предвещает несчастье или сопутствует ему (Перетц, с. 282).

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи. Ингварь и Всеволод — сыновья князя Ярослава Изяславича Луцкого. Под Мстиславичами же, — пишет Д. С. Лихачев, — «имеются в виду единственные в ту пору на Руси три брата — сыновья Мстислава Изяславича — Роман, Святослав и Всеволод (эта мысль подсказана мне Ив. М. Кудрявцевым). Все эти три Мстиславича, как и Инъгварь и Всеволод, были князьями волынскими — вот почему они объединены в едином обращении к ним. Они не названы по имени, так как автор «Слова» уже назвал только что выше одного из них — Романа. В этом месте он повторяет свое обращение к Роману, объединяя его со всеми его волынскими братьями. Он говорит «и вси три Мстиславичи», подчеркивая этим, что речь перед тем шла только об одном Мстиславиче, а теперь идет о всех. Повторение это вполне естественно: автор «Слова» обращается к волынским князьям Инъгварю и Всеволоду и объединяет свое обращение к ним с обращением ко всем другим волынским князьям: «Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи» — здесь перечислены все волынские князья» (Лихачев. Комментарий, с. 447).

Не худа гнѣзда шестокрилци. Слово *шестокрильць* помимо «Слова» обнаружено пока лишь в одном древнерусском источнике — Изборнике 1076 г. И это слово и его синонимы *(шестокрилъ, шестокрильныи)* обозначали ангелов (серафимов). Объяснить с помощью этих параллелей образ «Слова» не представлялось возможным. Н. В. Шарлемань высказал предположение, что шестокрильцами могли называть соколов, «у которых обычное для большинства птиц... деление оперения крыла на три части... особенно ясно видно во время полета. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда — «шестокрилци» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 6, М.—Л., 1948, с. 113). Но и это наблюдение не объяснило еще до конца образ «Слова». Однако эпитет «шестокрилец» в применении к герою витязю встречается в эпической поэзии южных славян (см.: Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства, с. 191). На основании этих данных и сопоставлений с новогреческим языком А. В. Соловьев резюмирует, что «слова «шестокрил, шестокрильц» обозначали... одинаково библейского серафима, быстрого сокола и, наконец, быстрого удалого витязя» (А. В. Соловьев. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII веков (ТОДРЛ, т. 20), М.—Л., 1964, с. 371).

Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами. Этот образ перекликается со словами Святослава Киевского, будто бы сказанными им после известия о поражении Игоря: «Не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю!» (Ипатьевская летопись под 1185 г.).

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми

мечи о шеломы Литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. Летопись не упоминает этого князя, по всей вероятности сына Василька Полоцкого и правнука Всеслава Полоцкого. Комментируя этот эпизод, И. П. Еремин подчеркивал его органичность в композиционной структуре «Слова», нередко прибегающего к антитезе. «В целях противопоставления введен автором «Слова» и рассказ о героической смерти на поле брани Изяслава Васильковича, единственного полоцкого князя сего времени, который решился последовать примеру своих славных предков. Рассказ проникнут гневным упреком полоцким князьям за их бездеятельность, их равнодушие к судьбе Русской земли, их крамолы, раздирающие единство Руси в пользу поганых. Смерть Изяслава Васильковича в бою с литовцами противопоставляется здесь бесславию современных автору «Слова» полоцких князей, забывших о своем долге стеречь Русскую землю» (Еремин. Слово, с. 115). Композиционное противопоставление усиливается и словесной антитезой: «притрепа славу» — «а сам — притрепан». Интересный комментарий к этому противопоставлению привел Д. Наумов. По поводу первого употребления глагола «притрепать» он пишет: «Совершенно очевидно... что в данном случае слово «притрепать» никак не может означать осуждения действий Изяслава по отношению к дедовской славе. Кроме того, начало фразы совершенно отчетливо противопоставлено ее окончанию, что грамматически выражено союзом «а»... Убедительным подтверждением правильности понимания рассматриваемого отрывка из «Слова» являются примеры из народного творчества, где слово «притрепать» в одном и том же контексте употребляется в противоположных значениях: „порубить“ и „приласкать“» (Д. Наумов. К лексике «Слова о полку Игореве». — «Русская литература», 1959, № 3, с. 181). Автор приводит пример народной песни, в которой жена обещает старого мужа «притрепать» дубиной вязовой, а молодого — «притрепати» «правой рученькой».

И с хотию на кровать, и рекъ. Это одно из наиболее испорченных мест «Слова». Ни одна из предложенных попыток его истолкования не может быть принята с полной уверенностью.

Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша. Объяснение этому образу дал Н. В. Шарлемань: «Когда орлан-белохвост или гриф, паря «под облакы», увидит труп, он камнем бросается на землю и, опустившись на свою находку, как бы прикрывает ее, «приодевает», по образному выражению «Слова», своими широко распростертыми крыльями» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 6, М—Л., 1948, с. 116).

Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода. Брячислав Василькович упоминается в летописи, Всеволод дошедшим до нас источникам неизвестен.

Изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла. Объяснение этому образу предложил Д. В. Айналов, указавший, что «жемчужное зерно служило уподоблением самой души. Важно указать, что в Хронике Амартола есть рассказ об одном карфагенянине, умершем, похороненном, но затем воскресшем и рассказавшем монахам, как двое красивых юношей подвели его к его собственному телу и душе, и он

увидел «свое душевное начало блестящим как жемчужина, а тело омраченным и смрадным». ...Таким образом, выражение «изрони жемчужную душу» не только книжного происхождения, но навеяно средневековыми представлениями о душе как о чистой, блестящей жемчужине» (Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 177—178).

Чресъ злато ожерелие. «Круглый или квадратный глубокий вырез ворота» княжеской одежды «обшивался золотом и драгоценными камнями, образовавшими по краю широкую кайму, получившую название оплечья или ожерелья» (История культуры древней Руси, т. 1, М.—Л., 1948, с. 247). Описи княжеского имущества сохранили описания таких роскошных ожерелий: «ожерелье съ великими яхонты сажено, зъ зерны съ великими», «ожерелье бархатъ венедитцкой съ золотомъ, змѣики и копытца, у него 4 пугвицы золоты» и т. д.

Ярославе и вси внуце Всеславли! ... Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Высказывались различные догадки о том, какой именно Ярослав имеется здесь в виду. М. А. Максимович предполагал, что речь идет о Ярославе Юрьевиче Пинском, А. В. Соловьев считает, что «здесь имеется в виду еще какой-то полоцкий князь, один из многих правнуков вещего Всеслава». «...Полагаем, что тут намек на события 1180 г., когда раздоры между линиями полоцких князей вызвали приход Игоря Северского к Друцку вместе с ханами Кончаком и Кобяком, бывшими тогда его союзниками» (А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — «Исторические записки», т. 25, М.—Л., 1948, с. 84). Д. С. Лихачев предложил конъектуру *Ярославли* (вместо *Ярославе*); в этом случае предполагалось, что речь идет о «ярославлих внуках», т. е. потомках Ярослава Мудрого (см.: Лихачев. Комментарий, с. 451).

Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣднеи славѣ. Смысл этого призыва таков: «обе стороны признайте себя побежденными, вложите в ножны поврежденные в междоусобных битвах мечи; в этих битвах вы покрыли себя позором» (Лихачев. Комментарий, с. 452).

На седьмомъ вѣцѣ Трояни ... Всеславъ. «Всеслав действует на седьмом, т. е. на последнем веке языческого бога Трояна, иными словами: напоследок языческих времен. Значение «седьмого» как последнего определяется средневековыми представлениями о числе семь: семь дней творения, семь тысяч лет существования мира, семь человеческих возрастов и т. д.» (Лихачев. Комментарий, с. 454). В чем заключалась связь Всеслава с язычеством? Во-первых, с чародейством связано само рождение князя. В «Повести временных лет» говорится: «В се же лѣто умре Брячиславъ... и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати от вълхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить ѐ до живота своего», еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради не милостивъ есть на кровьпролитье» (Повесть временных лет под 1044 г.). Н. Н. Воронин высказал предположение, что Всеслав в своих политических авантюрах опирался на движение смердов и активизацию язычества (Восстание смердов в XI в. — «Исторический журнал», 1940, № 2).

Р. О. Якобсон в специальных исследованиях (совместно с М. Шефтелем и Р. Ружичичем), сравнив сведения о Всеславе в «Слове», летописи и былине о Вольхе Всеславьевиче, героя которой исследователь сопоставляет со Всеславом Полоцким, высказал предположение о существовании устного эпоса об этом полулегендарном князе. В «Слове» содержатся не всегда ясные нам намеки на те или иные подробности биографии Всеслава. Что же известно о нем из летописи? В 1044 г. Всеслав стал полоцким князем, в 1063 г. он «пожже» Новгород, в 1065 г. — «рать почалъ», в 1067 г. он вновь «заратися» и «зая Новъгородъ». Сыновья Ярослава Мудрого Изяслав, Святослав и Всеволод пошли на Всеслава. «И совокупишася обои на Немизѣ (речка под Минском. — *О. Т.*), мѣсяца марта въ 3 день; и бяше снѣгъ великъ, поидоша противу собѣ. И бысть сѣча зла, и мнози падоша». Всеслав был побежден и, захваченный обманным путем, летом того же года вместе с двумя сыновьями заключен в темницу («поруб»). На следующий год восставшие киевляне потребовали у киевского князя Изяслава оружия и коней, чтобы выступить против половцев, напавших на Русь. Князь отказал. Тогда киевляне «кликнуша, и идоша к порубу Всеславлю... высѣкоша Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября, и прославиша и средѣ двора къняжа». Всеслав стал киевским князем и, по словам летописца, принес благодарственную молитву «кресту честному»: ведь нарушив клятву, «переступив крест», захватил его Изяслав. Через семь месяцев Всеславу пришлось бежать ночью, «утаивъся кыянъ... из Бѣлагорода Полотьску»: он не решился сопротивляться Изяславу, который совместно с польским князем Болеславом вернулся бороться за киевский стол. В 1101 г. Всеслав умер.

Връже Всеславъ жребии о дѣвицю себѣ любу. Полагают, что здесь имеется в виду либо Киев, либо Новгород, овладеть которыми намеревался Всеслав. Скорее — Новгород, который Всеслав действительно пытался захватить, а не Киев, князем которого он оказался лишь по воле случая.

Тъи клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву. Существуют различные толкования этого места. *Клюками* большинство комментаторов переводит как «хитростью». *Кони,* по предположению Д. С. Лихачева, — это те кони, которых требовали у киевского князя Изяслава горожане. Не получив требуемых коней, киевляне восстали и освободили из «поруба» Всеслава. Таким образом, спор о конях явился для Всеслава поворотным пунктом в его судьбе: «подпръся о кони» достиг он княжеской власти. Существуют и другие толкования этого места; высказывалось, например, предположение, что здесь употреблен глагол *оконися.*

И дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго. Д. В. Айналов, напомнив изображения киевского князя сидящим на троне с длинным жезлом, «который держит великий князь у правого плеча опущенным к подножию трона своим нижним концом», высказывает предположение: «Только в Слове о п<олку> И<гореве> и нигде более «стружие» означает жезл, которым коснулся златого трона Всеслав. ...само деяние — «дотчеся стружием злата стола Киевскаго» означает, что он овладел этой регалией, оперся ею о княжеское сиденье и сел на великокняжеском столе, имея ее в руке как знак

избрания его великим киевским князем» (Д. В. Айналов. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 2, М.—Л., 1935, с. 86—87).

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града. Имеется в виду, видимо, бегство Всеслава перед битвой с Изяславом и Болеславом (см. выше), тогда «от них» — от киевлян. Д. В. Айналов предполагал, что «в слове «отных» или «отъ нихъ» скорее всего скрывается слово «отай»... Автор «Слова» должен был знать, что Всеслав бежал тайно и обманул надежды киевлян» (Д. В. Айналов. К истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. 3, М.—Л., 1936, с. 25). С каким животным следует отождествить «лютого зверя» в этом контексте? Здесь, видимо, эвфемистическая замена названия определенного зверя, скорее всего — волка, так как именно с волком чаще всего сопоставляется Всеслав. Именно как эвфемизм это словосочетание не нуждается в переводе.

Объсися синѣ мьглѣ. Предлагались различные переводы: «покрыт синей мглой», «сокрылся в синей мгле», «окутался синим туманом», «объятый синей мглой» и т. д. А. К. Югов высказал предположение, что «фразу «(Всеслав) обѣсися синѣ мьглѣ» можно переводить только так: «обнял синее облако» или „повиснул на синем облаке“». А. К. Югов сопоставляет этот образ «Слова» с эпизодом из «Жития Исайи Ростовского», который также был перенесен на облаке в Киев и оттуда обратно в Ростов (А. К. Югов. Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 11, М.—Л., 1955, с. 19—20). А. В. Соловьев на основании сопоставления оборотов с этим словом в русских переводах и их греческих прототипов также приходит к выводу, что «обѣсися синѣ мьглѣ» следует перевести «повис на синем облаке», причем *синѣ мьглѣ* — это древний дательный падеж косвенного дополнения» (А. В. Соловьев. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII веков (ТОДРЛ, т. 20), М.—Л., 1964, с. 374). *Мьгла* — обычно значит «туман». Однако в статье на это слово в «Материалах для словаря» И. И. Срезневского имеется следующее примечание: «Слово мгла, мъгла, мьгла не у одних чехословян, особенно в горах, получило очень определенное значение — облака или облаков, сохраняя вместе с тем и значение тумана вообще и соединенной с ним тьмы». В «Слове» *мгла* выступает явно в двух значениях: «туман» («мъгла поля покрыла») и «облако» («обѣсися синѣ мьглѣ» и «полетѣ соколомъ подъ мьглами», а возможно, и «идутъ сморци мьглами»).

Утръже вазни с три кусы: отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. В первом издании читалось «утръ же воззни стрикусы». Исходя из этого членения текста, комментаторы долгое время искали объяснение непонятному слову *стрикусы*, полагая, что это — название оружия (ср. переводы: «топорами отворил», «ударил секирами», «вонзил секиры» и др.). В 1948 г. Р. О. Якобсон предложил, опираясь на чтение Екатерининской копии (где, в частности: *вазни*), иное разделение текста на слова: «утръже вазни с три кусы» (перевод: «знать, трижды ему довелось урвать по куску удачи»). Это чтение, не вызывающее сомнений с грамматической точки зрения, тем не менее не вполне удовлетворительно со смысловой стороны. Это было отмечено Н. М. Ды-

левским, который писал: «Единственное, в чем можно усомниться, — это интерпретация словосочетания «с три кусы» как «винительного приблизительного количества». Ведь «три удачи» вещего Всеслава, занявшего Новгород, «расшибившего» славу Ярослава и даже севшего «на столе» в Киеве, как совершенно конкретные факты, вряд ли могли вызвать подобное представление приблизительности» (Н. М. Дылевский. «Утръ же воззни стрикусы оттвори врата Нову-граду» в «Слове о полку Игореве» в свете данных лексики и грамматики древнерусского языка. — ТОДРЛ, т. 16, М.—Л., 1960, с. 68). Д. С. Лихачев предложил толковать *кусы* как «попытки». Ср. известный древнерусским памятникам глагол *кушатися* — «пытаться, пробовать» (См.: Д. С. Лихачев. «Воззни стрикусы» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 18. М.—Л., 1962, с. 587). Однако в истолковании этой фразы все еще остается немало спорного.

Разшибе славу Ярославу. Существует такое объяснение этих слов: «С Ярославом Мудрым в Новгороде Великом связывались представления как об основателе новгородской независимости. Ярослав княжил в Новгороде по 1016 г., ослабив зависимость Новгорода от Киева и дав новгородцам не дошедшие до нас «грамоты», в которых новгородцы вплоть до конца XV в. видели главное обоснование своей независимости» (Лихачев. Комментарий, с. 458). Поэтому Всеслав, захватив Новгород, «разшибе славу Ярославу». В «Задонщине» имеется, возможно, параллель этому чтению «Слова»: «шибла слава к Желѣзнымъ вратом».

Скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. Н. М. Карамзин утверждал, что монастырь «на Дудутках» находился под Новгородом, однако упоминание этого топонима пока еще нигде не обнаружено. З. Доленга-Ходаковский, автор огромного (3500 страниц рукописи) Историко-географического словаря, собрал «около сорока названий типа Дудичи, Дуды, Дудки. Среди них — названия селений, монастырей, ручьев и даже мельниц. Однако все они удалены от Новгорода территориально, и, может быть, отчасти поэтому запись Ходаковского на листе 328-м — «Дудутки в „Слове о полку Игореве“» осталась нерасшифрованной» (Ф. Я. Прийма. Зориан Доленга-Ходаковский и его наблюдения над «Словом о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 8, М.—Л., 1951, с. 89). Р. О. Якобсон предложил объяснить написание «съ Дудутокъ» диттографией, т. е. ошибочным повторением слога, и читать: «съду токъ», с переводом: «волком прянул он до Немиги и ток утоптал: на Немиге стелют снопы голова в голову... на току кладут жизнь, вывевают душу из тела» (Р. О. Якобсон. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. — ТОДРЛ, т. 14. М.—Л., 1958, с. 106 и 120).

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. О битве на Немиге см. выше, с. 515. В летописях и воинских повестях нередко встречается сопоставление битвы с сельскими работами, жатвой по преимуществу. Так, в «Девгениевом деянии» говорится, что Девгений «поскочи яко добрый жнец траву сечет»; в летописи: «князь же Юрьи и Ярославъ, видѣвше, аки на нивѣ класы пожинаху, побѣгоста»; в «Житии Александра Невского»: «Мужие, яко снопие въ день жатвы повержены». Ср. также вещий сон, предвещающий падение Афин в тексте так называемой «сербской» Александрии: «Александра видех

на лве яздяща во граде нашем Афинстем, по широкым улицам, видех акы клас пшеничное израстающа и макидоняне серпы аки жнуще зрелое и зеленое».

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше. Слова *людемъ судяше* М. Н. Тихомиров комментирует так: «Речь идет о каких-то нововведениях судебного порядка, которые были сделаны Всеславом во время княжения в Киеве. Всеслав «людемъ судяше»: следовательно, его нововведения в первую очередь касались «людей». Это нововведение, возможно, состояло в том, что киевский князь обещал непосредственно руководить судопроизводством, а не передавать его своим тиунам. Этого позднее и добивались восставшие киевляне в 1146 г. Они требовали от Игоря Ольговича и его брата Святослава: «Если кому из нас будет обида, то ты правь». Такова небольшая, но драгоценная черта из деятельности Всеслава в Киеве, которую сохранило нам „Слово о полку Игореве"» (М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 100).

Великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Хръсъ (Хорсъ) — один из языческих богов древних славян. Идол его, по словам летописца, был установлен в Киеве Владимиром Святославичем. В. В. Иванов и В. Н. Топоров обратили внимание, что во всех случаях, кроме одного, при упоминании Хорса в древнерусских источниках имя его следует непосредственно за именем Перуна (См.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 23). Это дает основание видеть в Хорсе одного из главных богов языческого пантеона. Высказывались предположения, что Хорс был богом солнца.

Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. В большинстве изданий принята конъектура *дръзѣ тѣлѣ* (вместо *друзѣ*, как в первом издании). Р. О. Якобсон в связи со своим пониманием образа Всеслава как образа князя-оборотня оставляет слово *друзѣ* и переводит его как «двоякий»: «Хоть и вещая душа в двояком теле (т. е. теле князя и теле волка одновременно. — *О. Т.*), но часто он люто страдал» (Р. О. Якобсон. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. — ТОДРЛ, т. 14, М.—Л., 1958, с. 109 и 120). При сохранении написания *друзѣ тѣлѣ* эту фразу можно понимать и как обобщенное, пословичное изречение: «Хотя и вещая душа в ином теле (т. е. в теле некоторых людей), но часто (тот человек) страдает от бед».

Тому вѣщеи Боянъ и пръвое припѣвку, смысленыи, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!». Слово *припѣвка* (песнь в честь кого-л.?) встречается только в «Слове», но в других древнерусских памятниках мы находим сходные образования: *припѣвание, припѣвати, припѣлъ.* Ф. И. Буслаев (Очерки народной словесности и искусства, т. 1. СПб., 1861, с. 37) приводил цитату из принадлежавшего ему списка «Моления Даниила Заточника»: «Поведаху ми, яко той суд божий надо мною, и суда де божия ни хитру уму, ни горазду не минути». Эта цитата является близкой параллелью к чтению «Слова». Некоторые комментаторы и переводчики видели в словах «птицю горазду» указание на искусного гадателя по птицам (вроде древнеримского авгура). *Суда божиа* — смерти (ср. выше: «на судъ приведе»).

О, стонати Рускои земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князеи! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ. Автор вспоминает, видимо, о могуществе Киевской Руси в «первые времена», в годы княжения Олега, Игоря, Святослава, «старого Владимира». Эта благодарная память о «первых князьях» нашла свое отражение и в летописи. Во время междоусобиц конца XI в. «кияне» поручили обратиться к Владимиру Мономаху со следующими словами: «Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоваться, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали о т ц и в а ш и и д ѣ д и в а ш и трудом великим и храбрьствомь, побарающа по Русьскѣй земли, ины земли приискываху» (Повесть временных лет под 1097 г.).

Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашутъ. Речь идет о Рюрике и Давыде Ростиславичах (см. выше, с. 508). «Слова *сего бо нынѣ* подчеркивают, что их написал автор вскоре после события, представленного в этом образе врозь развевающихся знамен: в 1185 г. Давид отказался выступить со своим войском вместе с дружинами Рюрика в общий поход против половцев. Современникам такого намека было достаточно, чтобы понять, насколько важно было напомнить о тяжелых для Русской земли последствиях княжеских распрей» (Адрианова-Перетц. Фразеология, с. 110).

Копиа поютъ! Связь этих слов с окружающим контекстом неясна. И. Снегирев предложил читать «кони пьютъ на Дунаи», сходно читали текст П. П. Вяземский, Вс. Миллер и др. Е. Барсов исправлял: *копия поятъ*, поясняя, что «напоить копье — образ очень известный для изображения кровавого боя» («„Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси», т. 2, М., 1889, с. 267). Высказывались также предположения, что имеется в виду вибрирующий звук, который издает при полете копье, и поэтому исправление *поютъ* на *пьютъ* или *поятъ* не нужно.

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ. Дунай — здесь, видимо, эпическое название реки, распространенное у славянских народов. Дунай как нарицательное наименование реки вообще встречается и в восточно-славянском фольклоре. Например:

Протекала Дунай-река ко городу ко Киеву,

или же в белорусской песне:

Через Дунай досочка
Тонка, гибка лежала,
Никто по ней ня ходзиць,
На Дунай слез не рониць.

С. П. Обнорский и Л. А. Булаховский допускали, что глагол *слышати* мог выступать в значении возвратного (т. е. *слышаться*). В подтверждение этой точки зрения Л. А. Булаховский привел примеры аналогичного употребления формы *пишетъ* вместо *пишется* (см.: Булаховский. Слово, с. 154—155).

Зегзицею незнаемь рано кычеть. Большинство исследователей полагает, что зегзицей в «Слове» названа кукушка. За это говорит прежде всего сходное наименование кукушки в древнерусских источниках: «уподоблюся зогзицы, иже едину поетъ пѣснь, того ради нена-

видима бываетъ» (Послание Даниила Заточника); «зогзуля в чюжа гнѣзда яица своя мечеть» (Мерило Праведное). В «Задонщине» (в Кирилло-Белозерском списке) также говорится о кукушке: «зогзици кокуюіь на трупы падаючи». Интересное свидетельство приводит М. А. Максимович: «птица сия (т. е. кукушка, по-украински «зозуля». — *О. Т.*)... есть верный символ сиротства и родственной печали. И в украинских песнях, где так сильно развито сие чувство, всегда зозуля прилетает тужить над неоплаканным трупом» (М. А. Максимович. Собрание сочинений, т. 3. Киев, 1880, с. 549). Но существует и другое мнение. Н. В. Шарлемань сообщает, что «на Десне между Коропом и Новгород-Северском крестьяне называют местами «гігічкой», «зігічкой», «зігзічкой» — чайку, по-русски пигалицу или чибиса... Может быть, в данном случае и автор «Слова» сравнил Ярославну с той же птицей, которая издавна на Украине была эмблемой печали, т. е. с чайкой» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 6, М.—Л., 1948, с. 115). Отождествление зегзицы с чайкой поддержал и Н. А. Мещерский, подчеркнувший, что «с точки зрения поэтического образа это значение слова *зегзица* значительно лучше мотивируется, чем общепринятое ранее (кукушка). Контекст плача Ярославны (ср. далее: «полечю... зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ». — *О. Т.*)... вызывает образ именно водяной птицы, чайки... а отнюдь не связывается с представлением об обитательнице лесов — кукушке» (Н. А. Мещерский. О территориальном приурочении «Слова о полку Игореве». — Учен. зап. Карельского пединститута, т. 3, вып. 1, 1956, Петрозаводск, с. 76).

Омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ. Комментируя эту фразу, Л. А. Дмитриев пишет: «На Руси был широко распространен бобровый мех — из него делали опушку на богатой одежде, отсюда — «бебрянъ рукавъ» «Слова». Эта фраза подтверждает правильность предположения, высказанного Н. В. Шарлеманем, что «зегзица» — это чайка: образ чайки, во время полета над водой как бы омачивающей в ней свои крылья, ближе всего к этой картине «Слова»... Может быть, весь этот образ — омочу рукав в Каяле-реке и утру князю раны — навеян автору «Слова» сказочным представлением о живой и мертвой воде. Каяла как река гибели, печали, как символ гибельного смертного места (Л. А. Дмитриев производит название реки Каялы от глагола «каяти». — *О. Т.*) могла представляться рекой, в которой течет мертвая вода, и поэтому-то хотя Ярославна и собирается лететь по Дунаю-реке, но рукав она омочит в Каяле и утрет им кровавые раны князя — именно мертвой водой залечиваются, затягиваются раны» (Л. А. Дмитриев. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве». — Слово о полку Игореве. «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1952, с. 284). Слово *бебрянъ* имеет и другое толкование. Н. А. Мещерский обнаружил в переводах «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Повести об Акире» и других памятниках XI—XII вв. слово «бобр» как эквивалент названиям драгоценной ткани. «Таким образом... в древнерусском языке существительным «бъбръ» могло обозначаться не только известное пушное животное, но и какая-то драгоценная, виссонная или тонкая полотняная ткань» (Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 14, М.—Л., 1958, с. 44).

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ. Ярославна — жена Игоря Святославича, дочь Ярослава Осмомысла. В летописях мы часто встречаем именование княгинь не только по мужу, но и по отцу. Например: «ведена Мьстиславна в Грекы за царь», «приде Володимерь ис Половець с Кончаковною», «Святослав ожени внука своего Давида Ольговича Игоревною» и т. п. (см.: Адрианова-Перетц. Фразеология, с. 59). Путивль трижды упоминается в летописном рассказе о походе Игоря: из Путивля отправился в поход сын Игоря — Владимир; половцы после захвата Римова «идоша по онои сторонѣ к Путивлю... и повоевавши волости и... села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася во свояси» (Ипатьевская летопись под 1185 г.). Итак, Путивль не был взят; видимо, он был хорошо укреплен, поэтому нет никаких препятствий, чтобы именно там находилась во время похода Игоря Ярославна. Существует, однако, и другая гипотеза. Н. В. Шарлемань предполагает, что упоминаемый в «Слове» Путивль — это не Путивль на Сейме, а пригород Новгорода-Северского, стольного города Игоря, носящий ныне название Путивск. Именно там, в «княжьем селе», и ожидала, по его мнению, возвращения мужа Ярославна (см.: Н. В. Шарлемань. Где был Путивль, упоминаемый в «Слове о полку Игореве»? — ТОДРЛ, т. 17, М.—Л., 1961, с. 327—328). *На забралѣ* — см. выше, с. 497.

О вѣтрѣ, вѣтрило! ... Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Слово *вѣтрило* встречается в древнерусских текстах исключительно в значении «парус». В «Слове», видимо, разговорное, бытовое название ветра. Образ «крыльев ветра» встречается в Псалтири и использован в одном из «слов» Кирилла Туровского: ангелы, говорится там, «облакы крилы вѣтрьними приносять».

О Днепре Словутицю! Параллель к эпитету Днепра содержит «Повесть о Сухане», единственный список которой обнаружен В. И. Малышевым. Там Сухан приезжает «ко быстру Непру Славутичю» (В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956, с. 141). В украинских думах нередко встречается сочетание «Днепр Словута». Однокоренные слова: *словутьный* — «знаменитый, славный», *слутие* — «слава», *слутьный* — «знаменитый», *слути* — «славиться», *словый, словуй* — «известный, знаменитый» находим в древнерусских текстах начиная с XI—XII вв.

Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Это обращение к Днепру нашло отражение и в «Задонщине». Причем интересно следующее: во всех списках, кроме Кирилло-Белозерского, говорится (с незначительными орфографическими вариациями): «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси каменные горы...». В Кирилло-Белозерском списке текст иной: «Доне, Доне, быстрыи Доне, прошел еси землю Половецкую, пробил еси березн харалужныя». Здесь, как и в «Слове», употреблен глагол *пробил,* причем вместо слова *река* вновь повторено название *Дон* и стало возможным согласование с той же причастной формой, что и в «Слове». Предположим следующее: в «Слове» первоначально читалось: «Ты пробил еси каменныя горы (затем следовал глагол, утраченный в известном нам списке «Слова», например — «течешь») сквозѣ землю Половецкую». В этом случае была бы устранена некоторая несообразность: Днепр

пробивает горы сквозь землю (?) — и оказалась бы еще более точной параллель со списками «Задонщины». Особенно интересно, что в Тихонравовском списке Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» находится сходное чтение: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси горы и камение, течеши сквозь Половецкую землю» (см.: Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 468).

Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание, что в «Шестодневе» находится образ-метафора солнца «тръми светы сияюще», определенным образом связанный с христианской догматикой. «Если мы сопоставим с этой сложной метафорой необычный эпитет солнца в «Слове о полку Игореве» — «тресветлое солнце», то увидим, что путь к созданию этого эпитета был открыт и астрономической концепцией «Шестоднева», и его поэтическим языком. Вряд ли можно определенно решить вопрос о том, вкладывал ли автор «Слова о полку Игореве» в этот эпитет «тресветлое» оттенок христианского догмата троичности божества, или он отразил лишь теорию «Шестоднева» о трех проявлениях света, применив ее к представлению о восточнославянском боге солнца. Мне думается, что последнее предположение вероятнее: ведь плач Ярославны построен на народно-поэтическом приеме — на обращении за помощью к обожествлявшимся когда-то стихиям природы» (В. П. Адрианова-Перетц. Об эпитете «тресветлый» в «Слове о полку Игореве». — «Русская литература», 1964, № 1, с. 87).

Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче. Исследователи отмечали, что в этих словах отразилось реальное событие — половцы не подпускали воинов Игоря к воде («изнемогли бо ся бяху безводьем». — Лаврентьевская летопись под 1186 г.). Слова «жаждею лучи съпряже... тугою... тули затче» перекликаются с описанием курян, у которых «луци... напряжени, тули отворени». Н. А. Мещерский приводит параллель к этому образу из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, где (причем лишь в древнейших списках) читается: «яко мы немощни и слаби есмы противитися римляном, яко же и лук съпряжен». «Характерно, — указывает Н. А. Мещерский, — что переписчик... вставляет от себя пояснение к словам «лук съпряжен» и пишет на полях: „или схривлян"» (Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 14, М.—Л., 1958, с. 47).

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами. Перевод этого места остается в известной степени предположительным, так как слова *прыснути* и *сморци* не зафиксированы в других текстах в значениях, которые заставляет искать контекст «Слова». Н. В. Шарлемань отмечает, что смерчи (вихри) не возникают ночью, «поэтому слово «полунощи» указывает не время, а направление прохождения смерчей (к) «полунощи», т. е. к северу». Он присоединяется к мнению А. А. Потебни и предлагает читать: «прысну море; полунощи идуть смерци мьглами». Словами «прысну море», по его мнению, автор говорит о волнении моря в тех местах, где проходят смерчи. «„Идуть сморци мьглами", — заключает Н. В. Шарлемань, — значит,

что смерчи „выходят из темных низких туч, сходных с грозовыми"» (Н. В. Шарлемань. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 8, М.—Л., 1951, с. 54—55). Л. П. Якубинский считал, что форма *сморци* является результатом, с одной стороны, цоканья (из *смьрчи*); с другой, — ошибочного «прояснения» *ъ* (в свою очередь ошибочно сменившего исконное *ь*) в *о* (см.: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, с. 322). Однако именно форма *сморци* находится в древнейшем (XIII—XIV вв.) списке Хроники Георгия Амартола: «а еже подъ землею вода оста, бездьна наречена бысть, из нея же яко сморци нѣкотории испущаються источничи». В остальных списках Хроники — *смерци* (однако, как и в «Слове», через *ц*, а не *ч*, как ожидал Л. П. Якубинский).

Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ. Об этих последних часах пребывания Игоря в плену Ипатьевская летопись сообщает так: «Не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати в день и в нощь, имъ же стороже̂вѣ стрежахуть его, но токмо и веремя таково обрѣтѣ в заходъ солнца ... Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ и поклонися образу божию ... и подоима стѣну и лѣзе вонъ». Параллели к словам «мыслию поля мѣритъ» находим в «Шестодневе»: «луны убо не мозем очима мерити, нъ мыслию», «убогии человек мерит мысльми божию силу».

Отъ великаго Дону до малаго Донца. Б. А. Рыбаков предложил следующее объяснение этого места. Игорь, согласно летописи, находился в плену «близ реки Тора, притока Донца, а прибежал он на Русь в город Донец, развалины которого — Донецкое городище — сохранились до сих пор на реке Удах, притоке Донца. Река Уды ... возможно, называлась некогда Донцом, о чем свидетельствует, во-первых, название городища — «Донецкое», а во-вторых, наличие там еще в XVI в. в среднем течении реки Уды «Донецкой поляны», известной нам по «Книге Большому Чертежу». ... Таким образом, князь Игорь Святославич, находясь в плену в половецких кочевьях по среднему течению реки Северского Донца, рассчитывал путь до русского пограничного города Донца, находившегося на реке Удах, называвшейся ранее Донцом. Этот расчет и выражен словами „Игорь мыслию поля мерит от великого Дону до малого Донца"» (Б. А. Рыбаков. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве». — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 1, с. 10).

Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою — велить князю разумѣти: князю Игорю не быть! Овлур (Лавр) — половец, с которым Игорь бежал из плена. Ипатьевская летопись сообщает: «Будущю же ему (Игорю. — *О. Т.*) в Половцехъ, тамо ся налѣзеся мужь родомъ половчинъ, именемь Лаворъ, и тотъ приимъ мысль благу, и рече: „Поиду с тобою в Русь"». Первоначально Игорь «не имяшеть ему вѣры»; тревожил князя и вопрос чести: «молвяшеть бо: „Азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда от дружины, и нынѣ неславнымъ путемь не имамъ поити"». Но сын тысяцкого и конюший, находившиеся вместе с Игорем, «нудяще его и глаголяща: „Поиди, княже, в зюмлю (так!) Рускую"». Игорь решился бежать. Ночью он послал своего конюшего к Лавру с просьбой: «Перееди на ону сторону Тора с конемь поводнымъ». Воспользовавшись тем, что половцы напились кумыса и сторожа его «играли и веселились», князь «пришедъ ко

рѣцѣ и перебредъ и всѣде на конь, и тако поидоста сквозѣ вежа». Эти события частично отражаются далее в тексте «Слова». Формулу «князю Игорю не быть!» В. И. Стеллецкий предложил понимать как «возглас Овлура, грамматически и стилистически (и ритмически) сходный с формулой «отсыла» народных заклинаний». Он подтверждает свою мысль рядом параллелей из заговоров: «Золотуха-красотуха! тебе тут не быть», «Тут вам не жити, // Тут вам не бути, // Червоноі крови не пити» и др. (см.: В. И. Стеллецкий. К изучению текста «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, 1955, т. 14, в. 2, с. 146—155).

Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкии подвизашася. Прочтение этой фразы спорно. Одни исследователи относят глагол *кликну* к имени Овлур (т. е. «кликнул Овлур»), другие читают: «кликну, стукну земля». Н. М. Дылевский в статье, посвященной анализу этого места «Слова», пишет: «Считаем, что с почти полной вероятностью можно допустить, что «кликну» относится не к Овлуру и к его условному знаку (свисту, крику), а к звукам, вызванным бегством Игоря и Овлура с той стороны реки (Тора). Словами «кликну, стукну земля; въшумѣ трава» автор передает звуки топота стремительно мчащихся по степи коней беглецов, гул вздрогнувшей от ударов конских ног земли и шум потревоженной степной травы» (Н. М. Дылевский. «Вежи ся половецкии подвизашася» в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 15, М.—Л., 1958, с. 40). Еще раньше на той же точке зрения стояли О. Огоновский и В. Н. Перетц. Объясняя наличие двух *ся* при глаголе *подвизати* («вежи ся Половецкии подвизашася»), С. П. Обнорский писал: «Конечно, в оригинале «Слова» ... читалось «ся подвизаша»; в этой форме писец дошедшего до нас списка заменил «подвизаша» через «подвизашася», не обратив внимания на то, что *ся* имелось в препозиции, так как в его языке и в общем русском языке того времени уже стабилизовались в употреблении формы возвратных глаголов с слившейся постпозитивно с ними частицею *ся*» (Обнорский. Очерки, с. 154). *Вежи подвизашася* — либо надо понимать образно — о смятении в половецком стане, когда было замечено бегство Игоря, либо конкретно — половцы выводят коней для погони, раздвигая кибитки, которыми стан их был окружен на ночь. Вернее, по-видимому, первое толкование: в Ипатьевской летописи говорится, что Игорь «пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ и всѣде на конь и тако поидоста сквозѣ вежа»; таким образом, Игорь выезжал на коне из полоцкого стана, располагавшегося на обоих берегах реки, а не из временного лагеря, который окружался на ночь плотно сдвинутыми кибитками.

И скочи съ него босымъ влъкомъ. О значении слов *босымъ влъкомъ* высказывались различные мнения. Одни комментаторы приняли поправку *босымъ* на *бусымъ,* т. е. «серым». Но едва ли следует отказываться от поисков объяснения словам «босыи волк». Во-первых, о реальности такого сочетания говорит обнаруженная в летописи фамилия Босоволков. «Босой волк» — известное доныне мифическое существо в народной сказке. А. И. Соболевский выдвинул гипотезу, что «босым волком» мог называться в древности редкий вид волка — белый волк (в летописи упоминается ценный мех белого волка). Однако странно, почему Игорь сравнивается именно с белым волком. Нет никаких оснований думать, что белый волк был и особенно

быстроногим. В. А. Гордлевский предположил, что перед нами тюркский (половецкий) тотем (см.: В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — ИОЛЯ, т. 6, вып. 4, 1947, с. 317—337). Против тотемистического характера «босого волка» выступил недавно Н. М. Дылевский. «Не естественнее ли связать «босого» волка «Слова», — пишет он, — с общеславянским (и восточнославянским) — bosyj в его исконном значении и понимать его так, как понимал А. А. Потебня, видевший в «босый» слово, имеющее в виду грубую, босую лапу хищного животного — волка?» (Дылевский. Лексические и грамматические свидетельства, с. 199).

Сглавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнию зелену древу. В «Слове» мы несколько раз встречаем исключительно редкие в древнерусской книжности «пейзажные зарисовки» (ср. также: «длъго ночь мрькнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла»; «земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ»; «ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось»; «прысну море полунощи, идутъ сморци мьглами»). Р. Поджиоле, итальянский переводчик «Слова», отмечает необычайное богатство «хроматических эффектов» памятника: «Слово», по его словам, полно ярких красок, неизвестных ни одной европейской средневековой поэме. Пейзаж «Слова» «блестит зеленым цветом травы и деревьев. Синим цветом — море, Дон и мгла, но река Сула блестит серебром...» и т. д. (цитирую по изложению статьи Р. Поджиоле в рецензии А. В. Соловьева «Новый итальянский перевод „Слова о полку Игореве“». — ТОДРЛ, т. 13, М.—Л., 1957, с. 650—651). Не являются ли отмеченные Р. Поджиоле достоинства «Слова» чем-то противоречащим его древности? В действительности дело обстоит иначе. Обращение автора «Слова» к изображению «природы» при всей его художественности подлинно средневековое. Характерно, что в «Слове», как и в других древнерусских памятниках, нет «статичного» пейзажа, мир предстает перед читателем не столько в своих признаках, сколько в действиях. Собственно говоря, в «Слове» вообще нет «пейзажа», его реконструируем мы, современные читатели. Автор «Слова» не столько говорит о том, каковы предметы, окружающие его героев, сколько о том, что происходит вокруг. В «Слове» не говорится, что ночь светла или темна, она меркнет; не описывается цвет речной воды, а как бы попутно упоминается, что «реки мутно текут», что «Сула не течет сребряными струями»; не рисуются картины серебряных берегов Донца, покрытых зеленой травой, а говорится, что Донец стелет Игорю зеленую траву на своих серебряных берегах, одевает его теплыми туманами под сенью зеленого дерева и т. д. Эпитеты в «Слове» по преимуществу постоянные: синее море, чистое поле, зеленое древо, черные тучи и др.

Стрежаше ѐ гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ. Стрежаше — «сторожил, оберегал». Это редкое слово (его, например, нет в «Материалах для словаря») тем не менее встречается в Ипатьевской летописи под 1185 г.: «сторожевѣ стрежахуть его (Игоря. — *О. Т.*)». О птицах, которые «охраняли» Игоря, Н. В. Шарлемань пишет: «Охотники и птицеводы хорошо знают, что гоголь — одна из наиболее осторожных птиц: держась на открытой

воде, он еще издали замечает человека и улетает, громко свистя крыльями. Точно так же чутки чайки... Весьма чутки и «чрьняди на ветрѣхъ». *Чернеть* (Nyroca) — сборное название нескольких видов нырковых уток (Fuligulinae)... Перечисленные птицы, по нашему пониманию, должны были предупреждать Игоря о приближении людей, когда он во время бегства отдыхал на берегу Донца» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 6, М.—Л., 1949, с. 113). Ни *чаица*, ни *чрьнядь* в других древнерусских памятниках не упоминаются (ср.: Булаховский. Слово, с. 144 и 146). Написание *е* вместо *его* объяснимо палеографически: писец либо принял за ошибочное тройное повторение слога *го* (его гоголемъ), либо пропустил этот слог, писавшийся, как правило, в рукописях XV—XVI вв. над строкой (причем *о* опускалось).

Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена к усту... Автор противопоставляет Донцу, «лелеявшему князя на волнах», Стугну, про которую идет недобрая молва («рече» следует перевести, видимо, как «говорят», см. выше, с. 471). В «Повести временных лет» под 1093 г. рассказывается: потерпев поражение от половцев, Владимир Мономах и Ростислав «прибѣгоша к рѣцѣ Стугнѣ, и вбреде Володимеръ с Ростиславомъ, нача утопати Ростиславъ пред очима Володимерима. И хотѣ похватити брата своего и мало не утопе самъ. И утопе Ростиславъ, сын Всеволожь». Далее рассказывается, как князя «искавше обрѣтоша в рѣцѣ, вземше, принесоша й Киеву, и плакася по немь мати его, и вси людьи пожалишаси по немь повелику, уности его ради». Если добавить к этому находящееся в летописи перед рассказом о гибели Ростислава упоминание, что Стугна «наводнилася вельми», то это поможет понять образ «Слова». Во фразе «пожръши чужи ручьи и стругы» речь идет не о лодках-стругах, утонувших в реке (ср. перевод: «поглотив чужие ручьи и лодьи»), а о потоках. Существование этого слова в древнерусских источниках недавно подтверждено С. И. Котковым, подчеркнувшим при этом, что употребление слова *струга* в путивльских памятниках XVI—XVII вв. «настолько обычно, что привлекает особое внимание» (С. И. Котков. Из старых южновеликорусских параллелей к лексике «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 17, М.—Л., 1961, с. 68—69). Итак, Стугна, «наводнившаяся вельми», вобрала в себя многочисленные ручьи и потоки. «Худа струя» поэтому не «бедная, скудная», как толковал это место И. И. Срезневский, а напротив — «злая, коварная»: на разлившейся реке даже знакомые броды становились опасными; а судя по летописи, князья переходили Стугну вброд. *Рострена к усту* — чтение, предложенное М. А. Максимовичем и поддержанное Н. С. Тихонравовым, В. А. Яковлевым, А. А. Потебней и др. В первом издании: «стругы ростре на кусту» (перевод: «разбивает струги у кустов»). Глагол *рострети (рострѣти)* пока встретился только в тексте «Слова», но приставочные глаголы *простръти* — «разостлать, протянуть, распространить» и *простртися* — «распространиться» позволяют предположить у глагола *рострети* значение «расширить». Слова «рострена к усту» можно понимать тогда как «разлилась у устья».

Уношу князю Ростиславу затвори днѣ при темнѣ березѣ. Чтение первого издания: *затвори Днѣпрь темнѣ березѣ* (перевод: «затворил

Днепр берега темные») спорно как в языковом, так и в смысловом отношении. Поддерживая исправление *Днѣпрь* на *днѣ при,* предложенное еще П. П. Вяземским, М. В. Щепкина пишет: «Сравнение идет между недоброй рекой Стугной и благодетельной — Донцом. Поэтому вряд ли можно ожидать в этом месте название третьей реки Днепра, — это нарушило бы художественный образ противопоставления. При этом надо принять во внимание, что обычные эпитеты берега — крутой, зеленый. Берег может быть назван темным только когда он под водой» (цит. по кн.: Слово о полку Игореве. «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1952, с. 287). В пользу чтения *днѣ при* говорят и следующие наблюдения. В Екатерининской копии имеется след ошибочного разделения на слова в сходном тексте: «Днепре Словутицю» было первоначально прочитано как «дне пресловутицю». В плаче Ярославны слово *Днепръ* написано через *е* (как во многих рукописях XV—XVII вв., см., например, в «Задонщине»: Непръ, Днебръ, Днепръ), странно и написание *ь* в конце слова *Днѣпрь.* Исходя из перевода первого издания следовало бы ожидать *темны берегы* (но впрочем: *Немизѣ кровави брезѣ* также ошибочно вместо *брези*). Поэтому некоторые издатели относили слова *темнѣ березѣ* к следующей фразе («на темном берегу плачется мать Ростислава. . .»). Предлагаемая конъектура грамматически обоснована: *затвори днѣ* — предлож. пад. без предлога, распространенный в древнерусских памятниках старшей поры (см.: В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 443—444). Что же касается слов *князю Ростиславу,* то их написание следует признать ошибочным, как считал, например, Л. А. Булаховский (Слово, с. 132), под влиянием предшествующего слова *уношу* (следует: уношу князя Ростислава).

Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозие ползоша только. В первом издании читалось: *полозию ползоша,* в Екатерининской копии: *по лозию ползаша* (судя по переводу: «двигались ... по сучьям», написание *полозию* следует считать опечаткой вместо *по лозию*). Н. В. Шарлемань, предложивший конъектуру *полозие,* видит здесь упоминание полоза — крупной змеи. «Полозы, несмотря на свои крупные размеры ... быстро и бесшумно скользят среди степной травы. Автор «Слова» с большим знанием природы использовал эту особенность полозов, чтобы подчеркнуть тишину в степи во время бегства Игоря: все животные молчали и, не нарушая тишины, „полозие ползоша только"» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 6, М.—Л., 1948, с. 121—122). Но эта конъектура встречает и возражения. Л. А. Дмитриев отмечает, что «образ ползающих змей ... нарушает поэтическую цельность всей картины, в которой дается изображение поведения только птиц» (Л. А. Дмитриев. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве». — Слово о полку Игореве. «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1952, с. 287). В. И. Стеллецкий, принимая конъектуру *полозие,* тем не менее считает, что речь идет о поползнях, птицах, которые «действительно ползают по деревьям ... В лесах они производят очень сильный стук своим клювом. Принадлежат они к группе настоящих певчих, и указание, что «полозие ползоша только», т. е. не стучали и не свистели, хорошо сочетается с указанием, что „галици помлъкоша, сорокы не троскоташа"» (Стеллецкий. При-

мечания, с. 207). Однако гипотезы Н. В. Шарлеманя и В. И. Стеллецкого не могут быть подтверждены филологически, так как слово *полозие* в других древнерусских памятниках не зафиксировано.

Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ. Н. В. Шарлемань объясняет это место «Слова» так: «В степи деревья растут только в балках — долинах речек. Издали не видно речки, запрятавшейся в ложбине, не видно и деревьев, растущих по ее берегам, однако издали слышен стук, издаваемый дятлами. Понимая значение этого признака присутствия деревьев, а следовательно и реки, Игорь во время бегства из плена легко находил путь к воде, к зарослям, в которых можно укрыться» (Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. 6, М.—Л., 1948, с. 115).

Млъвитъ Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, — соколича ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ». Соколич, о котором говорит Гзак, — Владимир Игоревич. Как полагают, о браке сына Игоря и дочери Кончака родители договорились еще в 1180 г., когда между ханом и князем существовали дружеские отношения и они выступали как союзники в междоусобной войне. Предостережение Гзы осуществилось: через год после пленения, в 1187 г., по сообщению Ипатьевской летописи, «приде Володимерь ис Половѣць с Коньчаковною, и створи свадбу Игорь сынови своему и вѣнча его и с дѣтятемь».

Рекъ Боянъ и Ходына. В первом издании: *и ходы на.* Было предложено множество исправлений этого темного места. В данном издании принята конъектура И. Снегирева. См. выше, с. 468.

Дѣвици поютъ на Дунаи. Здесь, видимо, имеется в виду реальный Дунай, а не эпическая река (см. выше, с. 519), так как голоса доносятся до Киева «чрезъ море». На Дунае в XII в. было немало русских поселений.

Игорь ѣдетъ по Боричеву. Боричев взвоз (подъем) был в древнем Киеве самым кратчайшим путем из Подола в верхний город. Согласно летописи, Игорь, вернувшись из плена в свой стольный Новгород-Северский, отправился сначала в Чернигов, к Ярославу, «помощи прося на Посемье», только после этого Игорь «ѣха ко Киеву к великому князю Святославу».

Къ святѣи Богородици Пирогощеи. Д. Н. Альшиц так комментирует это место «Слова». В XII в. из Царьграда в Киев одновременно, в «„едином корабле“ были привезены две иконы богородицы: одна, написанная, по преданию, евангелистом Лукой, — будущая Владимирская, и другая, Пирогорящая — будущая Неопалимая купина. Последняя была помещена в церкви, заложенной Мстиславом в 1131 г. Трудное и неясное народу словосочетание «Пирогорящая купина» (Пирогорящая, по мнению Д. Н. Альшица, — результат слияния греческого слова «пир» (Πῦρ) — «огонь» и русского слова «горящая», с соединительным звуком *о* посередине. Пирогорящая, таким образом, означает «огнемгорящая») было усвоено народным говором в форме «Пирогощая». Именем богородицы Пирогощей называлась и

церковь, где находилась икона. В этой распространенной форме название «Пирогоща» попало в летописи. ... Общепринятым названием церкви пользуется и автор «Слова о полку Игореве», посылающий своего героя к „святѣи Богородици Пирогощеи“» (Д. Н. Альшиц. Что означает «Пирогощая» русских летописей и Слова о полку Игореве. — Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 481).

Страны ради, гради весели. Интересно отметить, что Ипатьевская летопись также подчеркивает радость, с которой всюду встречали вернувшегося из плена Игоря: «иде во свои Новъгородъ, и обрадовашася ему. Из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову ... Ярослав же обрадовася ему ... и радъ бысть ему Святославъ, так же и Рюрикъ сватъ его».

Здрави, князи и дружина. Приветствие это встречается в древнерусских памятниках, начиная с XI в.: «Здравъ буди, отьць Акире!» (Повесть об Акире); «Сдравъ буди, цесарю Селевкию!» (Пчела) и др.

Княземъ слава а дружинѣ. Союз *а* выступает здесь в соединительном значении: «Слава князьям и дружине!». Некоторые комментаторы, однако, полагали, что опущено какое-то слово, например *честь,* которое могло относиться к дружине.

Аминь. Этим словом (древнееврейским по происхождению со значением «да будет так», «истинно») заканчивались обычно церковные, реже светские тексты. Возможно, слово *аминь* не принадлежало тексту памятника, а было добавлено переписчиком.

II

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

1. Л. К. Ильинский. Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века. Пгр., 1920. Издание утерянного в настоящее время списка этого перевода из собрания Белосельских-Белозерских. Печ. по кн.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., изд-во АН СССР, 1960, с. 335—351. Издание списка перевода из ГПБ (F. XV. 50), с учетом чтений списка из рукописного собрания Ленинградского Отделения Института истории АН СССР (архив Воронцова, оп. 2, № 87) и списка, опубликованного Л. К. Ильинским.

2. Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., изд-во АН СССР, 1950, с. 328—399. Публикация (Д. С. Бабкиным) писарской авторизованной копии перевода (Гос. Публичная библиотека АН УССР, 1, 5711) с учетом чтений автографа (ИРЛИ АН СССР, ф. 122, № 69—70).

3. Н. М. Карамзин. «История государства Российского», т. 3. СПб., 1816, с. 214—218 (глава 7 — Поэзия).

4. «Слово о полку Игореве», перевод Александра Сергеевича Пушкина, с предисловием Е. В. Барсова. — Чтения в Обществе исто-

рии и древностей российских, 1882, кн. 2, стр. 1—16. Издание писарской копии, снятой с находившегося в бумагах А. С. Пушкина списка перевода В. А. Жуковского, в котором имелись поправки и заметки, сделанные и Жуковским и Пушкиным. Издатель текста Е. В. Барсов ошибочно определил этот перевод как перевод А. С. Пушкина. Точное воспроизведение пушкинского списка перевода Жуковского со всеми пометами и поправками: «Рукою Пушкина». М.—Л., «Academia», 1935, с. 127—145. Отчет Публичной Библиотеки за 1884 г. СПб., 1887. Приложения. Бумаги В. А. Жуковского. Разобраны и описаны Иваном Бычковым, с. 182—199 (издание автографа перевода В. А. Жуковского, ГПБ, ф. 286, оп. $220^{а}$, № 27). Печ. по автографу. В пушкинском списке имеются разночтения с автографом. Они полностью приведены в кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., изд-во АН СССР (серия «Литературные памятники»), 1950, с. 373—374. Автограф отражает различные этапы работы над переводом: имеются многочисленные зачеркивания, исправления и изменения чернилами и карандашом, сделанные одной рукой — В. А. Жуковского. Есть несколько авторских примечаний в переводе. Около строки «Печальную повесть о битвах Игоря» написано: «Спр. у Кар.» (т. е. спросить или справиться у Карамзина). Около строки «И сами они славу князьям рокотали» в скобках к слову «рокотали» поставлено: «звучали». После этой строки, разрывая текст перевода, написано: «Сие место изображает великое дарование Бояна, о коем мы не имеем никакого понятия: он был богат вымыслами, не следовал одним простым былям, но украшал их воображением. Оно показывает любовь наших предков к песням и дает думать, что мы имели своих бардов, прославл<явших> героев, и что сии песни, петые пред войсками или в собраниях, пелись по очереди, и здесь означается, в чем состоял этот жребий. Боян же не входил в жребий, а струны его сами знали и пели. Какая похвала!» В строке «Кают Игоря-князя» после слова «кают» в скобках стоит «корят». Около строки «Они без щитов с кинжалами засапожными» в скобках написано: «с ножами, с копьями засапожными». Около строки «Вы же рекли: Мы одни постоим за себя» в скобках стоит: «мы себя сами. . .» (одно слово неразборчиво). Около строки «Стрелять живыми самострелами» в скобках приписано: «шереширами».

5. Песнь об ополчении Игоря, сына Святослава, внука Олегова. Переложение М. Деларю. Одесса, 1839.

6. Альм. «Заря». 1870, январь, с. 81—146. Печ. по изд.: А. Н. Майков. Полное собрание сочинений, 6-е изд., исправленное и дополненное автором, т. 2, СПб., 1893, с. 507—534.

7. «Россия и славянство». Париж, 1930, 14 июня. В журнальной публикации переводу предпослано посвящение: «Мой трудный и легкий, смиренный и дерзостный, давно задуманный, сладостный мой труд — стихом наших дней пропетое «Слово о полку Игореве» — с признательностью за тонкое соучастие, — посвящаю профессору Николаю Карловичу Кульману. К. Бальмонт». В предпоследней строфе перевода, в строках:

«Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол улетает,
Мы застрелим соколенка золочеными стрелами».
Говорит Кончак ко Гзаку: «Если сокол улетает...»

допущена ошибка. В тексте «Слова» читаем сначала «млъвитъ Гзакъ Кончакови», а затем — «рече Кончакъ ко Гзѣ». Располагая только журнальной публикацией перевода К. Бальмонта (фотокопия), оставляем текст без изменения.

8. «Слово о полку Игореве». М.—Л., «Academia», 1934, с. 89—111; «Слово» ПП и П, с. 193—219. Для настоящего издания текст подготовлен автором.

9. «Слово о полку Игореве». М.—Л., «Academia», 1934, с. 117—156; «Слово» ПП и П, с. 178—192. Для настоящего издания текст подготовлен автором.

10. «Красная новь», 1938, № 3, с. 107—152. Печ. по изд.: «Слово» ПП и П, с. 87—119.

11. «Героическая поэзия древней Руси». Л., Гослитиздат, 1944, с. 32—55; Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., изд-во АН СССР, 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 182—199. Для настоящего издания текст подготовлен автором.

12. «Октябрь», 1946, № 10—11, с. 84—100. Печ. по изд.: «Слово» ПП и П, с. 120—143.

13. «Ленинградский альманах», 1957, июнь, с. 360—365 (отрывок); «Слово» ПП и П, с. 220—241. Для настоящего издания текст подготовлен автором.

14. «Литературная Россия», 1963, № 50, 13 декабря, с. 16—19. Для настоящего издания текст подготовлен автором.

15. Отрывки из перевода с пояснительными примечаниями — «Слово» ПП и П, с. 271—276; 363—364. Полностью печ. впервые.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

16. Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Русскыя земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века. СПб., 1892. Издание списка из библиотеки Псковско-Печерского монастыря (в настоящее время в Гос. архиве Псковской области в гор. Пскове, ф. 449, № 60); В. И. Малышев. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге). — ТОДРЛ, т. 5. М.—Л., 1947, с. 185—193. Издание второго списка «Слова о погибели» (в настоящее время — в Рукописном собрании ИРЛИ АН СССР — р. IV, оп. 24, № 26); Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли».

М.—Л., «Наука», 1965, с. 154—157. Издание текстов двух списков и текста по двум спискам. Печ. текст с учетом чтений обоих списков.

От чехов до ятвягов. Ятвяги — литовское племя. *От корелы до Устюга, где живут тоймичи поганые, и за Дышащим морем.* Устюг — город Великий Устюг в низовьях Сухоны, притока Северной Двины, тоймичи поганые — языческое племя, жившее по берегам Верхней и Нижней Тоймы — притоков Северной Двины; Дышущее море — Белое море и Северный ледовитый океан. *От моря до болгар* — т. е. до волжских болгар, обитавших в районе впадения Камы в Волгу. *От болгар до буртасов, от буртасов до черемисов.* Буртасы — мордовское племя, черемисы — марийцы. *Великому князю Всеволоду.* Всеволод Юрьевич Большое Гнездо — великий князь Владимирский, сын князя Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха. *Веды* — одно из племен мордвы. *Бортничали на великого князя Владимира* — т. е. платили ему дань медом. *Царь Мануил Царьградский* — византийский император Мануил Комнин (1140—1180). Упоминание его как современника Владимира Мономаха — анахронизм. *От великого Ярослава и до Владимира* — от Ярослава Мудрого до Владимира Мономаха. *И до нынешнего Ярослава.* Нынешний Ярослав — отец Александра Невского Ярослав Всеволодович. *И до брата его Юрия, князя Владимирского.* Юрий Всеволодович в 1212—1216 и 1218—1238 гг. был великим князем Владимирским.

17. Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. 14. М., 1852, отд. II, с. I—XIV, 1—8. Публикация списка из собрания Ундольского (ГБЛ, собр. Ундольского, № 632); С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, с. 119—128. Реконструкция текста по четырем спискам (*К-Б, У, С, Ж*); В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина» (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 223—232. Реконструкция текста по шести спискам (*К-Б, У, С, Ж, И-1 и И-2*). См. подстрочное примеч. на с. 363.

«Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и брате его Владимире Андреевиче», или «Задонщина», дошло до нас в шести списках. Самый ранний список — из бывшего собрания Кирилло-Белозерского монастыря (*К-Б*) 1470-х годов, в настоящее время хранится в ГПБ (собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086). Следующий по времени список — конца XV — начала XVI в. (*И-2*), в настоящее время хранится в ГИМ (собр. Музейское № 3045). Третий список (*И-1*) — конца XVI — начала XVII в., в настоящее время — также в ГИМ (собр. Музейское № 2060). Два списка — XVII в. Один из них — Синодальный (*С*) из бывшего Синодального собрания, в настоящее время находится в ГИМ (собр. Синодальное № 790). Второй — из бывшего собрания Ундольского (*У*), в настоящее время находится в Рукописном отделе ГБЛ (собр. Ундольского № 632). Последний, шестой список из бывшего собрания Жданова (*Ж*) — XVII в. В настоящее время находится в БАН (1.4.1). Все шесть списков «Задонщины» представляют текст одной редакции памятника, но разные изводы этой редакции: один извод — списки *К-Б* и *С*, другой извод — все остальные. Список *К-Б* — сокращенная переработка извода Син, список *С* — поздний, сильно искаженный и в окончании сильно переработанный список извода Син. Список *У* из-

вода Унд — поздний список, чем объясняется целый ряд поздних чтений в этом списке, некоторые поновления и добавления в тексте. Но это самый полный список извода Унд. Список *И-1* в ряде случаев дает более ранние чтения, чем список *У*, но в нем текст сохранился не в полном объеме — нет самого начала памятника. Список *И-2* — отрывок; в нем нет ни начала, ни конца текста в значительном объеме. Список *Ж* — текст только вступления к «Задонщине», да и то не в полном объеме и со значительными искажениями. Все списки «Слова о великом князе Дмитрии Ивановиче и брате его Владимире Андреевиче» в ряде случаев дают явно искаженные чтения первоначального текста, при этом сравнительный анализ всех списков показывает, что искажения и изменения первоначального текста имелись уже в том протографе, к которому восходят все дошедшие до нас списки, а частично появились в дошедших списках. Текст в каждом отдельном списке имеет такое количество искажений и дефектов, что издавать этот памятник только по одному, какому-либо из дошедших, списку нецелесообразно. В настоящем издании путем сравнительного анализа всех списков реконструируется не возможный вид авторского текста «Задонщины», а предполагаемый текст того протографа, к которому восходят все реально дошедшие до нас тексты. В основу издания положен список *У*. Изменения, исправления и добавления в этот текст вносились только на основании чтений других списков по следующим принципам: а) По другим спискам восстанавливаются и изменяются все чтения, которые ближе «Слову о полку Игореве», как более близкие к оригиналу. б) Меняются поздние чтения списка *У* на основании сличений их с другими списками, в том случае если более ранние чтения в других списках совпадают по разным изводам. в) Восстанавливаются некоторые чтения, сохранившиеся в одном из списков, которые могли быть опущены или изменены в остальных списках независимо друг от друга. Критерием в данном случае служат общие тенденции «Задонщины» и литературные особенности этого произведения. Из «Задонщины» делались вставки в «Сказание о Мамаевом побоище», как в первоначальный текст этого произведения, так и в последующие его редакции. Вставки эти делались из списков «Задонщины», более близких к оригиналу, чем дошедшие до нас. При внесении изменений в текст, взятый за основной, учитываются, когда для этого имеется материал, чтения вставок из «Задонщины» в текстах «Сказания о Мамаевом побоище». Ко всем без исключения случаям изменений в основном тексте *(У)* в подстрочном аппарате приводятся обоснования этих изменений по данным всех списков, где имеется соответствующее место. В подготовке текста «Слова о великом князе Дмитрии Ивановиче и брате его Владимире Андреевиче» для настоящего издания принимала участие Р. П. Дмитриева. Последнюю научную публикацию текста «Задонщины» по всем спискам и исследование текстологии «Задонщины» см. в книге «Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла» (М.—Л., «Наука», 1966).

Дмитрий Иванович — великий князь Владимирский и Московский. За победу на Куликовом поле был прозван Донским. *Владимир Андреевич* Храбрый — двоюродный брат Дмитрия Ивановича, князь Серпуховский и Боровский. *Мамай* — золотоордынский военачальник (темник), фактический властитель Золотой Орды в 70—80-х

годах XIV в. *Микула Васильевич* — московский воевода, сын тысяцкого Василия Вельяминова. *В землю Залесскую* — т. е. во Владимиро-Суздальскую Русь. *Удел сына Ноева Афета.* По библейской легенде, при разделе земли после потопа одному сыну Ноя, Иафету (Афету), достались северные и западные страны, другому, Симу, — восточные, третьему, Хаму, — южные. *Хинове* — см. комментарии к «Слову о полку Игореве», с. 502. *На реке на Каяле.* Каяла упоминается ошибочно (под влиянием «Слова о полку Игореве») вместо Калки, реки, на которой в действительности в 1223 г. русские потерпели поражение от татар (ср. далее — «от Калкской битвы»). *А ведь лучше нам, братья, начать рассказывать по-иному о славных этих нынешних повестях, о походе...* Это место перекликается с зачином «Слова о полку Игореве». См. комментарии к «Слову», с. 467. *А правнуки они святого великого князя Владимира Киевского.* Князья называются правнуками, т. е. потомками, Владимира Святославича, киевского князя с 980 по 1015 г. При нем Русь приняла христианство, за что Владимир был позднее объявлен святым. *Боян* — древнерусский поэт, упоминаемый в «Слове о полку Игореве». См. комментарии к «Слову», с. 468. *Я же помяну рязанца Софония.* Рязанцу Софонию приписывалось создание «Задонщины». Слова «Я же помяну ... князя Владимира Киевского» принадлежат, видимо, переписчику текста. Следующие далее слова (в древнерусском тексте) оказались здесь ошибочно и поэтому опущены в переводе. *У храма Святой Софии.* У Софийского собора в Новгороде собиралось вече. *У реки Мечи, между Чуровым и Михайловым.* Реки Меча (ныне — Красивая Меча) и Непрядва — правые притоки Дона. Куликово поле, на котором происходила битва, ограничено с севера Непрядвой, с востока — Доном, с юга — Мечой. В том же районе находилось и урочище Чур-Михайлово. *И двум братьям Ольгердовичам земли Литовской — Андрею и Дмитрию.* Ольгердовичи — сыновья великого князя Литовского Ольгерда, перешедшие (Андрей в 1377 г., Дмитрий — в 1379 г.) на службу к Дмитрию Ивановичу. *Дмитрий Волынский* (Дмитрий Боброк) — литовец, перешедший на службу к Дмитрию Ивановичу; во время Куликовской битвы был воеводой. *Сыновья Ольгердовы, внуки Гедиминовы, а правнуки Сколомендовы.* Ольгерд — великий князь Литовский, Гедимин — один из основателей Литовского княжества, Сколоменд, как полагают — Скирмунт (Скирмонт) — легендарный родоначальник Ольгердовичей. *Сулица* — метательное копье. *Байдана* — кольчуга. *У речки Непрядвы* — см. выше. *Русская земля, ты теперь как за царем Соломоном побывала!* Это неясное чтение, по-видимому, возникло под влиянием рефрена «Слова о полку Игореве»: «О Русская земля! Уже за шеломянем еси!» *Железные ворота* — видимо, теснина на Дунае. *Ворнавичи* — искаженное географическое название или этническое наименование. *Кафа* (современная Феодосия) — город в Крыму, в XIV в. — генуэзская колония. *Тырново* — столица Болгарского царства с 1186 по 1393 г. *Пересвета-чернеца.* Александр Пересвет (до пострижения — брянский боярин), монах Троице-Сергиева монастыря. Согласно некоторым источникам, поединком Пересвета и татарского богатыря началась Куликовская битва. *На судное место.* Имеется в виду поле битвы, как место «божьего суда», смертного поединка. *Ослябя-чернец* (до пострижения боярин из Любутска) — монах Троице-Сергиева мона-

стыря (поэтому он и называет Пересвета братом), участник Куликовской битвы. *Яков* — сын Осляби, был убит на Куликовом поле. *Донеслись к нам с быстрого Дона полонянные вести.* Это место в различных списках читается по-разному: «полонянные вести», т. е. вести о пленении, и «поломянные» — как можно предположить, вести о близких (от слова «племя»). Существует объяснение, что «поломянные» значит «пламенные, жгучие». *А Диво уже кличет под саблями татарскими, а русские богатыри изранены.* Образ этот является реминисценцией «Слова о полку Игореве». См. комментарии к «Слову», с. 506. *Не потакай крамольникам!* О каких крамольниках здесь идет речь — неясно. *Тут вам не ваши московские сладкие меды и великие места.* Имеются в виду «места», т. е. положение в служебной иерархии Московской Руси XV века. *Уже стал тур в обороне.* Неудачное подражание тексту «Слова». См. комментарии к «Слову», с. 488. *И отскочил поганый Мамай... и прибежал к Кафе-городу.* Фактически Мамай бежал в Кафу позднее, после поражения в битве с татарским ханом Тохтамышем, и был убит генуэзцами («фрягами»). *Ведь побила тебя орда Залесская.* Имеется в виду Северо-Восточная Русь.

18. Федор Глинка. Письма к другу, содержащие в себе: Замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования «Зинобей Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия». СПб., 1816, с. 6.

19. «Сын отечества», 1818, ч. 45, № XVII, с. 186—187, под названием «Романс». Печ. по сб.: «Подарок русскому солдату». СПб., 1818, с. 91.

20. «Новости литературы», 1823, № 46, с. 94.

21. «Дамский журнал», 1825, № 23, с. 180—182.

22. Аскольдова могила. Повесть времен Владимира Первого. Сочинение М. Загоскина. М., 1833, ч. 1, с. 70—71.

23. «Вестник Европы», восьмой год, т. 5, 1873, кн. 9, с. 64—66.

24. «Труд», 1895, т. 26, № 5, с. 389—390, под заглавием «В южных степях». Печ. по изд.: И. А. Бунин. Собрание сочинений в 9-ти томах, т. 1. М., 1965, с. 90—91.

25. КН, 1898, № 1, с. 47. Печ. по кн.: К. Случевский. Песни из Уголка. СПб., 1902, с. 70.

26. КН, 1898, № 11, с. 27. Печ. по изд.: Владимир Соловьев. Стихотворения, 6-е изд. М., 1915, с. 187—188.

27. Валерий Брюсов. Семь цветов радуги. Стихи 1912—1915 года. М., 1916, с. 192 (цикл «Голубой», раздел «В ваших чертогах»).

28. Георгий Адамович. Чистилище. Стихи, кн. 2. Пгр., 1922, с. 65.

29. Максимилиан Волошин. Иверни (избранные стихотворения). М., 1918, с. 36.

30. Александр Ширяевец. Волжские песни. Стихотворения. М., 1928, с. 125—126.

31. Слово о плъку Игоревѣ. Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов XIX-го и XX-го вв. Л., 1938, с. 289—308.

32. «Литературная газета», 1938, № 29, 24 мая, с. 2. Печ. по изд.: «Слово» ПП и П, с. 261—262.

33—35. Александр Прокофьев. Собрание стихотворений в 2-х томах, т. 1. М.—Л., 1961, с. 319—323.

36. «Новый мир», 1939, № 3, с. 73. Печ. по кн.: Вера Звягинцева. По русским дорогам. Стихи. М., 1946, с. 34—36.

37. Виссарион Саянов. Слово о Мамаевом побоище. Л., 1939, с. 126—130.

38. «Огонек», 1943, № 46—47, с. 12. Печ. по кн.: Людмила Татьяничева. Лирика. Свердловск, 1946, с. 3—4.

39. Павел Антокольский. Избранные сочинения в 2-х томах, т. 1. М., 1956, с. 235—241.

40. Николай Рыленков. Рябиновый свет. М., 1962, с. 167.

41—47. Виктор Соснора. Январский ливень. М.—Л., 1962, с. 85—98.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Стр. 45.* Екатерининская копия древнерусского текста «Слова о полку Игореве» (ЦГАДА, ф. 10, № 336, л. 27).

2, 3, 5, 6. *Между стр. 48 и 49, 80 и 81.* Миниатюры из Радзивиловской летописи, иллюстрирующие летописный рассказ о походе Игоря на половцев (БАН, 34. 5. 30., лл. 232 об. и 233).

4. *Стр. 73.* Титульный лист первого издания «Слова о полку Игореве».

7. *Стр. 97.* Перевод «Слова о полку Игореве» XVIII века (Список ГПБ).

8. *Между стр. 336 и 337.* «Ангел „Златые власы“». Икона конца XII в. (Государственный Русский музей, Ленинград).

9. *На обороте.* «Спас Нерукотворный». Икона конца XII в. из Успенского собора Московского Кремля. «Нерукотворный Спас» обычно изображался на русских воинских знаменах.

10. *Стр. 361.* «Слово о погибели Рускыя земли» (Список Псково-Печерского монастыря. Гос. архив Псковской области, ф. 449, № 60, л. 245 об.).

11. *Между стр. 368 и 369.* Послесловие писца Диомида к Псковскому «Апостолу» 1307 года с заимствованиями из «Слова о полку Игореве» (ГИМ, Синодальное собрание, № 45).

12. *Стр. 379.* «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевиче» («Задонщина») (Синодальный список, ГИМ, Синодальное собрание, № 790, л. 36 об.).

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1967, 540 стр.
Тем. план вып. 1967, № 392

Редактор *Г. М. Цурикова*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 6/II 1967 г. Подписано в печать 1/VI 1967 г. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$, № 1. Печ. л. $16^7/_8 + 4$ вкл. (28,77). Уч.-изд. л. 28,34. Тираж 25 000 экз. Зак. № 429. Цена 1 р. 37 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3

1 р. 37 к.